П. П. ТОЛОЧКО

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ XII–XIII ВЕКОВ

ПАМЯТИ
УЧИТЕЛЯ,
ПРОФЕССОРА
ВАСИЛИЯ
ИОСИФОВИЧА
ДОВЖЕНКА

КИЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ

П. П. ТОЛОЧКО

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ XII–XIII ВЕКОВ

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1980

В монографии освещены вопросы экономического и политического развития Киева и других основных центров Киевской земли периода феодальной раздробленности Древнерусского государства. Значительное внимание уделено проблемам политической истории и этническому развитию Древней Руси — колыбели русского, украинского и белорусского народов. Исследование исторического развития Киева и Киевской земли XII—XIII вв., осуществленное на широком древнерусском фоне, позволило не только яснее представить характер процессов, обусловивших расчленение Руси на отдельные княжества, но и обратить внимание на прогрессивные тенденции к восстановлению ее единства. Для археологов, историков, преподавателей, студентов.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. Ф. КОТЛЯР

РЕЦЕНЗЕНТЫ
Ю. С. АСЕЕВ,
С. А. ВЫСОЦКИЙ,
А. Г. КУЗЬМИН

МАКЕТ, ОФОРМЛЕНИЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕКОНСТРУКЦИЙ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Л. И. АНДРИЕВСКОГО,
В. А. БУЙНОВСКОГО

СУПЕРОБЛОЖКА И ПЕРЕПЛЕТ ВЫПОЛНЕНЫ ПО МОТИВАМ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СЕРЕБРЯНОМ БРАСЛЕТЕ ИЗ КИЕВСКОГО КЛАДА 1903 г.

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, АРХЕОЛОГИИ И ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ

Т $\frac{10604-033}{M221(04)-80}$ 40.80.0505010000

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА», 1980

„У нас... сознание
национального единства
всегда имело решительный
перевес над провинциальными
стремлениями. Удельная
разрозненность не оставила
никаких следов
в понятиях народа
потому, что никогда
не имела корней
в его сердце...“

Н. Г. Чернышевский

Предисловие

Интерес отечественной историографии к отдельным древнерусским землям — давний и постоянный. Уже в XIX — начале XX в. вышел в свет целый ряд работ, в которых были предприняты попытки регионального рассмотрения вопросов исторического развития Древней Руси IX—XIII вв. Их авторы — П. В. Голубовский, Д. И. Багалей, М. В. Довнар-Запольский, В. Г. Ляскоронский, М. П. Дашкевич, А. М. Андрияшев, В. Е. Данилевич — создали для своего времени значительные работы, подытожившие разрозненные исследования, и собрали все известные тогда источники по истории Галицкой, Волынской, Киевской, Черниговской, Переяславльской, Смоленской, Полоцкой и других земель Руси.

В настоящее время эти монографии если и не совсем утратили свое значение, то во многом устарели. Со времени их выхода появилось большое количество новых источников, причем не только письменных, но и археологических, без привлечения которых невозможно полноценное исследование в любой отрасли древнерусской истории. Неприемлемыми, естественно, оказались и многие выводы названных историков, особенно в области государственного и этнического развития Руси.

Низким был и методологический уровень этих работ. Исследователи ограничивались, как правило, выяснением второстепенных вопросов в жизни отдельных древнерусских княжеств — уточнением границ, атрибуцией конкретных населенных пунктов, историей правящей княжеской династии. Вопросы социально-экономического развития земель, характера освоения и включения их в государственную территорию, соотношения местных особенностей и общедревнерусских закономерностей исторического процесса, по существу, не поднимались. В тех случаях, когда ученые выходили за пределы историко-географической схемы исследования в понимании буржуазной историографии, выводы их страдали существенными недостатками.

Методологически эти региональные исследования были очень близки к построениям Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, А. Е. Преснякова, М. С. Грушевского и других историков, отстаивавших концепцию прогрессирующего политического, экономического и культурного упадка Руси от времен Ярослава Мудрого или Мономаха до монголо-татарского нашествия. В них проводилась та же идея распада Древней Руси на ничем не связанные между собой княжества, в жизни которых преобладали центробежные тенденции. Исходя из этого, исследователи придавали исключительное значение местным особенностям — языковым, культурным, экономическим, географическим — в истории той или иной земли, упуская из виду общие закономерности, характеризовавшие историческое развитие древнерусского народа и его страны в целом.

Следует отметить, что сторонники теории распада Древней Руси на независимые княжества и политического упадка Киева в XII—XIII вв. оказались в трудном положении. Говоря о полном расколе Руси и потере Киевом значения столицы, они, во-первых, должны были указать время этого распада, а во-вторых (и это главное), дать определение той политической системе, которая пришла на смену единой Киевской Руси. Почти у каждого историка на этот счет имелось свое особое

мнение. Поэтому мы встречаем даты, по существу, случайные (1026, 1054, 1068, 1097, 1132, 1157, 1169 гг.). Приурочивая к ним распад Руси, историки, как правило, исходили из представления, что до этих рубежей Древнерусское государство представляло собой чистую монархию с неограниченной властью киевских князей. При таком подходе к проблеме реально было начинать период распада этой монархии от правления любого великого князя, который, по мнению исследователей, был слабее своего предшественника. Отсюда и предостережение, что с появлением личности сильной (подобной Мономаху, Мстиславу, Всеволоду или Святославу Всеволодовичу) процесс распада замедляется, а единство Руси во главе с Киевом временно восстанавливается.

Разделив историю Древней Руси на три периода — киевский, владимирский, московский,— буржуазные историки не видели, что это звенья единого и неразрывного исторического процесса. Они забывали, что торжеству Москвы и Северо-Восточной Руси, как справедливо отмечает И. Б. Греков, предшествовал длительный период борьбы ряда центров русской земли, в том числе и западнорусских земель, за восстановление былого единства[1]. Сосредоточив главное внимание на истории сложных взаимоотношений многочисленных представителей правящего княжеского рода, буржуазные исследователи полагали, что удельная система, при которой на Руси будто бы господствовал хаос и неразбериха, были прямым следствием отсутствия единой народности, а механически созданное целое из совокупности племен не могло долго держаться.

Сказанное прежде всего относится к монографии Грушевского «Очерк истории Киевской земли», в которой он, находясь в плену собственной буржуазно-националистической концепции об украинской этнической основе Южной Руси, пришел к ошибочным выводам (углубленным затем в последующих работах) об особом пути развития Киевской земли домонгольского и особенно послемонгольского периода. Исходя из националистических взглядов на извечную «відрубність» культуры украинского народа, Грушевский решительно поддержал идею распада государственного единства Древней Руси не только для XII—XIII вв., но и для второй половины XI в. и даже времени Ярослава Мудрого.

Несостоятельный тезис об отсутствии государственного, а главное, этнического единства Древней Руси на протяжении всей ее домонгольской истории, проповедуемый в свое время Грушевским и другими буржуазными (русскими и украинскими) историками, в наше время получил особое распространение в эмигрантской историографии. Согласно П. Струве, на Руси существовало много земель-государств, но Русская земля не была государством. Князья, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляли его в порядке анархии. Украинские буржуазно-националистические историки на Западе (Д. Чижевский, В. Щербаковский, М. Чубатый и др.), оставаясь в вопросе об этнической основе Древней Руси на позициях Грушевского и его школы, также утверждали, что единая древнерусская народность никогда не существовала, а «главной нацией» Киевской Руси были «древние украинцы». Факты, противоречащие этим измышлениям, буржуазно-националистическая историография, находящаяся на службе у самых реакционных кругов Запада, или фальсифицирует, или же просто замалчивает[2]. Источников, которые бы подтвердили существование украинского народа в X—XIII вв., буржуазно-националистические историки не приводят: их нет, как не было еще в это время ни украинцев, ни русских, ни белорусов.

Эти и другие положения буржуазной историографии были подвергнуты тщательной и основательной критике в обобщающих трудах Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, В. И. Довженка и других советских историков, создавших новую концепцию истории Древнерусского государства, основанную на диалек-

---

[1] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 8.

[2] *Котляр М. Ф.* Історичне минуле українського народу і зарубіжні фальсифікатори. К., 1974; *Котляр М. Ф.* Чого вони шукають у сивій давнині.— У кн.: Про справжнє обличчя українського буржуазного націоналізму. К., 1974.

тическом материализме. Однако это не значит, что в своих новых исследованиях советские историки могут ограничиться лишь ссылкой на уже проделанную работу в области критики взглядов Грушевского и его буржуазно-националистических эпигонов на Западе. Попытки наших идейных врагов при помощи фальсификации истории Древней Руси противопоставить восточнославянские народы друг другу должны получать достойную отповедь.

Буржуазно-националистические концепции этнической истории восточных славян основываются на заведомо ложных посылках, а поэтому научно несостоятельны. Экономическая, политическая и культурная общность русских, украинцев и белорусов имеет глубокие исторические корни. Она берет свое начало с Киевской Руси, с единой древнерусской народности — общей этнической основы трех братских народов. На эту общность указывал еще В. И. Ленин, подчеркивая родство «...народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»[3].

В советское время истории ряда земель-княжеств — Галицко-Волынского, Рязанского, Новгородского, Полоцкого, Туровского — посвящены специальные монографические исследования, выполненные историками и археологами В. Т. Пашуто, А. Л. Монгайтом, В. Л. Яниным, Л. В. Алексеевым, П. Ф. Лысенко.[4] В них на основании письменных и археологических источников раскрыты особенности социально-экономического развития земель, показаны их территориальный рост и внутреннее дробление.

Важная и трудная задача — на основании тщательного и всестороннего изучения отдельных частей воссоздать широкую и полную картину развития Древней Руси в целом — осложнялась отсутствием специального исследования, посвященного истории Киева и Киевской земли. И если материальная культура древнего Киева показана во многих специальных работах, в том числе капитальной двухтомной монографии М. К. Каргера[5], то вопросы социально-экономической и политической жизни нашли отражение лишь в обобщающих трудах по истории Древней Руси. Настоящей работой автор надеется хоть в какой-то мере восполнить этот пробел.

Монография посвящена исследованию важной и во многих аспектах дискуссионной проблемы древнерусской истории — проблемы социально-экономического и политического развития Киева и Киевской земли эпохи феодальной раздробленности. Раскрытию главной темы подчинены и частные задачи исследования. Среди них: экономическое положение Киева и Киевской земли, общественно-политические отношения в Киеве, историко-географическая картина жизни Киевской земли и ее политический статус в системе древнерусских княжеств, место и роль Киева в истории Древней Руси XII—XIII вв.

Значительное внимание в работе уделено вопросам политической истории Руси XII—XIII вв., без изучения которой невозможно понять многое в истории Киева и Киевской земли. Важное место занимает проблема древнерусской народности — общей этнической основы русского, украинского и белорусского народов. Показаны также губительные последствия монголо-татарского нашествия в жизни Киева и Киевской земли.

Методологической основой исследования этих важных исторических вопросов является учение основоположников марксизма о феодальной системе, о своеобразии развития феодальных городов, классовых противоречиях в городе и деревне, об особенностях феодального государственного строя и этнического развития в средние века[6].

Проблема государственного развития Руси XII—XIII вв. решается в работе в соответствии с выработанной советской исторической наукой концепцией социально-экономического и политического развития Древней Руси периода феодальной раздробленности. Одной из характерных особенностей этого

---

[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 32, с. 342.

[4] *Пашуто В. П.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1963; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974.

этапа было усиление центробежных тенденций, приведших к появлению на политической карте Руси около 15 относительно независимых княжеств. Вместе с тем приходилось учитывать и то, что в жизни русских княжеств XII—XIII вв. имели место и центростремительные тенденции. Новая стадия развития феодализма на Руси характеризовалась не только укреплением иммунитетных прав, но и достаточно разветвленной, часто не укладывавшейся в границы княжеств системой вассально-иерархических отношений.

Отсутствие четкой юридической определенности в поземельных отношениях — «основе всего феодального порядка» — между многочисленными представителями древнерусского княжеского рода, являлось главной причиной усобиц и политической нестабильности на Руси. Удельные князья, стремившиеся к обладанию лучшим столом (землей), постоянно находились в оппозиции к великому киевскому князю (или князьям), вели борьбу друг с другом. Этот междукняжеский круговорот, с одной стороны, свидетельствовал об усилившихся тенденциях политической раздробленности, с другой — являлся своеобразным выражением общедревнерусского государственного единства.

Ф. Энгельс, исследуя сложные вассально-ленные отношения в средневековых странах Западной Европы, видел в них основную причину «той длившейся столетия переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевской власти как к центру, который один был в состоянии защитить их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения»[7]. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к политической ситуации на Руси, причем не только XII—XIII вв., но и более раннего времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить историю ранних взаимоотношений Киева с Полоцком, Новгородом, Черниговом. Известно, что в годы великого княжения Ярослава Мудрого длительное время независимое положение сохраняла Чернигово-Сиверская земля; сам Ярослав, занимая новгородский стол, отказал в повиновении киевскому князю Владимиру.

Киев, а в период феодальной раздробленности и другие крупнейшие центры Руси — Чернигов, Владимир-на-Клязьме, Галич — стремились не к утверждению единодержавия, для существования которого не было условий, а к федерации зависимых княжеств, основанной на принципах старейшинства, вассально-иерархических и даннических отношений. В условиях общности происхождения всех представителей правящего княжеского рода, когда каждый князь считал себя достойным возглавить борьбу за общерусское старейшинство, такая форма государства представляется единственно возможной. В рамках федеративного устройства находит объяснение и коллективная форма правления, возобладавшая в XII—XIII вв., но родившаяся еще на раннефеодальном этапе истории Древнерусского государства.

Таким образом, исследование исторического развития Киева и Киевской земли XII—XIII вв. на широком общедревнерусском фоне позволило автору не только полнее представить характер процессов, обусловивших расчленение Руси на отдельные княжества, но и обратить внимание на существование тенденций к восстановлению ее единства, выявить источники, питавшие эти прогрессивные тенденции.

Видимо, не все поставленные в настоящем исследовании вопросы освещены одинаково полно и обстоятельно, хотя автор и стремился к этому. Некоторые выводы имеют дискуссионный характер, что неизбежно в исследовании столь сложной эпохи, каким был второй этап исторического развития Древней Руси. В ряде случаев ощущается недостаточность или неразработанность источников, особенно археологических.

Древний Киев X—XIII вв. Диорама. Автор-исполнитель А. В. Казанский, консультанты — П. П. Толочко, Ю. С. Асеев.

Город показан со стороны Щековицы. На переднем плане — Подол, Замковая гора, Копырев конец Верхнего города, на втором — Город Владимира, Город Ярослава, район Михайловского Златоверхого монастыря. В основу реконструкции положены материалы архитектурно-археологического изучения памятников монументальной и жилой архитектуры древнего Киева.

Для воссоздания планировочной структуры города использованы планы Киева XVII—XIX вв., в том числе план 1695 г., который наиболее полно отразил традиции древнерусской планировки.

---

[5] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958; т. 2. М.—Л., 1961.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 22—24, 49—64; т. 19, с. 337; т. 21, с. 410.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 411.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКИ

Историография

Вопросы социально-экономического и политического развития Киева и Киевской земли периода феодальной раздробленности, несмотря на отсутствие специальных исследований, все же не обойдены в нашей историографии. Они ставились и в той или иной степени практически решались в каждой обобщающей работе по истории Древней Руси. Решения, однако, чаще всего вытекали не столько из анализа событий и явлений, происходивших в жизни Киева и Киевской земли XII — первой половины XIII в., сколько из того, как понимал тот или иной историк период феодальной раздробленности (удельный, по терминологии дореволюционной историографии) в целом.

Понимали же его историки по-разному. Одни считали, что этот большой период являлся временем окончательного распада Киевской Руси на самостоятельные княжества и республики, потери Киевом значения столичного центра, регресса экономической и культурной жизни Среднего Поднепровья. Другие рассматривали его как заключительный этап в развитии Древнерусского государства.

Научная полемика, начавшаяся еще в дворянско-буржуазной историографии, не могла решить двух коренных вопросов древнерусской истории XII—XIII вв.: первый — какие причины вызвали распад Руси на княжества, и второй — на чем держалось единство древнерусских земель.

Схема исторического развития Древней Руси в историографии конца XVIII — первой половины XIX в. выглядела просто. Вначале Русь была единым государством, что обеспечивалось единством княжеского рода, который сообща и в согласии владел страной. Положение каждого князя в государстве определялось его местом в роде. Позже, в XII—XIII вв., принцип старшинства был нарушен, что и привело к нескончаемым междуусобицам, которые велись не за земли, а за саму идею. Из-за этого, считал Н. М. Карамзин,— уже после Ярослава Мудрого Русь теряет свою силу.

«Древняя Русь погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области... Государство, шагнув в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет»[1].

Поворотным пунктом в истории Руси Карамзин считал взятие Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского, который после этого стал истинным великим князем, а город Владимир, новый и еще бедный по сравнению с древней столицей, занял ее место. Киев навсегда утратил право называться столицею отечества[2].

Подкупающие своей внешней логичностью и блеском выводы дворянского историка тем не менее полны противоречий. Ведь если Боголюбский стал истинным великим князем, а Владимир занял место Киева, то о каком разрушении государства может идти речь. История знает немало примеров, когда столица государства переносилась в другой город, но

---

[1] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Спб., 1892, т. 2, с. 45.
[2] Там же, с. 208.
[3] Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. 4. М., 1850, с. 328—330.

государство от этого не распадалось. В этом случае Карамзин не должен был говорить о слабости Древнерусского государства.

Погодин отмечал славянский обычай сообща владеть землей, а главную причину княжеских усобиц видел в выделении некоторых волостей, которое началось еще на заре древнерусской истории. «В установленных для XII—XIII вв. пределах,— писал историк,— земли-волости существовали уже в середине XI в.; к этому времени они уже территориально сложились, причем совпадали с землями, которые занимали племена»[3]. Следовательно, период XII—XIII вв. в политическую структуру Древнерусского государства, согласно Погодину, не внес ничего нового, чего бы не знала русская история предшествующего времени.

К сходным выводам пришел еще целый ряд историков, а также исследователи древнерусского права второй половины XIX — начала XX в.

М. В. Довнар-Запольский считал, что после смерти Ярослава Мудрого Русь делится на почти самостоятельные независимые княжества или уделы, но удельно-вечевой строй Древнерусского государства существовал и до Ярослава[4].

С. Ф. Платонов в вопросе о политическом устройстве Руси XII—XIII вв. пытался примирить все теории и мнения. Он признавал, что на Руси господствовал родовой порядок наследования столов как идеальная законная норма, но рядом с ним существовали и условия, подрывавшие его. Возражая представителям федеративной теории, он в то же время приходит к весьма близким им выводам. «Точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Политическая связь киевского общества была слабее всех других связей и это было одною из самых важных причин падения Киевской Руси»[5]. На вопрос, когда же раскололась Русь? — четкого ответа Платонов не дал. Считая, что это могло произойти еще в XI в., он тем не менее период древнерусской истории до 1169 г. называет киевским[6].

А. Е. Пресняков, отмечая в XII в. борьбу «отчины» и «старшинства», пришел к неожиданному выводу, что наша древность вообще не знала единого государства; она имела дело со многими небольшими государствами, существовавшими одновременно. Русь нельзя подвести ни под понятие единого государства, ни под понятие федерации, ни даже под понятие суммы суверенных государств[7].

Следует, однако, отметить, что выводы Преснякова, так четко сформулированные в начале работы, по мере изложения конкретных исторических событий XII—XIII вв. претерпевают значительные изменения. Он, например, считал, что завещание Мстислава Великого брату Ярополку имело в виду утверждение за одной из линий Мономаховичей как исключительных прав на владение Киевом, Переяславлем и Новгородом, так и связанных с киевским столом старшинства в земле русской, руководящей роли во всей системе русских земель-княжений[8]. Говоря об усобицах послемономаховского времени, Пресняков подчеркивает, что традиция единства государства, доведенная Мономахом до такого напряжения, что возможной казалась ее победа, не исчезла, а продолжала жить на протяжении всего XII в. Даже на закате силы и значения Киевщины сказалась живучесть традиций киевского старейшинства. Княжения Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Святослава Всеволодовича еще окрашены в старые киевские цвета, хоть и сильно полинялые[9].

Правда, тут же Пресняков, говоря о периоде княжения Юрия Долгорукого, называет его тем историческим моментом, когда исход борьбы различных течений древнерусской земли вполне определился в смысле окончательного упадка, цент-

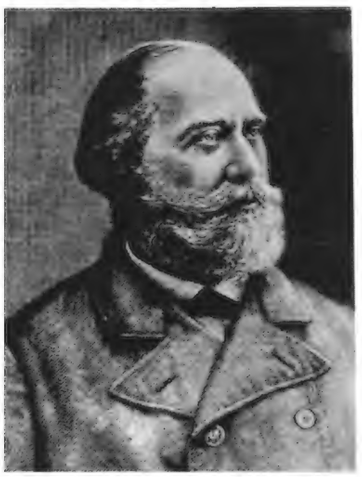
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

«Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества..., город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место».

Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 3. Спб, 1818, с. 316.

---

[4] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII века. К., 1891, с. 81.
[5] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Спб., 1901, с. 77.
[6] Там же, с. 75.
[7] *Пресняков А. Е.* Княжеское право в Древней Руси. Спб., с. 63—68, 254.
[8] Там же, с. 81.
[9] Там же, с. 84, 106.



СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

«Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный град отцов и дедов и после отдал его младшему брату, а сам остался на севере — во Владимире-на-Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным..., с которого начинался на Руси новый порядок вещей».

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959, с. 529.

рализовавшего и объединившего эту жизнь влияния Киева[10]. Подобная противоречивость характерна почти для всех историков, выступавших с обоснованием положения о государственном распаде Руси.

Грушевский, оценивая историю Киевской Руси с буржуазно-националистических позиций, хотя и признавал, что в XII в. князья боролись за великокняжеский киевский стол, явно стоял на позициях тех историков, которые утверждали идею распада Руси на отдельные, независимые друг от друга земли. Процесс государственного разложения, согласно ему, был таким же длительным, как и процесс строительства, и охватил он почти два столетия. В отличие от большинства исследователей, Грушевский даже времена Ярослава Мудрого включил в период распада Киевского государства. Княжением Мстислава Великого заканчивалась первая стадия в процессе этого разложения, когда традиции единства и концентрации еще боролись с распадом, иногда — успешно. После этого начался период полного ослабления и упадка Киева как политического центра, а новые силы и влияния образуются уже на другой почве, группируются возле новых центров. Переломным моментом в существовании Киевской Руси он считал 1169 г., год взятия Киева войсками союзников Андрея Боголюбского, а финалом — монголо-татарское нашествие[11].

Едва ли не первым историком, который выступил против теории уделов, будто бы постоянно разделявших Русь, был С. М. Соловьев. В предисловии к первой книге «Истории России с древнейших времен» он писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделять его из общей связи событий и подчинять внешнему влиянию — вот обязанность историков в настоящее время»[12].

К сожалению, сам С. М. Соловьев единство Древней Руси представлял слишком однопланово. Оно сводилось им, по существу, к единству княжеского рода, в общем владении которого находилась вся Русь. Такое положение, по мнению историка, сохранялось вплоть до XIII в., хотя попытки изменить его имели место уже в годы княжения Андрея Боголюбского и Всеволода.

Новый исторический метод Соловьева и созданная им стройная родовая теория оказали огромное влияние на русскую историографию второй половины XIX в. Оно ощущалось в трудах даже тех ученых, которые чувствовали некоторую ограниченность построений историка и пытались дополнить их понятиями общинного быта и вотчины.

В начале 70-х годов XIX в. появилась теория федеративного устройства Руси, в основе которой также была идея единства древнерусских земель.

Н. И. Костомаров рассматривал Русь XII—XIII вв. как федерацию княжеств, основанную на общности происхождения, единстве языка, быта и веры, единстве княжеского рода[13]. В числе важнейших начал, поддерживающих единство Руси, он называл также борьбу с внешними врагами и единство правовых норм[14].

«Коренной зачин русского государственного строя,— писал Костомаров,— шел двумя путями: с одной стороны, к сложению всей русской земли в единодержавное тело, а с другой,— к образованию в нем политических обществ, которые, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собой связи и единства, выражаемого их совокупностью... Русь стремилась к федерации, и федерация была формою, в которую она начала облекаться. Татарское завоевание сделало крутой поворот в ее государственной жизни»[15]. При этом Н. И. Костомаров отмечал, что федеративное государственное устройство Руси не представляет в истории чего-то исключительного, свойственного только славянскому племени, оно встречается как у древних, так и новых народов[16].

---

[10] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 105.
[11] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси, т. 2. Львів, 1905, с. 1—2, 126—128.
[12] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959, с. 55.

Позднее аналогичную мысль высказывал также А. Е. Пресняков, но, развивая ее, он пришел к прямо противоположным (Костомарову) выводам: «Все, что мы наблюдаем в Древней Руси, знакомо истории других народов, славянских и германских... Всюду видим, как понятие наследства, обычноправовое понятие семейного быта, примененное к княжескому владению, ведет к распаду молодой государственности, еще не успевшей создать новые формы и отношения»[17].

Идею единства Руси XII—XIII вв. решительно поддерживал в конце XIX в. один из крупнейших русских историков В. О. Ключевский. Он пришел к выводу, что в основе единства Русской земли, кроме родового, лежал фактор экономического развития страны. Во всей истории Киевской Руси он видел борьбу двух начал, ведших, с одной стороны, к политическому дроблению Руси, с другой,— к сохранению ее единства. Круговорот княжеских войн втягивал в свою орбиту местную жизнь, местные интересы земель-княжеств, не давая им слишком отделиться. Население русских княжеств все чаще приучалось думать о Киеве, где сидел старший князь Русской земли, откуда начинались все добрые княжеские походы в степь на поганых, где жил высший пастырь русской церкви, митрополит всея Руси. Таким образом, руководителем местной жизни служил Киев, источник права, богатства, знания и искусства для всей тогдашней Руси[18].

На вопрос, что представляла собой Русская земля в XII в., была ли она единым, цельным государством, с единой верховной властью, носительницей политического единства страны, В. О. Ключевский давал утвердительный ответ: «На Руси была тогда единая верховная власть, только не единоличная... Весь княжеский род стал элементом единства Руси»[19].

Считая Русь XII в. федерацией, построенной на факте родства правителей, историк не разделял мнения о совершенном обособлении друг от друга земель. В ней (Руси.— *П. Т.*) действовали связи, соединявшие земли в одно целое; но были они не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные[20].

Лишь с начала XIII в. Киев и Киевщина, по мнению В. О. Ключевского, уступают свое место Суздальщине и ее столице Владимиру. Политический центр тяжести перемещается с берегов Среднего Днепра на берега Клязьмы, что он связывал с отливом русских сил из Среднего Поднепровья в область Верхней Волги. Но завершился этот процесс только после того, как Русь была расчленена Литвой и татарами[21]. «Киев, основной узел княжеских и народных отношений, политических, экономических и церковных интересов Русской земли, поднимаясь после татарского разгрома, увидел себя пограничным степным городком чужого государства»[22].

Спор о политическом строе Древней Руси, а также о месте и роли Киева в XII—XIII вв. продолжается и в наше время. М. Н. Покровский отмечал федеративный, или республиканский, характер древнерусского государственного строя на самых ранних ступенях его развития. Ничего иного, по его мнению, при данной экономической обстановке не могло и быть[23]. Будучи историком-марксистом, М. Н. Покровский решительно выступил против В. О. Ключевского и других историков либерального толка, считавших, что на Руси развивалось не феодальное государство, как во Франции, Англии или Германии, а совершенно особый тип надклассовой власти, объединивший все общество без различия классов на основе обороны страны от внешнего врага[24]. Русь была типичным феодальным государством, политическая структура которого,

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ

«Киев, уже к концу этого (XII—П. Т.) века утративший значение общеземского центра, окончательно падает после татарского нашествия».

Ключевский В. О. Соч. Курс русской истории, ч. 1. М., 1956, с. 337.

---

[13] *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования, т. 1. Спб., 1872, с. 21.
[14] Там же, с. 39, 44.
[15] Там же, с. 3, 49.
[16] Там же, с. 3.
[17] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 33—34.
[18] *Ключевский В. О.* Соч. Курс русской истории, ч. 1. М., 1956, с. 198—199.
[19] Там же, с. 199—200.
[20] Там же, с. 201—202.
[21] Там же, с. 332—335.
[22] Там же, с. 336.
[23] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен, т. 1. М., 1933, с. 73.
[24] Там же, с. 256.

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ГРЕКОВ

«Города по Среднему Поднепровью с перемещением торговых путей стали глохнуть. Ярче всего это обстоятельство сказалось на большом торговом городе Киеве. Лишенный старого своего экономического значения, он в то же время терял и значение политическое».

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 506–507.

согласно М. Н. Покровскому, на протяжении X–XIII вв. не претерпела сколько-нибудь кардинальных изменений. Борьба Владимира и Ярополка или Ярослава с братьями не менее заслуживает названия «княжеских усобиц», нежели распри Изяслава Мстиславича с Ольговичами. Правда, в XII в. в связи с потерей значения торгового пути из «варяг в греки» слабеют города, страна экономически оскудевает. Это и приводит ее к падению[25].

Недавно аналогичную мысль высказал Д. С. Лихачев, по которому усобицы русских князей начались сразу же после смерти Владимира Святославича и продолжались вплоть до монголо-татарского нашествия[26].

Б. Д. Греков считал расчленение древнерусского государства результатом роста отдельных его составных частей, каждая из которых стала проводить свою собственную политику. Прекращение поступления дани Киеву, а также перемещение торговых путей привели к тому, что стали глохнуть города по Среднему Днепру[27]. Это экономическое «запустение», по мнению Б. Д. Грекова, губительно отразилось и на политическом положении Киева. Уже во второй половине XII в. процесс укрепления и обособления новых политических центров, с одной стороны, и ослабление Киева, с другой, пошел настолько далеко, что он окончательно не только перестал быть стольным городом большого, хотя и непрочного государства, но и оказался не на первом месте среди городов других княжеств. Лишь в глазах народа всей Руси Киев по-прежнему занимал центральное место как символ недавнего величия Древнерусского государства[28].

Интересные мысли о его политической и культурно-исторической роли изложил Б. Д. Греков и в публичной лекции, прочитанной 19 ноября 1943 г. в Москве. В ней говорится, что «Киев XI–XIII вв.— подлинный и признанный центр русского государства, объединившего все восточное славянство и многие неславянские народы», что «в основе культур Руси периода феодальной раздробленности неизменно лежала культура Киева»[29]. Подчеркивая идейную направленность «Повести временных лет», Б. Д. Греков отмечал, «что в Галиче ли Прикарпатском или Великом Новгороде, Владимире-Волынском или Клязьминском, в далекой ли Тмутаракани,— одним словом, везде, где только жили русские люди, они по этой книге («Повести временных лет».— *П. Т.*) учились познавать свое национальное и культурное единство»[30]. Большой заслугой Киева, по мнению Б. Д. Грекова, было также и то, что в нем создавались законы всей страны, единый литературный язык, общественное мнение[31].

С. В. Юшков, говоря о распаде Киевского государства с 1054 г., не считал возможным прямо и непосредственно связывать этот процесс с экономическим и военно-политическим упадком Киева: «Распад на ряд отдельных земель Киевской Руси, находившейся под властью великого князя,— писал ученый,— есть по сути дела закономерный результат дальнейшего процесса феодализации. По мере того, как осваивался и рос княжеский домен, князь все сильнее и сильнее связывался с ним. С другой стороны, все сильнее и сильнее связывались со своими селами княжеские дружинники, превращаясь в местных феодалов. Упадок же самого Киева, Киевской и других южнорусских земель не может быть объяснен только фактом распада Киевского государства. Этому упадку во многом способствовала перемена торговых путей и утрата Византией своего мирового торгового значения»[32].

В числе других причин, губительно сказавшихся на существовании единой Киевской Руси, С. В. Юшков называл княжеские усобицы, а также постоянный нажим на границы Руси половецких орд, вследствие чего произошел отлив населения из Киевской и других южнорусских земель[33]. Распад Киевского государства, начавшийся со смертью Ярослава Мудрого, согласно С. В. Юшкову, продолжался вплоть до 1169 г., когда Андрей Боголюбский взял и разграбил Киев. «Взятие Киева войсками князя Андрея, несомненно, является

---

[25] *Покровский М. Н.* Указ. соч., с. 98–100.
[26] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVIII вв. Л., 1973, с. 55.
[27] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 506.

очень важным моментом в истории русского государства. Нежелание Андрея остаться в Киеве и перенос столицы во Владимир означали, что Киевское государство прекратило свое существование»[34].

М. Н. Тихомиров понимал период феодальной раздробленности как определенный этап в развитии феодальных отношений на Руси. Их рост привел к распаду Киевского государства и образованию ряда отдельных княжеств. Однако и в период феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киевская Русь продолжала быть крупнейшей международной силой на востоке Европы[35]. Фактом большого исторического значения называл историк «наличие общности территории и языка древнерусской народности, притом не только в период существования древнерусского государства, но и в период феодальной раздробленности XII—XIII вв.»[36]

Взгляды М. Н. Тихомирова на положение Киева периода феодальной раздробленности отличаются некоторой противоречивостью. С одной стороны, древняя столица Руси представлялась историку богатейшим городом средневековья с большим ремесленным и торговым населением[37], с другой — центром, значение которого вследствие неоднократных разрушений стало падать уже к концу XII в.[38]

В 60-х годах вышли в свет фундаментальные исследования Б. А. Рыбакова[39], в которых на основании тщательного анализа письменных и археологических источников предпринята попытка периодизации истории Древней Руси, а также создана новая и оригинальная концепция периода феодальной раздробленности. Уже после смерти Мстислава (1132), по мнению Б. А. Рыбакова, Киевская Русь раскололась навсегда на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полутора десятками древних племенных союзов. Власть киевского князя безвозвратно отошла в прошлое, а прежнее, плохо соблюдавшееся династическое старшинство, уступило место новым формам вассальных отношений. Новая политическая форма, как утверждает ученый, полностью соответствовала высокому уровню производительных сил и этим обеспечила небывалый расцвет культуры русских княжеств XII—XIII вв.

1132—1237—1241 гг., как считает Б. А. Рыбаков, лучше назвать периодом не феодальной раздробленности, а зрелого феодализма, кристаллизации самостоятельных княжеств-королевств, который характеризуется потребностью наладить нормальное производство на феодальных началах в деревне и городе. Огромные масштабы Киевской Руси для этого были не нужны.

Б. А. Рыбаков не разделяет мнения историков, утверждающих, что Среднее Поднепровье переживало экономический упадок: «Киевское княжество было одним из богатейших и цветущих княжеств Древней Руси. Киев и в конце XII в. представлял собой большой культурный центр, где строились новые здания, писались литературные произведения... Киев не управлял больше русскими землями, но сохранял величественность «порфироносной вдовы»[40].

В книге «Слово о полку Игореве» и его современники» Б. А. Рыбаков значительно углубил и развил тему — Русь в эпоху феодальной раздробленности. Сквозь призму биографий крупнейших политических деятелей XII в. он показал

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ

«В середине XII в. создаются условия для возникновения в Киеве устройства, близкого к новгородскому. Последовательное разорение города и общее падение в нем ремесла и торговли были причинами того, что в Киеве опять усилилась княжеская власть, что шло одновременно с захирением экономической и политической жизни Киева».

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 200.

---

[28] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 507.
[29] *Греков Б. Д.* Политическая и культурно-историческая роль Киева. Стеногр. лекций. М., 1944, с. 12—23.
[30] Там же, с. 23.
[31] Там же, с. 17.
[32] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 140.
[33] Там же, с. 191.
[34] Там же, с. 143.
[35] *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 28.
[36] Там же, с. 15.
[37] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 293.
[38] Там же, с. 200.
[39] *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века.— Вопр. истории, 1962, № 4; *Рыбаков Б. А.* Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Обособление русских княжеств в XII — начале XIII вв.— В кн.: История СССР, т. 1. М., 1966.
[40] *Рыбаков Б. А.* История СССР, т. 1. М., 1966, с. 578.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РЫБАКОВ

«Киев в XII в. представлял собой большой культурный центр, где строились новые здания, писались литературные произведения, создавался замечательный летописный свод 1199 г. Киев не управлял больше русскими землями, но сохранил величественность «порфироносной вдовы».

Рыбаков Б. А. История СССР, т. 1, с. 578.

всю многосложность реальной исторической обстановки на Руси, раскрыл не только глубокие закономерности политического дробления русских земель, но и отметил элементы их единства. Согласно Б. А. Рыбакову, элементом, связывающим часть с целым — Южную Русь (Киевская, Чернигово-Сиверская, Переяславская земли) — со всей совокупностью русских феодальных государств, была борьба с общим врагом — половцами. Кроме этого, Южную Русь, находившуюся на особом положении, прочно связывали с остальной Русью великие киевские князья-соправители, за спинами которых постоянно стояли Смоленское княжество или богатая Волынь, Чернигово-Сиверские или Владимиро-Суздальские земли. И еще одно: все русские князья XII в. считали древнее ядро государства — Южную Русь — своей общей династической собственностью, и каждый из них стремился получить свою долю в общем наследии. Долевое участие во владении Южной Русью было вызвано также и возросшими потребностями обороны[41].

Феодальные рубежи княжеств не могли скрыть от Б. А. Рыбакова тех общих закономерностей, которыми характеризовалось развитие древнерусских земель. В русской жизни XII—XIII вв., по его мнению, уже хорошо заметны такие явления, как создание крупных экономических областей, преодоление замкнутости феодального натурального хозяйства, установление связей города с деревней[42].

Исследование исторических процессов на Руси периода феодальной раздробленности во всей их диалектической многосложности неизбежно приводило историков не только к определению социально-экономических условий существования центробежных сил, но и к выявлению тенденций единства древнерусских земель.

Д. С. Лихачев отмечал, что, несмотря на экономическую и политическую раздробленность Руси и рост областных различий, в XII—XIII вв. развивалась и самобытная единая основа русской культуры. Различия были, в основном, поверхностны, а единство опиралось на глубокие основы творчества трудовых масс населения. Рост народного начала в русской культуре, по мнению исследователя, является серьезным противовесом ее дробления. Едиными были не только местные вкусы и местные условия, русский язык и фольклор, труд ремесленников во всех уголках Руси, но и идеология трудовых классов. Быстрое движение вперед культуры Руси приходит во все большее противоречие с ее политической раздробленностью. Образование национальных культур каждого из братских народов (русского, украинского и белорусского), как считает Д. С. Лихачев, в гораздо большей степени обязано процессам объединительным, чем разъединительным, и эти объединительные процессы захватили собой уже XII и XIII вв.[43]

А. Н. Насонов предостерегал от формального понимания отношений в период феодальной раздробленности Киевского государства. Наряду с тенденциями к обособлению, факторами, разъединяющими Русь, существовали тенденции к объединению. Не следует преувеличивать «непрочность Киев-

---

[41] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971, с. 158—162.
[42] *Рыбаков Б. А.* Русь в эпоху «Слова о полку Игореве»..., с. 582.
[43] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» (историко-литературный очерк).— В кн.: Слово о полку Игореве. М.— Л., 1950, с. 235—239.
[44] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 26—27.
[45] Там же, с. 222.
[46] Там же, с. 27.
[47] Там же, с. 220.
[48] *Довженок В. И.* Про древньоруську державність в період феодальної роздрібленості.— Археологія, т. 10. К., 1954, с. 28—30; *Довженок В. И.* Київ — центр Русі в період феодальної роздрібленості.— УІЖ, 1959, № 6.
[49] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 7.
[50] Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 11.
[51] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965, с. 76.
[52] *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства.— Там же, с. 82.
[53] *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 189—190.

ского государства» при Ярославе; равным образом не следует внешне формально понимать отношения, когда мы говорим о начавшемся раздроблении Киевской «державы» при Ярославичах. Не только при Ярославичах, но и в начале XII в., считал ученый, южнорусские княжества сохраняли известное господство над другими феодальными полугосударствами. И позже, когда в течение XII в. они стали самостоятельными, это не исключало некоторых элементов государственного единства и стремления к единству[44]. Одновременно с ростом и укреплением удельных центров, подрывавших власть Киева, формировалась и единая государственная территория Древней Руси, хотя и разделенная на отдельные части границами княжеств и земель[45].

Одним из серьезных доказательств, свидетельствующих, согласно А. Н. Насонову, в пользу приведенных выше соображений, есть «Повесть временных лет» с ее широким географическим и историческим горизонтом, ее учением о единой восточнославянской стране и народности[46]. Древнерусское феодальное государство состояло из отдельных «полугосударств» и не могло быть централизованным. Такое государство создалось позже, в иных социально-экономических и политических условиях и в борьбе с татарами[47].

В 1957 и 1959 гг. с работами, посвященными проблеме государственного устройства Руси XII—XIII вв. и роли Киева этого времени, выступил В. И. Довженок. Отметив, что феодальные княжества не являлись чем-то новым для Руси XII—XIII вв., а возникали с образованием Киевского государства и были его структурными единицами, он решительно возразил против противопоставления единой Руси IX—XI вв. княжествам периода феодальной раздробленности. Последние не были устойчивы ни в политическом, ни в территориальном отношении, а поэтому и не могли заменить собой единое государство. Оно держалось, как считал В. И. Довженок, на оживленных экономических связях разных районов Руси, единстве материальной и духовной культуры, языка и веры, сознании необходимости борьбы с внешним врагом и общности законодательства. Столицей Древнерусского государства являлся Киев, который до самого монголо-татарского нашествия был крупнейшим политическим, ремесленно-торговым, культурным и экономическим центром[48].

Подобные выводы все чаще встречаются в исторических исследованиях последнего времени. В предисловии к книге, вышедшей под редакцией В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина, говорится, что Древнерусское государство, политическая система которого была основана на вассалитете подвластной знати и разных форм данничества народов, просуществовало, видоизменяя свою форму, до 30-х годов XIII в. Это государство ослабляли феодальные распри. Растущие классовые противоречия и движения подвластных народов подрывали его. Оно пало под ударами монгольской орды[49].

В. В. Мавродин и М. Б. Свердлов, обосновывая правомерность названия монографии, посвященной советской историографии Киевской Руси, пишут: «Термин «Киевская Русь» взят как условное обозначение Древнерусского государства вначале с реальной столицей Киевом, а в период феодальной раздробленности — с Киевом как символом исторического и общерусского единства»[50].

Тщательно исследовав основные институты государственной власти Руси (собор, совет, снем, вече, ряд), а также различные формы вассалитета и княжеский суд, В. Т. Пашуто пришел к выводу, что после триумвирата Ярославичей и после Мономаха на Руси сохранялась общерусская форма правления, при которой киевский стол стал объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей[51]. Признание общерусского строя власти, по его мнению, открывает возможность создать, наконец, связную картину ее средневековой политической истории[52]. Для В. Т. Пашуто, что очень хорошо видно из его последующих работ, период феодальной раздробленности Руси — это лишь один из этапов (второй) ее государственной истории. На первом этапе (до XII в.) складывалось политическое единство Руси и устанавливались ее государственные границы, на втором (до середины XIII в.) — происходило упрочение феодального общественного строя, вырабатывался полицентрический статус власти над номинальной столицей Киевом и Русью, стабилизировались границы страны[53].

Л. В. Черепнин, рассматривая вопрос о соотношении понятий «развитой феодализм» и «феодальная раздробленность», приходит к выводу, что в середине XII в. на Руси укрепление феодального способа производства приводит к появлению новых форм политической и правовой надстройки. Расчлененной форме земельной собственности соответствует расчлененная форма государства, раздробленная структура власти. Но раздробленность есть своеобразная разновидность централизации, и из нее вырастает (правда, в острой борьбе) новая разновидность — единое государство[54].

К важным выводам об историческом развитии Древней Руси XII — первой половины XIII в. пришел И. Б. Греков. Политическая жизнь феодальной Руси в этот период протекала в рамках непрекращавшихся столкновений центростремительных и центробежных сил, в постоянной конфронтации программы консолидации древнерусских территорий с программой политического дробления древнерусской земли. Что касается напряженной борьбы князей и княжеских группировок между собой, то, по мнению И. Б. Грекова, ее следует рассматривать как выражение их соперниче-

---

[54] *Черепнин Л. В.* Феодальная собственность на Руси в период политической раздробленности и складывания единого государства (до конца XV в.) — В кн.: *Новосельцев А. Н., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 193—196.

«Политическая структура Руси утратила форму раннефеодальной монархии, ей на смену пришла монархия периода феодальной раздробленности. Государственный строй приобрел новую форму правления, при которой киевская столица и подвластный ей домен «Русской земли» сделались объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей».

Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 11.

ства на почве того или иного отстаивания программы общерусского единства. Вплоть до 60-х годов XII в. князья борются за «свой» вариант единства всей русской земли, но при этом такой вариант, реализация которого требовала обязательного утверждения Киева как символа целостности Руси; со второй половины XII до первой трети XIII в. наряду с Киевом выдвигались и новые объединительные центры — Чернигов, Владимир, Смоленск, Галич[55]. Тенденция сохранения общерусского единства, питавшаяся, согласно И. Б. Грекову, не только «памятью» об историческом прошлом Руси, но также и какими-то реальными экономическими и политическими стимулами, выражалась в таких фактах, как установление «единодержавия» одного князя на всем пространстве русской земли, заключение между различными княжескими группировками тех или иных политических компромиссов, проведение княжеских съездов, практика совместного управления русской землей несколькими князьями. Когда же компромиссы между князьями не удавались, тенденция сохранения целостности Руси проявлялась некоторое время в открытой борьбе различных княжеских группировок за осуществление тех или иных вариантов общерусской программы, отличавшихся друг от друга сначала только личностью князя, а потом и тем городом, вокруг которого должно было произойти объединение всех древнерусских территорий[56].

С обоснованием идеи сохранения общерусского единства, а также роли Киева как одного из важнейших экономических, культурных и политических центров Руси вплоть до татаро-монгольского нашествия выступал и автор этой книги[57].

В поддержку тезиса о единстве Древнерусского государства и традиционно столичной роли Киева в XII—XIII вв. высказался в последнее время и Ю. С. Асеев. Его мнение в интересующей нас проблеме чрезвычайно важно и ценно, поскольку основано на конкретном анализе архитектурного развития Руси в XII—XIII вв. В то время, как считает Ю. А. Асеев, особенно бурными темпами развивается зодчество разных земель. В них формируются собственные школы, как правило, тесно связанные между собой единым стилевым направлением. К архитектуре Южной Руси (Киевской, Черниговской и Переяславской) тянулась архитектура Смоленска, Волыни, Рязани. В конце XII — начале XIII в. в Среднем Поднепровье появляется новый стиль, характеризующийся готическими формами. Именно отсюда, как утверждает Ю. С. Асеев, он распространяется на север, восток и запад. Законодателем художественной моды в XII—XIII вв. по-прежнему был Киев, сохранявший вплоть до татаро-монгольского нашествия значение столицы Древнерусского государства[58].

Перед историками, исследовавшими государственную структуру Руси XII—XIII вв., встал еще один важный и трудный вопрос — что представляла собой Киевщина; в его решении также имеются серьезные расхождения.

По мнению ряда дореволюционных исследователей, Киев, утратив роль реального политического центра, не стал сразу же на один уровень с другими городами Руси. Он был наиболее богатым городом, с которым даже приблизительно не могли равняться другие. Традиционное значение Киева было причиной того, что Киевская земля не пошла дорогой других и не стала отдельным замкнутым политическим телом под властью какой-либо династии. Это особое место Киева они объясняли тем, что сами князья ревниво следили друг за другом и не позволяли Киевской земле стать специальным владением одной из княжеских линий. Наиболее четко подобные мысли были высказаны А. Е. Пресняковым: «В то время, как другие земли Руси перестраивали в своем обособлении местный быт на новых началах, Киевщине не дано было сложиться в особое политическое целое и выработать свою внутреннюю организацию, под управлением своей местной династии»[59].

Б. Д. Греков полагал, что княжение Юрия Владимировича с полным правом может быть названо тем историческим

---

[55] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 14—20.

[56] Там же, с. 15.

[57] *Толочко П. П.* Політичне становище Києва у період феодальної роздрібленості.— УІЖ, 1966, № 10; *Толочко П. П.* Історична топо-

моментом, когда раздробление Руси вполне определилось, причем Киевская земля в системе феодально-раздробленной Руси заняла малозаметное место. Киевщине не пришлось даже сложиться в особое политическое целое и выработать внутреннюю организацию под управлением своей местной династии. Князья, осевшие в своих уделах, ревниво следили за тем, чтобы никому из них не досталась Киевщина в самостоятельное княжение[60].

Приведенные выше высказывания объясняют не столько причину явления, сколько его следствие. Вопрос, почему древнерусские князья проявляли ревность именно к Киеву, а не к Новгороду, Чернигову, Владимиру и другим городам, остался без ответа.

В исторической литературе имеет место и противоположная точка зрения, утверждающая существование в XII—XIII вв. отдельного Киевского княжества. А. Н. Насонов называл его киевским «полугосударством»[61], а Б. А. Рыбаков — одним из пятнадцати самостоятельных русских княжеств[62]. Эти же историки, в особенности Б. А. Рыбаков, вместо понятия «Киевщина» вводят более широкое — «Южная Русь», которая состояла из трех частей: Киевской, Чернигово-Сиверской и Переяславской земель. Согласно Б. А. Рыбакову, исторической спецификой Южной Руси XII—XIII вв. было то, что именно она стояла лицом к лицу с половцами и была заслоном для всех остальных земель[63].

Предложенный вниманию читателя историографический обзор (не претендующий на исчерпывающую полноту) убедительно показывает, что три важнейших вопроса исторического развития Руси XII—XIII вв.— характер ее политического строя, роль и значение Киева, а также место Киевщины — древнего политического и территориального ядра Древнерусского государства — еще далеки от полного разрешения.

«И кто убо не возлюбитъ Киевъскаго княжениа, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскимъ Киевъ, и отъ всѣхъ далнихъ многихъ царствъ стицахуся всякие человѣци и купци, и всякихъ благихъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ».

ПСРЛ, т. 9. Никоновская летопись. М., 1965, ст. 1155 г.

Источники

Длительное время единственным источником, из которого исследователи черпали сведения, подтверждающие те или иные положения о характере политического строя на Руси, были древнерусские летописи. При этом не всегда учитывалось, что редакторы и составители сводов, выполнявшие нередко социальный заказ князя, доносили до нас сведения измененные, несколько приукрашенные. Часто одно и то же событие по-разному передавалось летописцами — киевскими и удельными. Последние старались подчеркнуть и выпятить заслуги своих князей, их силу и независимость, в то время как Киевская летопись последовательно проводила великокняжеские идеи старшинства. Это особенно следует иметь в виду, когда мы обращаемся к исследованию такого сложного и противоречивого этапа древнерусской истории, каким была эпоха феодальной раздробленности.

Сейчас пользоваться летописными источниками стало значительно легче, чему способствовала огромная исследовательская работа многих ученых — А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, В. Л. Янина, В. Т. Пашуто, А. Г. Кузьмина и др., но она еще далеко не завершена. Древнерусские летописи — поистине неисчерпаемый источник, и это требует от каждого исследователя, пользующегося им, также и самостоятельного глубокого и критического его осмысления.

В основу настоящей работы положено южнорусское летописание эпохи феодальной раздробленности, сохранившееся

графія стародавнього Києва. К., 1970, с. 175—194; *Толочко П. П.* Этническое и государственное развитие Руси XII—XIII вв.— Вопр. истории, 1974, № 2; *Толочко П. П.* Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974.

[58] *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі. К., 1969, с. 114—118; *Асєєв Ю. С.* Мистецтво стародавнього Києва. К., 1969, с. 71.

[59] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 109.

[60] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 511.

[61] *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 56.

[62] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 88.

[63] Там же, с. 159.

Граффити на стене Софии Киевской с именем Ставра Городятинича. XII в.

«Господи, помози рабу своему Ставрови, недостойному рабу твоему»

в Ипатьевском и Лаврентьевском летописных сводах. Оно велось, как показали А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто, в Киеве, Переяславле (Русском), Владимире-Волынском[64]. Особенно большая заслуга в изучении южнорусского летописания принадлежит Б. А. Рыбакову, сумевшему на основании детального историко-текстологического анализа расчленить огромный летописный фонд на ряд авторских летописей. Многие из них были включены в Киевский летописный свод 1198 г., который, как считает Б. А. Рыбаков, отражал диалектические противоречия центробежных и центростремительных сил, был пронизан прогрессивной идеей единства Руси или по крайней мере создания дружной федерации для организации отпора наступлению половцев и других внешних врагов[65].

Значительный интерес для историков, изучающих Древнюю Русь, представляют так называемые поздние своды, в том числе и крупнейший памятник русского летописания XVI в.— Никоновский. Наличие там сведений, которые не находят аналогий в уже известном круге древнерусских летописных текстов, не является основанием для скептического отношения к нему. До полного и детального исследования известий, относящихся к древнерусскому времени, можно говорить лишь о том, что мы не знаем, какие древние источники находились в руках составителей Никоновской летописи, а не о том, что таковых у них не было вовсе. Как справедливо отметил А. Г. Кузьмин, русское летописание XI—XII вв. было значительно богаче, чем принято считать на основании древнейших списков[66]. «Громадный летописный материал,— подчеркивал один из крупнейших советских археографов А. Н. Насонов,— остается еще в значительной степени неизученным. Впереди предстоит большая исследовательская работа»[67].

Справедливости ради следует отметить, что исследование Никоновской летописи уже начато. Ей посвятили ряд работ

---

[64] *Насонов А. Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому (XII век).— ПИ, вып. 8. М., 1959; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[65] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь.., с. 358.

[66] *Кузьмин А. Г.* Летописные источники посланий Симона и Поликарпа.— Археограф. ежегодник 1968 г. М., 1970, с. 92.

[67] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, с. 10.

[68] *Кузьмин А. Г.* К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи.— Археограф. ежегодник за 1962 г. М., 1963; *Клосс Б. М.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. Летописи и хроники. М., 1974.

[69] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.

[70] *Греков Б. Д.* Первый труд по истории России.— Ист. журн., 1943, № 11-12, с. 66.

[71] *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, с. 180.

[72] *Ключевский В. О.* Курс русской истории, с. 204—205.

[73] *Будовниц И. У.* Указ. соч., с. 187.

[74] *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.— Л., 1946.

А. Г. Кузьмин, Б. М. Клосс, но они пока что не вышли за пределы установления связей этого летописного свода с другими поздними летописями (Новгородской V, Иосафовской, Хронологическим списком)[68]. В какой мере в Никоновской летописи отразились древние источники и какие — еще предстоит выяснить.

Летописание различных центров Руси эпохи феодальной раздробленности, несмотря на отличия по составу известий и конкретной идейной направленности, унаследовало от предшествующего периода общерусские традиции, характеризовавшие «Повесть временных лет». Попытки, имевшие место в советской историографии, доказать изолированность и оторванность областного летописания этого времени[69] основывались не на конкретном анализе летописного материала, а на убеждении, что с наступлением феодальной раздробленности прервались или значительно сузились историко-культурные связи между отдельными частями Руси. В действительности общерусские традиции в XII в. заметны не только в киевском летописании, но и в переяславском, ростовском, владимирском, галицком, новгородском. В областном летописании получила развитие главная идея «Повести временных лет», которую Б. Д. Греков определил как гордость за свое прошлое, опасение за будущее и призыв к защите целостности родины[70].

В русских летописях звучат не просто призывы к защите, но и выдвигается целая система социальных и политических мероприятий, которые должны были приостановить распад государства. Так, идея старейшинства была дополнена в конце XI в. идеей неприкосновенности отчин[71]. В своем патриотическом отношении к русской земле летописцы поднимались до понимания общерусских интересов. Во многом они отражали настроения, которыми жили передовые люди Киевской Руси, когда, по выражению В. О. Ключевского, «киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце, и все вместе о русской земле. Пробуждение во всем обществе мысли о русской земле как о чем-то цельном было коренным, самым глубоким фактором времени»[72].

Иногда летописцы, как считает И. У. Будовниц, не останавливались перед тем, чтобы заведомо (но только в деталях) приукрасить некоторые факты, лишь бы снова и снова подчеркнуть свою идею о средствах достижения согласия в русской земле[73].

Яркая публицистичность древнерусских летописцев, их призывы к единению Руси не были, как это иногда утверждается, порождением только литературного таланта. Эти идеи со времен Владимира Мономаха стали основным содержанием, программой государственной практики не только киевских, но и князей других русских центров — Чернигова, Владимира-на-Клязьме, Галича. Появление их в летописях представляется вполне закономерным явлением.

Видимо, то же самое можно сказать и о литературных произведениях — «Поучении Мономаха», «Чтении о житии и погублении... Бориса и Глеба», «Хождении игумена Даниила», «Слове о полку Игореве» и др. В отличие от летописей, они, за редким исключением, испытывали значительно меньшее влияние официальных властей, но характеризуются той же публицистической страстностью, пронизаны той же, волновавшей передовые умы Руси, идеей государственного и народного единства.

Начало этой направленности, быть может, положил Мономах своим «Поучением». Выступая в качестве умудренного большим жизненным опытом государственного деятеля, всегда помышляющего о благе своей страны, Владимир призывал к этому же и своих детей, представителей разветвленного княжеского рода[74].

В «Чтении» проводилась идея сохранения единства Руси путем бескорыстной преданности своему главе, верности принципам старейшинства. В условиях обострившейся княжеской усобицы, когда племянники изгоняли со своих столов дядей, младшие братья — старших, смиренность Бориса и Глеба, их ответственность за судьбы дружины и населения[75] были особенно почитаемы не только на Руси, но и во многих странах Европы.

За русскую землю, за князей своих и за весь русский народ молился в далеком Иерусалиме игумен Даниил. И это было едва ли не главной целью его тысячеверстного путешествия. Характерно, что в «Хождении» Даниил говорит о себе как о представителе всей русской земли. На Пасху он ставит кадило «на гробе святемъ от всея Руськыя земля»[76]. В. Л. Янин считает, что игумен Даниил выступал поборником той системы взаимоотношений между князьями, которая установилась на Руси в конце XI — начале XII в. и в которой он видел средство от усобиц[77].

Значительно сильнее идея единства русской земли прозвучала в гениальной поэме «Слово о полку Игореве». Когда сиверские и курские полки вступили в степь, автор «Слова» восклицает: «О русская земля! Уже — за шеломянемъ еси». Когда Игорева дружина оказалась разгромленной половцами и поле костьми засеяла, то «тугою взидаша (они.— *П. Т.*) по Русской земле» и «печаль жирна тече средь земли Рускыи». В «Золотом слове» Святослав призывает Всеволода Суздальского, Рюрика и Давида Смоленских, Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича вступить «съзлата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую».

---

[75] *Будовниц И. У.* Указ. соч., с. 160—162.
[76] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1953, с. 111.
[77] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила».— ТОДРЛ, т. 16, 1960, с. 131.

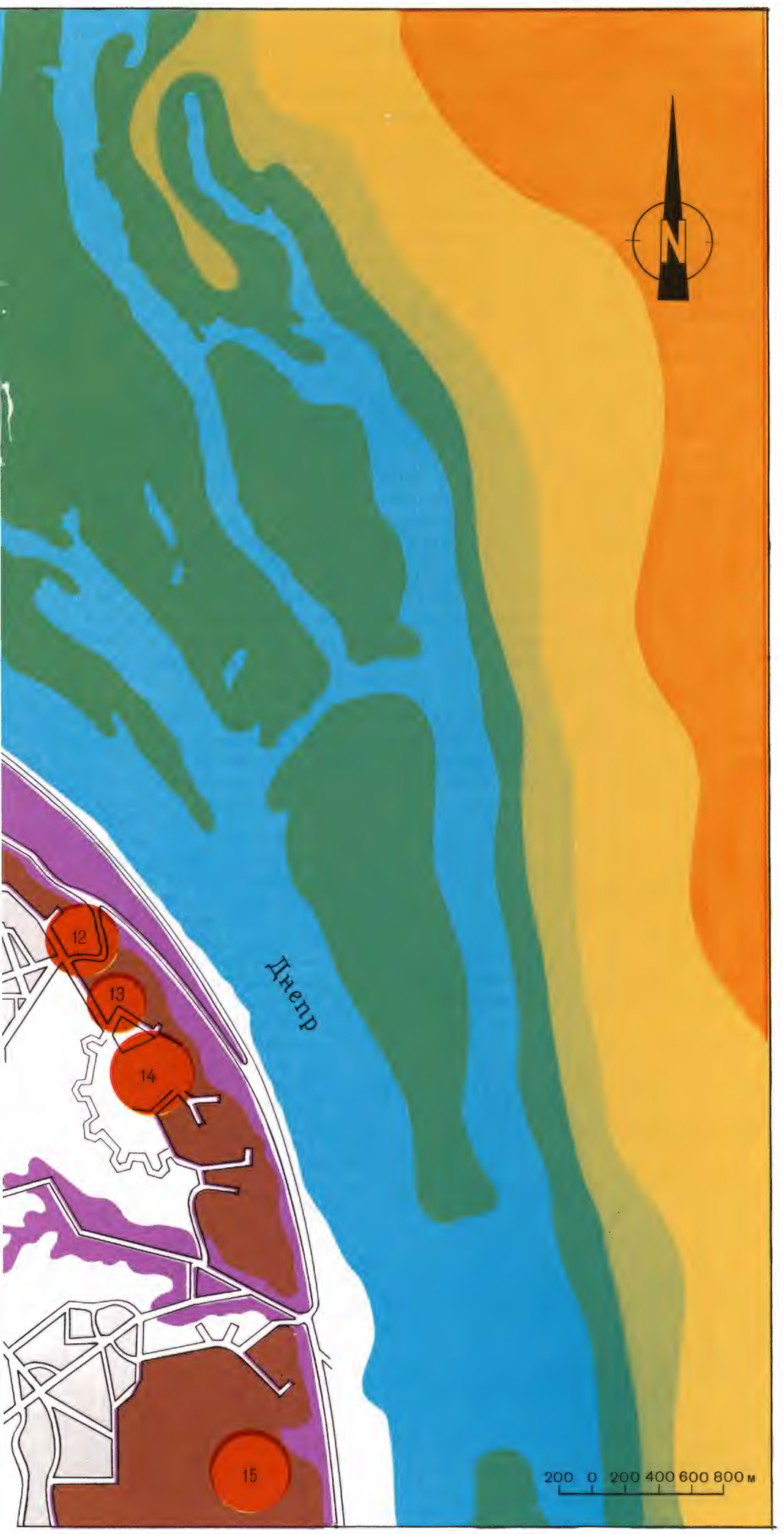
«Русская земля» выступает в поэме как центральный образ, правда, лишенный определенной конкретности. Одни исследователи считают, что под этим термином скрывается вся Русь, другие — убеждены, что речь здесь идет только о Южной Руси, т. е. о Киевщине, Переяславщине и Черниговщине. Д. С. Лихачев полагает, что необходимость единения Руси автор «Слова» доказывает не только на примере неудачного похода Игоря и многочисленных исторических сопоставлений, но и рисуя широкий образ Русской земли, полной городов, рек и многочисленных обитателей, рисуя русскую природу, бескрайние просторы родины[78].

Согласно Б. А. Рыбакову, автор «Слова» скорбит, прежде всего, о судьбе Южной Руси, но умело и тонко сливает воедино оба понятия русской земли. Так ли было на самом деле, сказать трудно. Да это и не столь важно. Главное, автор «Слова» считает совершенно естественным, что галицкий князь будет стрелять Кончака, поганого кащея, что суздальский князь может прилететь издалече, а смоленский князь должен встать в стремя «за обиду сего времени»[79].

Идейная направленность автора «Слова», решительного сторонника единства Руси, проявилась и в целом ряде чисто литературных приемов. Из летописи известно, что Святослав узнал о неудачном походе Игоря в Чернигове. В «Слове» весть эта

---

[78] *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. М.— Л., 1950, с. 252.
[79] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 159.



Территория древнего Киева XII—XIII вв. по археологическим и письменным данным

1 — Город Владимира; *2* — Город Ярослава; *3* — Михайловское отделение; *4* — Подол; *5* — Замковая гора; *6* — Копырев конец; *7* — Щековица; *8* — Хоревица; *9* — Дорогожичи; *10* — Кирилловский монастырь; *11* — Кловский монастырь; *12* — Угорское; *13* — Берестово; *14* — Печерский монастырь; *15* — Выдубичи.

Валы

Изображение многогранного терема на великокняжеском дворе в Киеве. XII в. Миниатюра Радзивилловской летописи.

застает великого князя в Киеве. И. П. Еремин, а вслед за ним и А. Г. Кузьмин видят в этом сознательное смещение событий, дабы поднять авторитет киевского князя и лишний раз провозгласить Киев центром Руси[80].

К. Маркс видел основной смысл поэмы в призыве русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ[81].

Адресуя свои страстные призывы князьям, древнерусские публицисты в блестящей литературной форме выражали чаяния и стремления широких народных масс. Князья воевали за Киев, они делили и переделивали земли, а народ, страдавший от их неурядиц и одинаково оплакивавший их победы и поражения, стойко держался представления о единой русской земле[82] и сознавал свое национальное единство.

Согласно исследованию Д. С. Лихачева, чтобы сохранить единство Руси, требовалась высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верности, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, которые активно выступали бы против раздора князей[83].

Таким образом, идейная направленность литературных произведений XII в. вытекала из интересов сохранения единства Древней Руси и была заказом времени.

Много важных сведений об истории Киева и Руси содержится также в Киево-Печерском патерике[84], в основе которого лежит переписка епископа владимирского Симона, бывшего инока Печерского монастыря, с иноком того же монастыря Поликарпом. В Патерике имеются не только уникальные зарисовки киевской жизни, донесшие до нас имена живописца Алимпия, врачей Агапита, Армянина и др., но и проводится идея прославления Киево-Печерского монастыря как русского религиозного центра. По мнению Н. К. Гудзия, это свидетельствовало о возросшем самосознании русского духовенства, мыслившего себя солидной силой и влиятельной организацией в исторической жизни Руси[85].

Несмотря на историко-литературный жанр Киево-Печерского патерика, он, как показали А. А. Шахматов, Д. И. Абрамович, А. Г. Кузьмин и другие исследователи, является полноценным источником по истории Древней Руси[86]. Его основу составили «Летописец старый Ростовский», извлечения из Ипатьевской и, вероятно, Никоновской летописей[87].

Важным источником по истории Древней Руси является «История Российская» В. Н. Татищева, в которой автор, использовав не дошедшие до нашего времени списки летописей, значительно пополнил сведения по истории XI—XIII вв. Как бы предвидя появление скептиков, которые будут сомневаться в существовании летописных источников «Истории», В. Н. Татищев писал, что его труд составлен «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни применяя, ни убавляя из них ничего». К сожалению, это, как и другие разъяснения В. Н. Татищева, не были приняты некоторыми нашими источниковедами. Не проведя большой и серьезной работы по анализу степени достоверности татищевских известий, требующей, кстати, не только текстологических сопоставлений, они поспешили объявить их тенденциозным вымыслом самого В. Н. Татищева[88]. Большую и важную работу по изучению источников «Истории Российской» осуществил М. Н. Тихомиров, убедительно показавший, что в руках В. Н. Татищева были древние летописи, написанные в Южной Руси и особенно ценные для истории Руси XI—XII вв.[89] Серьезным отношением к татищевским дополнениям характеризуются также работы Б. Д. Грекова, И. И. Смирнова, Б. А. Рыбакова, А. Г. Кузьмина.

Особой убедительностью отличаются исследования «Истории Российской», осуществленные Б. А. Рыбаковым.

---

[80] *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия.— В. кн.: Слово о полку Игореве, с. 107—108; *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина) — История СССР, 1968, № 6, с. 82.

Проведя обследование всех татищевских известий и в каждом конкретном случае выявив степень их достоверности, он неоспоримо доказал, что В. Н. Татищев пользовался целым рядом древних летописей. Около 87% всех его добавлений XII в. почерпнуты из Раскольничьей летописи, представляющей собой полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись двух поколений «Мстиславова племени», остальные 13% взяты из Еропкинской, Хрущовской и неизвестной Чернигово-Сиверской летописей. Все это позволило Б. А. Рыбакову окончательно отвести обвинения, предъявляемые В. Н. Татищеву, в подлогах, вымыслах и даже сознательной фальсификации исторических источников[90].

По мнению А. Г. Кузьмина, посвятившего выяснению источниковедческой основы «Истории Российской» ряд работ и также пришедшего к обоснованному выводу об исследовательской добросовестности В. Н. Татищева, углубленное изучение его «Истории», равно как и еще не исследованных сборников XVII—XVIII вв., может дать новые данные по истории Древней Руси[91].

В работе В. Н. Татищева содержится особенно много ценных сведений по истории Южной Руси XII—XIII вв. Это и политические характеристики князей, и сообщения о княжеских съездах, военных походах в степь, отсутствующие в известных летописных источниках или изложенные в них слишком кратко. Особый интерес представляет рассказ о предложениях Романа Мстиславича ввести новую (по существу, федеративную) систему правления на Руси с выборной должностью великого киевского князя.

Среди письменных источников по истории Древней Руси периода феодальной раздробленности важное место занимает Пространная редакция Русской Правды. К сожалению, до сих пор исследователям не удалось окончательно установить время и место составления этого общерусского юридического кодекса. М. Н. Тихомиров полагал, что Пространная Правда возникла в Новгороде между 1210—1215 гг., а непосредственной причиной ее появления было восстание новгородцев 1207 г. против ростовщичества Мирошкиничей[92]. Л. В. Черепнин также считает, что длительный процесс сложения Русской Правды завершился к началу XIII в. созданием в Новгороде Пространной редакции памятника[93]. В отличие от М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнин выделяет в Пространной Правде несколько комплексов статей киевского происхождения, появление которых он справедливо связывает с народными волнениями 1146—1147 гг.[94] Бесспорно, эти значительные события в древнерусской общественно-политической жизни были более существенным поводом для пересмотра и дополнения обще-

Изображение двухэтажного дворца с дымниками. XII в. Миниатюра Радзивилловской летописи.

---

[81] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е, т. 29, с. 16. (Далее цитируем по этому изданию.)

[82] *Будовниц И. У.* Указ. соч., с. 189.

[83] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XII веков. Л., 1973, с. 54.

[84] Патерик Киевского Печерского монастыря. Спб., 1911.

[85] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы, с. 102—106.

[86] *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись.— Изв. отделения русского языка и словесности Академии наук. Спб., 1897, кн. 2; *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как литературном памятнике.— Там же, кн. 3—4, 1901; кн. 1—4, 1902; *Кузьмин А. Г.* Летописные источники посланий Симона и Поликарпа, с. 73—92.

[87] *Кузьмин А. Г.* Летописные источники посланий Симона и Поликарпа, с. 73—92; *Кучкин В. А.* Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны.— ТОИДРЛ, т. 21. Л., 1969, с. 136—198.

[88] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961; *Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк-писатель или издатель источников? — Рус. лит., 1970, № 2.

[89] *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской».— В кн.: *Татищев В. Н.* История Российская. М.— Л., 1962, т. 1, с. 52.

[90] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 184—276; *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в.— История СССР, 1971, № 1.

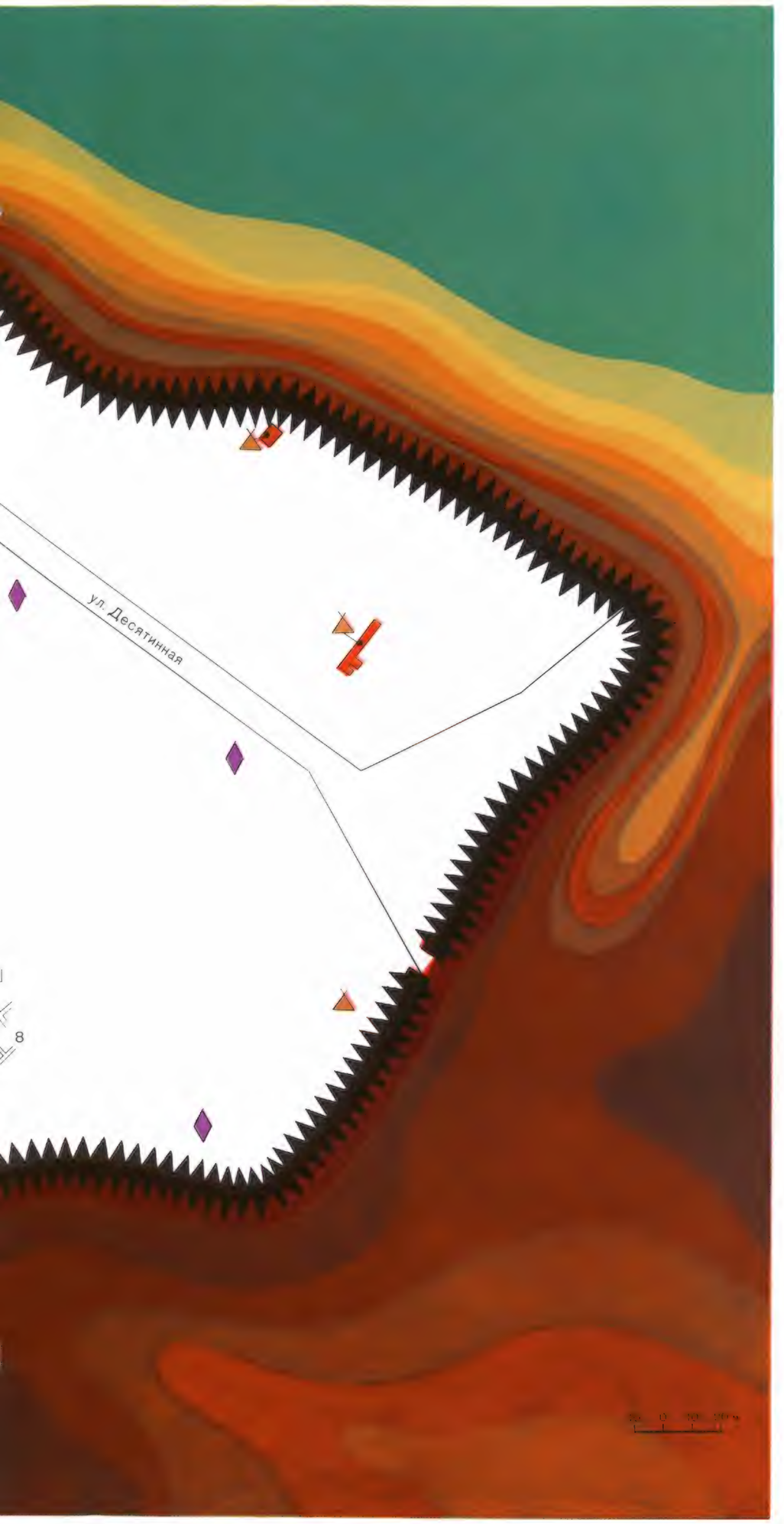
[91] *Кузьмин А. Г.* Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева.— Вопр. истории, 1963, № 9, с. 214—218. *Кузьмин А. Г.* Был ли В. Н. Татищев историком? — Рус. лит., 1971, № 1, с. 58—63; *Кузьмин А. Г.* Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева.— ВМУ, сер. 9, 1972, с. 79—89.

[92] *Тихомиров М. Н.* Исследования о Русской Правде. М.— Л., 1941, с. 226—229.

[93] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В сб.: Древнерусское государство и его международное значение, с. 276—278.

[94] Там же, с. 258.

1
2
3
4
5
6
7
пер. Деся тинный
ул. Владимирская



Киевский детинец XII—XIII вв. Основные археологические памятники и места раскопок

(На основе карты С. Р. Килиевич)

1 — Десятинная церковь X в.; *2* — Древнейший княжеский дворец «в городе»; *3* — Дворец X в. «вне града»; *4* — Дворец X в. на великокняжеском дворе; *5* — Дворец X в. на Мстиславле дворе; *6* — Ротонда XII—XIII вв.; *7* — Софийские ворота X в.— центральный въезд в Город Владимира; *8* — Остатки построек Федоровского монастыря XII в.

Валы

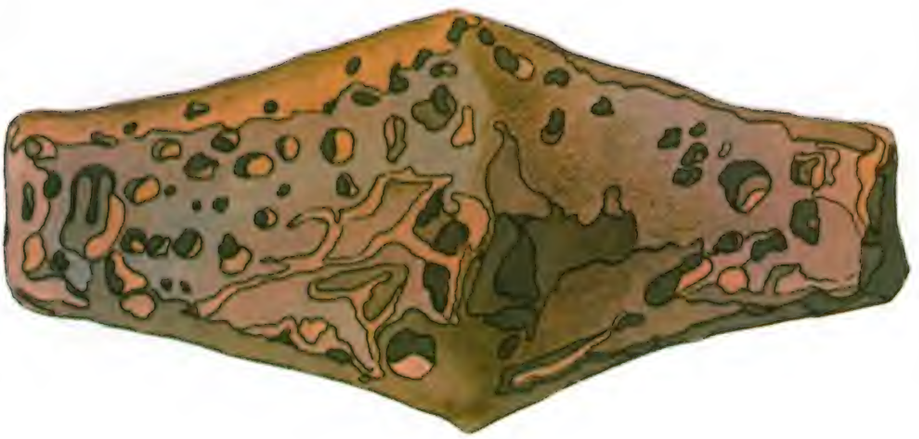
Клады древнерусских ювелирных изделий

Жилые и хозяйственные постройки

Ремесленные мастерские

Ювелирные горны

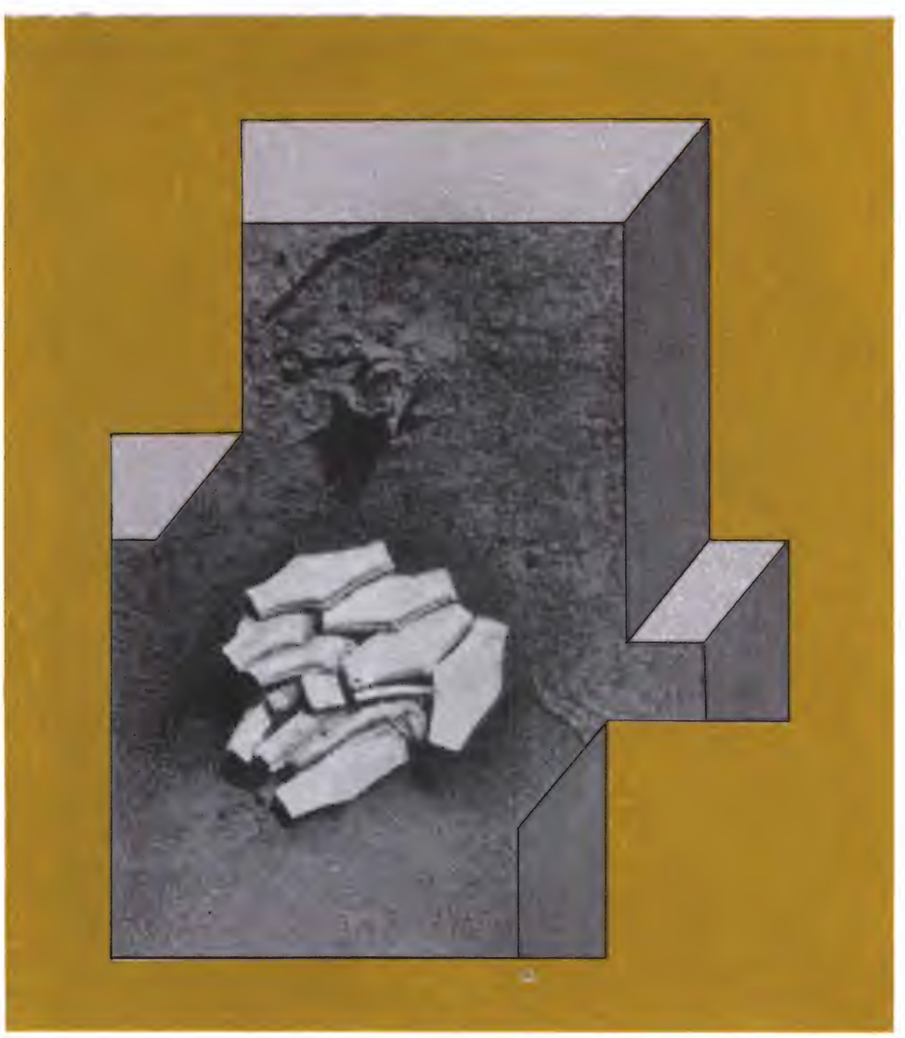
Раскопы



Монетная гривна киевского типа из клада, найденного в 1880 г. на ул. Б. Житомирская.

Монетная гривна новгородского типа из клада, найденного в 1906 г. на ул. Трехсвятительской (ныне Героев Революции).

Клад монетных гривен киевского типа, обнаруженный в 1940 г. на территории усадьбы бывшего Михайловского монастыря.



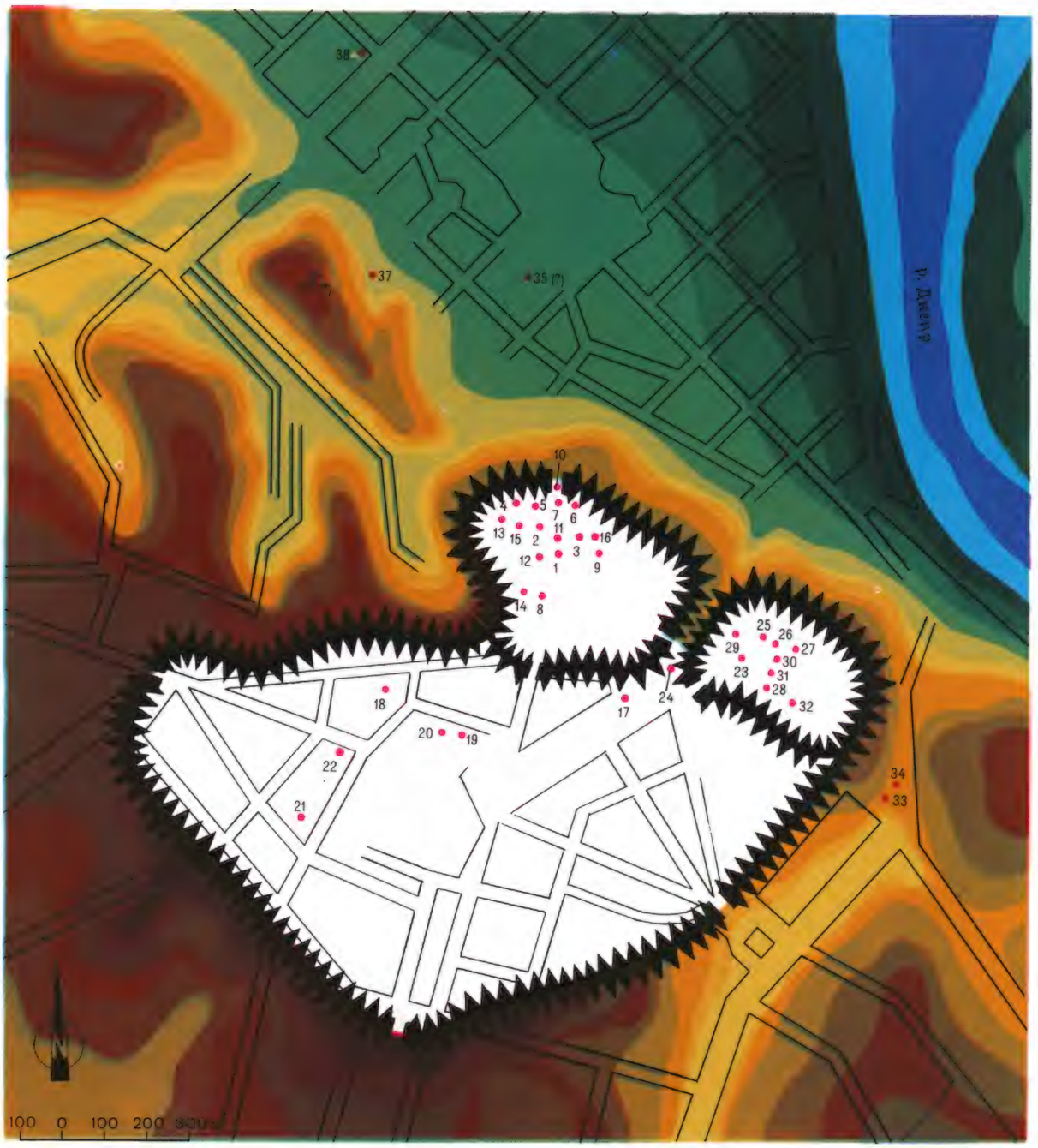
Топография находок монетных гривен киевского (к) и новгородского (н) типов в Киеве

1 — 1826 г. Десятинная церковь, четыре (к); *2* — 1837 г. Усадьба Десятинной церкви, несколько (к); *3* — 1837 г. Усадьба Трубецких, около пяти (к); *4* — 1847 г. Усадьба Анненкова, одна (к); *5* — 1851 г. Усадьба Анненкова, шесть (к); *6* — 1857 г. Угол ул. Владимирской и Андреевского спуска, шесть (к); *7* — 1862 г. Усадьба Климовича, три (к); *8* — 1876 г. Усадьба Лескова 14 (к); *9* — 1882 г. Усадьба Агеева, две (к); *10* — 1898 г. Андреевский спуск, одна (к); *11* — 1908 г. Вблизи капища, одна (н); *12* — 1909 г. Усадьба Десятинной церкви, одна (к); *13* — 1911 г. Усадьба Десятинной церкви, шесть (к); *14* — 1914 г. Десятинный пер., четыре (к); *15* — 1936 г. Усадьба Государственного исторического музея, две (к); *16* — год неизвестен. Усадьба Трубецкого, несколько (к); *17* — 1854 г. Перед «Присутственными местами», две (к); *18* — 1880 г. Ул. Б. Житомирская (дом Кувшинова), 34 (к); *19* — 1885 г. Троицкий пер., девять (к); *20* — 1889 г. Троицкий пер., девять (к); *21* — 1889 г. Ул. Рейтарская, одна (к); *22* — 1938 г. Ул. Стрелецкая, 14, одна (к); *23* — 1888 г. Вблизи Михайловского монастыря, три (к); *24* — 1900 г. Усадьба Реального училища, две (к); *25* — 1900 г. Усадьба Михайловского монастыря, одна золотая (н); восемь (к); *26* — 1903 г. Ул. Трехсвятительская, две (к); *27* — 1906 г. Усадьба Михайловского монастыря, три куска золотых слитков в виде палочек, две (к); *28* — 1906 г. Ул. Трехсвятительская, две (к); *29* — 1907 г. Усадьба Михайловского монастыря, 53 (к), три (н); *30* — 1940 г. Усадьба Михайловского монастыря, 15 (к); *31* — 1949 г. Усадьба Михайловского монастыря, одна (к); *32* — 1949 г. Ул. Героев Революции, 4-а, три (к), три (н); *33* — 1787 г. Склоны в сторону Крещатика, четыре (к); *34* — 1888 г. Вблизи Крещатика, клад монетных гривен (к); *35* — 1899 г. Подол, три (к); *36* — 1903 г. Гора Замковая, одна (к); *37* — 1908 г. Усадьба Фроловского монастыря, две (н); *38* — 1908 г. Угол ул. Нижний Вал и Константиновской, одна медная (н).

Несколько десятков монетных гривен киевского типа найдено на территории окольных районов древнего Киева.

Валы

Клады



русского свода судебно-правовых норм, чем выступление новгородцев против злоупотреблений посадника Дмитра Мирошкина и его ближайших сторонников.

Вряд ли только можно согласиться с Л. В. Черепниным в том, что эти статьи составляли устав Всеволода Ольговича. Как можно убедиться на многих примерах, дополнение и развитие общерусского законодательства, как правило, не предшествовали крупным социальным движениям, а следовали за ними, вызывались ими. Ссылка на то, что у черниговских Ольговичей были большие владения и издание для них специального положения, посвященного охране княжеского имущества, было для князей-вотчинников делом весьма актуальным, не может являться убедительным аргументом в пользу устава Всеволода Ольговича. Имения, подобные тем, которые описывает Ипатьевская летопись, были не только у Ольговичей, но и у других древнерусских князей.

Вероятнее предположить, что статьи, отнесенные Л. В. Черепниным к уставу Всеволода Ольговича, были разработаны в годы усиления на Руси власти сыновей Мстислава Владимировича — Изяслава и Ростислава, политическое влияние которых распространялось на многие земли. Одновременно со статьями, призванными регулировать правопорядки внутри вотчинных сел, появились и статьи о наследстве, которые Л. В. Черепнин также склонен выделять в отдельный устав, оформленный после того, как черниговских князей «сменил в качестве верховного правителя потомок Мономаха Изяслав Мстиславич» [95].

Исследователи неоднократно отмечали, что через всю Пространную редакцию Русской Правды красной нитью проходит забота о князе и его доходах, подчер-

Накладная пластина с изображением головы святого. Киев. Город Ярослава XII—XIII вв. Из раскопок 1973 г.

кивается большая роль княжеского суда[96]. Зная, сколь стесненным было положение новгородских князей, трудно предположить, чтобы подобный памятник возник в Новгороде.

Пространная Правда могла появиться как результат усиления княжеской власти во времена определенной стабилизации междукняжеских отношений на Руси. Такими были заключительные годы княжения в Киеве Изяслава Мстиславича (1151—1154), имевшего склонность к различного рода преобразованиям и боровшегося за сохранение единства страны, а также правление Ростислава Мстиславича (1159—1167), который еще в 1136—1137 гг. издал известный Смоленский устав и, надо полагать, был очень хорошо знаком с основами древнерусского законодательства.

Длительное время неоцененным по достоинству оставался такой интереснейший источник, как миниатюры Кенингсбергской (Радзивилловской) летописи. Ни историки, ни искусствоведы не могли ответить на главный вопрос: отражением какой эпохи и действительности являются эти миниатюры? Лишь после выхода в свет известного исследования А. В. Арциховского[97], впервые доказавшего возможность использования рисунков Кенингсбергской летописи для характеристики древнерусской жизни, они чаще стали появляться на страницах исторических трудов, правда, преимущественно как иллюстрации.

Обстоятельный источниковедческий анализ миниатюр дал в работе «Слово о полку Игореве» Б. А. Рыбаков. Он не только показал, что «сквозь готические переплеты окон миниатюр нам виден мир той Руси, которая была близка к «Слову», но и определил те летописные источники, которые легли в основу иллюстраций Кенингсбергской летописи[98].

В последнее время в источниковедческий фонд ряда гуманитарных наук и прежде всего истории прочно вошли древнерусские граффити. Достаточно обратиться к знаменитым берестяным грамотам Новгорода, чтобы убедиться в их неисчерпаемых источниковедческих возможностях. В Киеве подобные грамоты не обнаружены, но зато полнее, чем где бы то ни было, изучены граффити на стенах архитектурных памятников, в частности Софии.

С. А. Высоцкому удалось выявить и прочитать около 300 надписей, которые во многом дополняют наши представления о древнекиевской истории. Тут имеются записи о княжеском мире на Желяни; о продаже в присутствии представителей софийского клира Бояновой земли; о поставлении епископов; о рождении и смерти князей и др. Наибольший процент граффити приходится на XII в., что, вероятно, свидетельствует о расширении грамотности в это время среди древнекиевского населения[99].

Решение вопросов социально-экономического, политического и культурного развития Киева и Киевской земли, а также определение их места и значения в истории Руси XII—XIII вв. невозможно без привлечения и археологических источников. Их незнание или игнорирование нередко приводит к тому, что в исторической литературе повторяются выводы, высказанные еще в XIX в., но уже давно опровергнутые археологией. Имеется в виду, в частности, известная теория об экономическом упадке Киева и запустении Киев-

---

[95] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси, с. 265.

[96] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 219.

[97] *Арциховский А. В.* Миниатюры Кенингсбергской (Радзивилловской) летописи.— Изв. ГАИМК, т. 14, вып. 2. М.— Л., 1932; *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

[98] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.

[99] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. К., 1966; *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв. К., 1976.

[100] *Будовниц И. У.* Указ. соч., с. 190—191; *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969, с. 27; *Гудзий М. К.* Указ. соч., с. 164; *Бунин А. В.* История градостроительного искусства. М., 1953, т. 1, с. 173.

[101] *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1, с. 352.

[102] Там же, с. 369—487.

[103] Археологическая карта Киева. Исполнители П. П. Толочко, С. А. Высоцкий, И. И. Мовчан, Я. Е. Боровский, К. Н. Гупало, Л. Я. Степаненко. Руководитель П. П. Толочко.

щины в XII—XIII вв., которая, несмотря на выход в свет фундаментальных работ Б. А. Рыбакова — «Ремесло Древней Руси», М. К. Каргера — «Древний Киев», В. И. Довженка — «Земледелие в Древней Руси», а также большого количества публикаций, убедительно доказавших ее несостоятельность, повторяется в трудах некоторых историков, литературоведов и искусствоведов[100].

Вероятно, часть вины в этом лежит и на археологах, которые, осуществив широкие исследования многих южнорусских памятников XII—XIII вв., не сумели должным образом показать результаты своей работы. Специалистам смежных наук бывает очень сложно пользоваться археологическими источниками, которые обработаны лишь на археологическом уровне. Иногда это случается в силу различных объективных причин, связанных с состоянием изученности той или иной категории археологических памятников.

Чаще же это вызвано убеждением многих археологов, что в их задачу не входит доведение археологического исследования до уровня исторического. Необходимо признать, что в наших работах археологическое источниковедение все еще преобладает над историческим обобщением. Конечно, выход археологов в историю сопряжен со многими трудностями, в том числе и объективного порядка, но делать это крайне необходимо. Историкам разобраться в нашем специфическом материале и сделать из него правильные выводы значительно труднее. Легче обойти его, что, к сожалению, чаще всего и делается.

В настоящей работе археологические источники привлечены так же широко, как и письменные. Это, прежде всего, материалы почти полуторастолетних исследований древнего Киева, без которых невозможно сегодня серьезно изучать вопросы его происхождения, историко-топографического, социально-экономического и культурного развития, планировочной структуры, характера застройки, демографии и др. Раскопки на территории киевского детинца, в пределах Города Ярослава, торгово-ремесленных посадов Подола и Копыревого конца, в ряде окольных пунктов показали, что бóльшая часть обнаруженного археологического материала датируется XII—XIII вв. и свидетельствует, вероятно, о разрастании в эти века древнекиевской территории и подъеме экономики.

Итоги археологических исследований древнего Киева вплоть до 50-х годов XX в. подведены в двухтомной работе М. К. Каргера «Древний Киев». В ней, на основании большого и разнообразного археологического материала, значительная часть которого добыта экспедицией М. К. Каргера, воссоздана яркая картина историко-культурного развития Киева IX—XIII вв. Исследуя археологические находки, остатки строительных объектов и ремесленных мастерских, М. К. Каргер пришел к выводу, что бóльшая часть их несомненно относится к XII—XIII вв. Данная им характеристика жилищ горожан XI—XIII вв. почти полностью основана на анализе остатков построек предмонгольского времени[101]. То же самое можно сказать и о древнекиевском ремесле, поступательное развитие которого вплоть до монгольского нашествия прослеживается на широком ассортименте изделий и мастерских, обнаруженных преимущественно в культурных слоях XII—XIII вв.[102]

Ценная монография М. К. Каргера, как и многие другие его работы, посвященные истории материальной культуры древнего Киева, не только отразила достижения и успехи в археологическом изучении столицы Руси, но и способствовала определению тех исследовательских задач, которые еще ждали своего решения. Среди них: проблема происхождения Киева, уровень его экономического и культурного развития в XII—XIII вв., международные экономические связи, характер массовой застройки и др. Четче обозначилась также и необходимость дальнейших углубленных разработок археологических источников. Огромный материал нуждался в строгой систематизации, более дробном хронологическом расчленении, классификации по типам и, что особенно важно, в количественных характеристиках.

В настоящее время эта работа в значительной степени выполнена.

Сотрудниками отдела археологии Киева Института археологии АН УССР в 1975 г. подготовлена «Археологическая карта Киева»[103], в которой материалы раскопок классифицированы по видам памятников, расчленены хронологически и поданы в определенной топографической последовательности. Всем основным категориям археологических памятников даны количественные характеристики. В процессе подготовки «Археологической карты» были созданы различные картографические схемы, планы, стратиграфические разрезы, значительно дополнившие источниковедческие возможности археологических материалов.

Примером настоящей источниковедческой проработки археологических материалов и доведения их до уровня исторического источника явилась статья С. Р. Килиевич «Археологическая карта киевского детинца»[104]. Об удельном весе материалов XII—XIII вв. свидетельствуют следующие данные: из 97 исследованных в пределах детинца жилищ, ремесленных мастерских и хозяйственных построек к этим векам относится около 60[105].

В последние десятилетия источниковедческая база для решения вопросов истории и культуры древнего Киева значительно пополнилась. Раскопки Киевской археоло-

---

[104] *Кілієвич С. Р.* Археологічна карта київського дитинця.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 179—213.

[105] Там же, с. 213.

Рукоять меча. Железо. Инкрустация золотом. XI—XII вв. Киев. Оболонь. 1971 г.

гической экспедиции ИА АН УССР, широко развернувшиеся в пределах всей исторической части Киева (в городах Владимира и Ярослава, на территории Копыревого конца и Подола, а также древнекиевской околицы) обнаружили много новых материалов, значительная часть которых датируется XII—XIII вв. Среди них остатки ремесленных мастерских — стеклоделательной (в Городе Ярослава), по обработке янтаря и изготовлению шиферных пряслиц (на Подоле), жилищ (в городах Владимира и Ярослава), монументальных построек — храмов (в Копыревом конце и урочище Церковщина), ротонды (в Городе Владимира).

Новые археологические материалы не только значительно дополнили наши знания о древнем Киеве, но кое в чем и изменили их. Речь идет, в частности, о проблеме массовой застройки города, которая после стационарных раскопок Подола 1972—1976 гг., выявивших срубные жилые и хозяйственные сооружения X—XII вв., получила принципиально иное решение.

Характерной особенностью археологических исследований Киева последнего времени является оперативное введение в научный оборот новых источников. Археологические материалы, полученные во время раскопок Киева 1965—1976 гг., опубликованы или подготовлены к печати в специальных сборниках, издаваемых Институтом археологии АН УССР[106]. Это, естественно, избавляет нас от необходимости подробно описывать новые археологические источники в данной работе и повторять характеристики, которые содержались в предшествующих публикациях.

Когда же в решении тех или иных вопросов исторического развития древнего Киева нельзя было обойтись без дополнительного источниковедческого анализа археологического материала, автор, учитывая характер исследования, стремился выносить на суд читателя не промежуточные звенья этого анализа, а лишь конечные результаты. Чаще всего они выражены в картографических схемах и планах. Так, подсчитаны и показаны на планах площадь древнего Киева, топография монументальных сооружений, количество кладов и находящихся в них вещей, а также их топография, количество и топографическое расположение монетных гривен. Исследование вопросов массового городского строительства Киева XII—XIII вв. и попытки его архитектурного моделирования обусловили необходимость изучения всех известных археологически жилых и хозяйственных построек (более 200), классификации их по основным конструктивным типам и четкого хронологического расчленения.

Важные археологические материалы обнаружены при раскопках киевских пригородов Вышгорода и Белгорода, игравших значительную роль в судьбах Киевской земли. Раскопки показали, что эти центры жили полнокровной жизнью на про-

---

[106] Стародавній Київ. К., 1975; Археологічні дослідження стародавнього Києва; Археологія Києва. К., 1979. Редактор сборников — П. П. Толочко.

[107] *Довженок В. Й.* Древній Вишгород.— Вісник АН УРСР, 1949, № 3; *Довженок В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр.— Археологія, т. 3. К., 1950; *Довженок В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода.— АП ІА АН УРСР, т. 3. К., 1952. Широкие археологические исследования Белгорода произведены Б. А. Рыбаковым в 1968—1969 гг., а также Г. Г. Мезенцевой в 1967—1972 гг.

[108] *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси».— Тез. докл. совет. делегации на I Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965; *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне.— КСИА, вып. 100. М., 1965; *Рыбаков Б. А.* Торческ — город черных клобуков.— В кн.: Археолог. открытия 1966 г. М., 1967.

[109] *Гончаров В. К.* Древньоруське городище Іван-Гора.— Археологія, т. 16. К., 1964.

[110] *Довженок В. Й.* Літописний Чучин.— Там же.

[111] *Кучера М. П.* Ходорівське древньоруське городище.— Археологія, т. 20. К., 1966.

[112] *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. К., 1968.

[113] *Довженок В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968.

[114] *Выезжев Р. И.* Раскопки в Городске в 1955 г.— КСИА АН УССР, вып. 7; *Выезжев Р. И.* Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.— КСИА АН УССР, вып. 10.

[115] *Юра Р. О.* Древній Колодяжин.— АП ІА АН УРСР, т. 12. К., 1962; *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. К., 1950; *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— Тез. докл. совет. делегации на I Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965.

тяжении всей домонгольской истории, а их наивысший подъем приходится на период феодальной раздробленности[107]. К сожалению, внимание археологов к ним все еще не соответствует их значению в древнерусской истории. Ни по одному из них нет серьезного монографического исследования. Археологический материал не систематизирован. Выборочная его публикация не создает реальной картины экономической жизни этих центров и их взаимодействия с Киевом. Не осуществлено и широкое сопоставление письменных источников с археологическими.

Проведены планомерные и систематические раскопки многих городищ вдоль Днепра, Стугны, Роси. Экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова исследовала городища в Витачеве (летописные Витачев и Новгород-Святополч), Старых Безрадичах (Тумащ), между селами Ольшаница и Шарки (Торческ), в с. Заречье[108]. В результате накоплен значительный археологический материал, позволивший Б. А. Рыбакову решить ряд важных исторических вопросов. Среди них: время сооружения оборонительных линий вдоль Стугны и Днепра, роль черных клобуков в борьбе Руси с половцами, характер взаимоотношений русского и черноклобуцкого населения, проживавшего в междуречье Роси и Стугны в XI—XIII вв. Многолетние исследования велись также украинскими археологами на городищах в г. Ржищеве (летописный Иван-город)[109], в селах Халепье (Халеп), Щучинка (Чучин)[110], Ходоров[111], Григоровка, на Княжей горе ниже Канева[112]. Огромный археологический материал, полученный этими раскопками, по-новому осветил историю южнорусского пограничья[113] и его роль в антиполовецкой борьбе Руси XII—XIII вв.

В западных районах Киевщины раскапывались как крупные городские центры (Искоростень, Городск)[114], так и небольшие феодальные замки (Колодяжин, Райки, Изяславль)[115]. В них обнаружен исключительно богатый и разнообразный археологический материал, являющийся в ряде случаев единственным источником в освещении жизни того или иного центра.

Дальнейшее развитие феодализма в XII—XIII вв. привело к тому, что Русь покрылась густой сетью феодальных замков и поместий, теснейшим образом связанных с сельскохозяйственным производством. Особенно их много было в пределах Южной Руси. Выводы эти можно сделать и на основании летописных данных, однако определить социальное содержание и типологию большинства городищ можно только после их раскопок. На сегодняшний день археологическим исследованиям подвергались многие десятки городищ, из которых отдельные изучены достаточно полно *.

Определенных успехов достигла археология и в изучении древнерусских неукрепленных поселений, расположенных как в непосредственной близости от городищ, так и вдали от них. Раскопки в пойме Днепра и Тетерева, вблизи Ржищева, а также в ряде других мест позволили сделать вывод о существовании различных (имеется в виду хозяйственная специализация) неукрепленных поселений. Их жители занимались производством зерна, скотоводством, отхожими промыслами.

Таким образом, благодаря широким археологическим исследованиям, осуществленным в годы Советской власти, появилось огромное количество источников, которые внесли значительные коррективы в традиционные представления об уровне исторического развития Киева и Киевской земли XII — начала XIII в. Из этого, естественно, не следует, что археологи свою задачу выполнили. Углубленное изучение памятников Южной Руси и дальнейшее накопление источников остаются важной задачей древнерусской археологии и на будущее.

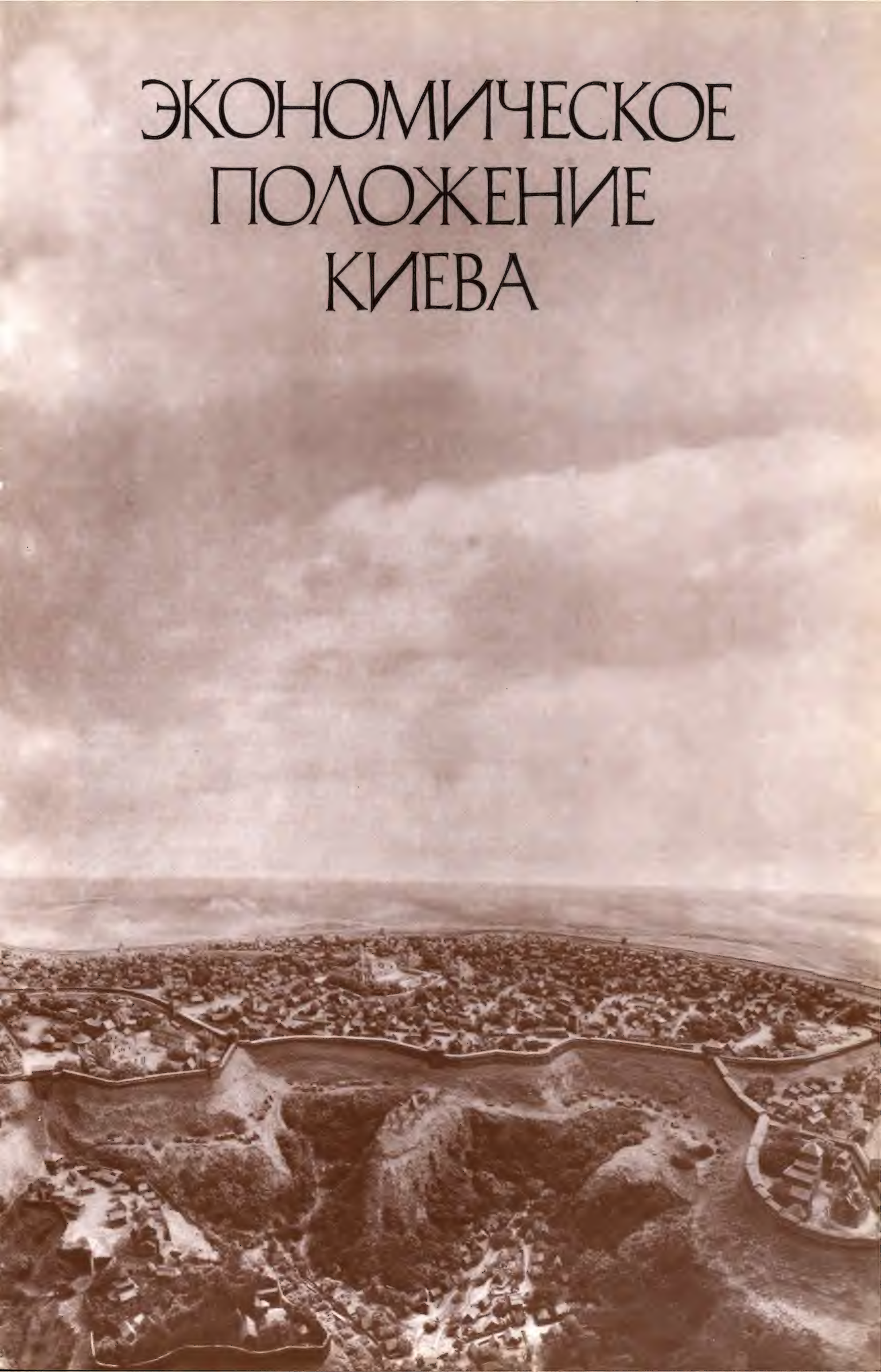
Крест-энколпион. Киев. Старокиевская гора. Конец XII — начало XIII в. Бронза, литье. Из раскопок 1968 г.

* Характеристика их, составленная на основании археологических и письменных источников, содержится в главе «Киевская земля».

Верхний город.
Фрагмент диорамы.

Центральная — аристократическая часть древнего Киева. Сформировалась в первой половине XI в. Архитектурный облик определялся, в значительной степени, великолепными культовыми постройками, дворцами и теремами феодальной знати.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИЕВА



Экономическое развитие Киева (и Киевской земли) является одним из центральных вопросов в исследовании эпохи феодальной раздробленности Древней Руси. От его правильного решения во многом зависит объективная оценка эпохи в целом. Взаимосвязь этих исследовательских задач в советской историографии хорошо сознавалась, однако решались они не всегда на основании достоверных фактов. Вплоть до 50-х годов над многими исследователями довлел груз традиционных представлений о регрессивности феодальной раздробленности, что, естественно, накладывало отпечаток и на освещение ряда частных вопросов исторического развития древнерусских земель XII—XIII вв. Так, экономический упадок Киева и всего Среднего Поднепровья не столько доказывался на конкретных материалах, сколько декларировался, исходя из представления о прямой зависимости экономического развития Киева от его политического положения. Выходило очень просто: ослабла политическая власть — пришла в упадок и экономика.

По мнению историка архитектуры А. В. Бунина, больше всего это отразилось на строительной деятельности Киева, которая в XII—XIII вв. значительно сокращается[1]. А. С. Гущин считал, что потеря Киевом своего значения и его окончательное захирение прослеживается в ремесле, в частности ювелирном, расцвет которого может быть отнесен только к XI в.[2] Аналогичную мысль высказала также и Г. Ф. Корзухина, согласно которой перемещение центров активной политической жизни на север и северо-восток в период феодальной раздробленности лишило Среднее Поднепровье его прежнего значения[3]. Б. Д. Греков видел в этом обратную связь. Торговые города Среднего Поднепровья пришли в упадок в связи с перемещением торговых путей. Большой торговый город Киев, на котором наиболее пагубно сказалось это перемещение, теряет в XII в. свое экономическое, а вместе с ним и политическое значение[4].

В последнее десятилетие, особенно после выхода в свет трудов Б. А. Рыбакова, доказавшего прогрессивность этапа феодальной раздробленности, оценки экономического положения Киева претерпели значительные изменения. Начало этому положил Б. А. Рыбаков, который первым подверг обоснованному сомнению теорию о запустении Киева XII—XIII вв. и показал, что город продолжал оставаться крупнейшим экономическим и культурным центром Руси[5]. Вслед за ним к аналогичному выводу пришли и авторы коллективного труда по истории Киева, отмечавшие, что, несмотря на усиление феодальной раздробленности, в XII — начале XIII в. Киев сохранял значение самого крупного городского центра Восточной Европы[6]. Ю. С. Асеев, исследуя архитектуру Среднего Поднепровья XII—XIII вв., также пришел к выводу о прогрессивности культурного развития Киева, являвшегося одним из законодателей архитектурной и художественной моды на Руси[7]. Несостоятельность традиционного представления о

---

[1] *Бунин А. В.* Указ. соч., т. 1, с. 173.

[2] *Гущин А. С.* К вопросу о славянском земледельческом искусстве.— В сб.: Изобразительное искусство.— ГИИИ, 1927, с. 74—75.

полном упадке Киева в результате перенесения торговых путей после крестовых походов отметил недавно В. Т. Пашуто[8].

Приведенные мнения отражают тенденцию в исследовании вопроса об экономическом положении Киева и Среднего Поднепровья в эпоху феодальной раздробленности, но не свидетельствуют о полном преодолении традиционных представлений об упадке Киева в период феодальной раздробленности. В ряде исторических работ вывод о поступательном историко-культурном развитии древнего Киева в XII—XIII вв. излагается со значительными оговорками; иногда его вообще не замечают.

Примером этому может быть исследование А. М. Сахарова, посвященное образованию и развитию Российского государства: «То, что объединительные процессы были возглавлены северо-восточными русскими князьями, объясняется тем, что именно земли в лесах междуречья Оки и Волги имели в XII—XIII вв. наибольшее экономическое развитие. Это было связано с перемещением части населения с юга, из лесостепной зоны Среднего Поднепровья. Жить там было тревожно вследствие вторжения кочевников... Кроме того, терял былое значение водный путь «из варяг в греки». Пустели города и села. Население уходило на северо-восток»[9].

Думается, что А. М. Сахаров упрощенно понимал как сам колонизационный процесс волго-окского междуречья, так и его последствия. Ведь освоение новых земель вовсе не предполагает запустения районов, из которых оно осуществляется. Из Среднего Поднепровья, наиболее густо заселенной части Киевской Руси, уходило свободное население, отлив которого не только не приводил к экономическому упадку районов выселения, а скорее способствовал их дальнейшему развитию.

Возрождение теории об экономическом запустении Среднего Поднепровья XII—XIII вв., как явствует из книги А. М. Сахарова, понадобилось для обоснования тезиса о том, почему прерванные монголо-татарским нашествием объединительные процессы оказались особенно жизненными на северо-востоке. В свое время, предостерегая от связывания падения значения Киева непосредственно с перенесением центра русской истории на северо-восток, видный историк-марксист М. Н. Покровский замечал, что переход этот не был прямой и непосредственный[10].

Разноречивость приведенных выше оценок убеждает в том, что, основываясь на анализе какой-либо одной категории источников, невозможно получить объективную картину экономического положения Киева и Киевской земли XII—XIII вв. Нужен анализ всех имеющихся в распоряжении современной науки источников и прежде всего широкое привлечение археологических материалов.

В настоящей главе на основании археологических и письменных источников предпринята попытка воссоздать реальный социально-экономический образ Киева XII—XIII вв. путем раскрытия наиболее существенных сторон его жизни.

Источники экономического развития Киева

Говоря о роковых последствиях перемещения международных торговых путей для Киева XII в., исследователи, вольно или невольно, исходили из признания того положения, что именно торговля была основой его экономики. Конечно, торговый фактор играл огромную роль в жизни древнего Киева,

---

[3] *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, 14. М.—Л., 1950, с. 233.
[4] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 491.
[5] *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в., с. 53.
[6] История Киева, т. 1. К., 1963, с. 82.
[7] *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі..., с. 114—118; *Асєєв Ю. С.* Мистецтво стародавнього Києва..., с. 71.
[8] *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы, с. 191.
[9] *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства XIV—XVII вв., с. 27.
[10] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен, т. 1, с. 98.

Бармы из клада, найденного в 1880 г. на ул. Б. Житомирская. XII–XIII вв. Золото, перегородчатая эмаль.

Трехбусинная серьга киевского типа из клада 1880 г. XII–XIII вв. Золото, скань.

Браслет из клада, найденного в 1885 г. неподалеку от Софийского собора. XII–XIII вв. Серебро, литье.

Колты из клада 1885 г. Серебро, чернь.

Топография древнерусских кладов, найденных в Киеве

Город Владимира

1 — 1842 г. Усадьба Десятинной церкви; *2* — 1846 г. Усадьба Анненкова; *3* — 1846 г. Усадьба Анненкова; *4* — 1847 г. Усадьба Анненкова; *5* — 40-е годы XIX в. Усадьба Десятинной церкви; *6* — 1857 г. Усадьба Климовича; *7* — 1862 г. Ул. Б. Владимирская; *8* — до 1868 г. Усадьба Десятинной церкви; *9* — 1872 г. Угол ул. Б. Владимирская и Десятинного пер.; *10* — 1872 г. Ул. Б. Владимирская; *11* — 1876 г. Усадьба Лескова; *12* — 1877 г. Угол ул. Трехсвятительской и Б. Владимирская; *13* — 1898 г. Усадьба Десятинной церкви; *14* — 1899 г. Усадьба Десятинной церкви; *15* — 1900 г. Усадьба Реального училища; *16* — 1901 г. Ул. Трехсвятительская; *17* — 1903 г. Ул. Трехсвятительская; *18* — 1908 г. Усадьба Десятинной церкви; *19* — 1909 г. Усадьба Десятинной церкви; *20* — 1909 г. Усадьба Десятинной церкви; *21* — 1911 г. Усадьба Десятинной церкви; *22* — 1910 г. Усадьба Трубецких; *23* — 1912 г. Усадьба Десятинной церкви; *24* — 1914 г. Десятинный пер.; *25* — 1936 г. Усадьба Петровского; *26* — 1936 г. Усадьба Государственного исторического музея; *27* — 1955 г. Ул. Владимирская, 7–9.

Город Ярослава

1 — 1827 г. Вблизи Сретенской церкви; *2* — 1854 г. Площадь у Присутственных мест; *3* — 1876 г. Ул. Рейтарская; *4* — 1880 г. Ул. Б. Житомирская; *5* — 1885 г. Троицкий (Рыльский) пер.; *6* — 1889 г. Троицкий пер.; *7* — 1889 г. Ул. Рейтарская; *8* — 80-е годы XIX в. Львовская пл.; *9* — 1893 г. Угол Сретенской и М. Владимирской; *10* — 1898 г. Неподалеку от Скорбященской церкви; *11* — 1902 г. Ул. Б. Житомирская; *12* — 1904 г. Усадьба Софийского собора; *13* — до 1914 г. Ул. Стрелецкая; *14* — 1938 г. Ул. М. Житомирская; *15* — 1939 г. Ул. Стрелецкая.

Михайловское отделение

1 — 1787 г. Склоны Михайловской горы; *2* — 1824 г. У северной стены ограды; *3* — 1841 г. Склоны Михайловской горы; *4* — 1887 г. Усадьба Михайловского монастыря; *5* — 1903 г. Усадьба Михайловского монастыря; *6* — 1906 г. Усадьба Михайловского монастыря; *7* — 1906 г. Ул. Трехсвятительская; *8* — 1907 г. Усадьба Михайловского монастыря; *9* — 1940 г. Усадьба Михайловского монастыря; *10* — 1949 г. Ул. Героев Революции.

Валы

Клады

но никогда не был основным и единственным. Развитие одного из главных городов Руси, являвшегося своеобразным фокусом передовых достижений страны, определялось рядом хозяйственных факторов, которые составляли систему его экономики.

Исследуя источники экономического развития Киева, как и других крупнейших древнерусских городов, историки главное внимание обращают на ремесло и торговлю и реже, если не совсем редко,— на сельскохозяйственное производство. Между тем роль его в жизни средневекового города трудно переоценить. И дело здесь не только в том, что средневековые города длительное время сохраняли полуаграрный характер, поскольку их жители занимались земледелием. Более существенным являлось то, что каждый город имел значительную сельскохозяйственную округу, которую он эксплуатировал (феодальная рента, церковная десятина, различные налоги) и тем самым умножал свои богатства. Для Киева в силу его традиционного столичного положения такой экономической округой была не только Киевская земля. Не случайно даже в период феодальной раздробленности в Киеве разрабатывались судебно-правовые нормы, охранявшие экономические интересы феодалов всех древнерусских княжеств.

Рожденный на заре феодальной эпохи, Киев в XII—XIII вв. представлял собой крупнейший центр феодального землевладения, теснейшим образом связанный с сельскохозяйственным развитием всей страны. Князь, земельная знать, старшая дружина, высшее духовенство, эксплуатируя крестьянский труд, обеспечивали непрерывный приток в Киев огромных богатств, делавших его в XII—XIII вв. крупным экономическим центром страны.

Большие доходы имел великокняжеский двор. Поступали они в столицу не только с Киевщины и домениальных владений великих князей, но и в виде дани с удельных княжеств. Это старое право Киева, появившееся вместе с рождением Древнерусского государства, продолжало оставаться в силе и в XII—XIII вв., хотя во многих случаях — в видоизмененной форме. Никоновская летопись под 1133 г. сообщает, что великий киевский князь Ярополк «посла братанича своего Изяслава Мстиславича къ Новугороду, да дадятъ дань на Киевъ по старинѣ, такоже и отъ Смоленска и отъ Дунайска»[11].

Значительные богатства поступали в Киев в виде контрибуций с побежденных князей. Так, в 1146 г. Владимир Галицкий вынужден был уплатить Всеволоду Ольговичу (взамен на обещание прекратить поход и вернуть днестровские города) 1400 гривен серебра, а Изяслав Мстиславич значительно пополнил свое состояние за счет разграбления замка Игоря Ольговича. На протяжении XII — начала XIII в. великие киевские князья очень часто получали от удельных владетелей дары, которые также увеличивали экономическую мощь Киева.

Великокняжеский двор, как свидетельствует летопись, представлял собой настоящую государственную казну. В 1068 г. киевляне, изгнавшие князя Изяслава Ярославича, разграбили и его двор, где было «бещисленое множѣство злата и серебра, и кунами и скорою»[12]. Великий князь Святослав Ярославич для достижения ка-

---

[11] Полное собрание Русских летописей (далее — ПСРЛ), т. 9. Никоновская летопись. Спб., 1862, с. 158.

[12] ПСРЛ. Летопись по Ипатьевскому списку, т. 2. М., 1962, стб. 161.

[13] Там же, стб. 189—190.

Княжеская диадема с деисусным чином из клада 1889 г., найденного по Троицкому пер. XII в. Золото, перегородчатая эмаль.

ких-то целей во время переговоров с немецкими послами демонстрирует им свои богатства — «бещисленное множество злата, и серебра, и паволокъ» [13]. Не меньше богатства имели киевские князья и в XII—XIII вв. Неодолимое стремление князей овладеть Киевом диктовалось не только почетной ролью великого князя, но и соображениями экономических выгод. Сказание о Борисе и Глебе, говоря о преимуществах княжеского сана, сообщает «Къдѣ бо их жития и слава мира сего, и багряница и брячины, серебро и злато, вина и медове, брашьна чьстьная, и быстрии кони, и домове красьннии и велиции, имения многа, и дани и чести бещисльны» [14].

Немецкие послы, увидев сокровища великокняжеского двора, заметили, что «се ни во что же есть, се бо лежить мертво»[15]. Вряд ли их упрек справедлив. Летопись полна известий о строительстве великими князьями каменных соборов и монастырских комплексов, собирании библиотек, отчислении части доходов со своих домениальных владений на нужды церкви. Тот же Святослав, по свидетельству Киево-Печерского патерика, пожертвовал на перестройку церкви Успения божьей матери Печерского монастыря 100 гривен золота. Основателями монастырей и инициаторами строительства новых церковных зданий были великие князья Мстислав Владимирович, Всеволод Ольгович, Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич. О последнем князе летопись замечает, что он имел «хотѣние же к манастыремъ и ко всимъ церквамъ и любовь несытну о зданьихъ»[16]. Великокняжеские средства способствовали также развитию ремесла, главным образом художественного. В пределах княжеских дворов работали лучшие киевские ювелиры, резчики, художники.

В XII—XIII вв. в жизни древнего Киева все большее значение приобретают дворы феодальной знати. Согласно заключению М. Н. Тихомирова, развитие городской жизни привело к образованию боярства, связанного с городами, другими словами,— к выделению городского патрициата[17]. Летопись упоминает более 20 боярских и воеводских фамилий, имевших в Киеве свои дворы. В действительности их было значительно больше. Для Новгорода В. Л. Янин называет цифру 300, в Киеве, видимо, было не меньше.

В руках киевских бояр сосредоточивались значительные феодальные поместья, доходы от которых поступали в Киев. О размерах богатств феодальной верхушки в какой-то мере

---

[14] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 45.
[15] ПСРЛ, т. 2, стб. 190.
[16] Там же, стб. 710.
[17] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 161.

Литейная форма для серебряных колтов. Киев. XII в. Шифер, резьба.

Литейная форма для звездчатых колтов. Киев. XII в. Шифер, резьба.

свидетельствуют клады дорогих ювелирных изделий из золота и серебра, монетных гривен. За всю историю археологического изучения Киева их выявлено около 60 и почти все в пределах верхнего города[18], где проживали высшие слои древнекиевского общества. Золотые гривны, кольца, цепи, браслеты как принадлежность туалета бояр и княжеских отроков неоднократно упоминаются в письменных источниках. В них же содержатся и более конкретные данные о жизни киевских вельмож и размерах их богатств. Рассказывая о выезде знатного киевлянина, «Житие Феодосия» отмечает, что он «одѣвся в одежду свѣтлу и тако въсѣд на конь поѣха къ старцю, и отроци бѣща окрестъ его ѣдуще и другие кони ведуще предъ нимъ въ утвари»[19]. Патерик сообщает, что какой-то черноризец Иоанн, раздав часть своего имения нищим, оставил сыну в наследство «1000 гривенъ злата». Тысяцкий Георгий пожертвовал на оковку гроба св. Феодосия 500 гривен серебра и 50 золота[20].

Родословную отдельных боярских династий удается проследить на протяжении 100—150 лет. Многие из них играли важную роль в государственных делах и поднимались фактически до ранга мелких удельных князей. Известно, что первый (из упомянутых в летописи) представитель боярского рода Чудиных Микула в 1072 г. держал в своем управлении Вышгород. В руках его сына или внука Ивана Чудина, принимавшего участие в известном Берестовском совещании 1115 г., созванном Мономахом, находились, вероятно, приднепровские города-крепости Иван и Чудин.

К сожалению, пока не удалось археологически выявить ни одной усадьбы представителя древнекиевской знати, однако можно себе представить, что и по архитектуре и по размерам они выделялись среди массовой застройки города. Большинство феодальных дворов Киева имели и небольшие церкви-божницы. Видимо, именно о таких церквях говорит летописец под 1124 г., сообщая, что во время двухдневного пожара «церквей единѣх изгорѣ близ 6 сот»[21]. Построены они были в основном из дерева, однако встречались, очевидно, и кирпичные. Небольшая капличка XII—XIII вв., сложенная из плинфы и брусчатого кирпича, обнаружена в 1967 г. в пределах древнего Копыревого конца[22].

Безусловно, наличие в древнем Киеве большого числа бояр умножало богатство города и благоприятно сказывалось на его экономическом развитии.

Значительной силой, способствовавшей притоку богатств в Киев, была церковь. Уже уставом князя Владимира Святославича ей отводилась десятая часть княжеских доходов. «И по том же лѣтомъ многымъ минувшемь създахъ церковь святыя Богородица Десятинную и дахъ еи десятину по всеи землѣ Рустѣи, исъ княжения въ съборную церковь от всякого княжа суда десятую вѣкшу, а отъ торгу десятую неделю, а из домовъ на всяколе лѣто десятое от всякого стада и от всякого жита чюдному Спасу и чюдьнѣи его матери»[23].

Спустя некоторое время, как свидетельствуют княжеские уставы, церковь не только не испытывала ограничений в своем юридическом праве на взимание десятины, но систематически расширяла его. Устав Владимира среди источников материального обеспечения церкви не называет землевладения: последующие уставы, в частности смоленская грамота, свидетельствуют о передаче ей сел и земель. В XII—XIII вв. феодальное землевладение становится одним из главных источников существования церкви. Крупнейшими владетелями феодальных земель были киевская митрополия, Киево-Печерский, а также фамильные княжеские монастыри, крупные храмы.

К числу имений митрополичьей кафедры, как считали Е. Е. Голубинский, митрополит Макарий и др., относился город Синелец, упомянутый в Никоновской летописи и отождествляемый с городищем в с. Сенче на Суле[24]. Прямым указанием на существование церковных владений является статья 1172 г. Ипатьевской летописи. Рассказывая о грабительском походе половцев на Киев, летописец отмечает, что

---

[18] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва, с. 118—129.
[19] *Бодянский О.* Житие Феодосия Печерского.— Чтение в ОИДР, кн. 3, 1858, с. 7.
[20] Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 194, 190.

они подошли и к «Полоному къ святѣи Богородицѣ къ граду Десятиньному»[25].

Значительно больше сведений имеется в источниках о хозяйстве Печерского монастыря, который имел крупные земельные владения уже в начальный период своей истории. Это хорошо видно из рассказа Патерика о борьбе игумена Феодосия с бесами в одном из монастырских сел: «Прииде же (Феодосий.— *П. Т.*) въ село то и въ вечеръ единъ вниде въ хлевину ... се же оттолѣ ни въ селѣ томь пакости творити никому же». Незадолго перед смертью Феодосий призвал к себе всех монахов, в том числе и тех, «еже и въ селѣх или на иную кую потребу отшли» [26].

Владея многими селами, Печерский монастырь не был бедной обителью, как это пытался изобразить автор жития Феодосия и утверждали некоторые поверившие ему историки. И. Я. Фроянов по этому поводу пишет: «нельзя, разумеется, преувеличивать степень необеспеченности Лавры (речь идет о Печерском монастыре.— *П. Т.*)... Но не подлежит сомнению, что монахи иногда испытывали нехватку в продуктах питания и восполняли ее, прибегая к рынку. Следовательно, наличное монастырское хозяйство не всегда удовлетворяло самые насущные потребности братии»[27]. Думается, что «удовлетворение насущных потребностей братии» не находилось в прямой зависимости от уровня развития монастырского хозяйства. Зависимые крестьяне также постоянно нуждались в самом необходимом, что вовсе не свидетельствует о неразвитости и незначительности феодальных хозяйств князей и бояр. Богатства, создаваемые крестьянами монастырских сел, шли на строительство храмов, приобретение дорогих икон, церковных книг, богатых одежд, оседали в руках представителей высшего духовенства и меньше всего удовлетворяли нужды простых монахов.

Земельные владения Печерского монастыря постоянно увеличивались в размерах. О том, как это происходило, наглядное представление дает летописная статья 1158 г.: «Том же лѣто преставися блаженая княгини Глѣбовая Всеславича, дочи Ярополча Изяславича... си бо блаженная княгини велику имѣяше любовь, съ княземъ своимъ, къ святѣй Богородици и къ отцю Федосью, ревнующи отцю своему Ярополку. Сии бо Ярополкъ вда всю жизнь свою, Неблъскую волость и Дерьвьскую и Лучьскую, и около Киева; Глѣб же вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота: а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по своем животѣ вда княгини 5 сел и съ челядью, и все да и до повоя» [28].

О характере пожалования князя Ярополка Изяславича в литературе высказывались различные мнения. Е. Е. Голубинский считал, что в летописи речь идет о передаче Печерскому монастырю земельных владений в собственность[29]. Так же понимали этот дар и советские историки Б. Д. Греков, Я. Н. Щапов [30].

И. Я. Фроянов, указав, что подобного рода пожалования в западноевропейских средневековых государствах означали не передачу земли в собственность, а лишь право сбора налогов, склонен аналогичным образом толковать и акты передачи земель монастырям русскими князьями[31].

Сообщение о даре Ярополка Изяславича позволяет поразному понимать правовой статус переданных им волостей Печерскому монастырю. Они могли быть выделены и во временное держание с правом получения доходов, и в постоян-

Литейная форма для серебряных пластинчатых браслетов-наручей. Киев. XII в. Шифер, резьба.

Боевая булава. Киев. XIII в. Бронза, литье.

---

[21] ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962, стб. 293.
[22] *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 80—87.
[23] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976, с. 18.
[24] ПСРЛ, т. 9, стб. 130.
[25] Там же, т. 2, стб. 556.
[26] Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 45, 52.
[27] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1974, с. 75.
[28] ПСРЛ, т. 2, стб. 492—493.
[29] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. 1. М., 1904, с. 712—713.
[30] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 138; *Щапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. с. 332.
[31] *Фроянов И. Я.* Указ. соч., с. 77—79.

Колт. Киев. XII в. Золото, перегородчатая эмаль.

Фрагмент эмалевого изображения.

ное. Однако уже продолжение цитированной статьи не оставляет сомнения в том, что Печерскому монастырю земельные владения отказывались и в полную собственность.

Получал Печерский монастырь подарки и от бояр. Это было как движимое имущество — «от имѣений своихъ на утешение братии и на устроение монастырю», так и недвижимое — «друзии же села вдающе монастыреви и братии»[32]. Нет сомнения, что речь здесь идет не об уступке тем или иным боярином права на сбор доходов, а о полной передаче сел монастырю.

Естественно, в летописи и других письменных источниках отмечены лишь единичные факты экономических поступлений в пользу киевской церкви, но и они достаточно свидетельствуют о ней как о крупном землевладельце. Характерно, что ее земельные угодья и села находились не только в пределах великокняжеского домена, но также и в ряде удельных княжеств. В этом сказалась особая роль Киева XII—XIII вв., продолжавшего оставаться церковной столицей Руси.

Значительное место в экономической жизни древнего Киева занимало ремесленное производство, которое в XII—XIII вв. переживало период своего расцвета. Возникновение многоотраслевого ремесленного производства во Владимире, Рязани, Галиче и других городах Руси не означало затухания его в старых центрах. Киев и Среднее Поднепровье перестали быть единственным средоточием культуры, но по-прежнему оставались высококультурными областями[33]. Изучение ремесленных изделий Киевской Руси привело Б. А. Рыбакова к выводу, что никакого упадка ремесла со второй половины XII в., как это иногда утверждается, не наблюдается ни в Киеве, ни в других местах[34].

Процесс изготовления колта с перегородчатой эмалью (По Б. А. Рыбакову).

Прорезная матрица для тиснения золотых листов.

[32] Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 31.
[33] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 432—433.
[34] Там же, с. 521.

Тиснение золотого листа.

Напаянные перегородки для разных цветов эмали.

Увеличенная деталь колта.

Вид колта сбоку.

Конкретным подтверждением этого важного вывода явилось обнаружение и исследование многочисленных ремесленных мастерских древнего Киева. Тщательное изучение обстоятельств их гибели позволило М. К. Каргеру установить, что основная масса мастерских была разрушена и прекратила свое существование в результате разгрома города монголо-татарскими полчищами в декабре 1240 г. Бóльшая часть известных ныне произведений киевского ремесла и сами мастерские относятся к концу XII — началу XIII в.[35]

Киевское ювелирное производство XII—XIII вв. находилось на высоком уровне развития. В этом убеждают нас следующие факты. Обнаруженные в городе клады имели в своем составе более 3000 дорогих ювелирных изделий из золота, серебра, сплавов. Тысячами исчисляются различные медные кресты, энколпионы, иконки и другие изделия, вышедшие из литейных мастерских Киева XII—XIII вв. Накануне монголо-татарского нашествия древнерусские ювелиры освоили новую технику литья в имитационных формочках, способствовавшую резкому увеличению производства украшений на широкий рынок.

По заключению Г. Ф. Корзухиной, идея изготовления литых украшений принадлежала опытным ювелирам Киева, где и обнаружено подавляющее большинство имитационных формочек: 98 из 140. Появление имитационных формочек было свидетельством широко и разносторонне развитого ремесла и не может считаться признаком его упадка. Накануне монгольского нашествия киевские ювелиры стали законодателями мод[36]. Их продукция удовлетворяла не только нужды Киева, но и шла на местный и внешний рынки.

Как показали исследования Б. А. Рыбакова, только наличие широкого и гарантированного круга заказчиков или рынка могло способствовать появлению таких дорогих и трудоемких приспособлений, как литейные формы[37]. К аналогичному выводу пришел и М. К. Каргер, полагавший, что техника свинцовых или оловянных отливок в имитационных формочках свидетельствует о весьма важных процессах в развитии киевского ремесла. От изготовления единичных экземпляров дорогостоящих изделий, выполнявшихся по индивидуальному

---

[35] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 372—373.
[36] *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, с. 220—227, 234.
[37] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 271.

Браслет. Киев. XII в. Серебро, литье, гравировка, чернь.

заказу, киевские ремесленники перешли к серийному производству на широкий рынок[38].

Особую отрасль литья в каменных формах представляет литье крестов-энколпионов, в изготовлении которых киевские мастера XII—XIII вв. достигли большого совершенства. Об этом свидетельствуют, в частности, и находки крестов последних лет, которые отлиты в плоской и рельефной формах.

Еще большего совершенства, чем «кузнецы злату, серебру и меди», достигли древнекиевские мастера эмалей. Княжеские диадемы и бармы, медальоны и колты, кресты и ожерелья, драгоценные переплеты книг и сегодня поражают высоким мастерством и свежестью красок. Б. А. Рыбаков, а также Т. И. Макарова, посвятившая русским перегородчатым эмалям серьезное монографическое исследование, показали, что этот вид художественного ремесла, возникнув в Киеве в XI в., достигает наивысшего развития в XII — начале XIII в.[39] Пройдя школу греческих мастеров, киевские эмальеры уже к началу XII в. могли выполнить заказ любой сложности. Не случайно в украшении знаменитого Мстиславова Евангелия, написанного в Новгороде около 1117 г., наряду с византийскими принимали участие и киевские мастера. Как видно из приписки к Евангелию, книгу возили в Царьград, затем в Киев, где и «сконьчася въсе дело».

Т. И. Макарова, осуществив тонкий анализ пяти дробниц (киотцев) Мстиславова Евангелия, предприняла попытку пересмотреть традиционное представление об их киевском происхождении. В цветовой гамме и в некоторых особенностях «рисунка» перегородками у мастера, по ее мнению, больше последователей в Новгороде[40]. Вывод этот, однако, не колеблет совершенно четкое указание приписки на место работы. Наличие новгородских последователей может быть объяснено тем, что именно эмали оклада послужили толчком к налаживанию местного эмальерного производства. Если бы оно к моменту написания Мстиславова Евангелия было развито в Новгороде, не было бы смысла заканчивать работу над окладом в Киеве.

С киевской эмальерной мастерской исследователи более уверенно связывают две княжеские диадемы (с деисусным чином и с изображением Александра Македонского), бо́льшую часть медальонов от бармы, многие колты, кресты-энколпионы, ряд образков. Вершиной русского эмальерного дела, как убедительно показала Т. И. Макарова, являются работы киевского мастера второй половины XII в. Лазаря Богши, лучшая среди которых — крест Ефросиньи Полоцкой (1161 г.)[41].

---

[38] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 386—387.
[39] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 384—389; *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
[40] *Макарова Т. И.* Указ. соч., с. 100.

Браслет. Киев. XII в. Серебро, литье, гравировка, чернь.

В XII в. эмальерное производство получило развитие в Новгороде, Галиче, Рязани и других древнерусских городах, но крупнейшим его центром оставался Киев.

В настоящее время известно свыше 100 предметов, украшенных перегородчатой эмалью, и более половины их найдено в кладах Киева и Киевщины[42]. В городе раскопаны также и ювелирные мастерские, в которых изготовлялись вещи с перегородчатой эмалью. Функционировали они, как можно заключить по находкам, в конце XII — первой половине XIII в. и погибли во время монголо-татарского нашествия.

Диадемы и бармы, кресты и ожерелья, являвшиеся украшениями парадных уборов или же инсигниями власти лиц княжеско-боярского и духовного звания, неизменно вызывают интерес у исследователей. В литературе отмечаются высокий уровень технологии производства эмалей, их художественные достоинства. Значительно реже встречаются попытки историко-этнографического осмысления этих памятников. Между тем именно этот аспект исследования играет решающую роль в определении настоящего их места в жизни древнерусского общества.

На современном уровне развития исторических знаний нас уже не может удовлетворить утверждение о том, что изделия из эмали украшали костюм знати. Нужны реконструкции этого костюма, где бы каждая ювелирная вещь нашла свое место. Работа эта трудная, но крайне необходимая.

В монографии предложено вниманию читателей несколько таких реконструкций, которые, надеемся, помогут лучше представить исследуемую эпоху.

Искусством черни киевские ювелиры овладели, видимо, уже в X в., но наивысшего мастерства достигли в XII — начале XIII в. В киевских кладах этого времени неизменно находились серебряные черненые колты, медальоны, перстни, кресты-энколпионы, широкие браслеты. Встречаются подобные изделия и во время раскопок.

Крест-энколпион. Киев. Подол. XII—XIII вв. Бронза, литье, чернь. Из раскопок 1974 г.

Особый интерес представляют широкие браслеты-наручи, которые принадлежат к числу лучших произведений древнерусского художественного ремесла. Согласно сведениям, поступившим в литературу, в Киеве найдено девять таких браслетов. Стилистически все они близки между собой, но отличаются разнообразием декора. На створках наручей, которые чаще всего разделены тремя киотцами, изображены фантастические звери и птицы, цветы, растительные мотивы. Поражает исключительная декоративность изображений. Хвосты зверей и птиц стилизованы в виде сплетений растительных побегов, заполняющих все свободное пространство киотцев. Схематизм в трактовке сиринов и драконов, грифонов и симарглов также усиливает впечатление декоративности.

В большинстве своем изображения на серебряных браслетах, как это показал Б. А. Рыбаков, являются отражением языческой символики[43], которая дольше всего удерживалась в народном творчестве. На некоторых наручах, как, например, на происходящем из клада 1903 г., имеются изображения жанровых сценок. В трех его киотцах переданы фигуры гусляра, танцующего воина и женщины с опущенными рукавами. По

---

[41] *Макарова Т. И.* Указ. соч., с. 70—73, 100.

[42] *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* О центрах эмальерного дела Древней Руси.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 100.

[43] *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл — Переплут.— СА, 1967, № 2, с. 110.

Византийские амфоры XI—XIII вв. Киев. Подол. Раскопки 1972—1976 гг.

мнению Г. К. Вагнера, тематика серебряных браслетов, кроме русальной обрядности, отражает эпические пиры[44]. Изображения на киевском, как и на других, близких к нему, браслетах (тверском, старорязанском, литейной формочке из Серенска) тематически перекликаются с композицией скоморошьих игр и плясок на южной лестничной башне Софийского собора в Киеве.

Изготовление широких браслетов-наручей было освоено киевскими мастерами не ранее середины XII в. В наборе украшений предыдущего периода они не встречаются. На этом основании В. П. Даркевич высказал предположение, что форма русских серебряных наручей генетически восходит к византийским[45]. Исходя из общих тенденций в развитии древнерусского прикладного искусства, испытывавшего большое влияние византийского, такой вывод представляется вполне естественным. Русские серебряные браслеты, совершенно отличаясь от византийских стилем сюжетных и орнаментальных композиций, а также техникой их исполнения, по форме, действительно, очень близки к ним. Правда, византийские (как и древнерусские) браслеты также датируются XII—XIII вв. и пока не ясно, имеют ли они сами корни в украшениях более раннего времени.

В конце XII в. мастера черневого дела переходят к новой технике. Если раньше фон серебряных изделий был черным, а рисунок светлым, то теперь черневой массой заполнялся

Кухонные горшки. Киев. XII—XIII вв. Раскопки 1973—1976 гг.

---

[44] *Вагнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 143—144.

[45] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975, с. 274.

Керамические светильники. Киев. XII—XIII вв. Раскопки 1972—1975 гг.

только рисунок, а фон оставался гладким, натуральным. Прекрасным образцом новой техники является крест-энколпион, обнаруженный в 1974 г. на Подоле. Он бронзовый. Фон его гладкий, рисунок исполнен черневым контуром. В центре креста находится изображение Иисуса Христа с Евангелием в левой руке и поднятой правой. В верхнем и боковых округлых медальонах — поясные изображения архангела Михаила, апостолов Петра и Павла. Вся композиция очень декоративна, линии рисунка жирные, детали выявлены. Особой декоративностью отличаются одежда и обувь Христа. Свободные от рисунка плоскости энколпиона заняты надписями: «ІС—ХС, Михаилъ, Петръ, Павлъ». Контуры креста и медальонов окаймлены чеканными линиями, выполненными пуансоном.

Плоские энколпионы с черневыми изображениями Г. Ф. Корзухина датировала второй половиной XII — первыми десятилетиями XIII в. (до монгольского нашествия)[46]. К концу этого периода, видимо, следует относить и энколпион, найденный нами на Подоле.

В XII в. наблюдается подъем древнерусского стеклоделия. Многочисленные церковные и гражданские постройки Киевской Руси требовали налаживания отечественного производства оконного стекла, быт — разнообразной стеклянной посуды и украшений.

В связи с особой технологической сложностью стеклоделия оно концентрировалось преимущественно в крупных городских центрах и прежде всего в Киеве. Широкий ассортимент стеклянных изделий, обнаруженных раскопками Киева, а также выявленные на Старокиевской горе, на территории Печерского и Михайловского монастырей, на Подоле стекловаренные мастерские свидетельствуют о значительном и высоко организованном производстве стекла, удовлетворявшем не только нужды Киева, но и других городов Руси XII—XIII вв. Раскопками 1973 г. в пределах Города Ярослава были обнаружены остатки еще одной стеклоделательной мастерской, в которой находилось более 200 целых и фрагментированных браслетов, стеклянные шлаки, обломки тонкостенной стеклянной посуды (рюмок, кубков), оконное стекло[47]. Вплоть до середины XII в., согласно исследованиям Ю. Л. Щаповой, Киев удерживал монополию производства стеклянных браслетов и был главным поставщиком их в другие земли[48]. С появлением этого производства в других центрах Руси киевские мастера-браслетчики не утратили своего ведущего положения. По заключению Б. А. Рыбакова, производственному размаху киевских мастерских соответствовал и район

Заготовки и отходы производства шиферных пряслиц из мастерской XII—XIII вв. Киев. Подол. Раскопки 1975 г.

---

[46] *Корзухина Г. Ф.* О памятниках корсунского дела на Руси.— ВВ, XIV. М., 1958, с. 133.

[47] *Боровский Я. Е.* Отчет о раскопках Киевской археологической экспедиции в 1973 г.— Науч. архив ИА АН УССР.

[48] *Щапова Ю. Л.* Мастерская стеклодела в древнем Любече.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 231; *Щапова Ю. Л.* Скляні браслети Київщини.— Археологія, т. 21. К., 1968, с. 107.

Серебряная гривна киевского типа. Шестиугольные монетные слитки имели хождение в пределах Южной Руси в XI—XIII вв. Средний вес киевских монетных гривен равнялся 163,72 г.

сбыта стеклянных браслетов, которые вывозились во все древнерусские города[49].

XII в. был периодом взлета керамического искусства Киева, проявлением чего явилось производство полихромной поливной керамики: горшков, кувшинов, писанок, декоративных плиток. Последние особенно в большом количестве обнаружены во время раскопок храмов и дворцов Киева, Белгорода, Вышгорода и ряда других центров Киевской земли. По мнению М. К. Каргера, керамические полихромные плитки с начала XII в. находят самое широкое применение в интерьерах киевских храмов и полностью вытесняют мозаику[50]. Вывод этот находит подтверждение и в новых раскопках монументальных сооружений Киева XII—XIII вв. Поливные керамические плитки найдены при исследовании храма XII в. в урочище Церковщина под Киевом, а также киевской ротонды начала XIII в.[51]

Изучение орнаментации поливных плиток позволило Б. А. Рыбакову прийти к выводу, что самая сложная техника прослеживается по белгородским образцам конца XII в. Расцвет поливного мастерства в Киеве в XI—XII вв. был обусловлен высоким развитием эмальерного дела, существовавшего на местной киевской сырьевой базе. Разнообразие изделий, знакомство с несколькими системами горнов, знание сложной технологии многоцветной поливы — все это, как считает Б. А. Рыбаков, выдвигает киевских гончаров на одно из первых мест в ряду европейских ремесленников[52]. В XII в. на внутреннем рынке они составили конкуренцию византийским керамистам. Именно этим исследователи склонны объяснять ограничение ввоза на Русь византийской поливной посуды[53].

Наиболее массовой продукцией являются горшки, миски, кувшины, корчаги, амфорки киевского типа, голосники, светильники. В XII—XIII вв. керамика Киева становится более тонкостенной, из глиняного теста исчезают грубые примеси. Формы сосудов отличаются изяществом профилировок. Чувствуется, что мастера в совершенстве освоили технологию керамического производства, овладели материалом.

Вместе с тем заметно стремление гончаров максимально упростить изготовление массовой продукции и, видимо, удешевить ее. Вместо сложнопрофильных манжетовидных венчиков в XII—XIII вв. появились валикообразные, не требовавшие от мастера прежней тщательности. Изменилось и отношение к орнаменту. На сосудах XII—XIII вв. он или вовсе отсутствует, или нанесен в виде нескольких врезных линий по плечикам. Кухонная керамика стала менее прочной.

---

[49] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 459—460.
[50] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 465.
[51] Материалы раскопок Киевской археологической экспедиции 1975—1976 гг.
[52] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 360—363.
[53] *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси.— КСИА, вып. 138, с. 95.
[54] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 188—202.
[55] Там же, с. 433.
[56] *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (По материалам ювелирного ремесла).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 22—25.

Ухудшение качества массовой продукции киевских гончаров при безусловном повышении уровня керамического производства свидетельствует об изменившемся характере ремесла. В XII—XIII вв. оно развивалось преимущественно под воздействием рынка. Массовый спрос порождал массовое предложение, что неизбежно вело к упрощению технологии.

Поступательным развитием характеризуются и другие виды древнекиевского ремесла XII—XIII вв., в частности кузнечное, костерезное, дерево- и камнеобрабатывающее, ткацкое, портняжное. В этом нас убеждают как сами изделия, сотнями и тысячами обнаруженные во время раскопок, так и ремесленные мастерские, выявленные и исследованные на Старокиевской горе, в пределах Города Ярослава, на Замковой горе, Детинке, на Подоле, а также на территории крупнейших киевских монастырей Михайловско-Златоверхого и Печерского.

Исследуя один из видов камнерезного производства — изготовление шиферных пряслиц,— Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что в нем заключается редкая для русского ремесла возможность точного установления ограниченного района производства и широкого района сбыта. Поскольку в то время мастерские по изготовлению шиферных пряслиц были известны исключительно в окрестностях Овруча, Б. А. Рыбаков высказал совершенно закономерное предположение, что производство пряслиц можно считать древнерусским кустарным промыслом[54].

В настоящее время появились материалы, которые позволяют несколько расширить эту характеристику организации производства шиферных пряслиц. В 1975 г. мастерская по изготовлению веретенных пряслиц была обнаружена в Киеве, на Подоле, что несомненно свидетельствует о принадлежности этого вида камнерезного производства и к городскому ремеслу. В Киеве для него была самая широкая сырьевая база. Большое монументальное строительство требовало постоянной доставки из Овручских каменоломен строительного шифера, часть которого использовалась для изготовления пряслиц.

Степень изученности киевского ремесла вообще и XII—XIII вв., в частности, не позволяет с уверенностью судить о конкретной его производственной мощности и удельном весе в экономической жизни всей страны, но вполне достаточна, чтобы убедиться в его прогрессивном развитии на протяжении всей домонгольской истории Киева.

Археологические раскопки, осуществленные в различных древнерусских центрах, не оставляют сомнения в том, что высокоразвитое киевское ремесло XII—XIII вв. оказывало самое глубокое преобразующее влияние на ремесленное развитие всей страны.

В свое время, основываясь на результатах анализа древнерусского ремесла, Б. А. Рыбаков отмечал, что в XII—XIII вв. Киев и Среднее Приднепровье, оставаясь высококультурными областями, перестали быть единственным средоточием культуры. Наряду с этими старыми центрами, на основе взаимосвязей с ними возникает сложное и разветвленное ремесло во Владимире, Рязани, Новгороде, Галиче, Полоцке и других городах[55].

Конкретным подтверждением этого вывода может быть исследование истории культурных связей Понеманья с Киевской землей, осуществленное в последнее время Ф. Д. Гуревич. Как показывает археологический материал, особой интенсивностью эти связи отличались начиная с XII в. В это время увеличился ввоз в Понеманье овручских пряслиц, стеклянных браслетов, оконного стекла, крестов-тельников, покрытых эмалью, энколпионов и других изделий киевского ремесла. «И как бы не решался вопрос о путях влияния киевского художественного ремесла на обработку цветных и благородных металлов в Понеманье,— пишет Ф. Д. Гуревич,— в этом явлении отражаются глубокие культурные связи двух древнерусских территорий»[56].

Ю. Л. Щапова, говоря о наличии киевских стеклянных украшений на северо-западе Руси, в Прибалтике, в Польше, пришла к выводу, что особенно часто встречаются они в памятниках второй половины XII — начала XIII в. В это время, согласно выводам Ю. Л. Щаповой, из Киева в больших масштабах экспортируется не только готовая продукция, но и, что еще более важно,— ремесла (возникновение браслетных мастерских в Новгороде, Рязани)[57].

Изучая многоотраслевое и развитое ремесленное производство древнего Киева, исследователи обращали внимание не только на вопросы истории его технологии и техники, но также и социальной организации. Б. А. Рыбаков, а вслед за ним и М. К. Каргер, показали, что традиционное деление древнерусского ремесла на вотчинное и посадское наиболее ярко прослеживается на киевских материалах[58]. Археологические исследования древнего Киева, осуществлявшиеся длительное время преимущественно в пределах Города Владимира, привели к тому, что его вотчинное ремесло было изучено полнее и разностороннее, чем посадское.

Мастерские, обнаруженные вблизи Десятинной церкви и каменных дворцов, а также в пределах монастырских усадеб, равно как и вещи, в них изготовленные, по справедливому мнению Б. А. Рыбакова, свидетельствуют о том, что придворные

---

[57] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные браслеты Изяславля.— В кн.: Культура средневековой Руси, с. 87.

[58] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 490—501; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 479—487.

Схематический план расположения памятников каменной архитектуры древнего Киева

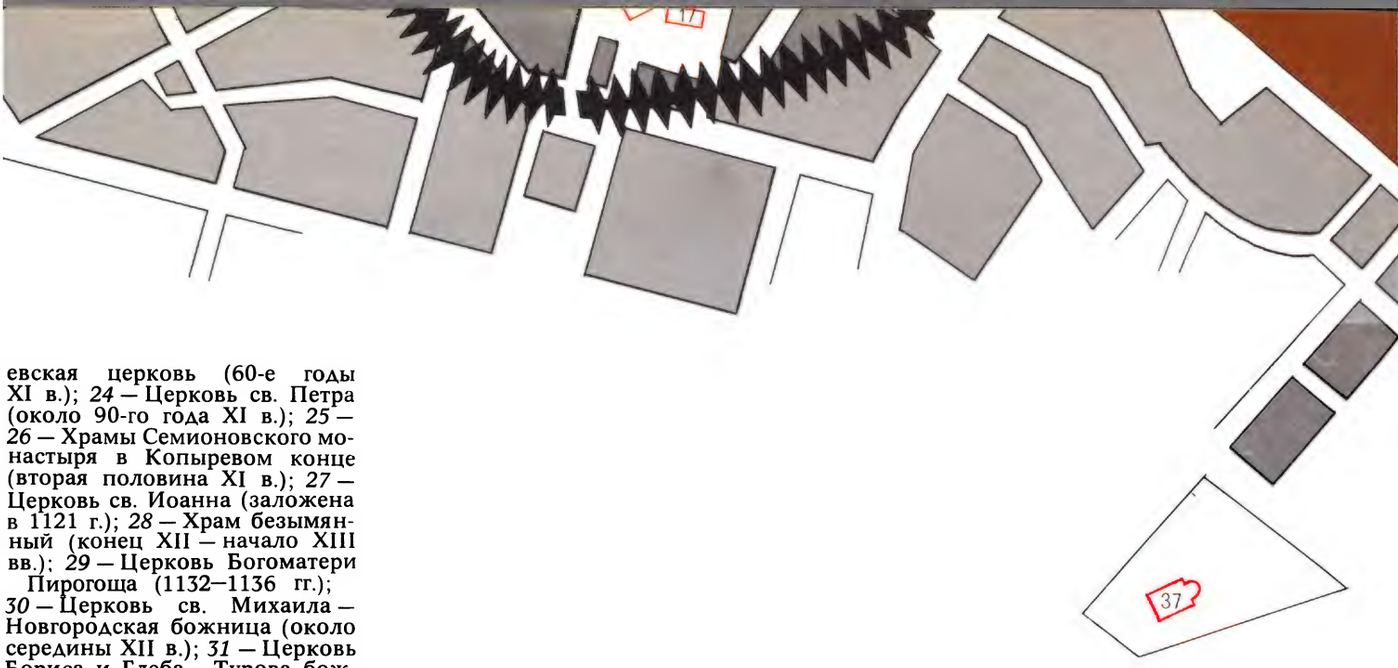
Валы

Храмы X–XI вв.

Храмы XII–XIII вв.

1 — Десятинная церковь (время строительства 989–996 гг.); *2–5* — княжеские дворцы (X в.); *6* — монастырь св. Федора (церковь заложена в 1129 г.); *7* — Янчин монастырь (церковь св. Андрея освящена в 1131 г.); *8* — Трехсвятительская церковь (построена в 1183 г.); *9* — Воздвиженская церковь (построена в 1215 г.); *10* — Ротонда (XII–XIII вв.); *11* — Софийские ворота (конец X в.); *12* — Софийский собор (1017–1037 гг); *13* — Стена митрополичьего двора (XI в.); *14* — Георгиевский монастырь (церковь построена около 1051–1053 гг.); *15* — Ирининский монастырь (церковь построена около 1051–1053 гг.); *16* — Храм безымянный (XI в.); *17* — Каменный дворец (XI в.); *18* — Баня на митрополичьем дворе (XI в.); *19* — Золотые ворота (1037 г.); *20* — Лядские ворота (1037 г.); *21* — Жидовские ворота (1037 г.); *22* — Михайловская Златоверхая церковь Дмитриевского (позднее Михайловского) монастыря (заложена в 1108 г.); *23* — Дмитри-

N
Дунай
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33



евская церковь (60-е годы XI в.); *24* — Церковь св. Петра (около 90-го года XI в.); *25* — *26* — Храмы Семионовского монастыря в Копыревом конце (вторая половина XI в.); *27* — Церковь св. Иоанна (заложена в 1121 г.); *28* — Храм безымянный (конец XII — начало XIII вв.); *29* — Церковь Богоматери Пирогоща (1132—1136 гг.); *30* — Церковь св. Михаила — Новгородская божница (около середины XII в.); *31* — Церковь Бориса и Глеба — Турова божница (около середины XII в.); *32* — Каменная постройка на Замковой горе (время сооружения неизвестно); *33* — Церковь на Щековице (впервые упомянута в летописи под 1183 г.); *34* — Церковь св. Николая (XII в.); *35* — Каменная постройка (время сооружения неизвестно); *36* — Кирилловский монастырь (церковь заложена около 1140 г.): *37* — Кловский Стефаничь монастырь (1075—1108 гг.); *38* — Церковь св. Николы (конец XI — начало XII вв.); *39* — Спасская церковь (первая четверть XII в.); *40* — Успенский собор Печерского монастыря (1073—1089 гг.); *41* — Троицкая надвратная церковь Печерского монастыря (около 1108 г.): *42* — Каменная стена вокруг Печерского монастыря (XII в.): *43* — Михайловская церковь Выдубецкого монастыря (1070—1088 гг.); *44* — Стена Милонега (1199—1200 гг.).

златокузнецы и эмальеры, мастера скани и зерни были законодателями мод как для Киева, так и для других городов [59]. Кроме драгоценных изделий из золота и серебра, удовлетворявших потребности княжеско-боярской верхушки, вотчинные ремесленники изготовляли и более дешевые виды продукции, поступавшие на рынок. Причем со временем наблюдается тенденция к увеличению объема их рыночного производства. Появление каменных литейных формочек у ювелиров, работавших в княжеской части Киева, как полагает Б. А. Рыбаков, свидетельствует о стремлении вотчинных ремесленников к овладению широким провинциальным рынком [60]. Начало этого процесса относится, вероятно, к XI в., широкое развитие — к XII в. Ко времени монголо-татарского нашествия киевское вотчинное ремесло в его традиционном виде уже изживало себя. Даже эмальерное производство, наиболее тесно связанное с княжеским и монастырским хозяйством, к середине XII в. частично выходит на рынок.

Что касается свободного городского ремесла древнего Киева, то под воздействием рынка оно непрерывно увеличивало объем производства и расширяло ассортимент выпускаемой продукции. Об этом, в частности, свидетельствуют имитационные формочки. Посадские ремесленники при помощи упрощенных технических приемов пытались наладить массовый выпуск ювелирных изделий, напоминавших драгоценные и дорогостоящие вещи княжеских мастерских. Приоритет в изобретении техники свинцовых и оловянных отливок в имитационных формочках, как и предполагал Б. А. Рыбаков, несомненно принадлежал свободным ремесленникам. В свое время этот вывод Б. А. Рыбакова пытались пересмотреть Г. Ф. Корзухина и М. К. Каргер. Полагая, что в его основе лежит единственный аргумент топографического размещения имитационных формочек в Киеве и показав преобладание их находок не в посадской части города, как считал Б. А. Рыбаков, а в княжеской, названные авторы высказали предположение об одновременном овладении технологической новинкой как вотчинными, так и посадскими ремесленниками [61].

Думается, что топографический фактор в данном случае не может быть надежным свидетельством того, кому же принадлежали имитационные формочки. Во-первых, большинство их, как показывает пример с формочками из тайника в Десятинной церкви, могло оказаться в Верхнем городе в канун монголо-татарского вступления в Киев. Во-вторых, факт нахождения той или иной мастерской в пределах города еще не является бесспорным доказательством принадлежности ее хозяина к категории вотчинных ремесленников. В-третьих, и это самое главное, присутствие имитационных формочек в мастерских на княжеском и боярских дворах показывает процесс разложения вотчинного ремесла и превращение его в свободное. Работа ремесленника на широкий рынок несовместима с его полной феодальной зависимостью.

---

[59] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 497.
[60] Там же, с. 497—498.
[61] *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, с. 220, 229; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 386.

Днепр
38
39
40
41
42
43
44

Длительное время материалы для характеристики посадского ремесла ограничивались лишь находками каменных литейных формочек на Замковой горе, часть из которых, вероятно, была занесена сюда подольскими мастерами в канун монголо-татарского нашествия, а также следами железообрабатывающего и ювелирного производства.

В последние годы, в связи с широкими археологическими исследованиями Подола, здесь были обнаружены стекловаренные печи, мастерские по изготовлению украшений из янтаря, шиферных пряслиц, датируемые XII—XIII вв. Вместе с материалами, относящимися к более раннему периоду, они дают достаточно четкое и конкретное представление о посадском ремесле древнего Киева. Будущие раскопки, разумеется, дополнят его, но уже и сейчас ясно, что на киевских посадах развивались прежде всего те отрасли ремесленного производства, продукция которых пользовалась широким спросом.

Среди различных отраслей киевского ремесла, имевших с момента своего появления массовый характер продукции, исследователи отмечают производство стеклянных браслетов. В свое время Б. А. Рыбаков на основании находки стеклоделательной мастерской на Старокиевской горе высказал предположение, что, может быть, следует поставить вопрос не о самостоятельной работе стеклодела на рынок, а об особой организации княжеского хозяйства, использовавшего своих дворовых мастеров для производства ходкого товара[62]. Находка мастерской по изготовлению стеклянных браслетов в пределах Города Ярослава дает, видимо, основание считать, что на широкий рынок производили стеклянные браслеты как княжеские, так и свободные ремесленники.

Новые материалы по древнекиевскому ремеслу позволяют поставить вопрос о том, что свободные ремесленники проживали не только в пределах посада, но и в нагорной части Киева, на территории обширного окольного города.

Одним из важнейших факторов, содействовавших расширению и дифференциации ремесленного производства древнего Киева, была торговля. «Определенное производство,— отмечал К. Маркс,— обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме* определяется, со своей стороны, другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация»[63]. Естественно, что при сужении рыночных связей в производстве наблюдаются обратные процессы.

Именно такую обратную взаимозависимость отмечали исследователи для Киева XII—XIII вв. «Знаменитое» перемещение международных торговых путей, а также потеря былого значения днепровского пути, по их мнению, повлекли за собой значительное сокращение торгового оборота Киева и других городов Среднего Поднепровья и способствовали их экономическому упадку.

Вывод этот, однако, не может быть подтвержден конкретными данными. Как свидетельствуют письменные и археологические источники, Киев и в XII—XIII вв. (за исключением, быть может, последних двух десятилетий домонгольской истории) успешно развивал торговлю и был одним их крупных торговых центров Руси. Несмотря на усилившийся натиск половцев, все основные торговые пути, по которым осуществлялась международная и внутренняя торговля, продолжали функционировать. Во второй половине XII в. в летописях особенно часто упоминаются пути греческий, соляной и залозный. Чтобы обезопасить движение по ним древнерусских купцов, киевские князья предпринимают в 1167, 1168 и 1170 гг. крупные военные походы против половцев.

Греческим, по мнению большинства исследователей летописей, называли древний торговый путь «из Грекъ» по Днепру, проложенный славянами еще на заре своей истории и игравший в XII—XIII вв. ведущую роль. Как и в предшествующие века, передвижение по Днепру было связано с немалым риском (в степях теперь хозяйничали половецкие орды), но другого, более короткого и безопасного пути к византийским торговым городам не было.

Судя по сообщению арабского автора Ибн аль-Атира, русские купцы проживали в греческих городах Крыма целыми колониями. Археологические раскопки Херсонеса и Судака, постоянно обнаруживающие предметы киевского или древнерусского происхождения — шиферные пряслица, энколпионы, медные киотные кресты,— подтверждают наличие оживленных торговых связей Киева с Северным Причерноморьем[64].

М. А. Фронджуло, обнаруживший во время раскопок судакского дома XIII—XIV вв. медный киотный крест (конец XII — первая половина XIII в.) русской работы, а также пряслица из овручского шифера, высказал предположение о существовании русской торговой слободы на прибрежном участке Судака[65].

Торговые связи Киева с кавказским миром, которые, вероятно, осуществлялись при помощи того же греческого пути, проходившего от устья Днепра через Крым и Тамань на Северный Кавказ, засвидетельствованы находками бронзовых

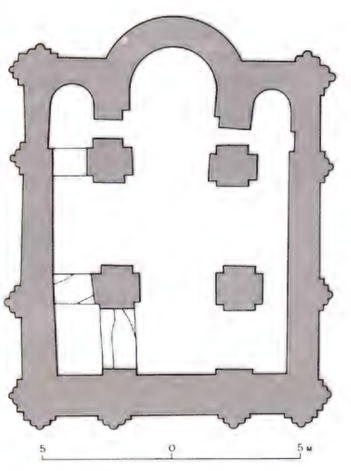
---

[62] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 498.

[63] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 725—726.

[64] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 17, 1950, с. 35; *Фронджу-*

Храм в Копыревом конце. XII в. Раскопан П. А. Лашкаревым (1878 г.) и М. К. Каргером (1947 г.). Обмерный план М. К. Каргера. Реконструкция Ю. С. Асеева.



и медных крестов-энколпионов. Согласно исследованию В. А. Кузнецова, энколпионы датируются XII—XIII вв. и попали на северокавказские земли не после монголо-татарского нашествия, а до него — в результате связей Северного Кавказа и Алании с Киевской Русью[66].

Крупным опорным пунктом киевской торговли с Царьградом был город Олешье, находившийся в устье Днепра. От этого порта, где производился ремонт судов и пополнялись запасы продовольствия, торговые флотилии русских купцов выходили в море. Маршрут их пролегал вдоль северо-западного побережья к устью Дуная и далее к Константинополю. Торговля Руси с византийскими колониями Крыма осуществлялась преимущественно сухопутным путем, пролегавшим из Херсона через Перекоп и Олешье. Вдоль Днепра были расположены и другие древнерусские пункты (особенно нужны они были в районе порогов), позволявшие на протяжении всей домонгольской истории Руси контролировать греческий торговый путь. Что касается путей соляного и залозного, то, судя по летописным известиям, они проходили вдоль Днепра только до Канева. Их дальнейшее направление определить трудно. Н. А. Аристов полагал, что залозный путь отклонялся от Днепра на юго-запад к подунайским городам, другие исследователи считали, что он шел на юго-восток, в область Дона[67]. Путь соляной мог вести как к Присивашью, к соляным озерам, так и в западные районы Руси, к коломыйским и, возможно, дрогобычским соляным промыслам.

В эпоху феодальной раздробленности, когда происходил бурный экономический рост удельных столиц, Киев, несомненно, не обладал монопольным правом на международную торговлю Руси. Но по-прежнему он оставался одним из главных ее центров. Свидетельство тому — многочисленные письменные известия. Особый интерес в этом плане представляет статья Никоновской летописи: «И хто убо не возлюбитъ киевьскаго княженіа, понеже вся честь и слава, и величество, и глава всѣм землямъ русским Киевъ и отъ всѣхъ далнихъ многихъ царствъ стицахуся всякие человеци и купци и всякихъ благихъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ»[68].

Изложенная здесь характеристика Киева второй половины XII в. многим кажется необъективной, идеализированной. Не исключено, что в своей попытке объяснить причины бесконечной борьбы князей за Киев летописец несколько и преувеличил значение объекта, вокруг которого кипели страсти, но вряд ли исказил реальную картину. По торговым делам в Киев действительно прибывали, а иногда и длительное время проживали в нем купцы многих стран мира. Об этом свидетельствуют и другие летописные источники. Так, в статье 1175 г. Лаврентьевской летописи, повествующей о взятии Киева войсками Святослава Всеволодовича, изгнании оттуда киевского князя Ярослава Изяславича и возвращении его обратно, читаем: «Попрада (Ярослав.— *П. Т.*) весь Кыевъ, игумены, и попы, и черньци, и Латину, и затворы, и гости и всѣ Кыяны»[69].

В хронике второй половины XII в. регенсбургского монастыря имеется известие о том, что регенсбургский купец Гартвиг, проживавший в Киеве, пожертвовал монастырю св. Эммера 18 фунтов серебра, которые должны были внести его регенсбургские должники. Немецкие купцы, торговавшие с Русью, также, вероятно, проживали в Киеве целой колонией, основавшей в начале XIII в. свой католический костел св. Марии.

Об очень прочных и развитых торговых сношениях Киева XII в. со странами Запада свидетельствует тот факт, что киевская гривна по своему весу практически соответствовала весу одной из наиболее распространенных денежных единиц Центральной Европы — кельнской (или силезской) марки[70].

Со второй половины XII в. в активную торговлю с Русью включаются купцы итальянских городов Генуи, Венеции и др., которые успешно конкурируют с западноевропейскими «рузариями». Расширение иностранных контрагентов в торговле с Киевом нашло отражение в древнерусских письменных источниках. Новгородская 1-я летопись сообщает, что во время нападения на Киев половцев, случившегося в 1203 г., «гости и иноземца всякого языка, а тѣ затворишася въ церквахъ, и вдаша имъ живот, а товаръ с ними раздѣлиша на полы»[71].

К сожалению, на основании только письменных источников мы не можем составить представление о номенклатуре товаров, объеме торговли и международных торговых контрагентах Киева XII—XIII вв. Значительно больше в этом отношении может дать анализ археологического материала (импортов), однако работа эта все еще не проведена. О чрезвычайной перспективности ее свидетельствует, в частности, интересное исследование М. В. Фехнер шелковых тканей, обнаруженных в 1903 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве. Небольшая коллекция тканей, происходивших, как полагает исследователь, из шелкоткацких мастерских Византии, Ирана, Средней Азии, дает конкретное представление о торговле Киева XII—XIII вв. с этими странами[72].

Приведенные выше свидетельства письменных источников о довольно оживленных торговых связях Киева XII—XIII вв. с европейскими странами (а их можно

ло М. А. Раскопки в Судаке (1964—1966 гг.) — АИУ, вып. 1, с. 191; *Якобсон А. Л.* Русско-корсунские связи XI—XIV вв., т. 14. М., 1958, с. 119—123.

[65] *Фронджуло М. А.* Указ. соч., с. 191.

Киевская ротонда. XII—XIII вв. Восточное полукружие. Раскопки Я. Е. Боровского и П. П. Толочко 1975—1976 гг.

Впервые фундаменты этого сооружения были обнаружены в усадьбе № 1 по ул. Владимирской более 100 лет тому назад. Начатые тогда же А. В. Звенигородским археологические раскопки продолжения не имели, и характер древней постройки остался невыясненным. Большинство исследователей считало ее великокняжеским теремом, возведенным в древнейший период монументального зодчества Киева.

было бы и увеличить) подтверждаются и находками иностранных монет[73]. В Киеве обнаружены монеты XII в., чеканенные в Византии, Германии, Италии и других странах, правда, в единичных экземплярах. Это обстоятельство в свое время послужило основанием для утверждений некоторых исследователей об упадке международной торговли Киева в XII в.

Крупнейший знаток торговых связей Киева и Руси с европейскими странами В. Г. Васильевский полагал, что торговый баланс Киева с Германией в указанное время был пассивный. Мысль о потере Русью XII—XIII вв. выгодного положения в международной торговле и связанным с этим прекращением ввоза иностранных монет высказывалась и в наше время[74].

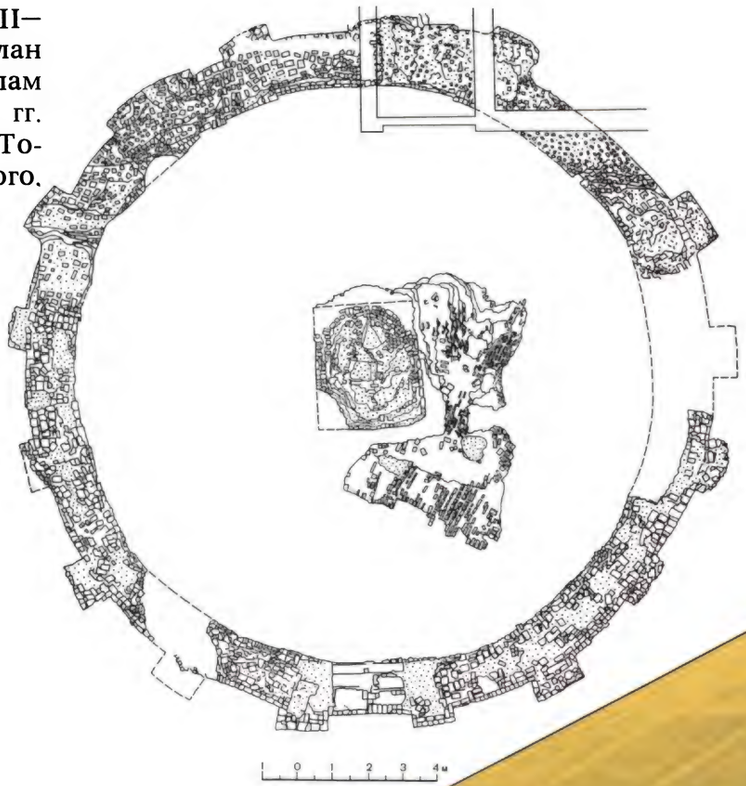
Между тем сокращение притока иностранной монеты в Киев, как и в другие города Руси XII—XIII вв., не может быть свидетельством затухания его торговых связей. По мнению немецкого нумизмата В. Яммера, прекращение притока западных монет в страны Восточной Европы объясняется изменениями в структуре хозяйственной жизни, когда торговля начинает вестись по принципу «товар за товар»[75]. Польский исследователь В. Гаверник также считает, что в XII в. на севере и востоке Европы появляется спрос на высококачественные изделия[76].

Ярким свидетельством того, что в XII в. Русь поставляла на международные рынки большие партии товаров, являются свинцовые печати, служившие товарными пломбами. Они обнаружены во всех крупных торговых центрах, расположенных неподалеку от границ Руси, а также в Константинополе, где находилась русская торговая колония. Наибольшее их количество (несколько тысяч) обнаружено в Дорогочине — перевалочном пункте торговли Руси с Польшей и другими странами Центральной Европы. Согласно исследованиям Б. А. Рыбакова, четвертая часть товаров, шедших через Дорогочин, являлась имуществом приднепровских князей. Среди

---

[66] *Кузнецов В. А.* Энколпионы Северного Кавказа.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 80—86; Всего на Северном Кавказе обнаружено 11 древнейших энколпионов.
[67] *Аристов Н. А.* Промышленности Древней Руси. Спб., 1866, с. 186—188.
[68] ПСРЛ, т. 9, с. 202.
[69] Там же, т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962, стб. 367.
[70] История культуры Древней Руси, т. 1. М.— Л., 1956, с. 395.
[71] Новгородская 1-я летопись. М.— Л., 1950, с. 240.
[72] *Фехнер М. В.* Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в.— В сб.: Культура средневековой Руси, с. 66—70.
[73] *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.
[74] История культуры Древней Руси, т. 1, с. 390.
[75] *Jommer V.* Die Anfänge der Münzprägung im Herzogtum Sachsen. Hamburg, 1952, S. 21.
[76] *Hävernik W.* Epohen der deutschen goldgeschichte im grühen. Mittelalter, HBZN, H. g. 10. Hamburg, 1956, S. 8.

Киевская ротонда. XII—XIII вв. Обмерный план выполнен по материалам раскопок 1975—1976 гг. Реконструкция П. П. Толочко, Я. Е. Боровского.



Киевская ротонда. Деталь восточной части.

Храм Пирогощи. XII в. Южный неф. Вид с запада. Раскопки 1976 г.

всех княжеских пломб в Дорогочине преобладают пломбы великого князя киевского Всеволода Ольговича, что свидетельствует об усилении в этот период торговли Киева с соседней Польшей[77].

Предложенное объяснение причин прекращения поступления западногерманских монет на территорию Восточной Европы не единственное и, видимо, не главное. Как считает В. М. Потин, исследователи, совершенно правильно отметив движение в XII—XIII вв. массы товаров, не заметили за ними роста драгоценных металлов, также вовлеченных в международную торговлю. На Русь в XII—XIII вв. шло серебро, но преимущественно — не в виде монет, а слитками. Поступавшие монеты могли идти только на слитки, на изготовление ремесленных изделий[78].

Сказанное в полной мере касается и Киева. Расцвет его ювелирного ремесла XII—XIII вв., обусловленный повышением спроса на предметы украшений не только среди представителей княжеско-боярского сословия, но также и менее зажиточных горожан, требовал постоянного притока сырья. С прекращением поступления драгоценных металлов с арабского востока Русь и Киев, несомненно, ввозили их из европейских стран. По мнению В. М. Потина, в XII—XIII вв. слитковое серебро могло поступать на Русь как северным, балтийским путем, так и южным — через Черное море и Крым[79].

В специальной работе, посвященной международным торговым связям Руси IX—XIII вв., В. П. Даркевич, основываясь на анализе состава кладов с монетами и денежными гривнами, а также статистике находок западноевропейского импорта XII—XIII вв., пришел к выводу, что в это время происходит не сокращение, а увеличение поступления серебра на Русь. Ввозилось оно главным образом из Германии в виде слитков-марок[80]. Наиболее налаженным и оживленным торговым путем, по которому велась торговля Руси XII—XIII вв. со странами Западной Европы — Францией, Германией, Италией и др.— был путь, ведший из Регенсбурга на Киев, Чернигов и далее в Суздальскую землю[81].

---

[77] История культуры Древней Руси, т. 1, с. 344.
[78] *Потин В. М.* Указ. соч., с. 75, 90—91.
[79] Там же, с. 90—91.
[80] *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси, с. 103.

Церковь Богородицы Пирогоща. XII в. Южный неф. Вид с востока. Раскопки 1976 г.

Кроме обеспечения киевского ювелирного ремесла XII—XIII вв. сырьевой базой драгоценные металлы и, в частности, серебро, поступавшее с международных рынков, удовлетворяли, вероятно, и потребности внутренней торговли. XII—XIII вв. древнерусской истории принято называть «безмонетным периодом», поскольку Русь в это время не чеканила собственной монеты. Но, думается, определение это не отражает действительного положения дел. Русь не чеканила мелкой разменной монеты (не исключено, что ее роль продолжали выполнять арабские диргемы), но крупные денежные знаки у нее были. Речь идет о золотых и серебряных гривнах, наибольшее распространение которых приходится на XII—XIII вв. В одних только киевских кладах находилось около 270 серебряных монетных гривен[82] весом более 45 кг. Это чуть больше одной трети общего количества обнаруженных слитков XII—XIII вв., весивших, по подсчетам В. М. Потина, около 130 кг.

Несмотря на ряд трудностей, переживаемых в XII в. древнерусской торговлей, развитие ее, как считает исследователь, происходило по восходящей линии, объем ее возрастал и переход к феодальной раздробленности не остановил развития товарного производства[83].

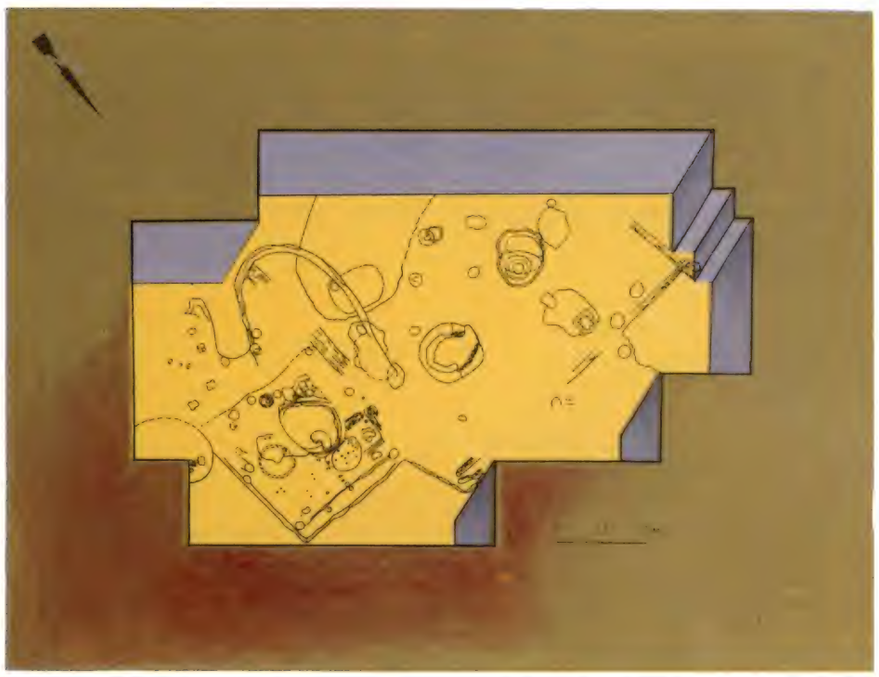
Вслед за В. М. Потиным аналогичную мысль высказал В. П. Даркевич, считающий XII — первую половину XIII в. периодом расцвета всех видов древнерусской торговли[84].

Исследуя денежно-весовые системы древнерусского средневековья, В. Л. Янин пришел к выводу, что Русь не знала единого внутреннего рынка. Процесс развития феодализма уже с X в. обусловил некоторое экономическое сближение отдельных территорий страны, которое легло в основу местных внутренних рынков. Подтверждением этому, по мнению исследователя, является наличие двух денежных систем — киевской и новгородской[85].

Вряд ли может возникнуть сомнение в справедливости изложенного. Установление тесных рыночных связей в пределах отдельных районов Руси представляется процессом есте-

---

[81] *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси, с. 101.
[82] *Толочко П. П.* Топографія скарбів монетних гривен у Києві.— Археологія, т. 20. К., 1966, с. 124.
[83] *Потин В. М.* Указ. соч., с. 87.
[84] *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси, с. 102.
[85] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 151.



План жилищ XII—XIII вв. Усадьба бывшего Михайловского монастыря. Раскопки 1940 г.

ственным и закономерным. Однако идти дальше этого вывода, утверждать чрезвычайную экономическую замкнутость и даже изолированность древнерусских земель, как это имеет место в некоторых исторических работах[86], нет оснований.

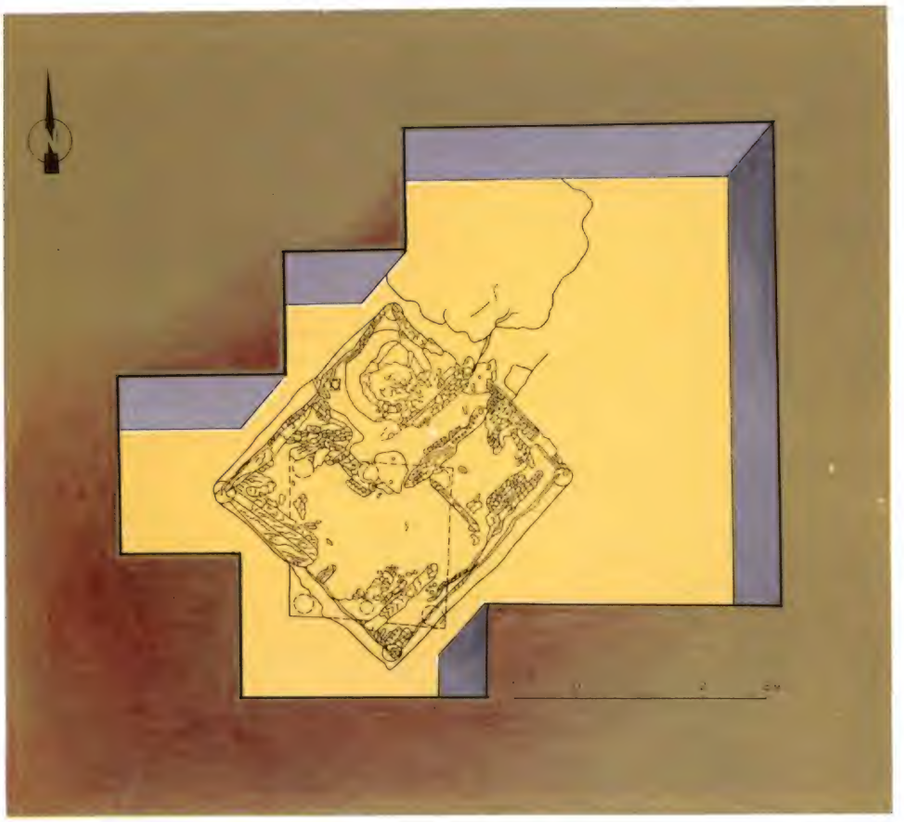
В действительности экономической замкнутости отдельных земель Руси не было. Как показал Б. А. Рыбаков, изделия киевских ремесленников, благодаря купцам-посредникам, проникали в Прибалтику и Костромское Заволжье, на берега Западного Буга и Нижнего Дона, в глухие леса Пошехонья. Пожалуй, нет ни одного древнерусского города, где бы во время раскопок не встречались изделия киевских ювелиров и эмальеров, стеклоделов и кузнецов, литейщиков и керамистов. Торговля, таким образом, была той силой, которая устанавливала связь между различными сферами производства и превращала их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства.

В XII—XIII вв. с развитием и укреплением городов, успехами международной торговли, а также углублением экономической специализации отдельных районов Руси, обусловленной естественно-географическим фактором, происходило укрепление рыночных связей. В Киев регулярно прибывали купцы из различных городов Древней Руси, а нередко и проживали в нем постоянно. Известно, например, что на Подоле, в непосредственной близости от «торговища», находилась торговая колония новгородских купцов, построивших около середины XII в. церковь св. Михаила, известную еще под названием Новгородской божницы. Находка печати протопроедра Евстафия в усадьбе 17 по ул. Волошской дает основание именно здесь располагать новгородский торговый двор. С деятельностью купцов Туровской земли, видимо, следует связывать появление Туровой божницы, находившейся также вблизи подольского торга. Выстроенная в 1132—1136 гг. Богородица Пирогоща также была церковью гостей-купцов, занимавшихся торговлей хлебом[87] и имевших на Подоле свои торговые дворы.

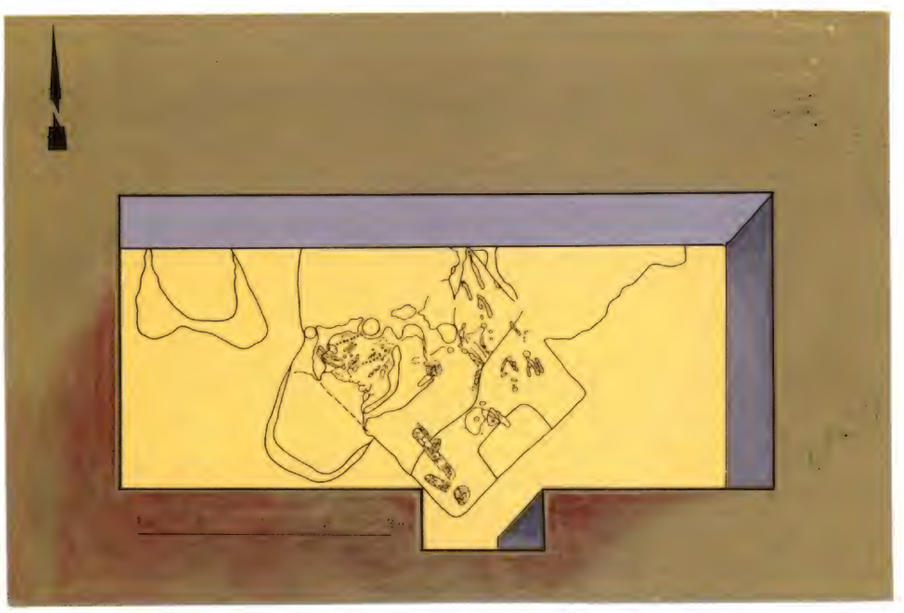
Таким образом, письменные и археологические источники позволяют заключить, что Киев XII—XIII вв. занимал одно из ведущих мест и во внутренней торговле. На его долю приходилась значительная часть торгового оборота страны. Вплоть до монголо-татарского нашествия Киев оставался одним из крупнейших городов Руси, располагавшим огромным производственным потенциалом и продолжавшим свое прогрессивное развитие.

---

[86] *Мавродин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа.— ВИ, 1950, № 4, с. 63.



План жилищ XII—XIII вв. Ул. Б. Житомирская, 4. Раскопки 1946 г.



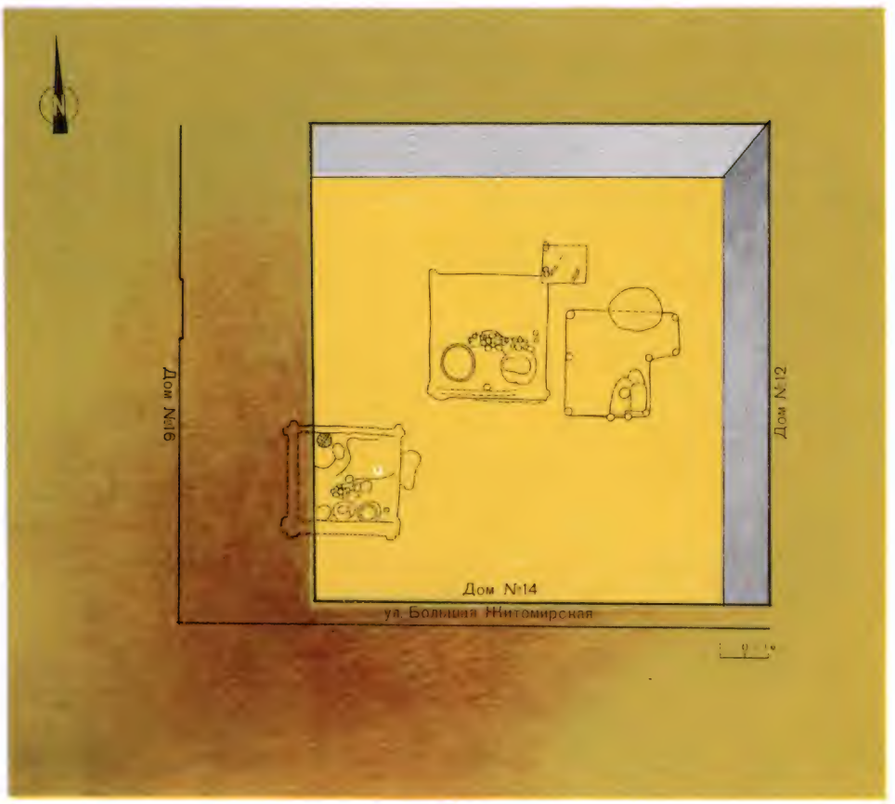
Городское строительство

Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень развития того или иного города Древней Руси, является строительство. Если город растет и застраивается новыми, в том числе и каменными, зданиями, значит, экономический базис его прочен, значит, развитие его идет по восходящей линии. Городам небольшим или по какой-то причине потерявшим свое экономическое значение вести каменное строительство в больших масштабах было непосильно.

Именно такое представление сложилось в литературе о монументальном зодчестве Киева эпохи феодальной раз-

---

[87] *Малышевский И. И.* О церкве и иконе св. Богородицы под названием «Пирогоща», упоминаемых в летописях и «Слове о полку Игореве» — ЧВИОНЛ, кн. 5. К., 1891.



План жилищ XI—XIII вв. Ул. Б. Житомирская, 14. Раскопки 1967 г.

дробленности. «Некогда законодатель в области культуры и искусства,— писал М. К. Каргер,— Киев в течение XII в. постепенно теряет эту роль»[88]. При этом, как само собой разумеющееся, утверждалось и свертывание масштабов строительной деятельности в Киеве XII — начале XIII в., который в этом отношении значительно уступал таким быстро развивающимся центрам, как Чернигов, Галич, Смоленск, Владимир-на-Клязьме, Новгород.

Думается, что столь сдержанная характеристика киевской каменной архитектуры XII — начала XIII в. во многом вытекает от недостаточной ее изученности. М. К. Каргер во втором томе своей работы о древнем Киеве остановился лишь на пяти постройках XII в., из которых о трех не располагал сколько-нибудь значительными данными архитектурно-археологических исследований. Некоторые из известных памятников оказались вне внимания исследователя, многие еще не были обнаружены и раскопаны.

Нельзя сказать, что в настоящее время есть данные по всем памятникам Киева XII — начала XIII в. (многие предстоит еще открыть), но их значительно больше, чем было десять или пятнадцать лет тому назад. В результате изменилось представление о роли Киева в развитии древнерусской архитектуры эпохи феодальной раздробленности, а также о масштабах его строительства. Поскольку этот вопрос представляет для нашего исследования особый интерес, остановимся на нем подробнее.

Итак, сколько же было возведено в Киеве XII — начала XIII в. монументальных построек? И какие? Вот что об этом говорят письменные источники:

---

[88] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 483, 491.
[89] ПСРЛ, т. 2, стб. 286.
[90] Там же, стб. 293.
[91] Там же, стб. 294.
[92] Там же, стб. 294, 300.
[93] Там же, стб. 680.
[94] Там же, стб. 321.
[95] Там же, стб. 353—354.
[96] Там же, стб. 634.
[97] Там же, стб. 707.
[98] Киевский Синопсис. К., 1836, с. 93.
[99] ПСРЛ, т. 2, стб. 709.
[100] История культуры Древней Руси, с. 343.
[101] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 462—473.

1121 г. В торгово-ремесленном посадском районе древнего Киева — Копыревом конце — заложена церковь св. Иоанна. «Того же лѣта, заложи церкви святого Ивана въ Копыревъ конци» [89].

1129 г. «Того же лѣта заложи Мьстиславъ церковь камену святого Федора в Киевѣ» [90].

1131 г. Летопись сообщает об освящении церкви св. Андрея «Яньчина монастыря» [91], отстроенной и расписанной после того, как в начале века обрушились ее купола.

1132 г. «В се же лѣто заложена бысть церкви камена святая Богородица, рекомая Пирогоща». О завершении ее строительства летопись сообщает под 1136 г.: «Томъ же лѣтѣ церкви Пирогоща свѣршена бысть» [92].

1139—1146 гг. В северном предместье Киева, Дорогожичах, вероятно, на территории загородного двора Всеволода Ольговича была построена каменная церковь Кирилловского монастыря. В летописном рассказе о смерти Святослава Всеволодовича говорится, что его «положиша во святом Кюрилѣ, во отнѣ ему манастырѣ» [93].

1146—1147 гг. В летописных статьях этих лет впервые упоминаются два подольских храма — Турова божница (церковь св. Бориса и Глеба) и Новгородская божница (церковь св. Михаила). «И пакы скупишася вси Кияне у Туровы божницѣ» [94]. «И повелѣ тысяцкыи взяти Игоря, и вземше и положиша въ церкви святого Михаила» [95].

1183 г. «В то же лѣто священа бысть церковь святого Василья, яже стоить в Киевѣ на велицѣм дворѣ, великимь священиемь, месяца генваря во первий день, священымъ митрополитомъ, и блажнымъ Никифоромъ епископомъ Гюрговьскимъ и архимандритомъ Печерьскымъ, игуменомъ Васильемъ. Созданѣ ей бывши Святославомъ Всеволожичемь» [96].

1197 г. Великий киевский князь Рюрик Ростиславич «созда... церковь святого Василья во имя свое, в Кыевѣ на Новомъ дворѣ» [97].

1182—1197 гг. Согласно сообщению «Киевского Синопсиса», в эти годы была возведена кирпичная стена вокруг Печерского монастыря. «Самый монастырь окресть каменными стѣнами обведень бысть на два стрельбища: вь толстоту же, или вь широту каменна стѣна бяше на сажень, и врата каменныя же, идѣже нынѣ церковь Троицы» [98].

1199—1200 гг. По инициативе Рюрика Ростиславича архитектором Петром Милонегом возведено мощное гидротехническое сооружение у подножья Михайловской церкви Выдубецкого монастыря, вызвавшее восторженную оценку современников. «Заложи стѣну камену, подъ церковью святого Михаила, у Днѣпра иже на Выдобычи. О ней же мнозѣ не дерьзьнуша помыслити отъ древнихъ» [99].

1215 г. Согласно сообщению украинского летописца XVII в., Мстиславом Романовичем была построена Крестовоздвиженская церковь в старом городе.

Около 1228 г. в Киеве возведен собор св. Марии доминиканского монастыря [100].

Приведенный перечень, включающий 13 монументальных построек, естественно, не исчерпывает всех каменных зданий, возведенных в Киеве с 20-х годов XII по 30-е годы XIII в. Строительство многих из них оказалось вне внимания летописцев. Археологические раскопки позволяют дополнить этот список и более реально представить картину строительства древнего Киева периода феодальной раздробленности.

Не ранее середины XII в. датируется храм, открытый П. А. Лашкаревым в 1878 г. по Вознесенскому спуску (ниже современной усадьбы Художественного института) и исследованный М. К. Каргером в 1947 г.[101]

В 1835 г. у подножья так называемой Лысой горы, над Иорданским ручьем, были обнаружены развалины древнерусского храма. Осуществлявший раскопки археолог-любитель К. Лохвицкий не мог точно определить время его сооружения. М. К. Каргер датировал постройку XI—XII вв.[102]. Судя по сообщению В. В. Хвойки, одно из каменных зданий на Старокиевской горе, остатки которого были обнаружены в 1909 г., также следует относить к XII—XIII вв.[103]

В последнее десятилетие в Киеве и на его окраинах обнаружены остатки еще трех построек, сооруженных во второй половине XII — начале XIII в.

В 1967 г. на территории древнего Копыревого конца (Кудрявец) удалось обнаружить и исследовать часть небольшого храма. Характерной его особенностью было то, что стены сложены из двух совершенно различных видов кирпича. Первый — традиционная плинфа, второй — брусчатый кирпич с канелюрами, так называемая литовка. Храм не имел ленточных фундаментов, что отличает большинство киевских построек XII — начала XIII в.[104]

Уникальным на фоне древнекиевской архитектуры оказалось здание, исследованное в 1975—1976 гг. Я. Е. Боровским и автором данной монографии в усадьбе № 3 по ул. Владимирской. Это ротонда, сложенная из двух видов кирпича — плинфы и брусчатки на известковом растворе с примесью цемянки. Фундамент представлял собой забутовку из битой плинфы, кусков песчаника и глины. Кладка стены сохранилась на высоту 50—80 см, при ширине 1 м 60 см.

---

[102] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 465.

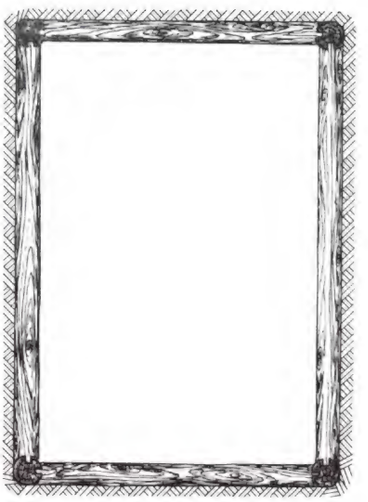
[103] Там же, т. 1, с. 38.

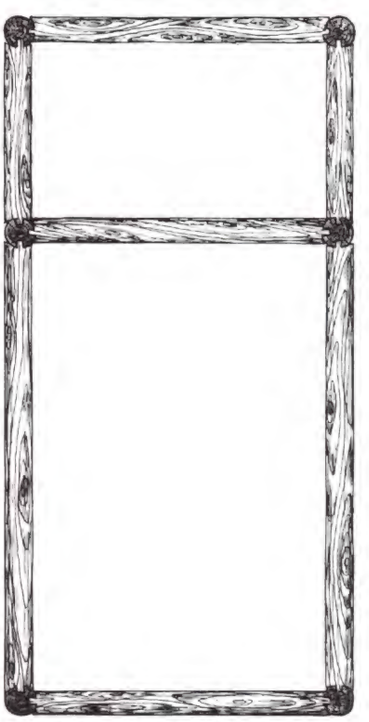
[104] *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева. М., 1972, с. 80—87.

Киевский дом XII—XIII вв. столбовой конструкции. Реконструкция П. П. Толочко.

Реконструкция дает представление об архитектуре одного из подтипов киевского жилого дома столбовой конструкции. В ее основе лежат материалы раскопок жилищ Верхнего города, углубленных в материк на 60—80 см и не имевших печей. Во всех этих случаях перед нами не «полуземлянки», а нижние этажи (подклети) больших наземных домов. На втором этаже их находилась жилая комната с печью и сени, покоившиеся на столбах.

Для восстановления интерьера дома привлечены подлинные археологические материалы из раскопок Киева последних лет, а также использованы этнографические данные.





Сруб X в. Подол. Красная площадь. Раскопки 1972 г.

С внешней и внутренней сторон ротонда имела по 16 пилястр. Внутренние едва обозначены, внешние достаточно массивны: их ширина достигала 1 м 33 см — 1 м 53 см, толщина — 80 см. В центре ротонды находился столб, сложенный из плинфы и брусчатки. База его имела квадратную форму, собственно столб — круглый, диаметром более 3 м.

Киевская ротонда была значительным архитектурным сооружением, внешний диаметр которого превышал 20 м. Мощный фундамент и цоколь свидетельствуют, видимо, о высотной композиции сооружения. Обнаруженные раскопками фрагменты фресковой живописи, а также поливные плитки позволяют представить характер внутреннего убранства. Система кладки стен ротонды характерна для большинства памятников архитектуры Среднего Поднепровья XII — начала XIII в.[105]

Известно, что круглые сооружения — ротонды — характерны преимущественно для романской архитектуры. На Руси этот тип построек появляется со второй половины XII в. и, по-видимому, свидетельствует о развитых экономических и культурных контактах Древней Руси со своими западными и северными соседями. Ко времени обнаружения киевской, ротонды древнерусского времени были известны в Смоленске, Владимире-Волынском, Галиче, Гродно, Горянах. В большинстве своем они имели культовый характер. Только назначение смоленской ротонды вызвало разногласия среди исследователей. Д. А. Авдусин считает, что она была крепостной башней[106], П. А. Раппопорт относит ее к числу культовых сооружений и отождествляет с латинской церковью[107].

---

[105] *Толочко П. П., Боровский Я. Е.* Киевская ротонда.— В кн.: Новые археологические открытия. М., 1977.

[106] *Авдусин Д. А.* Смоленская ротонда.— Историко-археологический сборник

Сруб X в. Деталь. Подол. Красная площадь. Раскопки 1972 г.

Не вполне ясно назначение и киевской ротонды. Определенно можно сказать, что она не была крепостной башней, поскольку находится не в системе оборонительных укреплений древнего Киева, а в самом центре его детинца. Нет и сколько-нибудь надежных оснований считать ее церковью. Против этого свидетельствует местоположение ротонды, находившейся в окружении известных храмов Киева — Десятинной, Трехсвятительской, Воздвиженской и Андреевской церквей. К тому же, ни внутри, ни вокруг нее не обнаружено каких бы то ни было следов (в частности, погребений), которые бы указывали на ее культовый характер. Отличается киевская ротонда от большинства круглых культовых сооружений и архитектурой: она не имела апсиды, а в центре ее находился мощный опорный столб. Возможно, перед нами остатки светской постройки, входившей в комплекс великокняжеского двора и служившей залом для княжеско-боярских совещаний,— прообраз позднейших думных палат[108].

К памятникам монументального зодчества Киева XII в. относится и храм, остатки которого обнаружены в 1976 г. в урочище Церковщине (южная окраина Киева)[109].

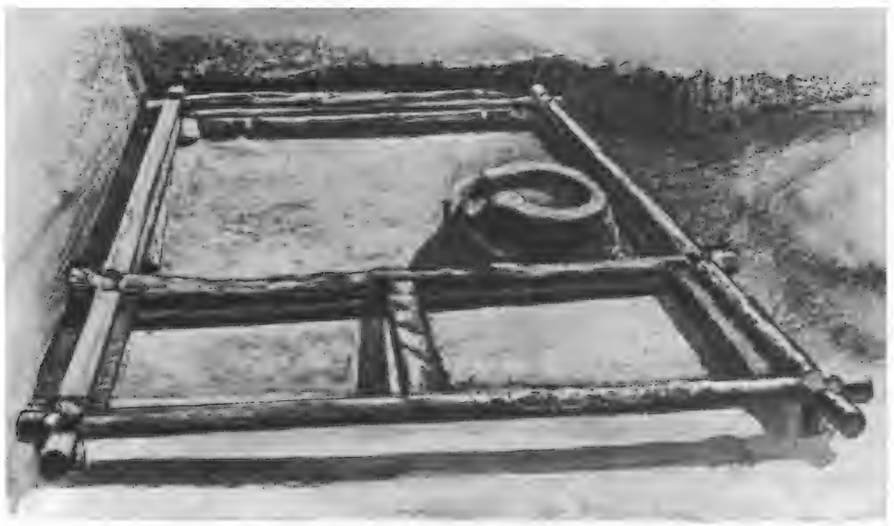
Наряду с сооружением новых каменных зданий в Киеве велись значительные ремонтные работы. Примером этому может служить, в частности, Успенский собор Печерского монастыря. Изучая его руины, Н. В. Холостенко обратил внима-

к шестидесятилетию со дня рождения А. В. Арциховского. М., 1962, с. 243–253.

[107] *Раппопорт П. А.* Латинская церковь в древнем Смоленске.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 283–289.

[108] *Боровський Я. Є., Толочко П. П.* Київська ротонда.— В кн.: Археологія Києва (Дослідження і матеріали). К., 1979.

[109] *Толочко П. П., Харламов В. А.* Разведки на территории санатория «Хутор Вольный» в Киеве.— В кн.: Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 382.



Жилой пятистенок XI в. Подол. Житный рынок. Раскопки 1973 г.

ние на большой процент плинфы XII—XIII вв., свидетельствовавший о ремонтных работах в храме. По мнению исследователя, в интересующее нас время Успенский собор ремонтировался дважды: при игумене Василии, а также после землетрясения 1230 г., в результате которого сильно пострадали западная стена и вся юго-восточная часть храма[110].

Таким образом, из 44 каменных сооружений древнего Киева, известных нам сегодня, 19 возведено или обновлено в эпоху феодальной раздробленности. Что касается строительства, то, хотя по сравнению с раннефеодальным этапом оно и не было столь значительным, все же представляется достаточно масштабным.

Ярким подтверждением этого может быть строительство каменной крепости вокруг Печерского монастыря. Судя по письменным источникам, длина ее стены «бысть на два стрельбища», а ширина равнялась одной сажени. Исследователи по-разному определяли длину стены. С. В. Бессонов полагал, что «два стрельбища» составляли 400 м, В. А. Богусевич, осуществлявший раскопки стены в 50-х годах XX в., пришел к выводу, что общая ее длина достигала 800—1000 м. Основанием этому явились материалы раскопок, которыми было установлено, что лишь часть западного фасада стены имела длину 135 м. В целом длина западного (вероятно, и всех остальных) фасада была не меньше 200 м[111]. Ширина стены, как показали раскопки, равнялась 2,2 м, высота — около 6 м.

Естественно, столь грандиозное сооружение, каким были оборонительные стены вокруг Печерского монастыря, требовало больших средств и налаженного производства строительных материалов. Неизвестный автор конца XII в. в письме к игумену Василию писал: «Ты создал стены каменьны около всего печерского монастыря на тверде основе высоки и красна и перьвое же изобрел сеи богатьство, такоже огнем и плиту строит еси»[112]. Из этого обращения видно, что монастырь во второй половине XII в. имел свое производство кирпича.

В 1240 г. монголо-татары разрушили Печерскую каменную крепость. По сведениям, содержащимся в Синопсисе, «не-

---

110 *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря.— У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 107—168; *Холостенко М. В.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 131—164.

111 *Богусевич В. А.* К вопросу о крепостных стенах XII в. Киево-Печерского монастыря.— КСИА, вып. 9, с. 108—109.

112 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви, т. 3, изд. 3-е. Спб., 1888, с. 6.

113 *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1, с. 101.

114 *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1955, с. 45.

115 *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі, с. 114—178; *Асеев Ю. С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII века. Автореф. докт. дис. М., 1971.

116 *Максимов П. Н.* Общенациональные и локальные особенности русской архитектуры XII—XIV вв.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 219—222.

117 ПСРЛ, т. 2, стб. 593.

* Доклад, сделанный С. А. Высоцким на заседании отдела археологии Киева ИА АН УССР в 1975 г.

честивые варвары овнами или таранами стены каменные монастырские столкши и до основания сокрушивши».

Крупными строительными объектами в Киеве периода феодальной раздробленности были: Федоровский монастырь, на месте которого зафиксированы следы нескольких каменных сооружений; Кирилловский монастырь, являвшийся загородной резиденцией великих киевских князей черниговской династии; стена Выдубецкого монастыря, вызывавшая восхищение современников.

Для того чтобы объективно представить уровень и темпы историко-культурного и экономического развития Киева XII — начала XIII в. на примере монументального строительства, необходимо привести хотя бы некоторые сравнительные данные по другим крупнейшим городам Руси. Оказывается, что за это же время в Чернигове было возведено шесть каменных зданий, в Галиче — 12, Владимире-на-Клязьме — десять, Смоленске — 20, Новгороде — около 20. Следовательно, масштабами строительства Киев уступал, и то незначительно, Смоленску, который переживал в средине XII — первой половине XIII в. эпоху максимального расцвета [113], и, может быть, Новгороду.

Новые исследования не подтверждают вывода о потере Киевом значения одного из передовых центров страны в области культуры и искусства. Н. Н. Воронин, посвятивший изучению монументального зодчества Северо-Восточной Руси много лет, считал, что, поскольку в новых древнерусских центрах не было своих традиций в каменном строительстве, сооружение каменных зданий XII в. происходит под знаком культурного влияния Киева [114]. Ю. С. Асеев на основании тщательного изучения архитектуры XII—XIII вв. Среднего Поднепровья и Киева убедительно показал, что здесь находился центр, определявший архитектурное развитие многих земель Руси [115].

Тесное взаимодействие школ Киева и других древнерусских городов отмечал П. Н. Максимов. Наличие общих черт в русских каменных храмах XII в. он объяснял не только общими для архитектуры всех земель корнями, заложенными киевскими зодчими предшествовавшего периода, но и тем влиянием, которое они оказывали на древнерусскую архитектуру в XII в. Значение Киева как крупнейшего культурного центра, по мнению исследователя, сохранялось и в XII в., тем более что до конца XIII в. он был общерусским религиозным центром [116].

В литературе неоднократно высказывалась мысль, что в строительстве каменных сооружений Киева XII—XIII вв. принимали участие зодчие из разных земель Руси. В подтверждение этого цитировался отрывок летописной статьи 1175 г. «Уже ли (кь) Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихже дѣлать посла́ль бяше той церкви на велицѣм дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь таку же ака же ворота си золота, да будеть память всему отечеству моему» [117].

К аналогичному толкованию данного летописного сообщения склонялся и автор. Между тем главный смысл его заключен в другом. Андрей Боголюбский посылал владимирских мастеров в Киев не столько для участия их в каком-то киевском строительстве, сколько для изучения опыта киевской архитектурной школы, знакомства с ее лучшими образцами, достойными воспроизведения во Владимире. К их числу принадлежали храм на великом Ярославовом дворе (не исключено, что здесь имеется в виду София Киевская) и Золотые ворота, которые, как показал С. А. Высоцкий, действительно послужили прототипом для Владимирских Золотых ворот, сооруженных в 1164 г.*

Сказанное, естественно, не является отрицанием участия мастеров других земель в киевском строительстве периода феодальной раздробленности. При той динамичности политической жизни, когда многие удельные князья, утверждавшиеся в Киеве, пытались теснее связать себя с ним посредством возведения «вотчих монастырей» и патрональных храмов, участие зодчих Чернигова, Смоленска, Переяславля и других городов в таком строительстве представляется более чем вероятным. В свою очередь киевские архитекторы вносили достойный вклад в монументальное строительство других древнерусских центров. Особенно хорошо это заметно на памятниках Северо-Восточной Руси, которые, несмотря на некоторые отличия, в целом были очень близки к постройкам Среднего Поднепровья. Князья этой земли, будучи выходцами из Приднепровья, способствовали притоку на северо-восток квалифицированных строителей [118].

Монументальное строительство Киева XII—XIII вв. обнаруживает характерную тенденцию: в это время застраиваются преимущественно его посадские и окраинные районы, что свидетельствует как о росте города, так и об увеличении его материальных возможностей. Кроме князей и монастырей — этих традиционных заказчиков — в строительство каменных храмов включалось торгово-ремесленное население древнего Киева, а также, вероятно, и крупные феодалы. Ими были построены соборы на Подоле: Пирогоща, Новгородская (Михайловская) божница, церковь Бориса и Глеба, выходившие на знаменитое Торговище, один из храмов в Копыревом конце [119], церковь у подножья Лысой горы и др.

---

[118] *Максимов П. Н.* Указ. соч., с. 218.

[119] *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева, с. 87.

Говоря о масштабах строительной деятельности Киева XII—XIII вв., не следует забывать, что в это время ведутся большие ремонтные работы в храмах, возведенных в X—XI вв. Все это не только требовало наличия в Киеве в XII—XIII вв. значительного количества квалифицированных строителей (архитекторов, каменщиков, плотников, художников-монументалистов и др.), но также и предполагало существование налаженного производства кирпича, извести, майоликовых декоративных плиток, художественного литья и пр.

Монументальная культовая архитектура Киева XII—XIII вв., несмотря на свою масштабность, представляла лишь одну (и к тому же меньшую) сторону строительной деятельности древней столицы Руси. Другую репрезентовала массовая гражданская архитектура. Как показывают археологические материалы, Киев и в XII—XIII вв. продолжал расти. К тому же, ему нередко приходилось отстраиваться после пожаров, охватывавших иногда целый город. Под 1124 г. летопись сообщает: «У се же лѣто бысть бездожгъе то и погорѣ Подолье все... въ утрии же день погорѣ Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горѣ въ градѣ и Жидове» [120].

Подобные пожары имели место и раньше, случались они и позже. Отсутствие сообщений о каких бы то ни было запустениях Киева свидетельствует, вероятно, о том, что город сравнительно легко справлялся с разрушительными последствиями пожаров.

Какой же представляется исследователям массовая гражданская архитектура Киева XII—XIII вв.? Впервые вопрос о характере массовых жилищ древнего Киева был поставлен на реальную основу археологически документальных фактов благодаря раскопкам В. В. Хвойки. Ему удалось установить, что дома сооружались из толстых сосновых бревен, а отдельные из них имели и вторые этажи [121]. К такому же выводу пришла и Г. Ф. Корзухина, опубликовавшая выписки А. А. Спицына из дневников В. В. Хвойки в 1956 г.[122]

Наблюдения В. В. Хвойки о наличии довольно мощного деревянного каркаса в массовых жилищах древнего Киева, а также выводы Г. Ф. Корзухиной о двухэтажных постройках, основанные на материалах его раскопок, подверглись критике М. К. Каргером. По его мнению, Г. Ф. Корзухина, предложив беспрецедентный в истории мировой архитектуры тип двухэтажных киевских жилищ, внесла в этот вопрос лишь дополнительную путаницу [123]. Многочисленные отлично сохранившиеся остатки жилищ, открытые в Киеве, как считает М. К. Каргер, неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища даже в самом крупном городском центре Киевской земли, вплоть до XII—XIII вв., продолжала оставаться полуземляночная постройка, нижняя часть которой представляла прямоугольное углубление, вырытое в грунте. Над этим углублением возвышались глинобитные стены, деревянный каркас которых состоял из нескольких вертикальных столбов, врытых в землю, соединенных между собой немногочисленными деревянными перевязями, переплетенными тонкими прутьями [124].

Изложенная выше характеристика массовых жилищ Киева и других городов Среднего Поднепровья не была принята рядом киевских археологов. Так, В. К. Гончаров, считая вывод о землянках как основном типе жилищ в Поднепровье ошибочным, утверждал, что древнерусские города строились из рубленых наземных деревянных жилищ [125]. Уязвимость в основном правильного положения В. К. Гончарова заключалась в не совсем удачной аргументации. Срубная застройка городов утверждалась им лишь на основании деревянных клетей, раскопанных в земляном валу. Не отвечающее действительности мнение о том, что полуземляночный тип жилищ был доминирующим в Киевской Руси В. И. Довженок объяснял тем, что наземные деревянные постройки трудно выявить [126].

В 1948—1950 гг. в результате раскопок на горе Киселевке и на Подоле, произведенных В. А. Богусевичем, появились более серьезные основания усомниться в правильности теории полуземляночной застройки древнего Киева. Здесь были обнаружены три срубные постройки, на основании которых, а также в результате наблюдений над культурным слоем киевского Подола исследователь пришел к убеждению, что существование срубных сооружений в Киеве не может подвергаться больше сомнению [127].

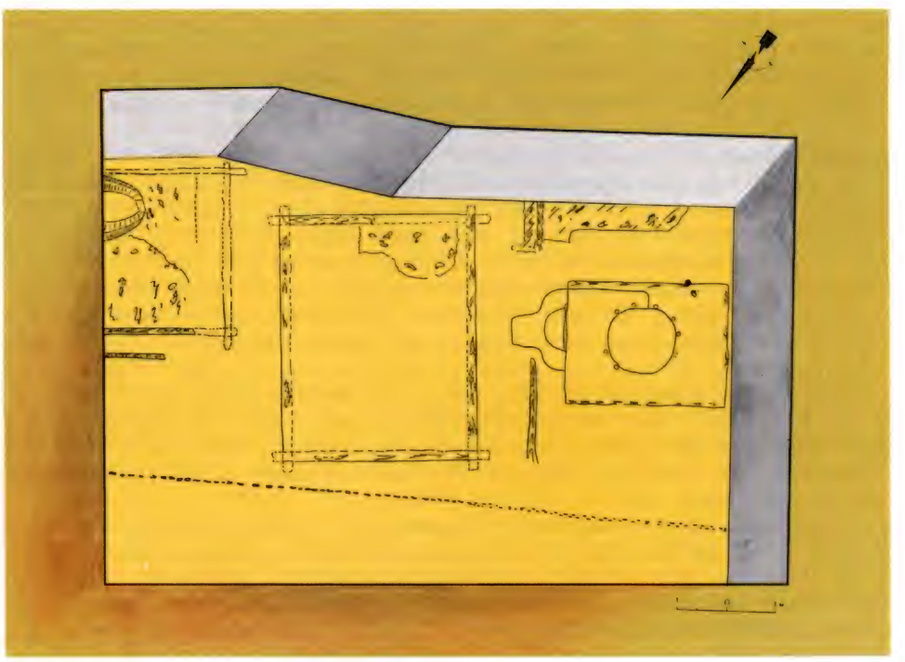
И тем не менее сомнения были высказаны вновь. В большом обобщающем труде, подводившем итоги археологическому изучению Киева на протяжении почти 150 лет, М. К. Каргер вернулся к вопросу о характере массовой застройки города. Не согласившись ни с одним из доводов названных исследователей, он вновь, но уже в более категоричной форме, высказался в пользу широкого и повсеместного для Южной Руси распространения типа полуземляночных жилищ с глинобитными стенами на деревянном каркасе [128]. Что касается наблюдений В. А. Богусевича о наличии срубных построек на Подоле, то М. К. Каргер считает, что необходимо со всей решительностью отвести этот аргумент вплоть до организации серьезных научных раскопок в этом районе [129].

Мнение М. К. Каргера о полуземляночной массовой застройке древнего Киева, учитывая его высокий авторитет в области киевоведения, получило признание

---

[120] ПСРЛ, т. 2, стб. 288.

[121] *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура. К., 1913, с. 73.



План усадьбы XII в. Подол. Ул. Волошская, 17. Раскопки 1974 г.

и вплоть до последнего времени больше не оспаривалось. В трудах исторических оно совершенно правомерно использовалось как одно из свидетельств экономического упадка Киева XII—XIII вв.

Работая над темой исторической топографии древнего Киева, нам пришлось специально заниматься и проблемой его массовой застройки. На основании проработки археологических источников удалось прийти к выводу о существовании здесь двух основных типов жилищ — наземных срубных и построек столбовой конструкции с углубленной нижней частью. Последние, благодаря своему углублению, обнаруживаются археологически значительно легче и выявлено их больше. Это обстоятельство создало несколько неточную картину характера городской застройки и позволило некоторым исследователям утверждать, что ведущим типом жилищ Киева были полуземлянки легких глинобитных конструкций. Основная масса жилищ верхнего Киева была, по нашему мнению, наземной и в преобладающем большинстве двухэтажной. Такой характер застройки отражен и в предложенной карте-реконструкции центральной части древнего Киева [130].

В 1972 г. со специальной статьей, посвященной реконструкции рядового городского дома Киева XI—XIII вв., выступил М. Ю. Брайчевский. Использовав в качестве основного источника миниатюры Кеннигсберской летописи, а также аналогии западноевропейских средневековых городов, он пришел к выводу, что массовая застройка древнего Киева была высотной, двух-, трех- и даже четырехэтажной. Дома имели каркасно-столбовую конструкцию. Как видим, по вопросу основного конструкторского типа киевских жилищ автор статьи полностью единодушен с М. К. Каргером, вслед за которым с такой же убежденностью отрицает широкое распространение в Киеве XI—XIII вв. срубных построек. По мне-

---

[122] *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве.— СА, 25. М., 1956.
[123] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 286.
[124] Там же, с. 350.
[125] *Гончаров В. К.* Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст.— Вісник АН УРСР, 1948, № 7, с. 50.
[126] *Довженок В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр., с. 71—72.
[127] *Богусевич В. А.* Розкопки на горі Киселівці.— АП ІА АН УРСР, т. 3. К., 1952, с. 68—72; *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р.— Археологія, т. 9. К., 1954.
[128] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 354—368.
[129] Там же, с. 363.
[130] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва, с. 111—118, 128—129.

нию Брайчевского, Киев коренным образом отличался от Новгорода и других северорусских городов. Что касается застройки Киева XI—XIII вв., то она была чрезвычайно плотной. Никаких усадеб, огражденных заборами, никаких хозяйственных построек, погребов здесь не было. Вдоль улиц сплошной шпалерой, впритык друг к другу, стояли жилые дома.

С предложенной реконструкцией дома рядового киевлянина XI—XIII вв. согласиться так же трудно, как и с реконструкцией М. К. Каргера. И дело здесь не только в каркасно-столбовой конструкции, которая объявляется единственно возможной для Киева. Принципиально неверным оказался сам подход к решению градостроительной проблемы. Убежденность ряда исследователей в том, что Киев XII—XIII вв. не был похож ни на Киев позднейших времен (а где же традиции?), ни на древнерусские города Новгород, Псков и другие, заставило их искать аналогии в западноевропейской истории, где, как известно, ограниченные каменными стенами города имели плотную высотную застройку. Киев не испытывал недостатка в свободной площади, а следовательно, и не был подвластен западноевропейскому градостроительному закону. Привлеченные исследователями аналогии убеждают нас в том, что проблему градостроительной схемы древнего Киева следует решать не исходя из предвзятых представлений, на что он был и не был похож, а на основании конкретных археологических данных.

Мысль о коренном отличии строительных приемов и конструктивных типов жилищ полесских и лесостепных районов Руси подчеркнута и в работах Ю. П. Спегальского, а также П. А. Раппопорта, внесшего значительный вклад в изучение массовой жилой архитектуры русского средневековья [131]. Обосновывая правомерность использования в качестве источника известного летописного рассказа середины X в. о городских постройках Искоростеня, расположенного на юго-западе Руси, Ю. П. Спегальский отмечал, что в данном случае это не имеет значения, так как Искоростень лежит все же в полосе, где были распространены наземные деревянные постройки [132].

П. А. Раппопорт в своем фундаментальном исследовании, посвященном древнерусскому жилищу, хотя и отмечает наличие в Киеве отдельных наземных построек (в том числе и срубных), но в целом приходит к выводу о повсеместном распространении в Киевской, Черниговской и Переяславской землях полуземляночного рядового жилища [133].

За период археологического изучения Киева обнаружено около 200 построек, внимательный анализ которых дает возможность разобраться и в их конструктивном типе, и в этажности, и в характере массовой застройки города в XII—XIII вв.

Прежде всего о конструкции жилищ. Признавая довольно широкое распространение в Киеве каркасно-столбового типа построек, нельзя, тем не менее, вслед за М. К. Каргером и другими исследователями, считать его единственным. К тому же и сама конструкция, как показывают археологические материалы, была несколько иной, чем ее представляют исследователи. Это не была легкая глинобитная постройка, каркас которой состоял из нескольких столбов и жердей, переплетенных тонкими прутьями. После пожара от такого сооружения, к тому же многоэтажного, должен был остаться завал обожженной глины, между тем археологи его практически не находят. Но зато почти всегда удается проследить слой горелого дерева. Достаточно посмотреть на чертежи жилищ XII—XIII вв., раскопанных М. К. Каргером на территории Михайловского монастыря в 1938 г., а также во дворе № 4 по ул. Б. Житомирская [134], чтобы убедиться в довольно значительной роли дерева в киевских постройках.

Совершенно справедливо отметив, что эти жилища не могут быть отнесены к типу срубных, М. К. Каргер, как нам кажется, все же неверно определил их конструкцию. По его мнению, в отдельных случаях стенки углубленной части жилищ не обмазывались глиной, а обкладывались досками, которые укреплялись в пазах угловых столбов, наземные их части имели глинобитные стены [135].

Такой комбинированный конструктивный тип едва ли существовал в действительности. Лишь острый дефицит строительного дерева мог быть причиной его появления и бытования. Но Киев, как известно, такого недостатка не испытывал.

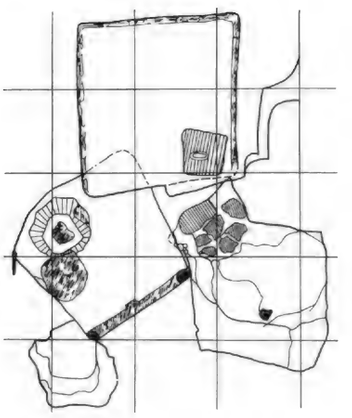
Более вероятным представляется предположение о том, что прослеженная М. К. Каргером конструктивная деталь нижних частей жилищ характеризует и тип в целом. Способ сооружения домов «взаклад» (в Среднем Поднепровье он называется «взакидку») дожил до наших дней. Применялся он, преимущественно, в районах с сухими почвами. Что касается легкого деревянного каркаса, состоящего из нескольких перевязей, переплетенных прутьями, то он применялся, очевидно, в хозяйственных постройках. В жилищах, возведенных таким способом, в широтах Киева в зимнее время проживать было бы весьма затруднительно. Подобные «времянки» могли появляться только после значительных пожаров; люди в них жили в продолжении времени, требовавшегося для постройки новых домов.

Итак, каркасно-столбовая конструкция жилых построек древнего Киева XII—XIII вв. (а подавляющее большинство жилищ датируется именно этими веками) пред-

---

[131] *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975.
[132] *Спегальский Ю. П.* Указ. соч., с. 133.
[133] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище, с. 127, 160.

ставляется нам в следующем виде. В углах, а иногда и посредине стен четырехугольного углубления, выкопанного в лессе, как правило, на 0,4—0,6 м, устанавливались столбы диаметром 0,25—0,35 м. В верхней части, а при наличии второго этажа и посредине — столбы перевязывались горизонтальными балками, способными нести чердачное или междуэтажное перекрытие и кровлю. Стены возводились из досок, горбылей или тонких бревен, закрепленных в пазах вертикальных опор конструкции *. После окончания строительства такой дом оштукатуривали с внешней и внутренней сторон тонким слоем желтой глины, а также, вероятно, белили. Наши наблюдения над заполнением одного из жилищ, раскопанного в усадьбе № 14 по ул. Б. Житомирская, как будто бы подтверждают такое предположение [136].



План жилищ X—XI вв. Старокиевская гора, склоны. Раскопки 1966 г.

В последнее время исследователей заинтересовал вопрос о размерах киевских столбовых построек XII—XIII вв. Раньше он не возникал, поскольку считалось, что выявленные в различных частях города четырехугольные углубления площадью 16—20 м² отражают весь план жилого дома, а следовательно, и его фактическую площадь. В отдельных случаях исследователям удавалось проследить какие-то пристройки типа сеней, но их размеры в связи с незначительностью следов почти никогда не определялись. Несколько раз (раскопки В. В. Хвойки на Старокиевской горе, М. К. Каргера вблизи западной стены бывшей Трапезной церкви Михайловского монастыря) были обнаружены жилища, состоявшие из двух камер, но они, как считает М. К. Каргер, для Киева не были характерны [137].

Убеждение о соответствии плана всего жилого дома с планом углубленной части лишь недавно подверглось обоснованному сомнению. На основании анализа археологических данных удалось прийти к выводу, что так называемая полуземлянка занимала лишь часть площади жилища и находилась в центре. Действительные размеры жилищ были значительно бо́льшими, чем площадь углубления. Думается, что большинство жилых построек Киева каркасно-столбового типа бы́ло двухкамерным. Следы вторых камер-сеней, которые сооружались, вероятно, из более легких конструкций, не связанных с основными объемами зданий, обнаружены как в самом Киеве, так и в других центрах Среднего Поднепровья [138].

Кроме каркасно-столбового, в древнем Киеве имел довольно широкое распространение и тип срубных построек. Еще до археологического их выявления об этом можно было говорить на основании целого ряда косвенных данных, прежде всего срубных гробниц IX—X вв., которые, несомненно, конструктивно повторяли жилой дом, а также деревянных городен, применявшихся для насыпания оборонительных валов. Указания на срубный тип построек Киева имеются и в летописи. В 1016 г. киевляне, выступавшие со Святополком против Ярослава, кричали новгородцам: «... что приидосте с хромьцемь симь, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ» [139].

К сожалению, ни М. К. Каргер, ни другие археологи, занимавшиеся киевским жилищем, не сочли возможным привлечь эти данные в качестве источника для решения вопроса об основном конструктивном типе массовой застройки древнего Киева. Более того, они прошли мимо целого ряда более веских доказательств. Не считаясь с фактами нахождения в Киеве срубных построек, о чем будет сказано ниже, некоторые исследователи заявляли, что неоднократные попытки обнаружить в Киеве срубные жилища оканчивались разочарованием. М. К. Каргер допускал существование деревянных

---

[134] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 305—311, 328.

[135] Там же, с. 351.

* Так сооружались каркасно-столбовые дома во всех городских и сельских центрах Среднего Поднепровья. Во время раскопок городищ Щучинка и Иван-Гора подобные конструктивные детали прослеживались со всей отчетливостью (*Довженок В. И.* Раскопки Чучина.— АИУ за 1965—1966 гг. К., 1967, с. 23).

[136] *Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д.* Из работ Киевской археологической экспедиции.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 2. К., 1968, с. 191.

[137] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 322—323.

[138] *Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д.* Указ. соч., с. 193; *Довженок В. И.* Раскопки Чучина, с. 23.

[139] ПСРЛ, т. 2, стб. 129.

Угол срубного жилища XII—XIII вв. Город Ярослава. Ул. Рейтарская, 36—38. Раскопки 1978 г.

срубных построек в Киеве как исключение. Это были хоромы знати и богатых людей[140].

Этот небольшой историографический обзор свидетельствует о недостаточном внимании исследователей, занимавшихся вопросами древнекиевского жилища, к накопленным археологическим источникам. Между тем первые срубные постройки в Киеве были обнаружены одновременно с каркасно-столбовыми. Случилось это в 1907—1908 гг., когда В. В. Хвойка производил значительные раскопки в самом центре древнего Киева, в пределах современной усадьбы Государственного исторического музея. Опубликованные Г. Ф. Корзухиной выписки А. А. Спицына, сделанные из дневников В. В. Хвойки, свидетельствуют о том, что исследователю удалось обнаружить целый ряд жилых построек с мощным деревянным каркасом. Большинство из них имело столбовую конструкцию, однако некоторые, видимо, были срубными. К такому выводу в последнее время пришел и П. А. Раппопорт[141].

Срубные постройки были обнаружены также в 1909 г. в усадьбе Митрополичьего дома (угол ул. Стрелецкой и Георгиевского пер.) раскопками В. Д. Милеева. В периодической прессе они относились к древнерусскому времени[142], однако автор раскопок склонялся к значительно более поздней их дате — XVIII в. Отсутствие какой бы то ни было документации не позволяет сейчас внести бо́льшую ясность в вопрос датировки этих срубов. М. К. Каргеру казалась бесспорной поздняя дата[143], нам представляется не лишенным основания отнесение их к древнерусскому времени.

В 1940 г. между стеной Михайловской церкви и северной стеной Трапезной раскопками Г. Ф. Корзухиной было открыто срубное жилище XII в. Как видно из чертежа, бревна сруба удалось проследить вдоль северной и западной стен, а также в северо-западном и северо-восточном углах. Сруб имел небольшие размеры (7,50×3,50 м) и, по-видимому, не принадлежал к хоромам древнекиевской знати. Как чисто срубную интерпретировал эту постройку и М. К. Каргер[144].

Еще два сруба XII—XIII вв. были раскопаны В. А. Богусевичем в 1948 г. на горе Киселевке[145]. Судя по находкам, обнаруженным в их заполнении (керамика, стеклянные браслеты, ножи, наконечники стрел, однолезвийный меч), срубы едва ли были жилищами представителей социальной верхушки Киева.

В 1950 г. срубная трехкамерная постройка была обнаружена на Подоле (угол ул. Героев Триполья и Волошской). Знакомство с отчетными данными и публикацией материалов раскопок не дает основания сомневаться в правильности интерпретации конструктивного типа жилищ, предложенной автором раскопок В. А. Богусевичем[146].

Во время наших раскопок 1967 г. на территории усадьбы № 14 по ул. Б. Житомирская удалось обнаружить и проследить срубную конструкцию еще двух жилищ, датируемых XII—XIII вв. Венцы срубов, к сожалению, не сохранились, но совершенно отчетливые их отпечатки в желтой материковой глине не вызывают сомнения в конструктивном типе построек. Размеры их углубленных частей 5,40×4,60 м.

Судя по находкам, обнаруженным в одном из жилищ (большие керамические корчаги, деревянная бочка с янтарем, деревянные сосуды типа мисок и чашек, точеных на токарном станке, короб из бересты и др.), в нем проживал представитель купеческого сословия[147].

Последние сомнения о существовании в древнем Киеве срубных построек должны развеяться после раскопок Киевской постоянно действующей археологической экспедиции Института археологии АН УССР, осуществленных в 1972 г. на Подоле. Здесь, на участке Красная площадь — ул. Хоревая, на глубине от 8 до 12 м обнаружено более пятнадцати срубов. Перекрытые мощными овражными выносами и речными намывами, нижние части срубов прекрасно сохранились до

---

[140] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 366.
[141] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище, с. 85.
[142] ИАК, Прибавл. к вып. 34. Спб., 1910, с. 171—173.
[143] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 293.
[144] Там же, с. 317—318.
[145] *Богусевич В. А.* Розкопки на горі Киселівці, с. 66—72.

наших дней. Отдельные имеют по 5—6 и даже 9 венцов. Размеры срубов различны. Жилые достигают 40—60 м², хозяйственные — 16—18 м². Датируются раскопанные срубные постройки X—XI вв. Раскопками 1973 г. на древней рыночной площади Подола (Житный рынок) обнаружен целый городской квартал из шести усадеб, многие постройки которого погибли в огне. Несмотря на то, что эта часть Подола более высокая (у подножья Замковой горы), она также подвергалась периодическим наводнениям. Культурные слои здесь, как и на других участках Подола, перекрыты слоями чистого песка. В шести усадьбах, из которых четыре датируются XI—XII вв., а две — X—XI вв., обнаружено около 30 деревянных построек (пл. 28—34 м²), срубленных «в обло» из толстых сосновых бревен. Вход в них с «теплой», юго-западной стороны на уровне четвертого-пятого венцов ведет в меньшую камеру — сени. Со стороны входа к сеням пристраивалось высокое крыльцо на столбах, на которое вели деревянные ступени. В ряде домов сохранились остатки полов, настеленных из толстых и широких досок. В 6—8 м от жилых находились хозяйственные сооружения — хлева или коморы, также срубленные из сосновых бревен. Иногда это достаточно монументальные постройки, толщина стен которых не уступает жилым пятистенкам.

Исследования 1974—1975 гг., осуществленные на различных участках Подольской линии метрополитена (ул. Нижний и Верхний Вал, Жданова, Почтовая площадь и др.), а также в усадьбе № 17 по ул. Волошской окончательно убеждают в том, что господствующим типом массовой застройки Подола был сруб.

Особый интерес представляют результаты работы в усадьбе № 17 по ул. Волошской. Здесь, впервые за последние годы, удалось проследить верхние слои Подола, где залегают материалы XII в. К сожалению, сохранность дерева в них исключительно плохая — от толстого бревна в земле прослеживается лишь узкая коричневая полоска. Это, пожалуй, единственная особенность верхних слоев. В остальном они очень напоминают нижележащие. В них прослеживаются те же срубы, заборы, усадьбы. Причем вся планировочная структура усадьбы XII в. близка к структуре усадеб более раннего периода. Все это неоспоримо свидетельствует, что и в XII—XIII вв. конструктивный тип построек Подола был срубным. Он сохранялся в этом районе Киева и в позднесредневековое время и обусловлен топографическим положением Подола и характером его почвы.

Таким образом, археологические материалы неоспоримо свидетельствуют о существовании в древнем Киеве XII—XIII вв. как каркасно-столбовой, так и срубной застройки, причем удельный вес последней не только не меньше первой, но, вероятно, значительно больше. Целиком срубной была застройка одного из крупнейших районов Киева — Подола, нередки срубы и в верхних его районах. Следовательно, выводы ряда исследователей о коренном отличии историко-архитектурного развития древнего Киева от Новгорода и других городов полесских районов Киевской Руси не соответствуют действительности. В результате раскопок Киевского Подола в 1972—1975 гг. получены материалы, аналогичные новгородским, староладожским, полоцким, брестским и других городов северо-западных и северо-восточных районов Древнерусского государства.

Причем аналогии наблюдаются не только в общем характере срубных построек или планировочной структуре отдельных участков городской застройки, но также в целом ряде строительных приемов. Рубка киевских (как и новгородских, минских, смоленских и др.) срубов выполнена «в обло», с выпуском остатков длиной около 30, реже — 40 см. Все они сложены из сосновых бревен диаметром от 16 до 25 см. Чашка замков и паз всегда выбраны в нижнем бревне. Между венцами имеются прокладки мха для утепления.

П. А. Раппопорт, говоря об устройстве фундаментов и полов срубных жилых построек, пришел к выводу, что укладка лаг для пола на землю, отсутствие фундаментных оснований или же наличие оснований в виде деревянных стульев являются отличительной чертой строительства юго-восточной части лесной зоны (Старая Рязань). Врубка лаг для пола в венцы сруба, а также устройство под ним основания из бревенчатых подкладок чаще всего встречаются в западной и северной частях лесной зоны (Новгород, Минск, Псков и др.)[148].

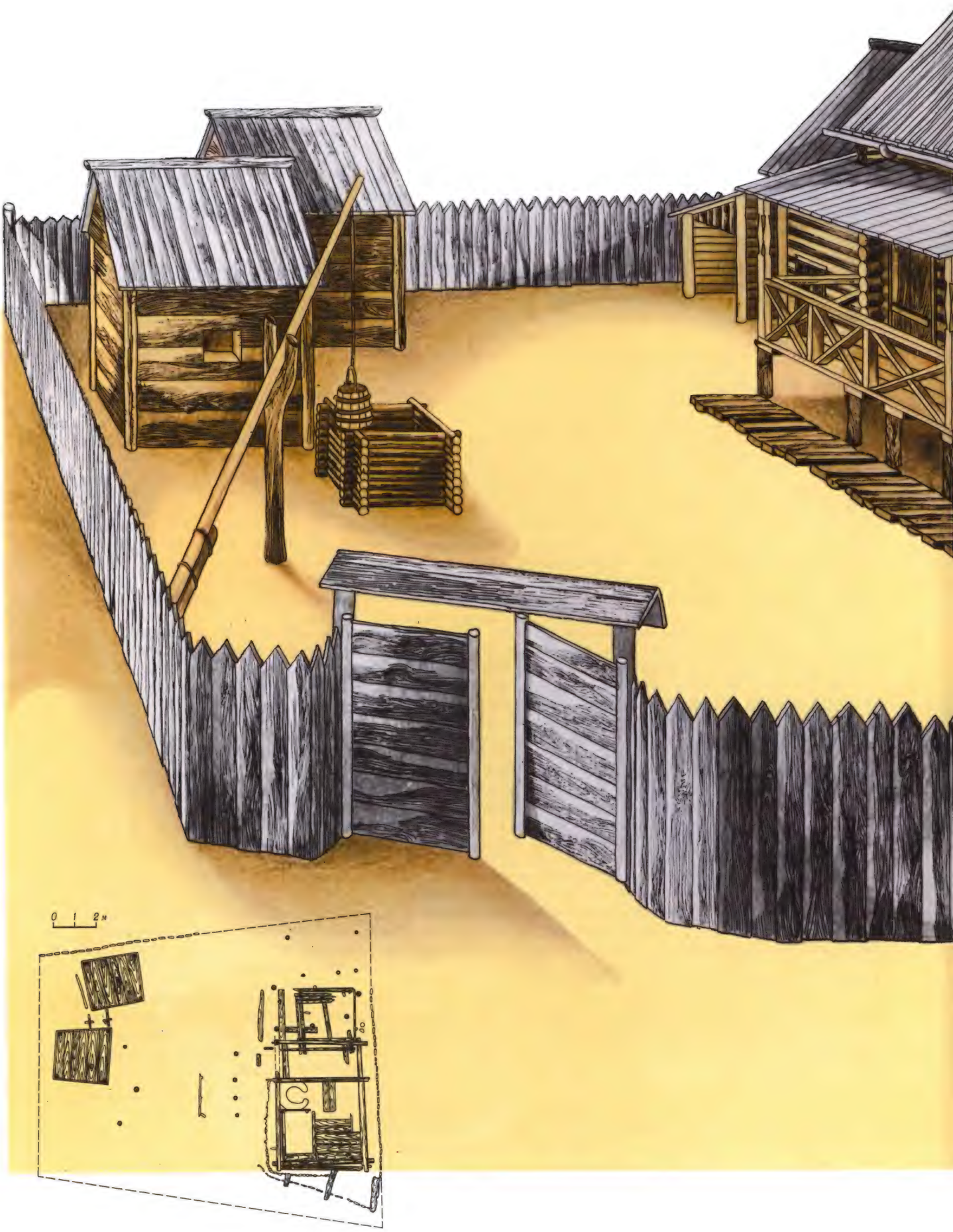
Исследование киевских срубных построек показало, что они практически имеют все варианты строительной техники, отмеченные исследователями для северо-западных и северо-восточных районов Руси. Лаги для настилки полов в них бывают врублены в венцы и положены на землю; основания срубов состояли чаще всего из системы бревенчатых подкладок, но встречаются и деревянные стулья. Нередки в киевских срубах и наружные венцы или обноски, характерные для построек Минска, Полоцка, Гродно, Рязани и других городов.

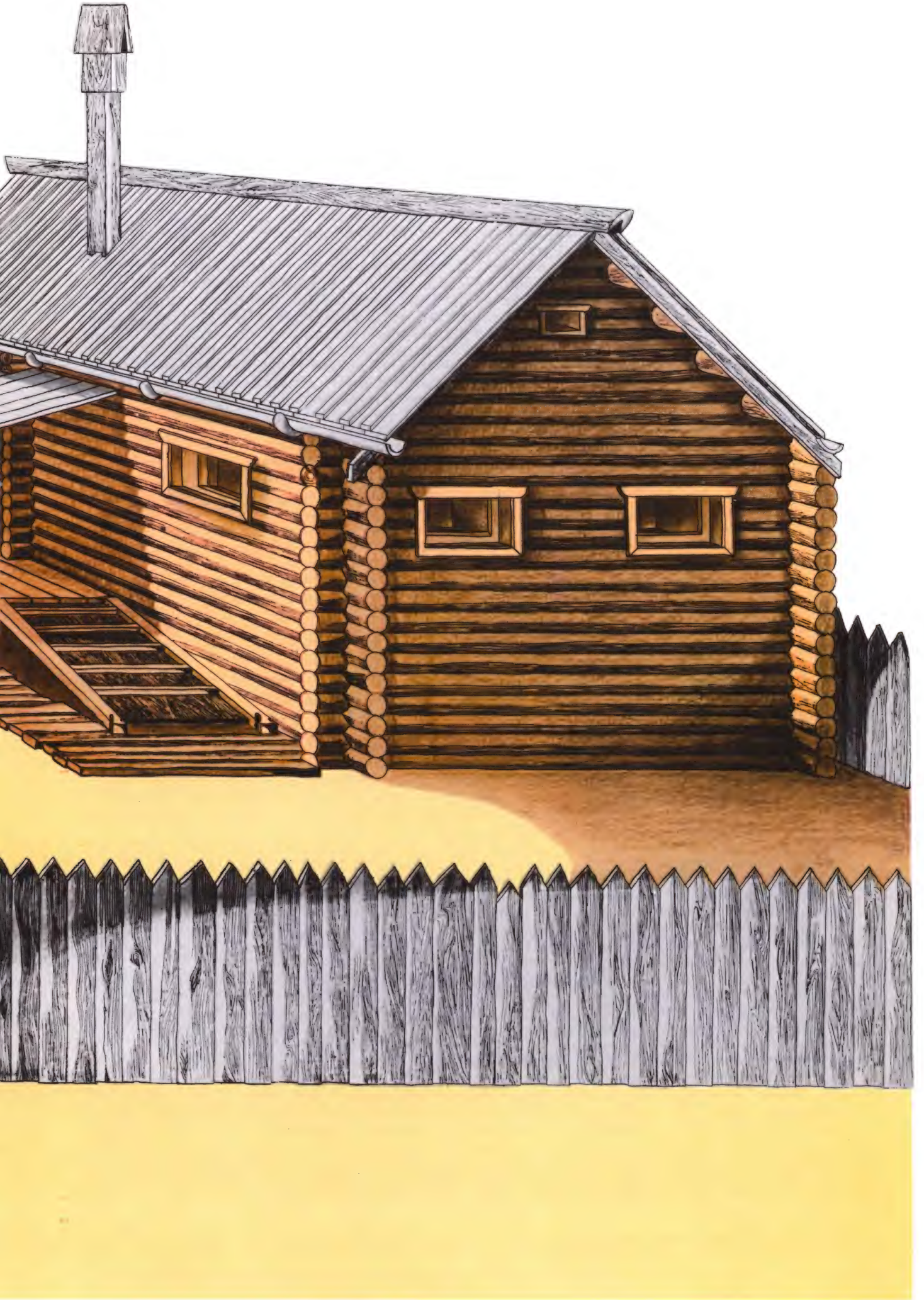
По типу киевские срубные постройки практически также не отличаются от новгородских, староладожских, брестских и др. Здесь представлены те же три типа жилищ, которые были повсеместно распространены и в лесной зоне: однокамерные срубы, двухкамерные избы-пятистенки и многокамерные постройки, состоявшие из нескольких срубов. Избы-пятистенки появились в Киеве уже в X в.,

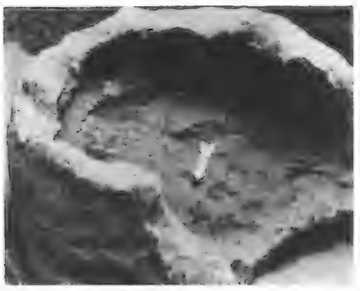
---

[146] *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 42—53.
[147] *Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д.* Указ. соч., с. 191—193.
[148] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище, с. 130.

Подольская усадьба XII в. Реконструкция П. П. Толочко. Выполнена по материалам раскопок киевского Подола в 1973 г.







Печь жилища XII—XIII вв. Город Владимира. Десятинный пер., 5. Раскопки 1977 г.

однако, как и в других древнерусских центрах, массовое их строительство относится к XI — началу XIII в. Плановая структура киевских пятистенков аналогична общепринятой на Руси схеме двухкамерных жилых построек. Вход в такой дом находился в меньшей камере (или сенях), а печь чаще всего стояла в правом или левом, ближнем от входа углу большого квадратного помещения. Печи глинобитные. Сооружены они, как правило, на специальных земляных подсыпках, реже — на деревянных опечках.

Сказанным, естественно, не исчерпываются элементы сходства древнекиевских срубных жилищ с жилищами других центров Руси, но и приведенных достаточно, чтобы прийти к выводу о преобладании среди массовой застройки Киева XII—XIII вв. общерусских архитектурных типов построек.

Вывод этот имеет принципиально важное историческое значение. Он не только подводит итог научной дискуссии об основном конструктивном типе древнекиевского жилища, но и кладет конец измышлениям буржуазно-националистических исследователей об исключительном архитектурном своеобразии древнего Киева и противопоставлении его северо-западным и северо-восточным древнерусским городам. В свете новых данных совершенно очевидной стала и несостоятельность поиска аналогий древнему Киеву в западноевропейской средневековой истории.

Вопрос об этажности киевских жилищ после того, как осторожное предположение Г. Ф. Корзухиной о наличии в отдельных из них вторых этажей, сделанное на основании раскопок В. В. Хвойки, подверглось критике М. К. Каргером, продолжительное время вообще не ставился. В представлении исследователей киевский дом XII—XIII вв. продолжал оставаться приземистой полуземляночной постройкой. Лишь в последнее время на основании археологических, письменных и графических источников традиционное мнение пересматривается в пользу относительно высотной (преимущественно двухэтажной) застройки древней столицы Руси[149]. Убедительнейшим доказательством этому явились срубные постройки, открытые на Красной площади в 1972 г.

Одна из них сохранилась на 9 венцов, но в нижней части нигде не имела дверного проема. Как же хозяева попадали в этот сруб? Небольшие его размеры (около 16 м^2), а также мощные фундаментные подкладки под углами и стенами указывали на башнеобразную (многоярусную) его архитектуру. Вход в этот сруб находился, вероятно, на уровне второго этажа, куда вел лестничный марш; в подклеть (или нижний этаж) спускались при помощи приставной лестницы. Подобные хозяйственные сооружения известны из раскопок Новгорода, упоминания о них имеются и в летописи.

Двухэтажным здесь был и большой жилой сруб, находившийся неподалеку от только что описанного. При разборке перекрытия была обнаружена его двухслойность. Под верхним настилом из досок, покоящихся на поперечных балках, находился еще один, на котором лежали раздавленные деревянные тарелки, ковши, изделия из глины. В центральной части перекрытия отчетливо видно полукруглое отверстие — след от входа, ведшего на второй этаж.

Такие постройки, несомненно, были и в Верхнем городе, причем не только срубные, но и каркасно-столбовые. Раскопки многих из них показали, что угловые столбы-опоры были в состоянии нести как чердачное, так и междуэтажное перекрытия.

В решении вопроса о массовой архитектуре древнего Киева приходится преодолевать не только устаревшие взгляды, но и некоторые новые увлечения. Имеется в виду, в частности, попытка отдельных исследователей доказать исключительно плотный (западноевропейский) характер застройки города, в котором не было огражденных заборами дворов с отдельно стоящими жилыми, хозяйственными и ремесленными постройками. Письменные и археологические источники не дают для такого утверждения ни малейшего основания.

---

[149] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва, с. 118, 128.
[150] ПСРЛ, т. 2, стб. 302.
[151] *Гончаров В. К.* Археологічні розкопки в Києві у 1955 р.— Археологія, т. 10. К., 1957, с. 132—133.

Страницы летописи, рассказывающие о древнем Киеве, полны упоминаний о дворах князей, бояр и воевод, духовенства. Причем эти дворы располагаются буквально во всех частях города. О том, что замкнутые дворы-усадьбы были характерны и для низших слоев древнекиевского населения, свидетельствует летописная статья 1140 г.: «Поиде Всеволодъ Олговичь из Вышегорода къ Кыеву, изрядивъ полки, и пришедъ, ста у города в Копыревѣ конци, и нача зажигати дворы, иже суть предъ городомъ в Копыревѣ конци» [150].

Усадебный характер застройки древнего Киева подтверждают и археологические исследования. В 1955 г. следы частокола, ограждавшего отдельные усадьбы друг от друга, а также и от улицы, были прослежены раскопками В. К. Гончарова во дворах домов № 7—9 по ул. Владимирской [151]. В 1972—1974 гг. хорошо сохранившиеся деревянные заборы, протянувшиеся на 25—27 м, были обнаружены на Подоле. Усадьба, исследованная на Красной площади, состояла из одной жилой постройки площадью около 40 м² и двух-трех хозяйственных — площадью 16—20 м² каждая. Приблизительно такие же размеры имела и усадьба в районе ул. Героев Триполья и Хоревой. Расстояние между противоположными участками забора равнялось 27 м.

Шесть городских усадеб удалось проследить на бывшей рыночной площади Подола. Кроме срубных построек в них хорошо сохранились заборы, поставленные из широких досок или частокола, деревянные дворовые вымостки. Раскопки на значительной площади и на большой глубине выявили совершенно четкую планировочную структуру участка, обладавшую определенными стабильными признаками. Градостроительной осью участка был небольшой ручей (вероятно, Киянка), протекавший под Замковой горой в сторону Днепра. Размеры каждой усадьбы, определившиеся в момент их застройки, оставались неизменными на протяжении нескольких столетий. Возобновленные после наводнений или пожаров заборы усадеб проходили там же, где и прежде. В каждом строительном горизонте наблюдается закономерность в размещении различных построек усадеб: жилые дома, как правило, стоят на некотором расстоянии от хлевов, амбаров, производственных помещений, но, как и они,— всегда вдоль заборов. Центральная часть усадеб оставалась свободной от построек.

Раскопки в Верхнем городе, проводившиеся, как правило, небольшими площадями, не позволили определить размеры усадеб. Не исключено, что они были несколько меньшими, чем подольские, но то, что они существовали и состояли из нескольких построек, не подлежит сомнению.

Имевшие место в литературе попытки показать несостоятельность мнения, что основной ячейкой древнерусского города была усадьба, огражденная от внешнего мира [152], не подтверждаются археологическими материалами. Что касается характера деятельности, якобы требовавшего максимального слияния с улицей ремесленных мастерских и лавок, то, во-первых, это не совсем так (мастерские никогда не выходили на красную линию улиц), а во-вторых, заборы усадеб не являлись непроходимой преградой для различных связей горожан между собой.

Такой, в общих чертах, представляется нам массовая застройка древнего Киева, основанная на материалах изучения жилищ и хозяйственных сооружений, подавляющее большинство которых датируется XII—XIII вв.

Археологические исследования наряду с летописными сообщениями позволяют в общих чертах представить и градостроительную планировочную систему древнего Киева. Как и в большинстве средневековых городов, она имела радиально-кольцевой характер [153], обусловливаемый наличием нескольких концентров земляных укреплений с воротами, а также городских площадей, соборов и монастырей. От Подольских, Софийских, Михайловских ворот Города Владимира, Золотых, Лядских и Жидовских — Города Ярослава пучки улиц выходили на площадь «Бабин торжок», к центральному храму Киева — Софии. Под валом каждой из частей Верхнего города также проходили городские улицы. По мнению Ю. С. Асеева, основная планировка старого города сохранилась до наших дней [154].

Несколько иную систему застройки имел Подол. Основные его улицы проходили в двух направлениях: от подножья гор к Почайне и вдоль береговой линии. Во время раскопок 1972 г. на участке между современными улицами Хоревой и Героев Триполья были обнаружены остатки двух улиц: одна, шириной 3,6 м, проходила в поперечном, другая, шириной около 6 м,— в продольном направлениях. Естественно, той геометрической правильности, которую Подол получил в результате перепланировки 1812 г., в древности не было, но общий характер — такой же. Градостроительные принципы Подола во все времена зависели от двух основных факторов: береговой линии и горной гряды, между которыми расположился этот район.

В последнее время на основании данных археологических, а также архитектурно-археологических исследований предприняты попытки реконструкции древнего Киева — появились диорамные, графические и даже макетные изображения. Это свидетельствует о том, что киевоведение переживает качественно новый этап. И ка-

---

[152] История культуры Древней Руси, т. 1, с. 193.
[153] *Бунин А. В.* История градостроительного искусства, с. 142.
[154] *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі, с. 54.

кими бы несовершенными ни были предлагаемые реконструкции, без них, без попыток моделировать архитектурный образ древней столицы Руси многие вопросы ее исторического развития останутся за пределами нашего познания. Длительное время исследователи древнего Киева не могли согласовать даже показания письменных и археологических источников. С одной стороны, они охотно цитировали высказывания современников об истинном великолепии и красоте Киева X—XIII вв., с другой,— доказывая теорию полуземляночной архитектуры, по существу опровергали записи русских летописцев и иностранных путешественников.

Следствием этого стало скептическое отношение к свидетельствам очевидцев. Выводы о полуземляночном характере массовой архитектуры древнего Киева имели и другие отрицательные последствия. Ведь если жалкие полуземляночные строения преобладали в одном из крупнейших городов Руси, то что можно было говорить о городах, менее значительных. В результате принижался уровень развития городской жизни в пределах всего лесостепного пояса Древней Руси.

Архитектурное моделирование Киева X—XIII вв. исключает односторонность подхода, оно неизбежно влечет за собой комплексность решения проблемы, согласованность показаний всех категорий источников.

Именно такой метод и был положен в основу создания макета центральной части Киева XII—XIII вв., выполненного Д. П. Мазюкевич при участии историков, археологов, архитекторов, топографов *. На нем древний Киев показан крупным городским центром с четкой градостроительной схемой, завершенностью композиций отдельных архитектурных ансамблей, возведенных в различных районах города, а также кварталами преимущественно двухэтажной массовой жилой застройки. Над усадьбами знати возвышаются башни, деревянные церкви; княжеские дворы имеют красивые каменные дворцы и терема. Второй, диорамный, план макета с Подолом, линией Днепра и Заднепровьем еще больше подчеркивает величие и красоту древнего Киева **.

Историко-архитектурное моделирование позволяет значительно четче представить и внутреннюю жизнь Киева XII—XIII вв. Летописные рассказы о прибытии в город посольств, о княжеских пирах, бурлящих вечевых собраниях на площадях, восстаниях киевлян и неприятельских осадах города приобретают конкретное содержание, намного полнее и образнее раскрывают смысл и значение происходивших событий.

Ценность созданного макета древнего Киева заключается не только в том, что в нем наиболее полно отразились достижения в археологическом изучении древней столицы Руси, но также в том, что яснее определились задачи и вопросы, которые еще нужно решать, наметились пути дальнейших поисков.

Выполненная работа по макетированию древнего Киева явилась важным, необходимым, но все же промежуточным этапом в деле его историко-архитектурного моделирования. Это стало особенно очевидным после новых археологических открытий на Подоле, показавших не только исключительно срубный характер жилой застройки этого крупнейшего района Киева, но и обнаруживших достаточно четкую его градостроительную и планировочную структуру. Впервые за всю историю археологических исследований древнего Киева получены материалы, позволяющие дать научно обоснованные реконструкции не отдельной постройки, а целой усадьбы и даже квартала. Первые опыты моделирования подольских сооружений, выполненные В. А. Харламовым, свидетельствуют о чрезвычайной близости массовой жилой архитектуры древнего Киева и городов полесских районов Древней Руси.

В 1975—1976 гг. работа по архитектурному моделированию Киева XII—XIII вв. была продолжена А. В. Казанским при участии Ю. С. Асеева и автора этой книги. По сравнению с предшествующими, новая попытка дать объемную модель древнего Киева оказалась более удачной, а главное — более научно обоснованной.

Массовая застройка города, в полном соответствии с данными археологических исследований последних лет, показана преимущественно срубной. Особенно это относится к Подолу, где авторы диорамы, использовав обмерные планы раскопанных усадеб на Красной площади и бывшем Житном рынке, как бы «надстроили» их. Каждая усадьба состоит из трех-четырех срубов: одного жилого и двух или трех хозяйственных и обнесена высоким дощатым забором. В ряде районов, в основном Верхнего города, наряду со срубными поставлены и каркасно-столбовые дома. В целом массовая жилая архитектура представлена двухъярусными постройками.

Что касается планировочной структуры древнего Киева, то для разных его районов она была различной. В Верхнем городе преобладала радиально-концентрическая система планировки, в Нижнем — порядковая. Обе системы дожили до позднего средневековья и хорошо отражены в планах Киева XVII—XVIII вв.

Нетрадиционная точка показа древнего Киева (со стороны Щековицы) позволила не только четче отразить особенности его ландшафта — этого важнейшего градообразующего фактора, но и полнее представить основные закономерности формирования городской территории.

---

* Работу консультировали Ю. С. Асеев, П. П. Толочко, В. И. Довженок, С. Р. Килиевич, Ю. С. Каменцов.

** В настоящее время макет древнего Киева экспонируется в историко-архитектурном музее-заповеднике «Софийский музей».

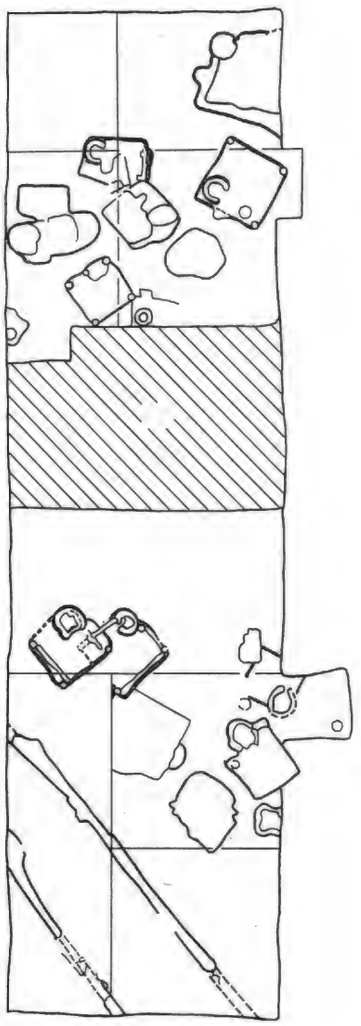
Демографический очерк. Размеры городской территории и количество жителей Киева XII—XIII вв.

Одной из важнейших проблем древней истории, требующей к себе все большего и большего внимания, является демография. При современном уровне развития исторической науки, располагающей огромной источниковедческой базой и широким методическим арсеналом исследований, выводы о большом или небольшом количестве населения древнерусских городов содержат в себе явно недостаточную информацию. Ныне необходимо уже оперировать цифровыми показателями, естественно, имеющими под собой прочную базу. Впервые вопрос о количестве жителей древнего Киева эпохи его наивысшего расцвета был поставлен в конце XIX в. историком Д. И. Иловайским. Приведя целый ряд письменных сообщений, в том числе и о море 1092 г., когда для погребения мертвых «от Филипова дне до мясопуш» было продано 7 тыс. гробов, он утверждал, что едва ли будет далеким от истины предположить, что Киев XII в. имел население более 100 000 человек[155].

Исследователи наших дней были несколько более осторожными. М. Н. Тихомиров, называя Киев городом-гигантом, исчислял его население десятками тысяч[156]. Такого же мнения придерживался и Д. И. Блифельд[157]. Выводы других киевских археологов на разных этапах их обращения к проблеме киевской демографии были различными. В первом выпуске двухтомной истории Киева значится цифра в несколько тысяч человек[158], во втором — около ста тысяч человек[159]. Мы в свое время определяли количество населения Киева XII—XIII вв. цифрой 45 тыс. человек[160].

Приведенные данные со всей очевидностью показывают не только нерешенность проблемы древнекиевской демографии, но и неразработанность методики ее исследования. В основе расчетов или просто выводов разных историков, как правило, лежат случайные данные: летописные сообщения о море, пожарах, свидетельства иностранных путешественников о большом количестве жителей Киева, аналогичные сравнения его с Константинополем и другими европейскими городами. Очень редко исследователи обращаются к археологическому источнику, а между тем именно он располагает надежными данными для демографических расчетов. Только на основании археологических материалов можно определить размеры древнего Киева, характер и плотность его застройки, без чего вообще невозможно приступить к решению этой проблемы. Следует также учитывать и тот уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве, который мог (или не мог) гарантировать нормальную жизнь крупнейшего древнерусского города.

Итак, какую же площадь занимал Киев XII—XIII вв.? Длительное время она определялась исследователями путем аналогичных сопоставлений. Полагая, что древний Новгород раскинулся на площади около 400 га, историки приходили к напрашивающемуся выводу, что Киев в это время был не меньшим. В 1958 г. архитектор И. П. Бронштейн предпринял попытку более точного определения площади древнего Киева, но его расчеты оказались еще более приблизительными. Согласно ему, город занимал от 400 до 550 га (верхний Киев — 60 га, Подол с Копыревым концом — 100—150, Печерск — 250—350 га)[161]. Несомненной заслугой И. П. Бронштейна было то, что он причислил к городской территории его окраинные районы, однако определил их площадь неправильно. Видимо,



План жилищ и хозяйственных сооружений XII—XIII вв. Ул. Владимирская, 7—9. Раскопки В. К. Гончарова, 1955 г.

---

[155] *Иловайский Д. И.* История России, т. 1, изд. 2-е. М., 1906, с. 14. Следует отметить, что летопись, рассказывая о море 1092 г., не уточняет, был ли он только в Киеве или же во всей Киевской земле.

[156] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 140.

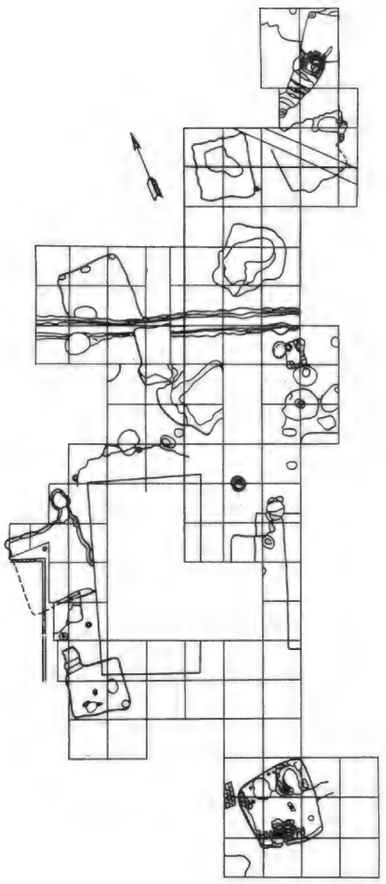
[157] *Бліфельд Д. І.* Давньоруське місто.— В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, с. 462, 468.

[158] Історія Києва, т. 1. К., 1959, с. 63.

[159] История Киева, т. 1. К., 1963, с. 57.

[160] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва, с. 174.

[161] *Бронштейн И. П.* Городская территория древнего Киева по данным летописи.— Сборник сообщений Киевпроекта. К., 1958. № 1-2, с. 50—55.



План жилищ и хозяйственных сооружений XII—XIII вв. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки М. К. Каргера. 1938 г.

на основании лишь письменных данных более точное определение и невозможно. Летописные известия, указывая, где находился тот или иной район древнего города, ответить на вопрос, какую же площадь он занимал, не могут.

В работе «Історична топографія стародавнього Києва» автор этой книги пошел по другому, с нашей точки зрения, более верному пути. Площадь каждого района древнего Киева была подсчитана на основании наложения находок древнерусского времени на современную карту города. Полученная таким образом, цифра равнялась 360—380 га (Верхний город — 80 га, Подол — 180, Копырев конец — 40, горы Замковая, Щековица и Лысая — 30, окраинные районы — 30—35 га) [162].

В последнее время среди некоторых исследователей, занимающихся древней демографией, обнаруживается тенденция к уменьшению площади Киева XI—XIII вв. Называются цифры 200 или 220 га. На основании каких расчетов они получены, остается неизвестным. Думается, что и в этом случае «срабатывает» все тот же метод сравнений по аналогии, только за исходное берется не Новгород и тем более не Константинополь, а средневековые города Западной Европы. Нет сомнения, что цифры 200—220 га ни в коей мере не дают представления о действительных размерах древнего Киева. В дальнейших расчетах мы по-прежнему будем пользоваться цифрой 360—380 га, которая, хотя и нуждается в уточнении (причем, очевидно, в сторону некоторого увеличения), все же ближе к реальной, чем 200—220 га.

Переходим к вопросу о густоте застройки или коэффициенте заселенности древнего Киева. Выше мы коснулись проблемы градостроительной схемы города, сейчас же на примере ряда раскопанных участков попытаемся определить средние размеры одной городской усадьбы. В качестве опорных нами берутся раскопки 1938 г. на территории усадьбы бывшего Михайловского монастыря, 1955 г.— по ул. Владимирской, 7—9, и 1967 г.— по ул. Б. Житомирская, 14.

В 1938 г. раскопками М. К. Каргера на площади 400 м² было вскрыто восемь построек. К сожалению, все они датированы автором слишком широко — XI—XIII вв., и решить вопрос о количестве единовременных сооружений весьма затруднительно. С уверенностью можно сказать, что две из них были ремесленными мастерскими (VII и VIII), а две (IV—V) названы исследователем жилищами условно, поскольку от них остались лишь части обожженных стенок да ступени в лессе. По поводу «полуземлянки» VI М. К. Каргер заметил, что ее необычные размеры и почти полное отсутствие находок свидетельствуют о каком-то ином назначении по сравнению с другими раскопанными здесь же полуземлянками [163].

Таким образом, оказывается, что на площади 400 м² было всего 3—4 единовременные постройки. Их фрагментарность, а также расположение в пределах монастырских стен (вблизи Трапезной церкви) вряд ли позволяет использовать материалы раскопок 1938 г. как эталон для решения вопроса о плотности жилой застройки древнего Киева.

В 1955 г. раскопками В. К. Гончарова по ул. Владимирской, 7—9, на площади 1000 м² было обнаружено более десяти построек XI—XIII вв.[164] О том, что они существовали неодновременно, свидетельствуют не только находки, но и ситуационный план раскопа. На нем прекрасно видно, как некоторые постройки перерезают друг друга. В целом ряде сооружений

---

[162] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва, с. 173.
[163] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 300—314.
[164] *Гончаров В. К.* Археологічні розкопки в Києві у 1955 р.
[165] *Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д.* Указ. соч., с. 191—192.
[166] *Засурцев П. И.* Постройки древнего Новгорода.— Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2. М., 1959, с. 289—292; *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 176—191.
* Именно эту цифру обосновывал для эпохи феодализма М. В. Птуха. (Очерки по истории статистики в СССР, т. 1. М., 1955, с. 159). В предыдущих расчетах мы пользовались цифрой 5.
[167] Сборник материалов для исторической топографии Киева. К., 1874, ч. 2, с. 3.
[168] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. т. 3. М.— Л., 1948, с. 395; *Горянов Б. Т.* Византийский город.— ВВ, т. 13. М., 1958, с. 166; *Наследова Р. А.* Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X вв.— ВВ, т. 11, М.— Л., 1956, с. 63.
[169] *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 77; *Горянов Б. Т.* Указ. соч., с. 166—167.
[170] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 139.

не было обнаружено не только печей, но и следов их, что свидетельствует в пользу нежилого характера. Безусловно, очень трудно определить, сколько же одновременных жилищно-хозяйственных комплексов (дворов) находилось на исследованной площади, но все же, возможно, исключив из расчетов разновременные и нежилые постройки, мы получим пять-шесть усадеб XII—XIII вв. площадью около 200 м^2 каждая.

Во время наших раскопок 1967 г. по ул. Б. Житомирская, 14, на площади 300 м^2 было исследовано три жилые постройки XI—XIII вв. Две из них можно рассматривать как одновременные (третья датируется XI в.), к тому же одна (№ 1) не полностью попала в пределы раскопа[165]. Следовательно, на один рядовой двор здесь приходилось 150—200 м^2. Цифра, как видим, весьма близкая к полученной на материалах раскопок 1955 г.

Более конкретные данные об усадьбах древнего Киева дали раскопки Киевской археологической экспедиции 1972 г. на Подоле. Здесь размеры усадеб четко фиксировались наличием деревянных заборов. Как уже отмечалось, прослежены они по длине 25—27 м. Несмотря на то что ни одна из выявленных усадеб не была раскопана полностью, приблизительные их размеры все же поддаются определению. Усадьба на Красной площади занимала около 600 м^2, а на Хоревой — 800 м^2. Размеры усадеб, раскопанных в 1973 г. на рыночной площади Подола, равнялись 300 м^2. Здесь, судя по всему, располагался обычный ремесленный квартал древнего Киева. Характерно, что дворы рядовых ремесленников, мелких купцов, огородников древнего Новгорода составляли 280—500 м^2 [166]. Богатые купеческие и боярские усадьбы достигали 1200 и даже 2000 м^2. На Подоле таких усадеб, видимо, было не так уж много, но в Верхнем городе их процент в общей застройке был высок.

Таким образом, принятая нами ранее как средняя цифра 200 м^2 на одну городскую усадьбу Киева XII—XIII вв. оказалась значительно меньше реальной. Несложный арифметический расчет среднего числа из имеющихся в нашем распоряжении 200 м^2 на одну усадьбу в Городе Владимира, 150—200 м^2 в Городе Ярослава, около 100 м^2 в Михайловском монастыре, около 600 м^2 на Подоле дает цифру около 290 м^2, или 0,029 га. Пользуясь шестидесятипроцентным коэффициентом плотности городской застройки, принятым для средневековых городов, получим следующие данные: городская застройка занимала около 230 га и состояла из более чем 8 тыс. усадеб. В них могло жить (при условии, что средняя статистическая семья древнего Киева имела шесть человек*) около 50 тыс. человек. Безусловно, ни одна из полученных цифр не может считаться абсолютной. В дальнейшем, по мере осуществления в Киеве раскопок широкими площадями и усовершенствования методики исследований древней демографии, они будут уточнены.

Обосновывая реальность цифры 100—120 тыс. человек, многие исследователи ссылаются на известное сообщение Адама Бременского, назвавшего Киев соперником Константинополя. Выражение — «Киев — соперник Константинополя» действительно стало хрестоматийным, но принадлежит оно не Адаму Бременскому, а историкам, достаточно неточно переводившим и толковавшим его сообщение. Называя древний Киев «соревнователем Константинопольского скипетра, славнейшим украшением Греции» [167], Адам Бременский, надо полагать, имел в виду не размеры, а церковно-политическое значение столицы Руси.

Нам уже приходилось говорить, что сравнение Киева с крупнейшими византийскими городами, унаследовавшими античные традиции, являются исторически неоправданными. Слишком различными были их происхождение, географические условия, социально-экономическое и культурно-историческое развитие. Согласно заключению исследователей, такие города, как Константинополь и Фессалоник, имевшие во времена расцвета соответственно 500 и 200 тыс. человек [168], были огромными даже по византийским масштабам. Большому количеству населения соответствовали их огромные размеры. Так, площадь Константинополя (без агломерации) почти в 10 раз превышала размеры основного городского ядра древнего Киева. В последние века (XIV—XV) существования Византийской империи количество населения Константинополя и Фессалоник значительно сократилось и равнялось 30—40 тыс. человек [169]. Города-гиганты превратились в рядовые центры средневековой Европы.

И все же древний Киев XII—XIII вв. следует сравнивать не с ними, а с городами славянского и, может быть, западноевропейского средневекового мира. По подсчетам исследователей, второй город Руси — Новгород — в XIII в. имел 30 тыс. человек [170], столица Англии — Лондон — в XI в. — 20, а в XIV в. — 35 тыс. человек [171], крупнейшие города Ганзейского торгового союза, имевшие исключительную концентрацию населения, насчитывали около 20 тыс. человек [172].

Как видим, Киев не только не уступал, но значительно превосходил крупнейшие города средневековой Европы. Вероятно, только Париж был больше Киева XII—XIII вв., но ведь он принадлежал к числу городов, унаследовавших традиции еще римского периода**.

---

[171] *Бунин А. В.* Указ. соч., т. 1, с. 137.

[172] Там же.

** Считается, что Париж в конце XII — начале XIII в. имел население около 100 000 человек.— ВИА, т. 4, М.— Л., 1966, с. 345.

Город Владимира.
Фрагмент диорамы.

Центральная — княжеская часть древнего Киева. В годы княжения Владимира Святославича обнесена мощными оборонительными стенами. Наряду с княжескими и боярскими дворами, здесь располагались монастырские и церковные усадьбы, жилища бедноты. В грозные декабрьские дни 1240 г. Город Владимира был последним оплотом героических защитников Киева от монголо-татар.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВЕ

Проблема социальной организации и политической жизни древнего Киева XII—XIII вв. уже давно заняла почетное место в отечественной историографии. Ей посвящены исследования историков и специалистов в области древнерусского государства и права; свое отражение нашла она и в обобщающих исторических трудах. И тем не менее ряд аспектов этой проблемы нуждается в дальнейших исследованиях.

Естественно, в рамках одной главы невозможно исчерпать тему в полном объеме, да автор и не ставит перед собой столь широкую задачу. Здесь речь пойдет лишь о тех явлениях общественно-политической жизни, которые наиболее четко отразили классовую природу органов власти одного из крупнейших древнерусских городов XII—XIII вв. и в которых с убедительной наглядностью проявились непримиримые классовые противоречия древнерусского общества. Среди них: роль и компетенция княжеской власти в Киеве; социальная природа и место веча в административной структуре города и земли; причины, движущие силы и классовый характер народных восстаний.

Следует отметить, что названные вопросы почти никогда не были предметом специального исследования в совместной их постановке. Между тем именно она содержит в себе возможности объективного познания этих взаимосвязанных явлений древнерусской жизни. Некоторое отставание в исследовании проблемы общественно-политических отношений было вызвано отсутствием серьезных теоретических разработок в области социально-экономического развития Киева XII—XIII вв. В настоящее время благодаря широким и планомерным археологическим раскопкам эта задача в значительной степени выполнена. Наши представления о древнем Киеве, как видно из предыдущей главы, стали более конкретны, и это создает благоприятные условия для решения вопросов его общественно-политического развития.

Объективное, основанное на всех категориях источников освещение социально-политической жизни Киева XII—XIII вв. тем более необходимо, что в западной реакционной историографии, проявляющей повышенный интерес к истории Древней Руси, эта проблема особенно фальсифицируется. И хотя утверждения некоторых историков США, ФРГ и других стран об отсутствии на Руси устойчивого государственного строя, общенародном характере государства, отсутствии классов и классового антагонизма — всего лишь повторение выводов русской буржуазной историографии, на Западе они выдаются за новое слово в науке.

Чтобы убедиться в этом, обратимся хотя бы к некоторым работам дореволюционных исследователей, посвященных вечу и другим органам власти и управления в Древней Руси. В трудах В. Сергеевича, М. Довнар-Запольского, И. Линниченко, М. Дьяконова вече рассматривалось преимущественно как орган народовластия, орган верховный, отражавший суверенность общины, стоящей над князем, а народные движения —

---

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права, т. 2. Вече и князь. Спб., 1908, с. 72.
[2] *Довнар-Запольский М. В.* Вече.— В кн.: Русская история в очерках и статьях, т. 1 (под редакцией М. В. Довнар-Запольского). М., 1909, с. 235—240.

как случайные смуты, не имевшие глубоких социальных причин. Такая концепция, если учесть, что создавалась она под влиянием либерально-буржуазной идеи о бесклассовом, общенародном характере Древнерусского государства, внешне выглядела вполне логичной. Народ участвовал в управлении городом, землей, государством наравне с князем и феодальной знатью, и все пороки этого управления были общими.

Согласно В. И. Сергеевичу, вечу принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная, а его участниками были все свободные люди города[1]. М. В. Довнар-Запольский называл вече «всенародной сходкой в буквальном смысле этого слова». Всякий свободный житель данного города и даже всей земли имел право принимать в нем участие. Говоря о компетенции веча избирать князей, М. Довнар-Запольский пришел к выводу, что в Древней Руси княжеские столы вообще редко занимались вопреки народной воле. Определяя круг вопросов, подлежащих решению веча, он относил к их числу прежде всего вопросов войны и мира. Что касается внутреннего управления, то вече хотя и имело на него сильное влияние, однако вмешивалось редко, представляя главную роль избранному князю[2]. Исследователь не заметил или не хотел заметить внутреннего противоречия своих суждений. Народ избирает князя, влияет на его политику, решает вопросы войны и мира и совершенно не занимается вопросами внутренней жизни, т. е. теми, которые ему ближе и понятнее.

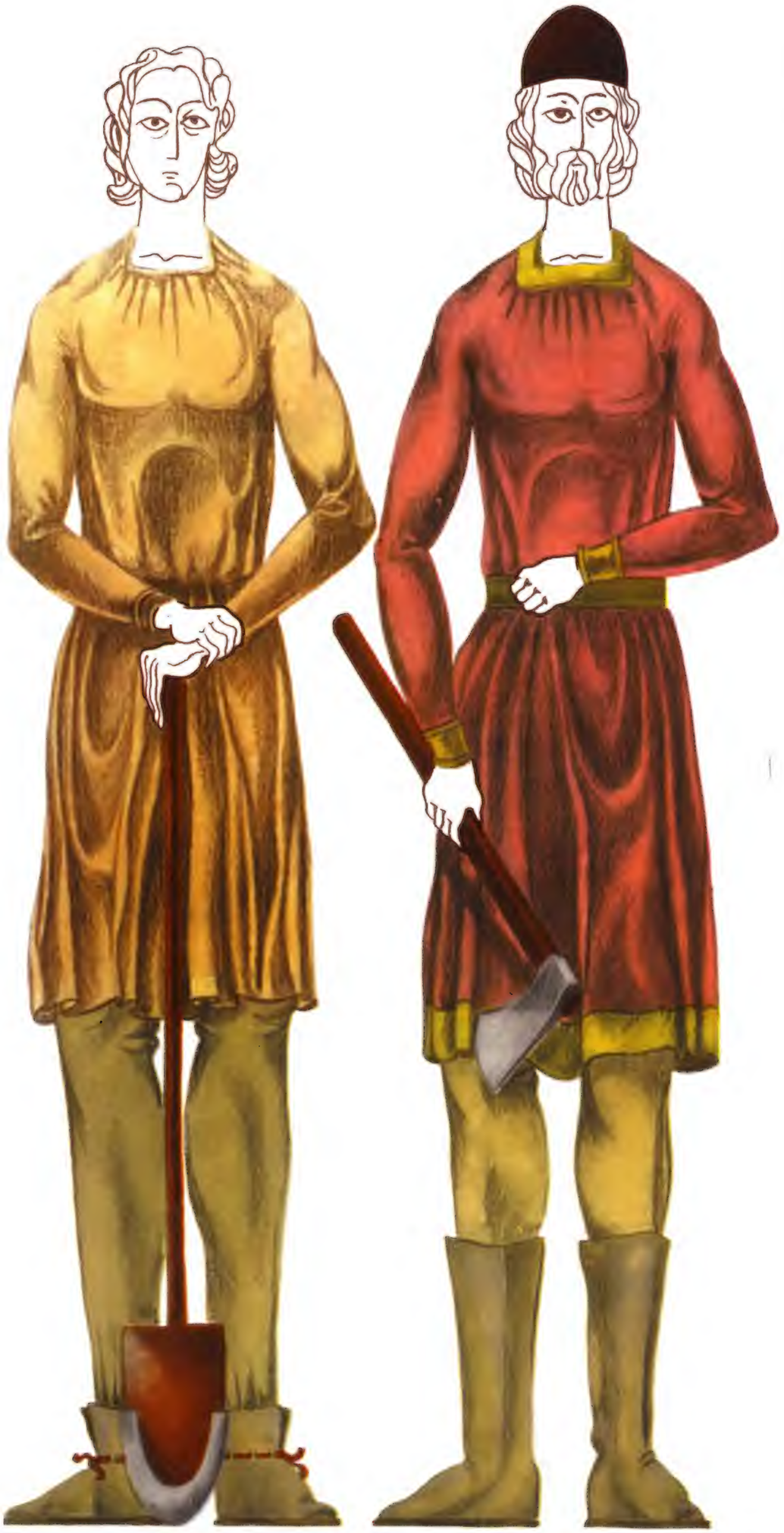
Большую работу, являвшуюся по существу ответом-рецензией на книгу В. И. Сергеевича «Вече и князь», посвятил истории русского государственного устройства и управления Д. Я. Самоквасов[3]. Полемизируя с В. И. Сергеевичем о компетенции веча, он отводил ему сферу не политическую, а только общественную, местного хозяйства, управления и полиции, значение экономической, хозяйственной и административной деятельности, совершающейся по поручению верховного правительства и государства[4]. Различая вече киевское и новгородское, он писал, что Киевское княжество представляло собой чистую монархию, где народ является в политической сфере только в исключительных случаях, тогда как Новгородское было чистой демократией[5].

И. Линниченко в специальной работе, посвященной вечу Киевской земли, почти во всем следовал за В. Сергеевичем. Согласно ему, вече — это орган народовластия с хозяйственной, административно-полицейской и политической функциями. Как и В. Сергеевич, И. Линниченко считал, что вече и князь — два одинаково существенных элемента древнерусского общественного быта, а право народа на выбор себе князя проходит через всю историю киевского веча[6]. Развивая этот тезис, И. Линниченко отмечал, что в народе существовало совершенно ясное и правильное представление о назначении князя как земского чиновника, избранного для исполнения тех обязанностей, которые считались специальностью княжеской семьи,— военачальника и судьи. Недовольный деятельностью своего князя, народ показывал ему путь от себя, т. е. изгонял его[7].

Идеализация вечевого строя Южной Руси домонгольского периода, как выразителя суверенности общины, характерна и для Грушевского. Среди различных его функций, считал он, на первом месте стоит право избирать и низлагать князей. Проявлением политической деятельности веча были события 1068, 1113, 1132, 1146—1154 гг., когда великие киевские князья занимали Киев и покидали его по воле горожан. В компетенцию киевского веча входили также вопросы государственной жизни, войны, мира, контроля за администрацией и судопроизводством. По отношению к князю вече было то высшей инстанцией, контролирующей или устраняющей его, то равносильным общественным элементом. Участниками веча было все свободное население Киева, но решающий голос (в этом

---

[3] *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления — ЖМНП, № 11 и 12. Спб., 1886.
[4] Там же, № 12, с. 222.
[5] Там же, № 11, с. 70.
[6] *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. К., 1881.
[7] Там же, с. 15.



Представители различных социальных слоев населения древнего Киева: князь, митрополит, крестьянин, горожанин. Реконструкция П. П. Толочко.

Одежды восстановлены:
Князя — по миниатюрам Изборника Святослава и Радзивилловской летописи, изображению св. Георгия на рельефе Георгиевского храма в Юрьеве-Польском, изображениям князей на древнерусских эмалях;
Митрополита — по миниатюрам Радзивилловской летописи и фрескам древнерусских храмов;
Крестьянина — по изображению Адама с «рыльцем» на южных вратах суздальского собора, рисунку крестьянина в рукописи XII в. «Псковский устав»;
Горожанина — по миниатюрам Радзивилловской летописи, деталям одежды и обуви, обнаруженным во время раскопок Новгорода и других древнерусских городов.

вопросе Грушевский следует за Сергеевичем, Бестужевым-Рюминым и др.) принадлежал главам семейств[8].

Д. И. Иловайский различал два веча — большое, собиравшееся преимущественно во времена смут и безначалия; и малое, более постоянное, когда лучшие люди, т. е. городские старцы или домовладыки, наиболее зажиточные и семейные, созывались на княжий двор для совещаний вместе с боярами и дружиною под председательством князя[9].

Большинство исследователей считало вече древним, еще догосударственным институтом. И лишь В. О. Ключевский относил появление веча ко времени упадка авторитета князей и усиления усобиц. Главной силой, на которую опиралось вече, были массы торговцев и ремесленников города[10]. Аналогичную мысль о природе веча высказал и М. Н. Покровский, считавший, что древнерусские республики начали аристократией происхождения, а окончили аристократией капитала, но в промежутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической. В Киеве она приходится как раз на первую половину XII в. В это время хозяином русских городов является действительно народ[11].

Среди советских историков единодушие наблюдается лишь в оценке городских движений, которые рассматриваются как антифеодальные восстания низов (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. А. Строков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин). В оценке природы, компетенции и состава веча имеются определенные расхождения. Одни (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров) считали вече такой формой государственного управления, при которой к нему (управлению.— *П. Т.*) открывался широкий доступ городских низов. Согласно Б. Д. Грекову, вече — это народное собрание для обсуждения и решения важных общих дел[12]. При сильной власти киевского князя, по мнению Б. Д. Грекова, значение веча падает, и князь не входит в соглашение с народом, разумея под ним широкую городскую демократию торговцев и ремесленников[13]. Отмечая участие в вече широких демократических кругов города, Б. Д. Греков все же не склонен был переоценивать их роль. Он рассматривал вечевые собрания как результат определенного соотношения классовых сил, при котором знать, захватившая власть и в своих интересах ограничившая власть князей, была не в состоянии уничтожить народное собрание, но являлась достаточно сильной, чтобы превратить его в орудие своих интересов[14].

М. Н. Тихомиров, полемизируя с С. В. Юшковым, утверждал, что без признания за купеческим и ремесленным населением большой политической силы Киевская Русь действительно останется для нас мало понятной и бедной по своему политическому содержанию[15].

То, что он был склонен к переоценке этой силы, видно из утверждения: «При всей неполноте наших сведений о киевском восстании 1068 г., мы все же можем говорить о нем как о крупнейшем политическом событии XI в. Это событие отразило усиление горожан, выступающих против княжеской власти и, фактически, решающих вопрос о занятии киевского стола»[16].

Приписывание «широкой городской демократии» столь значительной, едва ли не определяющей, роли в политической жизни Киева, по-видимому, обусловлено характером источников. Действительно, летопись, рассказывая о некоторых важнейших государственных делах, нередко указывает на участие в них «нищих и худых», «всех людей», «всех киян» и т. д., т. е. представителей угнетенного сословия. Но, как справедливо отмечает В. Т. Пашуто, это лишь всего-навсего принятый в Древней Руси литературно-церковный оборот[17], своеобразная игра в демократию. Анализируя летописную статью 1187 г.,

Парадный (церемониальный) княжеский убор XII—XIII вв. Реконструкция П. П. Толочко.

Диадема из клада, найденного в 1900 г. у с. Сахновка Каневского уезда Киевской губернии. XII в. Золото. Перегородчатая эмаль.
Бармы из клада, найденного в 1900 г. у с. Сахновка. XII—начало XIII в. Золото, жемчуг, перегородчатая эмаль, зернь, цветное стекло.
Ожерелье из клада, найденного в 1900 г. у с. Сахновка. XII в. Золото, жемчуг, скань.
В качестве аналога княжеской шапки использовано изображение головного убора на медальоне из клада, найденного в Старой Рязани в 1822 г.

---

[8] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли. К., 1891, с. 302—308, 310, 311.
[9] *Иловайский Д. И.* История России, т. 2. М., 1880, с. 291—301.
[10] *Ключевский В. О.* Соч., т. 6. М., 1959, с. 185—186.
[11] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. 1. М., 1923, с. 247.
[12] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 359.
[13] Там же, с. 369—370.
[14] Там же, с. 370.
[15] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 222.
[16] Там же, с. 190.
[17] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 13.

Усадьба Софии Киевской. Место вечевых собраний. Фрагмент диорамы древнего Киева X—XIII вв.

где говорится о Галичском соборе и об участии в передаче княжеского стола нищих и убогих, В. Т. Пашуто пишет: «Смешно даже предполагать, что в стране, где законом была Русская Правда, нищие и убогие решали, кому занять княжий стол Осмомысла»[18].

В отличие от В. И. Сергеевича, М. Н. Тихомиров не считал вече беспорядочными сборищами, на которых царил хаос и неразбериха. Говоря о вече 1147 г. на Софийском дворе, он отмечал, что здесь «ясно видно лица, руководившие вече: князь, митрополит, тысяцкий». Одинаковая передача вечевых споров 1147 г. в различных летописных списках позволила историку предположить существование вечевых протокольных записей[19]. Эти последние выводы о характере вечевых собраний, которые более соответствуют исторической истине, чем представления В. Сергеевича и др., в значительной степени сглаживают несогласие М. Тихомирова с С. Юшковым, утверждавшим, что основной социальной силой, которая направляла деятельность вече, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия «торговцев и ремесленников»[20].

По С. Юшкову, веча были массовыми собраниями руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам[21]. «Ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы. Если бы подобного рода совещания были и если бы этим элементам и удалось навязать свою волю феодальной верхушке, то она нашла бы силу эти решения аннулировать»[22].

К вопросу о классовой природе веча и движущих силах городских восстаний в последнее время обратились также В. Л. Янин и В. Т. Пашуто[23].

Изучая историю новгородских государственных институтов в связи с историей классовой и внутриклассовой борьбы, В. Л. Янин пришел к убеждению, что общегородское вече было узкоклассовым органом, в котором нет места «всему Новгороду». Оно объединяло лишь крупнейших феодалов и было не народным собранием, а собранием класса, стоящего у власти[24]. В отличие от А. А. Строкова, считавшего, что социальные движения в Новгороде носили исключительно классовый характер[25], В. Л. Янин отмечает, что история русского феодализма XI—XIV вв., будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает элемент внутрифеодальной борьбы[26]. Народные движения постоянно используются

---

[18] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 13.
[19] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 224.
[20] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 350.

Освобождение Всеслава Полоцкого из поруба восставшими киевлянами в 1068 г. Миниатюра Радзивилловской летописи.

и направляются теми боярскими группировками, которые были заинтересованы в свержении наличного правительства и захвате власти в свои руки[27]. Действия восставших развиваются, обычно, как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами, боярское государство само борется с находящимися у власти боярами, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри правящей верхушки[28].

Как считает В. Т. Пашуто, вече — это и совещание правителей города, и обособленное совещание городских «меньших» людей, и совещание князя со всей (или дружественной ему) дружиной, и тайный сговор городской знати против правящего князя, и, наконец, военный совет руководителей городского ополчения в походе[29]. Как один из наиболее архаических институтов народовластия, вече было использовано собственниками земли и поставлено на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии[30]. Что касается классовой борьбы, то, по В. Т. Пашуто, на вече она поддается в большей степени непосредственному наблюдению, хотя и здесь она в основном получает превратное выражение в виде противоречий внутри класса феодалов или между последним и нарождающимися элементами будущего третьего сословия[31].

Придерживаясь разных взглядов на социальную сущность веча в Древней Руси, советские исследователи по существу единогласны в том, что этот институт возникает еще в недрах догосударственного периода. Наиболее ярким подтверждением этого вывода является известное свидетельство Суздальской летописи, относящееся ко второй половине XII в. В нем говорится: «Новгородци бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, яко же на думу на вѣча сходятся»[32]. Не исключено, что в догосударственный период, как и на ранних этапах формирования государственности, вече представляло собой более демократичный орган, чем во время развитого феодализма, но, думается, что и тогда при существовании родоплеменной знати, старцев, предводителей дружин вече не было всенародной сходкой.

---

[21] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 216.
[22] Там же, с. 195.
[23] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики.— История СССР, 1970, № 1; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси.
[24] *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики, с. 50—51.
[25] *Строков А. А., Богусевич В. А.* Новгород Великий. Новгород, 1939, с. 14 и сл.
[26] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 8.
[27] *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики, с. 52—54.
[28] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 9.
[29] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 93.
[30] Там же, с. 33—34.
[31] Там же.
[32] ПСРЛ, т. 1, стб. 377.

Летописные упоминания о деятельности киевского веча и изъявлениях «воли киевлян» относятся к периоду между 60-ми годами XI и началом XIII в., 1068, 1069, 1113, 1146—1147, 1157, 1168—1169 и 1202 гг. Согласно некоторым исследователям, именно в это время с ослаблением центральной княжеской власти и началом усобиц роль киевского веча усиливается, а потому и упоминания о нем в летописи более часты.

Анализ классовой природы киевского веча, причин и движущих сил восстаний начнем с рассказа летописи о событиях 1068—1069 гг. В 1068 г. великий киевский князь Изяслав Ярославич с братьями Всеволодом и Святославом потерпел сокрушительное поражение от половцев на р. Альте и прибыл в Киев, а вслед за ним и остатки его войска, которые и собирают вече на Подоле. «Людье Кыевстии приѣгоша Кыеву, и створивши вѣче на торговищи, и рѣша пославшеся по князю глаголюще: «Се Половци росулися по земли: да вдаи, княже, оружья и кони, и еще бьемься с ними»[33].

Согласно Л. В. Черепнину, под людьми киевскими летописец подразумевает, вероятно, горожан, городское торгово-ремесленное население, на что указывает и место собрания[34]. Отрицать широкое участие горожан в вече на торговище в столь трудное для Киева время и впрямь невозможно, но и переоценивать их роль тоже не следует. Во-первых, инициатива созыва веча принадлежит не находящимся в городе, а вернувшимся после неудачного боя с половцами киевлянам, т. е., вероятно, главным образом дружинникам. Это они остались без лошадей и оружия, которых и просят у князя, готовые еще раз сразиться с неприятелем. Во-вторых, созвали его и действовали, хотя и вопреки воле князя, но в согласии с частью городских мужей[35].

Изяслав не выполнил требований веча и вскоре вынужден был оставить Киев. Отказ выдать оружие объясняется, как правило, опасением Изяслава, что оно может быть использовано против феодальной знати и княжеской администрации. При сложившейся ситуации, когда вину за поражение на Альте киевляне возлагали на Изяслава и его воеводу Коснячка, опасения великого князя были небезосновательны. Но, как правильно предполагает Л. В. Черепнин, коней и вооружения Изяславу просто неоткуда было взять[36]. Такого же мнения в свое время придерживался и И. Линниченко, считавший, что Изяслав не располагал специальным арсеналом, из которого ополченцы получали бы оружие перед боем и сдавали бы после него. Вооружение у земства было всегда свое собственное, независимое от князя[37].

Следовательно, в действиях веча чувствуется чья-то организующая и руководящая рука. Изяславу предъявлялось заведомо невыполнимое требование, чтобы вызвать взрыв народного возмущения. Расчет оправдался, и вскоре в Киеве началось восстание. Участие в нем представителей угнетенного сословия несомненно, но по тому, на кого падает их гнев (с веча киевляне идут на воеводу Коснячка и Великий Ярославов двор), можно заключить, что руководила этим восстанием антиизяславова группировка. По предположению Л. В. Алексеева, ее составляли лица некиевского происхождения, вероятнее всего, полочане. Именно им и принадлежал призыв к освобождению из поруба полоцкого князя Всеслава[38].

Не обнаружив воеводу Коснячка на его дворе, восставшие делятся на две группы (что не свидетельствует о чрезвычайно массовом движении), одна из которых идет освобождать из поруба полоцкого князя Всеслава, а другая — вести переговоры с Изяславом, окончившиеся его изгнанием и разграблением княжеского двора. Мы не знаем, насколько был разграблен княжеский двор, но думается, что едва ли киевская верхушка допустила, чтобы «бещисленное мнжѣство злата и серебра, и кунами и скорою» попало в руки «черни».

Парадный (праздничный) убор женщин княжеско-боярского круга XII—XIII вв. Реконструкция П. П. Толочко.

Кокошник и ворот платья выполнены по мотивам образцов золотой вышивки, происходящих из женских захоронений XI—XIII вв., раскопанных на территории Владимиро-Суздальской земли.
Гривна из гладкой пластины, свернутой спиралью, из клада 1900 г., найденного у с. Сахновка Каневского уезда Киевской губернии. XII—XIII вв.
Золотые цепочки из киевского клада 1876 г., найденного на углу ул. Владимирской и Десятинного пер.
Трехбусинные серьги киевского типа, колты, рясны, найденные в 1880 г. в Киеве на ул. Б. Житомирская. XII—XIII вв. Золото, перегородчатая эмаль.

---

[33] ПСРЛ, т. 2, стб. 160.
[34] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 175.
[35] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 25.
[36] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 175.
[37] *Линниченко И.* Указ. соч., с. 18.
[38] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 244—248.

Расправа Мстислава Изяславича с восставшими киевлянами в 1069 г. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Возможно — это всего лишь литературный прием летописца, стремившегося увеличить вину восставших. Как-то не очень верится, что освобожденный из поруба и провозглашенный великим киевским князем Всеслав занял разграбленную и опустошенную великокняжескую резиденцию.

Восстание, направленность которого совершенно очевидна, поскольку ненависть киевлян прежде всего обращена против княжеской администрации и воеводы Коснячка[39], закончилось победой. Клич прополоцкой партии к замене на великокняжеском столе Изяслава Всеславом, подхваченный восставшими горожанами, стал лозунгом их движения[40] и, пожалуй, конечной его целью.

Аналогичный характер имели и другие восстания, причем не только киевские, но и новгородские. Последние, как считает В. Л. Янин, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели выполнялись. Но эти цели и эти победы оказывались полезными не для городских масс, а в преобладающем большинстве — для определенных кругов боярства[41].

Из анализа хода восстания 1068 г. видно, что действия его участников были направлены против конкретных виновников своего тяжелого положения, т. е. против Изяслава и его администрации, чинившей неправый суд над людьми, но их результаты оказались выгодны прежде всего феодальной оппозиции. Она умело использовала взрыв народного гнева в своих целях и значительно укрепила (пусть временно) руководящее положение в столице.

Характеризуя это восстание, Л. В. Черепнин также отмечает, что плодами свержения Изяслава воспользовались феодалы, бывшие приверженцами возведенного на киевский «стол» Всеслава. Но на данном этапе народ, горожане усматривали в этом свою победу[42]. Отметив единство целей феодальной группировки Всеслава и широкой городской демократии, Л. В. Черепнин вместе с тем подчеркнул и антифеодальную направленность движения, которая проявилась в разграблении княжеского двора[43].

В. Т. Пашуто квалифицирует киевское движение 1068 г. как восстание в защиту прав веча, сопровождавшееся актами

---

[39] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1945, с. 95.
[40] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 177.
[41] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 8.
[42] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 177.
[43] Там же.
[44] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 25—26.
[45] Там же, с. 26.
[46] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 99.
[47] ПСРЛ, т. 2, стб. 162.
[48] Там же, стб. 163.
[49] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв., с. 95; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 178.

классовой расправы над отдельными феодалами[44]. Освобождение Всеслава, по его мнению, соответствовало замыслам правящей группировки городской знати, в том числе духовной и купеческой, враждебной Изяславу и союзной Чернигову[45]. Следовательно, как и Л. В. Черепнин, он склонен отводить феодальной знати в событиях 1068 г. далеко не последнюю роль.

Характер веча и движущие силы народного восстания 1068 г. в Киеве раскрываются также в последующих событиях. Летом 1069 г. после 7,5 месяца княжения в Киеве Всеслава, в течение которого, по мнению М. Н. Тихомирова, продолжалось восстание[46], с польской помощью на Русь возвращается Изяслав. Навстречу ему вышел с киевлянами Всеслав. Планировавшееся под Белгородом сражение не состоялось, поскольку Всеслав предал киевлян и под покровом ночи «утаися кыянь», бежал в свой Полоцк. Киевляне возвращаются в город и, как и год назад, снова созывают вече. «И створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше»[47]. Они просят прийти в Киев княжить названных князей, а в случае отказа грозят поджечь город и уйти в Греческую землю.

Это вече, по-видимому, было менее представительным, чем первое. Возможно, круг его участников ограничивался лишь полоцко-черниговской партией, а также близким по настроению к ней крупным купечеством. Последних среди участников веча, по справедливому замечанию М. Д. Приселкова, выдает угроза поджечь город и уйти в Греческую землю.

Отчаянная попытка полоцко-черниговской группировки, которая, по-видимому, к этому времени уже начала терять свою силу и влияние (чему в немалой степени способствовало предательство Всеслава), не допустить Изяслава в Киев не увенчалась успехом. Вступив в город, Изяслав жестоко расправился с виновниками своего изгнания. Его гнев прежде всего пал на представителей полоцко-черниговской партии. В летописи это не раскрыто, но, судя по тому, что расправы не избежал даже такой влиятельный и авторитетный церковный деятель Руси, как Антоний — основатель Печерского монастыря,— Изяслав по достоинству «оценил» роль полоцко-черниговской группировки в событиях 1068 г. Наказание понесли и менее сановитые участники веча и восстания. В летописи говорится, что Изяслав перед тем, как вступить с Болеславом в Киев, отправил туда своего сына Мстислава для усмирения киевлян. «И пришедъ Мьстиславъ исьсѣче Кыяны, иже бяху высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя исьслѣпиша»[48].

Под термином «чадь» или «нарочитая чадь» в летописи всегда подразумевается дружина или вооруженная личная охрана князя, боярина. Владимир Святославич после принятия христианства велел «поимати у нарочитой чади дѣти и даяти на учение книжное». В летописи упоминается также «Ратиборова чадь» — дружина киевского боярина Ратибора, «Мирошкина чадь» — личная охрана новгородского посадника Мирошки. Однако М. Н. Тихомиров, а вслед за ним и Л. В. Черепнин пишут, что в данном случае под словом «чадь» подразумевается простой народ, широкие круги населения[49]. Думается, что аргументировать антифеодальную направленность движения 1068 г. столь сомнительным выводом о том, кто подразумевается в данном случае под термином «чадь», вряд ли следует. Правильнее предположить, что здесь имеется в виду дружина Изяслава или, по крайней мере, какая-то ее часть, принявшая сторону восставших и участвовавшая в освобождении Всеслава.

Представителей же широких или низших слоев населения, участвовавших в восстании, следует видеть в ослепленных и погубленных, с которыми обошлись хуже, чем с обыкновенными разбойниками. О классовом характере киевского движения 1068—1069 гг. свидетельствует и следующий факт. Возвратясь в Киев, Изяслав распорядился перенести торг (речь, видимо, идет о знаменитом подольском «торговище») на гору, т. е. в пределы княжеской части города. Этой акцией он преследовал цель поставить под контроль правительства одно из важнейших средоточий общественной жизни Киева и, как справедливо отмечает В. Т. Пашуто, затруднить влияние купечества на черных людей[50].

М. Н. Тихомиров считал, что летописный рассказ о восстании 1068 г. обнаруживает определенные симпатии к восставшим киевлянам, и объясняет это догадкой, что повествование возникло в среде горожан[51]. Вряд ли это предположение исчерпывающее. Ведь даже если бы это было и так, то составители и редакторы летописных сводов, кстати, вовсе не представители низших слоев, сумели бы приглушить или совсем снять эти сочувственные нотки так называемого горожанского повествования. Кажется более вероятным, что эти симпатии к восставшим выдают в летописце сторонника группировки князя Всеслава, которая, вероятно, так и осталась недискредитированной в глазах современников благодаря принадлежности к ней св. Антония.

Таким образом, в 1068—1069 гг., о чем свидетельствуют и вече, и восстание, в феодальных кругах Киева обнаружились весьма серьезные противоречия. Для их разрешения более сильной и ловкой феодальной группировкой была привлечена

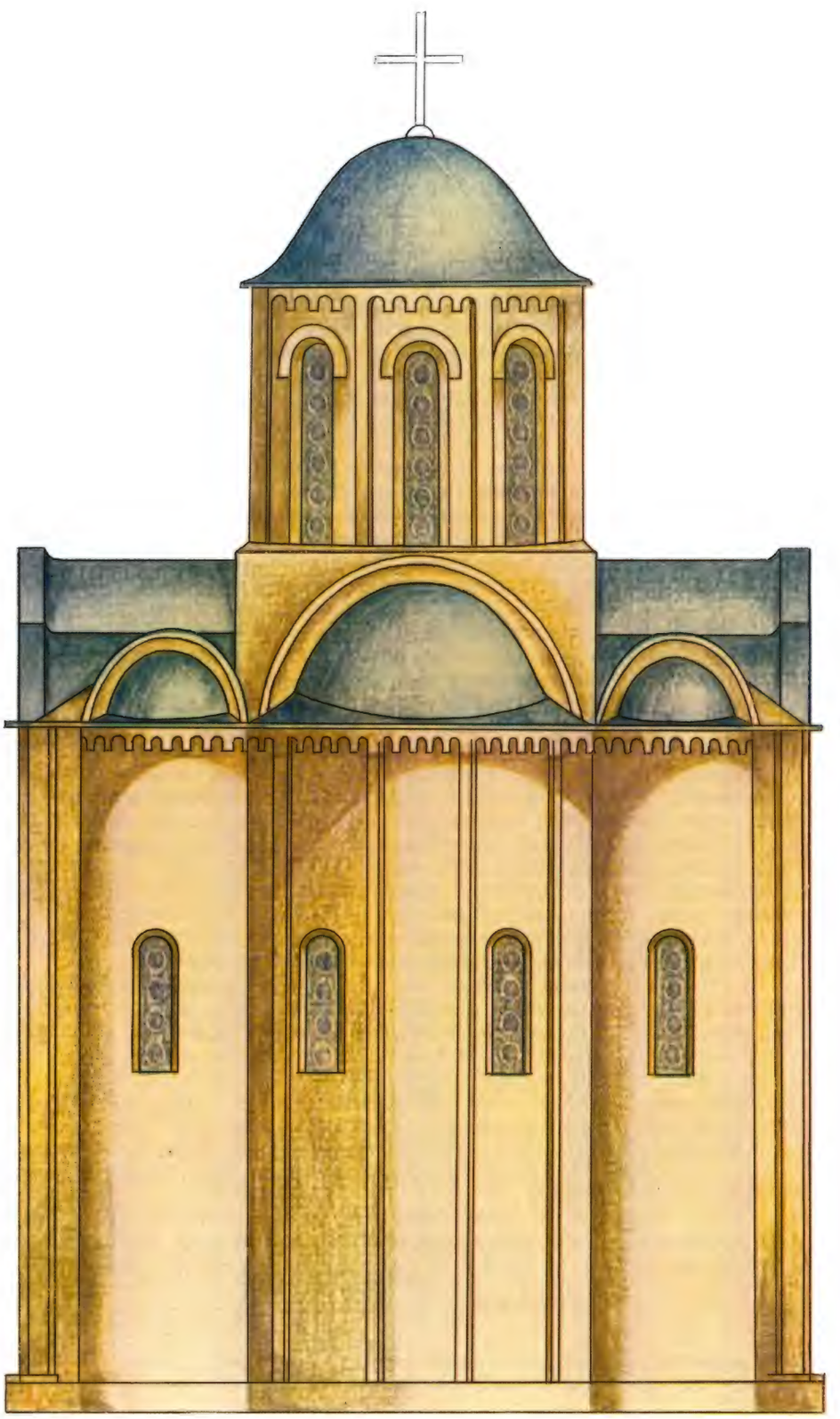
---

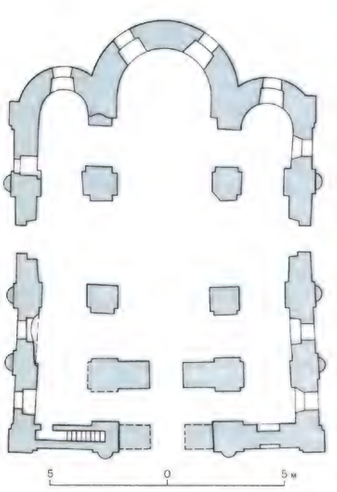
[50] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 26.
[51] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв., с. 99.

третья сила — представители торгово-ремесленного сословия, которые воспользовались благоприятной ситуацией и свели счеты с княжеской администрацией, грабившей и притеснявшей их. Нет сомнения в том, что киевское восстание 1068—1069 гг. в конечном счете переросло те рамки, которые ему отводились чернигово-полоцкой группировкой и оппозиционно настроенным по отношению к Изяславу киевским купечеством. Из Киева оно перекинулось на село. Летописец отмечает, что население Киевской земли решительно расправилось с ляхами, т. е. дружиной Болеслава, распущенной по селам на покорм, но, думается, в неменьшей степени народный гнев был обращен и на «своих» угнетателей, особенно тех, кто поддерживал Изяслава.

Церковь Богородицы Пирогоща. XII в. План по обмерам И. В. Моргилевского. Реконструкция Ю. С. Асеева.

Пирогоща находилась на центральной площади Подола и, по мнению исследователей, являлась церковью купцов, занимавшихся торговлей хлебом. В пользу этого свидетельствует и универсал гетмана Самойловича от 1672 г., подтверждавший право Успенской церкви (которым она, видимо, обладала изначально) брать меру или деньги за меру зернового хлеба, привозившегося на подольский рынок.





Подол. Центральная площадь, служившая местом вечевых собраний. Здесь начинались все крупные киевские восстания. Фрагмент диорамы древнего Киева X—XIII вв.

Следующим и, по мнению многих исследователей, особенно характерным проявлением прав киевского веча было приглашение на киевский стол Владимира Мономаха (1113). Известно, что на первое он ответил отказом «и не поиде жаляси по братѣ».

В. И. Сергеевич объяснял это тем, что по Любечскому съезду Мономах не имел никакого права на Киев и не хотел нарушить договор князей. Чтобы заставить его все же преступить крестное целование, киевляне посылают вторичное приглашение, сопровождавшееся рассказом о восстании и о возможной картине анархии в случае нового отказа. Владимир занял Киев по крайней необходимости как избранник народа. В силу народной воли, по мнению того же исследователя, утвердилось в Киеве потомство третьего сына Ярослава — Владимировича[52]. И. Линниченко отмечал, что после смерти Святополка киевляне собираются на вече и посылают звать Владимира на великокняжеский стол, а сами между тем расплачиваются по старым счетам с приверженцами умершего князя[53]. Тезис — киевляне, грабящие дворы, и киевляне, приглашающие (суть одна и та же),— поддержал в советское время М. Н. Тихомиров[54].

Кто же эти киевляне, приглашающие Владимира в Киев, и в какой степени занятие им великокняжеского стола было результатом проявления воли народа? Обратимся к летописному тексту. Уже начало его свидетельствует о том, что судьбу киевского стола решал не народ, а лишь верхушка киевского общества. «Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша Кияне, послаша к Владимеру, глаголюще: «Поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ»»[55].

На совете, даже не на вече, решают киевляне вопрос о преемнике Святополка. Отказом Владимира воспользовались низшие слои киевского населения и начали сводить счеты со сторонниками ненавистного им князя, а также еврейскими купцами-ростовщиками, находившимися под его покровительством. Начало восстания вовсе не угрожало Мономаху и, можно думать, проходило если не с одобрения, то, по крайней мере, с молчаливого его согласия. Как свидетельствует Печерский патерик, «въ дени княжения своего Киевѣ Святополкъ Изяславичъ много насилие створи и домы сильныхъ искорени безъ вины, имѣния многимъ отъимъ. Сего ради Богъ попусти поганымъ силу имѣти на нь. И быша рати многи отъ Половець,

---

[52] *Сергеевич В. И.* Указ. соч., с. 7—8.
[53] *Линниченко И. А.* Указ. соч., с. 29.
[54] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв., с. 133.
[55] ПСРЛ, т. 2, стб. 275.

Восстание 1147 г. в Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи.

къ симъ же и усобицѣ, и бы в та времена гладъ крепокъ и скудота, велия в Руськои земли во всемъ»[56].

Рассказы летописи и Патерика, по-видимому, свидетельствуют о проведении Святополком политики расширения прав рождающегося третьего сословия киевского общества (купцов, ростовщиков, крупных ремесленников) и преодолении естественного сопротивления крупных землевладельцев. Следовательно, она не удовлетворяла ни демократические низы, непосредственно соприкасавшиеся с хищными повадками нового сословия, ни феодальные верхи древнего Киева, не желавшие уступать своего извечного руководящего положения в государстве.

Во время восстания феодальная верхушка, которую летопись упорно именует общим словом «кияне», снова направляет послов к Владимиру Мономаху. В повторном обращении к нему, произнесенном в самом деле или же сочиненном летописцем для достижения эффекта всенародного признания, весьма отчетливо видны различия действующих лиц. Приглашающие заявляют, что если Владимир снова откажется придти в Киев, то «вѣси яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣл княже»[57].

Следовательно, летописец представляет себе, что кияне, приглашающие Владимира, и кияне, грабящие дворы княжеской администрации, принадлежат к разным социальным сословиям. Конечно, широкие демократические низы Киева, при той огромной популярности Мономаха, могли желать его прихода в Киев, но решалось это без них, и считать Владимира Мономаха избранником народа на великокняжеском столе можно только по недоразумению.

В повторном обращении киевлян к Владимиру звучит угроза об ответственности за последствия народного волнения в Киеве. Что это, обыкновенный шантаж или беспокойство за свою судьбу, которая в случае продолжения и расширения восстания не была бы в безопасности? Вероятно, и то, и другое. Крупные феодалы не были, да и не могли быть заинтересованы в расширении восстания, которое уже разгромом княжеской администрации и ростовщиков выполнило их конечную цель. Теперь в Киеве должна была утвердиться сильная власть, которая подавила бы восстание. Знать рассчитывала, что Мономах сумеет это сделать «да вышед, уставить крамолу, сущую

---

[56] Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 206—207.
[57] ПСРЛ, т. 2, стб. 276.
[58] Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печ. Д. И. Абрамович. Пг. 1916, с. 64.
[59] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 237.
[60] Там же, с. 236.
[61] ПСРЛ, т. 2, стб. 320.
[62] Там же, стб. 320—321.
[63] Там же, стб. 321.

в людьях». Составитель «Сказания о Борисе и Глебе» подчеркивает, что надежды эти оправдались. «Избранник» народа действителъно усмиряет народное восстание: «и вышѣд утоли мятежъ и гѣлку в людях» [58].

Рассказ о восстании 1113 г. чрезвычайно интересен тем, что в нем впервые в древнерусской истории отражено прежде всего столкновение ремесленно-торговых низов Киева с рождавшимся и усиливающимся сословием их непосредственных эксплуататоров, т. е. торгово-ремесленной знатью. Неупорядоченной бесконтрольной деятельностью ростовщиков, купцов-менял, крупных ремесленников, вызывавшей недовольство киевлян, были обеспокоены и наиболее здравомыслящие представители господствующего класса [59]. В результате появился знаменитый устав Мономаха об ограничении прав ростовщиков, утвержденный на совещании в Берестове, в котором кроме самого Владимира приняли участие киевский, белгородский и переяславский тысяцкие, «муж» князя Олега Черниговского и еще два представителя феодальной знати.

Согласно М. Н. Тихомирову и Л. В. Черепнину, новый закон был принят еще до того, как Мономах сел на киевский стол. Совещание проходило в Берестове в тот момент, когда в Киеве продолжалось восстание. Владимир должен был появиться в мятежном городе с реальным ответом на требования народных масс [60].

Из рассказа летописца можно сделать заключение, что восстание 1113 г. имело локальный характер, было чисто киевским событием. В действительности это не так. Вслед за киевлянами или почти одновременно с ними выступило и сельское население земли. Основную массу восставших крестьян, несомненно, составляли закупы или наймиты, доведенные до отчаяния своими хозяевами-кредиторами и требовавшие ограничения произвола крупных землевладельцев. Ответом на выступление закупов были статьи устава Мономаха, в которых определялся их правовой статус. В целом новые законоположения по существу подтверждали бесправность этой категории сельского населения, однако некоторые уступки им были все же сделаны. Так, устав Мономаха проводил различия между закупом и холопом, в связи с чем предусматривал даже штраф, накладывавшийся на феодала, пытавшегося превратить закупа в холопа. Закупам разрешалось обращаться в суд с жалобой на своих хозяев. Устав ограничивал также проценты, взимаемые с них феодалами.

Особой активизацией вечевой деятельности в Киеве характеризуется середина XII в. В 1146 г., чувствуя приближение смерти, Всеволод Ольгович пытается передать великокняжеский стол своему брату Игорю и закрепить это посредством вечевого согласия. Он собирает под Вышгородом киевлян и объявляет им свое решение: «азъ есмь велми боленъ, а се братъ мои Игорь, имѣтесь по нь». Они же (киевляне.— *П. Т.*) рекоша «Княже! Ради, ся имемь» [61]. Вместе с Игорем киевляне отправляются в столицу и собирают под Угорским новое вече, по-видимому, более представительное и снова приносят присягу Игорю. «И пояша Игоря в Киевѣ, иде с ними подъ Угорський, и съзва киянѣ вси; они же вси цѣловаша к нему крестъ, рекуче: «Ты намъ князь» и яшася по нь лестью» [62]. Уже в этих первых сообщениях о присяге Игорю много неясного, недоговоренного. Непонятно, почему киевляне собираются не в центре города, а в районе Угорского, загадкой звучат слова «яшася по нь лестью», не ясно также, кто подразумевается под термином «кияне вси». Однако еще более загадочными выглядят последующие события. Наутро (после веча под Угорским) Игорь едет к Вышгороду принимать присягу его жителей. В тот же день умирает Всеволод, и Игорь возвращается в Киев уже в ранге великого князя. На Ярославовом дворе он созывает новое вече: «и созва Кияне вси на гору на Ярославь дворъ, и цѣловавше к нему хрест». Только закончилось вече на Ярославовом дворе, как на Подоле, у Туровой божницы, собирается новое. «И пакы, скупишася вси Кияне в Туровы божьницѣ и послаша по Игоря, рекуше: княже! Поѣди к намъ. Игорь же, поемь брата своего Святослава посла к нимъ у вѣче» [63]. Киевляне излагают Святославу свои обиды, которые они терпят от тиунов Ратши и Тудора Вышгородского, и берут с него клятву, что впредь над ними не будет никакого насилия. «Святославь же съсѣдъ с коня, и на томъ целова крестъ к нимъ у вѣчи»; кияне же вси съсѣдше с конь, и начаша молвити: «братъ твои князь и ты» — и на томъ цѣловаше вси Кияне крестъ» [64]. Договор Святослава с вечем закрепляют «мужи лучшие» с Игорем, после чего все отправляются на обед. Как считает Л. В. Черепнин, это был сепаратный сговор князей со знатью [65].

Казалось бы, недоразумения, имевшие место между киевлянами и новым князем, устранены и в Киеве должно наступить спокойствие, но этого не случилось. Летопись сообщает о последовавшем вскоре разгроме дворов Ратши и мечников, а затем и о переговорах киевлян с переяславским князем Изяславом Мстиславичем. «И не угоденъ бысть Кияномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «Поиди, княже, к намъ хощемъ тебе» [66].

На первый взгляд действия киевлян кажутся нелогичными. Ведь Игорь принял все их условия, и у них еще не было времени убедиться, что они нарушатся в будущем. Следовательно, решение о неугодности Игоря появилось еще до того,

---

[64] ПСРЛ, т. 2, стб. 322.
[65] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 255.
[66] ПСРЛ, т. 2, стб. 322–323.

как ему были выставлены условия на вече у Туровой божницы. За скупыми рассказами летописи о бесконечных обоюдных присягах скрываются сложные противоречия среди феодальных верхов Киева, борьба группировок за своих кандидатов на великокняжеский стол. Выражение летописи «вси кияне», одинаково относящееся и к совещанию под Вышгородом, и под Угорским, и на Ярославовом дворе, и у Туровой божницы, не следует понимать буквально*. Ни под Вышгородом, ни тем более — на Ярославовом дворе не могло собраться сколько-нибудь значительное количество киевлян. О составе веча в районе Угорского можно догадываться по словам летописца: «они же вси цѣловаша к нему крестъ, рекуче: «ты намъ князь», и яшася по нь лестью». Фраза полностью выдает, кто скрывается под этим общим термином. Конечно же, это не широкие демократические круги. Им незачем было притворяться, у них не могло быть планов на измену. Другое дело, боярско-дружинная и ремесленно-купеческая верхушка киевлян. Под влиянием сторонников Изяслава Мстиславича она уже решила про себя, кто должен быть князем, отсюда и неискренность ее присяги.

Более представительным было вече у Туровой божницы. М. Н. Тихомиров, а также Л. В. Черепнин высказали мысль, что в отличие от предыдущих вечевых сходов, состоявших преимущественно из бояр, здесь преобладали горожане[67]. Вероятно, так оно и было, на это указывает и место веча — подольское торговище. И тем не менее у нас нет оснований утверждать, что в этом вече руководящим элементом были демократические низы. Брат Игоря Святослав, прибывший на вече, вел переговоры с «лучшими мужами», им же присягал и великий князь. Вряд ли может быть сомнение в том, что в «лучших мужах» следует видеть боярскую знать.

Следующий случай созыва веча в Киеве, зафиксированный летописью, относится к 1147 г. Во время военного похода Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого обнаруживается, что союзники Изяслава, черниговские князья Владимир и Изяслав Давидовичи, хотели убить великого киевского князя. Был ли этот замысел у черниговских князей на самом деле, или версия сочинена самим Изяславом, мы не знаем. Известно только, что Изяслав спешит поделиться своей новостью с киевлянами и посылает в Киев своего посла**. «В то же время Изяславъ посла Киеву къ брату своему Володимиру, того бо бяшеть оставилъ Изяславъ в Киевѣ, и къ митрополиту Климови, и къ святѣи Софьи, ать мои посолъ молвить рѣчь мою к нимъ, и скажеть лѣсть Черниговьских князий. Кияномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ святѣи Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи»[68].

Снова, в который уже раз, состав веча скрыт летописцем за общей фразой «кияномъ же всимъ съшедшимися». М. Н. Тихомиров не разделил мнения С. В. Юшкова о том, что здесь речь идет о представителях феодальных верхов. «Неужели все киевляне от мала до велика,— спрашивает он,— могут быть причислены только к феодальным верхам?»[69]. Видимо, более правомерным тут был бы другой вопрос.— Неужели сравнительно небольшой двор Софии смог вместить все население Киева? Совершенно очевидно, что здесь или обычный летописный стереотип, или же это выражение должно означать, что на вече собрались в полном составе все, кто должен был присутствовать на нем.

Как видим, вече у Софии собирается по воле великого киевского князя Изяслава, а руководят им князь Владимир, митрополит Клим и тысяцкий Лазарь. Интересно также, что и в этом случае летопись не говорит о каком бы то ни было публичном обсуждении вопросов. Даже призыв неизвестного человека убить Игоря не подвергся обсуждению. В. И. Сергеевич объяснил это лаконичностью летописи[70], но думается, что прежде чем выносить тот или иной вопрос на вече, его решали в узком кругу, на совете князя с боярами или же определенной группой бояр между собой, как это было с приглашением в Киев Владимира Мономаха и Изяслава. Вече не решает, оно лишь, если так можно выразиться, ратифицирует эти решения, выступая, таким образом, не органом народовластия, а послушным придатком княжеско-боярской власти, действующим во всех случаях в интересах тех или иных группировок господствующего класса.

Так было и в этот раз. Неизвестный человек (странно, что летопись не донесла до нас его имени), несомненно, из близкого окружения Изяслава предлагает убить Игоря Ольговича. Мотивирует он это тем, что после ухода всех сторонников великого князя из Киева Игорь может причинить много неприятностей городу, как это случилось в 1069 г. с Всеславом. Дальнейшие события разворачивались столь стремительно, словно промедление с убийством Игоря грозило и поражением Изяслава, и несчастьем для Киева. Летописец отмечает протесты Владимира, митрополита и тысяцкого против убийства Игоря, но они были (если вообще были) столь нерешительными, что не воспринимались всерьез.

М. Н. Тихомиров, утверждая классовый характер этого выступления киевлян, обосновывал его полной беспомощностью княжеских людей при попытке спасти Игоря. Вернее будет предположить, что они и не хотели его спасать. Брат Изяслава

---

* И. Я. Фроянов считает, что в устах летописца «вси кияне» обозначают нерасчлененную массу горожан, собиравшуюся в одном и том же составе под Угорским, на Ярославовом дворе и у Туровой божницы (*Фроянов И. Я.* Вечевые собрания 1146—1147 гг. в Киеве.— Вестник ЛГУ, 1977, № 8, с. 31).

Мстиславича — Владимир, ехавший на коне, подоспел к месту событий позже пеших киевлян.

На первый взгляд может показаться, что киевляне, притесняемые Всеволодом Ольговичем и его администрацией, решили отомстить его брату. В этом был бы смысл, если бы они поступили так годом раньше, когда кратковременное пребывание у власти Игоря закончилось и он вынужден был уступить стол Изяславу. Теперь же благочестивый монах Федоровского монастыря для простых киевлян никакой угрозы не представлял. Он уже не мог, как, впрочем, и не успел, их ни угнетать, ни притеснять. Возможность повторения ситуации 1069 г. пугала лишь Изяслава и его сторонников. Это они решили избавиться от Игоря, но, чтобы княжеская кровь не обагрила их руки и не запятнала честь, делают это именем и руками народа.

Игорь Ольгович укрывается от восставшего народа на Мстиславовом дворе. Миниатюра Радзивилловской летописи.

В словах Изяслава — «суть не мене одиного хотѣли убити, но и васъ искоренити»[71], произнесенных его послами на вече, Л. В. Черепнин видит стремление черниговских князей к искоренению вечевых порядков в связи с их тенденцией превратить Киев в свою наследственную вотчину. «Ведь нельзя же думать,— замечает исследователь,— что речь шла об уничтожении всего киевского населения»[72].

Полагаем, что замыслы Ольговичей, имевших такие же правопорядки в своем Чернигове, какие были и в Киеве, едва ли могли простираться столь далеко. Об изменении существовавших порядков в Киеве Ольговичи не могли и мечтать. Ликвидация вечевого уклада как органа феодального управления (своеобразной боярской оппозиции) была не под силу ни одному из князей, тем более в условиях отсутствия твердой монархической власти в стране. Вероятнее всего слова Изяслава были адресованы участникам веча и обозначали искоренение в Киеве партии Изяслава Мстиславича, которая лишила Ольговичей Киева и, несомненно, верховодила на вече у Софии. Последнее представлялось Ольговичам делом, если не реальным, то крайне желательным.

В призыве неизвестного, по мнению Л. В. Черепнина, речь шла не только об убийстве Игоря, но также и об уничтожении той социально-политической системы, которую хотели установить князья Ольговичи. Едва ли убийство Игоря преследовало такую далеко идущую цель, как уничтожение какой-то особой социально-политической системы, которую несли Киеву Ольговичи. Во-первых, Всеволод Ольгович, будучи великим киевским князем, ничем не отличался от своего предшественника Ярополка, а затем — и от своего преемника Изяслава. Политикой Всеволода Ольговича были недовольны даже братья, обвиняя его в стремлении дружить с Мономаховым племенем. Во-вторых, убийство Игоря все равно не избавляло Киев от других претендентов черниговских князей династии Ольговичей.

Таким образом, вспыхнувшее после веча на дворе у св. Софии народное волнение, в результате которого пролилась княжеская кровь, первоначально не было прямым ответом трудовых низов Киева на угнетение своих господ. Его спровоцировали представители правящей изяславовой партии. Летопись возлагает вину за убийство Игоря на «людей», в которых М. Н. Тихомиров видел массу городского населения. Но, как нам кажется, этим лишь делается попытка (правда, безуспешная) убедить современников в непричастности к этому убийству Изяслава.

В дальнейшем киевская знать утратила контроль над восстанием, и оно развивалось как народное движение против

Внимательный анализ летописных известий, а также изучение исторической и социальной топографии древнего Киева не дают оснований для такого вывода.

67 *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 151; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 254.

** Согласно московскому летописному своду конца XV в. Изяслав направил в Киев «два мужа Добрынку и Радила».— ПСРЛ, т. 25. М.— Л., 1949, с. 41.

68 ПСРЛ, т. 2, стб. 347—348.

69 *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 153.

70 *Сергеевич В. И.* Указ. соч., с. 20.

71 ПСРЛ, т. 2, стб. 349.

72 *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 256.

Убийство Игоря Ольговича в 1147 г. Сцена на подольском торговище. Миниатюра Радзивилловской летописи.

своих угнетателей, причем не только в городе, но и в деревне. Одним из результатов широких социальных волнений в 1146—1147 гг. в Южной Руси явились новые дополнения, внесенные в Русскую Правду. Л. В. Черепнин, осуществивший блестящий анализ статей, следующих за уставом Мономаха, справедливо ставит их появление в связи с событиями 40-х годов XII в. Думается, однако (о чем шла речь в первой главе), что они были составлены не накануне, а после народных восстаний 1146—1147 гг. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи, ограничивающие права представителей княжеской администрации (из ст. 78-й Пространной редакции, в основе которой лежит ст. 33 Краткой редакции, исчезли упоминания тиунов и мечников), группа статей, регламентирующих правопорядки в вотчинных селах, а также статьи о наследстве. Впрочем, уступки, на которые вынуждены были пойти верхи, как это имело место раньше, не затрагивали основных интересов крупных земельных вотчинников.

Последнее летописное упоминание о народном восстании в Киеве относится к 1157 г. Началось оно, как и в 1113 г., сразу же после смерти великого князя. О размахе и социальном характере этого восстания можно судить из следующих строк: «И много зла створися въ тои день: разграбиша дворъ его (Юрия Долгорукого.—*П. Т.*), красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ Раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городѣ; избивахуть Суждалци по городамъ и по селамъ, а товаръ ихъ грабяче»[73]. Восстание 1157 г., направленное против сторонников умершего князя, не ограничивалось Киевом, оно перекинулось и на другие города и села Киевщины. Это был закономерный ответ трудового народа на чрезмерное усиление администрации Юрия Долгорукого. В ее разгроме была, возможно, заинтересована и местная земельная знать, видевшая в ней основного конкурента в борьбе за власть.

Скоропостижная смерть Юрия Долгорукого, наступившая вскоре после обеда у боярина Петрила, дает основание к такому предположению.

После 1157 г. летописи больше не говорят о созыве киевского веча, однако ряд киевских свидетельств показывает, что оно продолжало функционировать вплоть до монголо-татарского нашествия. Вот несколько примеров. В 1157 г. Юрия Долгорукого на киевском столе сменил представитель династии Ольговичей Изяслав Давидович. В Новгородской летописи в связи с этим событием появилась следующая запись: «посадиша Изяслава Давидовиця Кыяне на столь»[74]. В 1169 г. с приглашением на киевский стол Мстислава Изяславича кроме делегаций от братьев и черных клобуков прибыли и киевляне: «Кияне отъ себе послаша»[75]. В 1202 г. киевляне открыли ворота Подольские и впустили в город Романа Мстиславича[76]. Всем этим действиям «киян», в которых, несомненно, следует видеть представителей господствующего класса, предшествовали вечевые решения, хотя летописи и не сообщают об этом.

Рассмотренные случаи деятельности киевского веча убеждают нас в том, что этот, уходящий своими корнями еще в догосударственный период, институт никогда не был органом народовластия, широкого участия демократических низов в государственном управлении *. Во всех летописных известиях о киевском вече достаточно отчетливо видно, что руководящая роль и преимущественное право представительства в нем принадлежали верхам древнекиевского общества. При сильном киевском князе этот узкоклассовый орган был послуш-

---

[73] ПСРЛ, т. 2, стб. 489.
[74] Новгородская 1-я летопись, с. 12.
[75] ПСРЛ, т. 2, стб. 532.
[76] Там же, т. 1, стб. 417.

* Эта старая точка зрения получила неожиданное возрождение в работе И. Я. Фроянова. Согласно ему, вече — «это народные собрания, обсуждающие и решающие коренные вопросы социально-политической жизни киевской волости, важнейший из которых заключался в избрании нового князя, угодного народу. (*Фроянов И. Я.* Вечевые собрания 1146—1147 гг. в Киеве, с. 31—32). Нам такой вывод представляется ошибочным. Если народ решал коренные вопросы социально-политической жизни и «глас его на вече звучал мощно и властно», тогда непонятно, отчего ему приходилось возвышать свой голос после вечевых собраний, подниматься на борьбу с боярами и князьями.

[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 51—52.

ным придатком верховной власти, при слабом — зависимость могла быть и обратной. Другими словами, в Киеве XII—XIII вв. существовали, дополняя друг друга, а нередко вступая в противоречия, орган феодальной демократии (вече) и представитель монархической власти (великий князь).

Анализ событий, связанных с деятельностью киевского веча, свидетельствует об усилении крупного боярства. Укрепление его экономических позиций в период феодальной раздробленности сопровождалось постоянным стремлением к участию в управлении городом и землей. В отдельные периоды бояре действительно были хозяевами Киева. Они провоцировали выступления масс против неугодного им князя, они же приглашали на киевский стол новых кандидатов.

Кроме противоречий между княжеской властью и боярской феодальной демократией киевское вече отразило и серьезные противоречия внутри самого боярства. В политическом отношении оно не представляло собой единой и монолитной силы. В Киеве XII в. было несколько боярских группировок, которые претендовали на руководящее положение посредством приглашения угодного им князя на киевский стол. При этом одни ориентировались на князей из династии черниговских Ольговичей, другие отстаивали преимущественное право на Киев представителей Мономахового племени. Полной победы не достигала ни одна из сторон, в результате чего (о чем будет речь ниже) в Киеве, начиная с середины XII в., очень часто сидели два князя — представители двух соперничавших за власть феодальных группировок.

Если в деятельности киевского веча со всей очевидностью отразились противоречия внутри правящей феодальной элиты Киева XII в., то события, следовавшие непосредственно за вечевыми собраниями, явились проявлением острейших классовых конфликтов. Почти каждое киевское вече заканчивалось вспышками народных восстаний, которые достигали значительного размаха. В оценке их места и роли в историческом развитии Киева и Киевской земли, как и Руси в целом, необходимо иметь в виду, что феодальная система в это время еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей. В этих условиях конструктивное начало народных движений заключалось не в расшатывании существующей системы (разумной альтернативы ей еще не могло быть), но в совершенствовании. Они содействовали выработке наиболее целесообразных форм хозяйственного управления, делали систему более жизнеспособной.

Борьба киевских низов с господствующим классом, как можно заключить из неполных сведений летописи, была постоянным и безусловно одним из важнейших факторов социальной и политической истории Киева и Киевской земли эпохи феодальной раздробленности. Отвечая на жестокую эксплуатацию, простые киевляне активно участвовали в классовой борьбе и тем самым способствовали прогрессивным изменениям в жизни древнего Киева. Народные восстания и постоянная угроза новых мятежей вынуждали феодальные правящие верхи Киева идти на некоторые уступки, вносить изменения в Русскую Правду, ограничивающие произвол вотчинников и княжеской администрации по отношению к сельскому и городскому населению.

Вместе с тем народные движения в Киеве, по условиям времени, были еще очень неорганизованными. Объективно являясь большой общественной силой, низы древнекиевского общества были крайне незрелыми в политическом отношении. Они не могли выработать сколько-нибудь серьезных политических лозунгов и выдвинуть широкую программу борьбы. Их требования обычно не выходили за рамки смещения отдельных лиц княжеской администрации, занимавшихся злоупотреблениями, уменьшения нормы феодальной эксплуатации, отмены чрезмерных поборов и др. Следует учесть также и то, что в Киеве, имевшем большой процент привилегированного населения и не до конца расслоившееся торгово-ремесленное сословие, обедневшая часть которого в будущем станет основной силой классовых восстаний в городах, такой программы на данном этапе исторического развития еще и не могло быть. Интересы же двух основных классов Киевской Руси — феодалов и крестьянства — меньше всего сталкиваются в таких крупных городах, как Киев, с его феодально-дружинным, с одной стороны, и купеческо-ремесленным населением — с другой. Именно в силу этих причин на данном этапе развития древнерусского общества крестьянские движения обнаруживали и более организованные, и более зрелые формы классовой борьбы, чем это наблюдается в городах. Об этом свидетельствует, в частности, постоянное совершенствование судебного законодательства, в основе которого лежали сложные взаимоотношения крупных земельных вотчинников с различными категориями сельского населения. Под напором крестьянских масс феодалы вынуждены были идти на некоторые уступки, которые, впрочем, носили временный характер.

Сказанное выше полностью согласуется с известным положением К. Маркса о слабости мятежей в средневековых городах: «если плебеи и поднимали иногда мятежи против всего этого городского строя — мятежи, которые, впрочем, вследствие бессилия этих плебеев не приводили ни к какому результату,— то подмастерья не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя. Все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, из-за раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, также оставались совершенно безрезультатными» [77].

Михайловское отделение древнего Киева. Фрагмент диорамы.

Юго-восточная часть Верхнего города. Интенсивно развивалась в годы княжения Изяслава Ярославича и Святополка Изяславича. В 1108 г. здесь был возведен один из красивейших храмов Киева — Михайловский Златоверхий, богато украшенный фресками и мозаиками.

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Территория и границы

Формирование Киевской земли в системе феодальных земель — княжений Древней Руси — затронуто во многих общеисторических и историко-географических работах. Наиболее полно и глубоко оно рассмотрено А. Н. Насоновым в его фундаментальном исследовании. В отличие от своих предшественников, ограничившихся выяснением частных историко-географических вопросов, он на основании марксистско-ленинской методологии создал совершенно новую и оригинальную концепцию образования территории Древнерусского феодального государства. Исследователь убедительно показал, что дани и суд, свидетельствовавшие о включении той или иной земли в государственную территорию, распространялись не из одного какого-либо центра, а одновременно из нескольких. Постепенно областные земли пришли в соприкосновение друг с другом, что свидетельствовало о рождении единой государственной территории, хотя и разделенной границами княжеств. Начало этого процесса относится к X в., вполне завершился он только к середине XII в.[1]

Этот общий вывод А. Н. Насонова относится и к Киевской земле. Территория, прилегавшая непосредственно к Киеву, как свидетельствует летопись, стала складываться в X в. Основу ее составляла «Русская земля», которую вплоть до начала XI в. киевские князья рассматривали как свою вотчину и не желали дробить[2]. Чернигов и Переяславль управлялись непосредственно из Киева и не имели своих князей.

К концу княжения Ярослава Мудрого положение изменилось. Экономическое и политическое усиление двух других центров «Русской земли» — Чернигова и Переяславля — привело к тому, что юридическое право Киева на левобережные владения было подвергнуто сомнению. К середине XI в. Киев утратил возможность непосредственно распоряжаться судьбами Чернигова и Переяславля. Старая «Русская земля» разделилась на три части, из которых правобережная закрепилась за Киевом. К киевскому столу отошли также земли древлян, юго-западные районы расселения дреговичей, уличские города верховьев Южного Буга.

В период феодальной раздробленности Руси, когда территориальные пределы большинства древнерусских княжеств стабилизируются, Киевская земля непрерывно меняет свои границы. Иногда к великокняжеским владениям Киева присоединялись земли, находившиеся в пределах других княжеств. Например, киевские князья из династии черниговских Святославичей удерживали за собой Вятичскую волость и частично припятское левобережье, а во времена правления в Киеве представителей рода Мономаха статус великокняжеских владений получали Посеймье и Туровская волость. В большой зависимости от Киева пребывала и Переяславская земля. Летописные известия позволяют проследить и обратный процесс, когда в результате раздачи киевских волостей младшим князьям, князьям-изгоям, а нередко — и сильным удельным властителям, постоянно претендовавшим на долю в старой «Русской земле», владения, находившиеся под юрисдикцией Киева, значительно сокращались в размерах.

Географически Киевская земля занимала части двух ландшафтных зон Леса и Лесостепи, что несомненно положительно сказывалось на ее экономическом развитии. Плодородные черноземные почвы лесостепной зоны издавна обусловливали

здесь высокую культуру земледелия, а изобиловавшее запасами болотной железной руды, сланца, известняка и других полезных ископаемых Полесье обеспечивало сырьем ремесленное производство. Многочисленные реки связывали Киевскую землю с самыми отдаленными уголками Руси, а также и с международными торговыми рынками. Главной водной артерией Киевской земли, по которой на протяжении всей истории Руси осуществлялось практически бесперебойное движение товаров с Черного и Балтийского морей, был Днепр. Важность этого торгового пути для всех древнерусских княжеств, как явствует из летописи, хорошо осознавалась. Значительное место в жизни Киевской земли занимали Десна, Припять, Южный Буг, а также многочисленные более мелкие речки, вдоль которых в большом количестве обнаружены древнерусские поселения.

В стратегическом отношении окраинное положение Киевской земли, выходившей прямо в степь, где хозяйничали кочевые орды, не может считаться благоприятным. Постоянные вторжения печенегов, тюрков, половцев в ее южные районы подрывали экономику, отвлекали население на борьбу с врагами Руси. Жить здесь было тревожно, хотя, как свидетельствуют летописные и археологические источники, южнорусское пограничье и в XII в. имело довольно высокую плотность населения. Отлив его в более безопасные районы Руси начался, вероятно, уже только после поражения русских дружин на Калке.

Картографирование известных по летописи и археологическим разведкам древнерусских населенных пунктов Киевской земли показывает, что ее заселенность была не везде одинакова. Наибольшая плотность населения наблюдается в бассейнах рек, а также вблизи крупных городских центров и городов-крепостей. В целом же население лесостепного пояса Киевской земли было более многочисленным по сравнению с полесскими районами; здесь сосредоточено около 70% ее летописных центров.

Одновременно с формированием основной территории Киевской земли складывались и ее границы, определение которых и составляет одну из задач настоящей главы. Прежде всего о границе Киевщины с землями двух других центров старой «Русской земли» — Чернигова и Переяславля. На первый взгляд здесь все кажется ясным. Согласно договору между Ярославом Мудрым и Мстиславом Черниговским граница между их владениями должна была пройти по Днепру. «И раздѣлиста по Днѣпру Русьскую землю; Ярославь прия сю сторону, а Мстислав ону». Позднее, в XII в., левая сторона Днепра называлась «Черниговской», а правая «Киевской». И все же чернигово-киевская граница прошла не по Днепру. Как уже отмечалось в литературе, на левом берегу Днепра за Киевом осталась полоса (шириной в 15 км) земли, протянувшаяся от Десны до Корани. Вряд ли может быть сомнение, что эти земли были освоены Киевом, а не Черниговом. Киевская дань и суд распространились на левобережье значительно дальше, и можно только удивляться, что Киев довольствовался здесь столь малой территорией. Центром этого заднепровского округа, вероятно, был город Саков. Впервые он упомянут в Ипатьевской летописи под 1101 г.[3] Здесь русские князья заключили мир с половцами. Участие в переговорах о заключении мира киевского князя Святополка, а также Владимира Мономаха, занимавшего тогда переяславский стол, дает основание считать город Саков пограничным между Киевской и Переяславской землями. О прочной административной зависимости Сакова от Киева свидетельствует тот факт, что воевода или посадник этого заднепровского центра Лазор Саковский неоднократно упоминается в летописи[4].

Население Сакова было, если не исключительно, то преимущественно, тюркским. В 1142 г. братья великого киевского князя Всеволода попытались изгнать из Переяславля Вячеслава Владимировича. На помощь переяславскому князю Всеволод

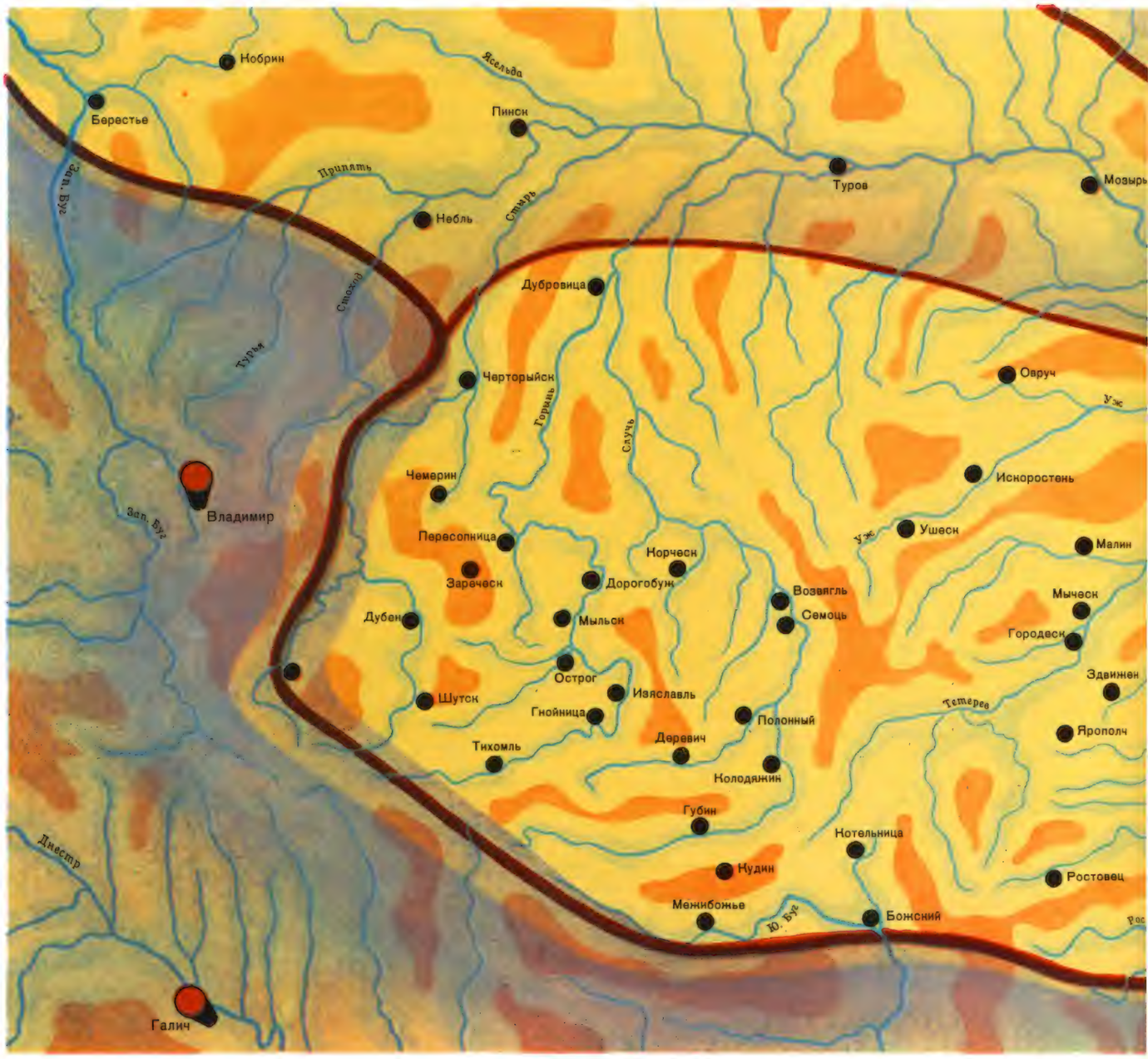
---

[1] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 218–220.

[2] Там же, с. 31–32.

[3] ПСРЛ, т. 2, изд. 2-е. Спб., 1908, стб. 250.

[4] Там же, стб. 311, 325.



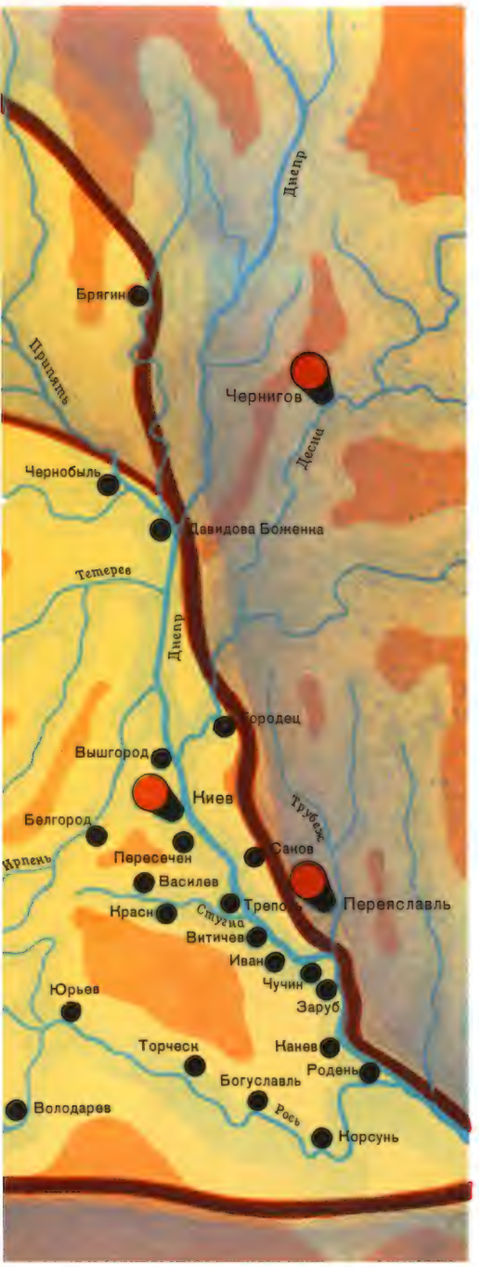
послал «Лазоря Саковского с Печенѣги и с вои». В рассказе летописи 1150 г. об изгнании из Переяславской земли Юрия Долгорукого говорится: «Мстислав же послася на ону сторону к Турпѣемъ» (сам был на правом берегу Днепра.— *П. Т.*) и къ дружинѣ, веля имъ ѣхати к собѣ». Узнав об этом, сын Юрия Ростислав из Переяславля «гна к Сакову и сгони Турпѣе у Днѣпра»[5]. Точное положение Сакова определить трудно. Ряд исследователей считали, что он стоял на месте современного с. Сальков; не исключено также, что древний Саков находился на месте с. Старое, где хорошо сохранилось древнерусское городище.

Северная и северо-восточная границы Киевщины проходили по линии Лутавы и Моровийска. Эти пункты неоднократно упоминаются как места встреч и переговоров князей киевских и черниговских*. В 1175 г. они были сожжены Ростиславичами, правда, принадлежали уже не киевским, а черниговским князьям. Определение местоположения Лутавы и Моровийска не вызывает особых трудностей, поскольку и до наших дней они существуют под своими именами в Остерском районе Черниговской области. Думается, что безоговорочное отнесение этих пунктов к Черниговскому княжеству вряд ли правомочно. Феодальное освоение Нижнего Подесенья происходило не из Чернигова, а из Киева. Здесь находились «становища» и «перевесища» княгини Ольги. Отпадение же Лутавы и Моровийска от Киева явилось результатом феодальных захватов черниговских Ольговичей, достигавших временами значительной силы на Руси.

---

[5] ПСРЛ, т. 2, стб. 398.

* Лутава упоминается в Ипатьевской летописи.— ПСРЛ, т. 2, стб. 482, 498, 599. Моровийск — стб. 302, 457, 478, 500, 504, 599.



Летописные города и границы Киевской земли XII—XIII вв.

Города — столицы княжеств

Летописные города

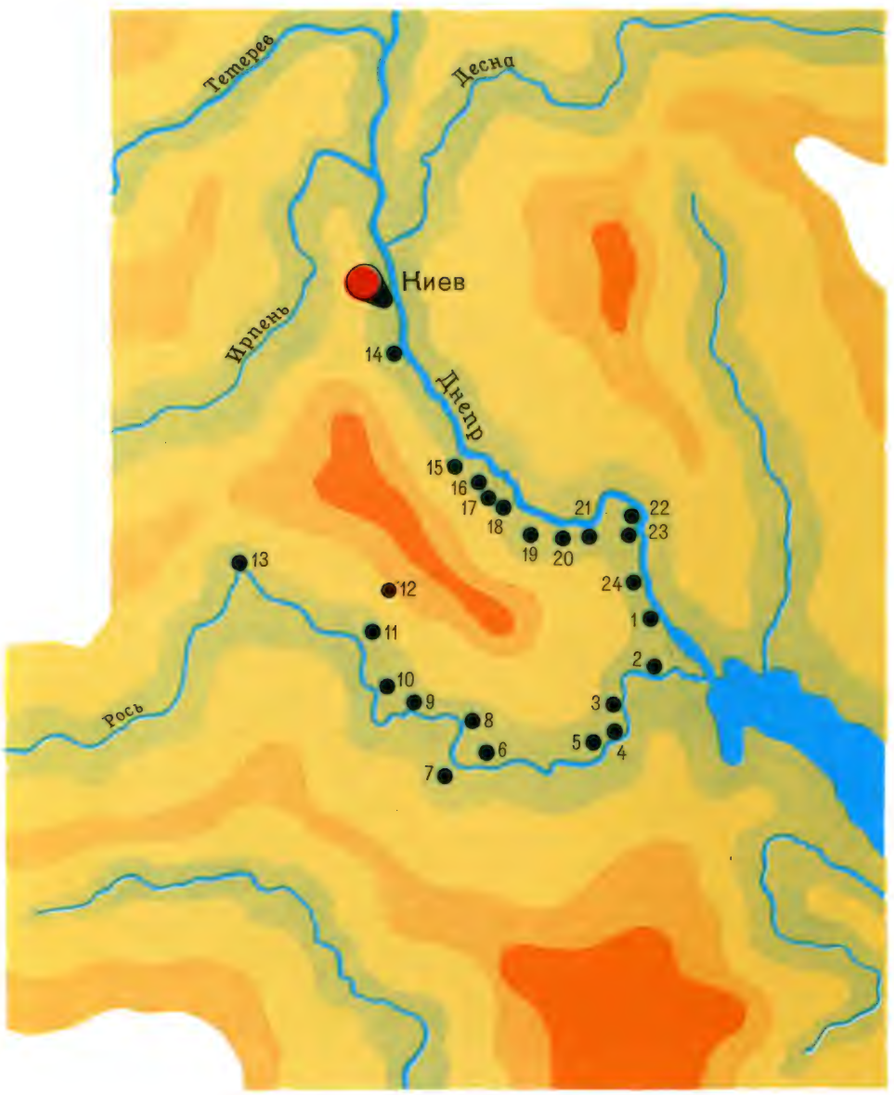
Неподалеку от Киева находилось с. Ольжичи, основанное еще княгиней Ольгой около 947 г. на Десне[6]. О том, что и в XII в. оно входило в состав домениальных владений киевских князей, свидетельствует летописная статья 1142 г. Великий князь Всеволод, желая прекратить вражду со своими братьями, пригласил их на переговоры в Ольжичи. «И позва Всеволодъ братью к собѣ и пришедше сташа во Ольжичихъ»[7]. Через 10 лет здесь останавливались киевские князья Изяслав и Вячеслав, выступившие на помощь осажденному войсками Юрия Долгорукого Чернигову. «В то же время Вячеславъ съ Изяславомъ стояшета на сей сторонѣ у Днѣпра, у Лжичь». Как киевский левобережный пункт Ольжичи упоминаются в летописи под 1161 и 1183 гг.[8] Аналогичную роль играл и летописный Городец. В нем уже в 1026 г. состоялись переговоры между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутараканским; в 1097 г. по инициативе Мономаха Городец был избран местом, где вырабатывались общие мероприятия против Игоря Давидовича, ослепившего князя Василька. Все последующие упоминания Городца неизменно уточняют его местоположение близостью к Киеву[9]. Считается, что киевский Городец находился на одном из днепровских островов, омывавшихся проливом Радосинь, или Радунка, и был основан киевскими князьями для охраны Киева с востока. Если с местоположением Городца, предложенным историками, еще можно согласиться, то признать в нем важный оборонительный рубеж никак нельзя. Летопись ни разу не упомянула, чтобы Городец был преградой кому-либо из врагов Киева. Скорее всего, его следует рассматривать как загородную великокняжескую резиденцию — место встреч для различных переговоров.

На левом берегу Днепра находился еще один населенный пункт Киевщины, отмеченный вниманием летописца. Это Рудичи, или Рудица, упоминаемая под 1097 г. Возвращаясь из Любеча, князь Василько решил поклониться святому Михаилу в Выдубичах. «И приде Василко въ 4 ноября, и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици»[10]. Не исключено, что местоположение этого пункта фиксирует современное село Рудяки.

Левобережные владения киевских князей не ограничивались только этой неширокой приднепровской полосой земли. Фактически на положении великокняжеского домена на протяжении почти всего периода феодальной раздробленности находилась и Переяславская земля. На эту ее особенность указывал в свое время и А. Н. Насонов. Он отмечал, что рост и заселение переяславской территории пребывали в сильной зависимости от деятельности киевского стола, и Переяславская «волость» никогда не получала политической самостоятельности в такой степени, как Черниговская[11]. Судя по летописным сообщениям, Киев не только осуществлял мероприятия по укреплению южных рубежей Переяславской земли и основывал здесь новые города-крепости, но и решал судьбу переяславского стола. Его занимали, как правило, ставленники Киева или же князья, готовившиеся к вступлению на великокняжеский стол. Юрий Долгорукий, чтобы приблизиться к Киеву, предлагал киевскому князю Ярополку Владимировичу поменять Переяславщину на часть Ростово-Суздальской земли. «В лѣто 6643 Юрьи испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»[12]. Тот факт, что с подобным предложением Юрий Долгорукий обратился к великому князю, убедительно свидетельствует о полной зависимости Переяславля от Киева. Киевские князья очень внимательно следили за тем, чтобы переяславский стол не задерживался в чьих-либо руках надолго. В отдельные периоды по воле киевских князей переяславские князья менялись чаще, чем посадники

---

[6] ПСРЛ, т. 2, стб. 49.
[7] Там же, стб. 310.
[8] Там же, стб. 457, 512, 628.
[9] Там же, стб. 137, 268, 296 и др.
[10] Там же, стб. 232.
[11] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 67.
[12] ПСРЛ, т. 2, стб. 295.



Древнерусские городища по Днепру и Роси

1 — Княжа гора у Канева; *2* — Хмельное; *3* — Девич-гора у с. Сахновка; *4* — Нетребовка; *5* — Корсунь; *6* — Стеблев; *7* — Хлеровка; *8* — хут. Половецкий; *9* — Богуслав; *10* — Саварки; *11* — Бушево; *12* — Ольшаница; *13* — Белая Церковь (летописный Юрьев); *14* — Китаево (летописный Перссечен); *15* — Триполье (летописный Треполь); *16* — Халепье (летописный Халеп); *17* — Витачев (летописный Витичев); *18* — Витачев (летописный Новгород-Святополч); *19* — Ржищев (летописный Иван); *20* — Щучинка (летописный Чучин); *21* — Ходоров; *22* — Зарубинцы (летописный Заруб); *23* — Григоровка; *24* — Канев.

Города — столицы княжеств

Городища

какого-нибудь пограничного городка. Те же переяславские князья, которым удавалось удерживать стол длительное время, достигали этого путем беспрекословного повиновения и подчинения Киеву. На положении подручных великих киевских князей находились переяславские князья Глеб Юрьевич и его сын Владимир. После смерти последнего в 1187 г. Переяславль или вообще не имел князя и находился под непосредственным управлением великих киевских князей, или же временно переходил под протекторат Всеволода Юрьевича, и в нем недолго сидели его сыновья и племянники.

Значительно более независимым было положение третьего центра «Русской земли» — Чернигова, однако и его владения нередко присоединялись к великокняжеским землям. На протяжении XII—XIII вв. между Киевом и Черниговом возникали конфликты из-за Посеймья, захваченного будто бы Мстиславом Великим. В правление Ярополка Владимировича черниговские князья предпринимают попытку вернуть эти земли себе, но уже при великом князе Изяславе Мстиславиче они снова возвращены Киеву.

Ольговичи, пытаясь вернуть себе Посеймье в годы великого княжения Ярополка Владимировича, неоднократно ссылались на то, что во времена Мономаха оно было в числе черниговских владений. В связи с этим действия Мстислава представлялись акцией захвата. На самом же деле Мстислав вернул Киеву его старые владения. А. К. Зайцев, остановившийся на спорном вопросе о Посеймье подробно, пришел к выводу,

Схема оборонительных линий на юге Киевской земли. Змиевы валы

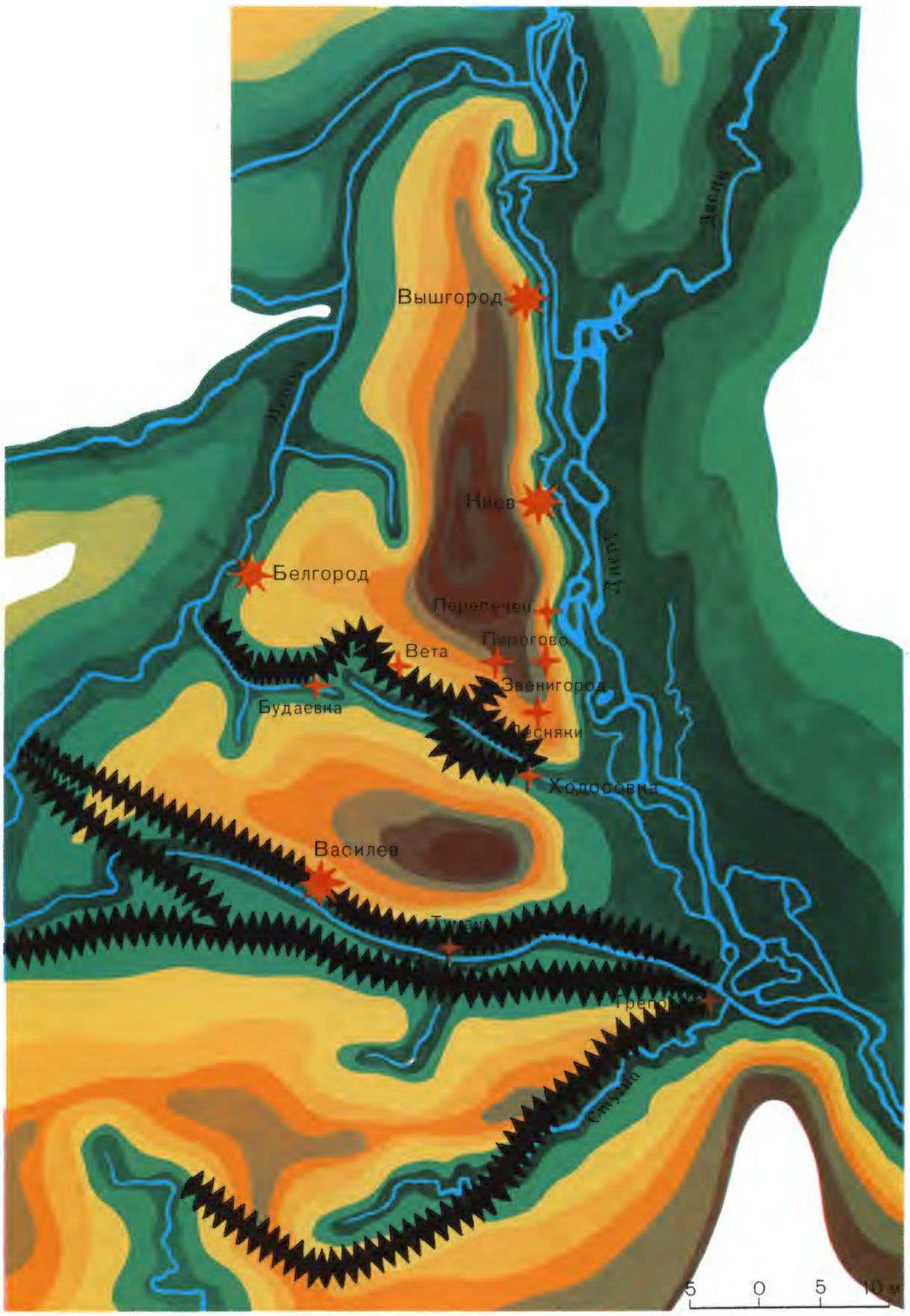
Валы

Крупные летописные центры

Малые городищенские центры

---

[13] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества. М., 1975, с. 90.



что вплоть до середины XI в. эта территория находилась под контролем Киева[13]. Следовательно, не Чернигову, а Киеву принадлежит приоритет в феодальном освоении Посеймья. Позднее, в первой половине XII в., управление Курской волостью осуществляется как из Киева, так и из Переяславля. При Изяславе Мстиславиче в Посеймье были посажены посадники от переяславского стола, где в это время правил сын великого князя Мстислав. Во времена киевского княжения Юрия Долгорукого суверенитет над Курском также осуществлял сын великого князя пере-

яславский Глеб Юрьевич. В конце 50-х годов XII в., как считает А. К. Зайцев, Посеймье окончательно отходит к Черниговской земле[14].

В XII в. под постоянным давлением на юго-восточные рубежи Черниговщины кочевников быстрыми темпами происходит процесс освоения и заселения земли вятичей. Тут возникают новые и растут старые города и феодальные замки — Брянск, Козельск, Мценск, Дедославль, Лопасна и др. С момента освоения этих земель прослеживается их прочная связь с Черниговом, однако в отдельные периоды преимущественное право на них переходит к Киеву. Впервые конфликт между великим киевским и черниговским князьями из-за Вятичской волости возник в 1142 г. Претензии братьев Всеволод удовлетворил лишь частично: «Онъ же Вятичь не съступяшеть, но даяшеть имъ 4 городы»[15]. По свидетельству летописи, Вятицкую область как свою вотчину рассматривали также великие киевские князья Изяслав Давидович, Святослав Всеволодович, Всеволод Чермный.

На правом берегу Днепра северные рубежи Киевщины проходили по водоразделу Припяти, Березины и Немана. Эти земли, населенные летописными дреговичами, на протяжении длительного периода древнерусской истории находились в сфере непосредственного политического влияния Киева. Главный город дреговичей Туров, расположенный в южной части их расселения, длительное время занимал важное место в истории Киевщины; как правило, отдавался старшему, после великого киевского, князю[16]. Так, в частности, было при жизни Ярослава Мудрого, когда в земле дреговичей княжил его старший сын Изяслав. Характерно, что последний, перейдя на великокняжеский стол, вообще не послал князя в Туров, а оставил его за собой. Неоднократные летописные известия о туровских князьях и Туровской волости в XII в. свидетельствуют о прочной зависимости этой земли от Киева. В летописной статье 1142 г. определенно говорится о ней, как о части Киевщины. Обращаясь к Вячеславу Владимировичу, великий киевский князь Всеволод Ольгович заявил: «Сѣдѣши во Киевъской волости, а мнѣ достоить; а ты поиди в Переяславль, отчину свою»[17]. После ухода Вячеслава в Турове садится сын Всеволода Святослав. Туровской волостью, как своей собственной, распоряжались и другие великие князья. В 1150 г., овладев в очередной раз Киевом, Юрий Долгорукий отдает одному из своих сыновей — Андрею — «Туровь, Пинескь и Пересопницю». Интересно, что центром своего надела Андрей избрал не Туров, что представлялось естественным, а Пересопницу: «Андрѣй поклонився отцю своему, и шедъ, сѣде в Пересопници»[18]. В 1154 г. Ростислав Мстиславич, временно утвердившийся на киевском столе, наделяет двумя поприпятскими городами — Туровом и Пинском — Святослава Всеволодовича, помогавшего ему в овладении Киевом. «Се ти даю Туровъ и Пинескъ про то, оже еси приѣхалъ къ отцю моему Вячеславу и волости ми еси сблюлъ»[19]. Через год Святослав Ольгович получает из рук Юрия Долгорукого город Мозырь, а Туров киевский князь отдал своему сыну Борису. В числе киевских городов летопись называет также Брягин, который в 1188 г. был выделен великим киевским князем Рюриком сыну Ростиславу. Примерно с конца 60-х годов XII в. связь городов бассейна Припяти с Киевом ослабевает, что было вызвано политическим усилением Турова.

Следует отметить, что по вопросу выделения Туровщины в самостоятельное княжество в исторической литературе высказывались различные точки зрения. М. Н. Тихомиров, например, не видел возможности говорить о каком-то особом Турово-Пинском княжестве. Уже само название, по мнению историка, свидетельствует об искусственно сложившемся в исторической

Древнерусские городища в районе Киева.

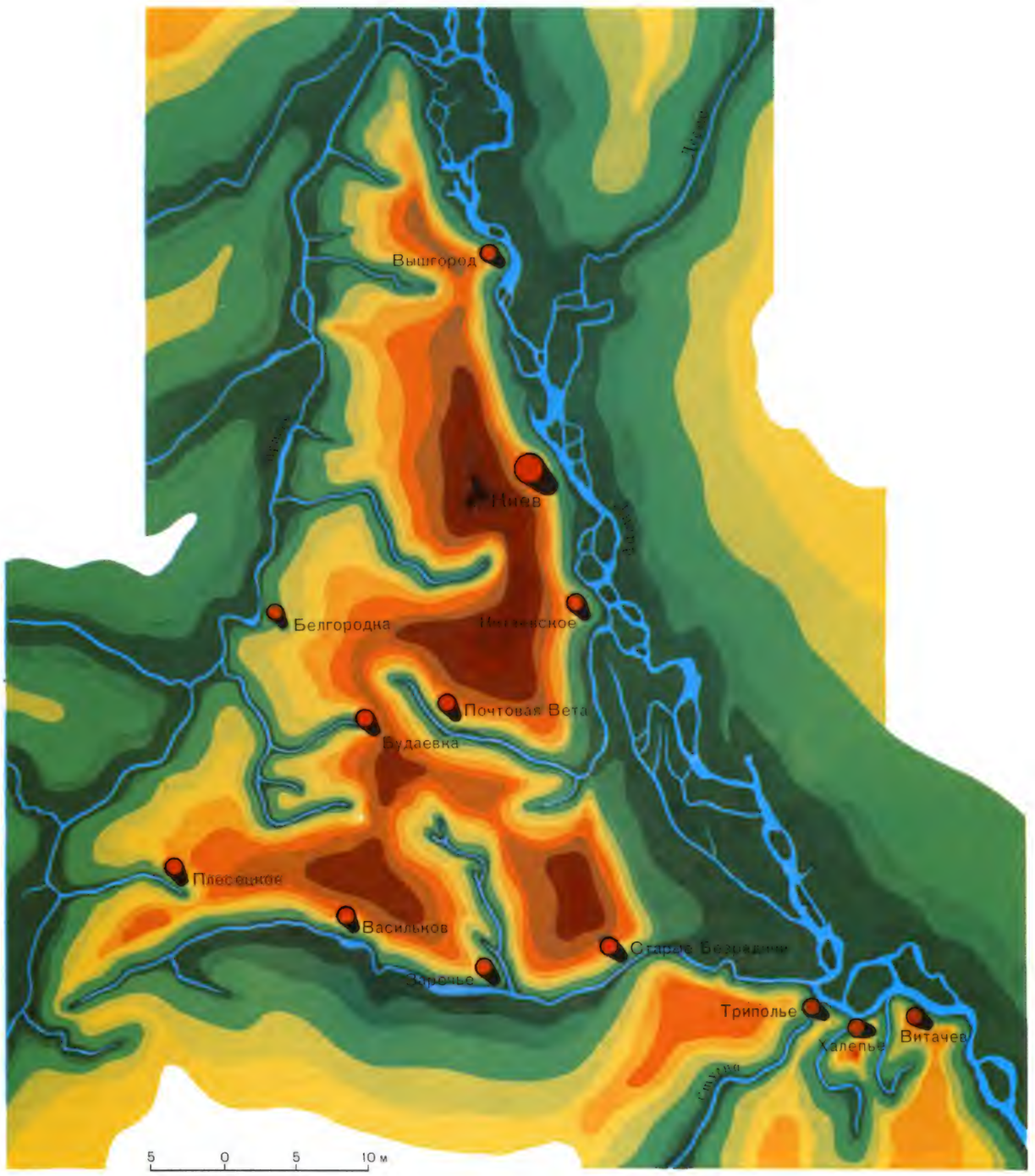
Города по Днепру, Стугне и Ирпеню, входившие в систему оборонительных линий на подступах к столице Руси, занимали важные стратегические позиции. Они неоднократно принимали на себя удары половцев, препятствуя их стремительному продвижению к Киеву. В XII–XIII вв. такие города как Вышгород и Василев оказывались на пути князей — претендентов на киевский стол.

Города — столицы княжеств

Малые города

---

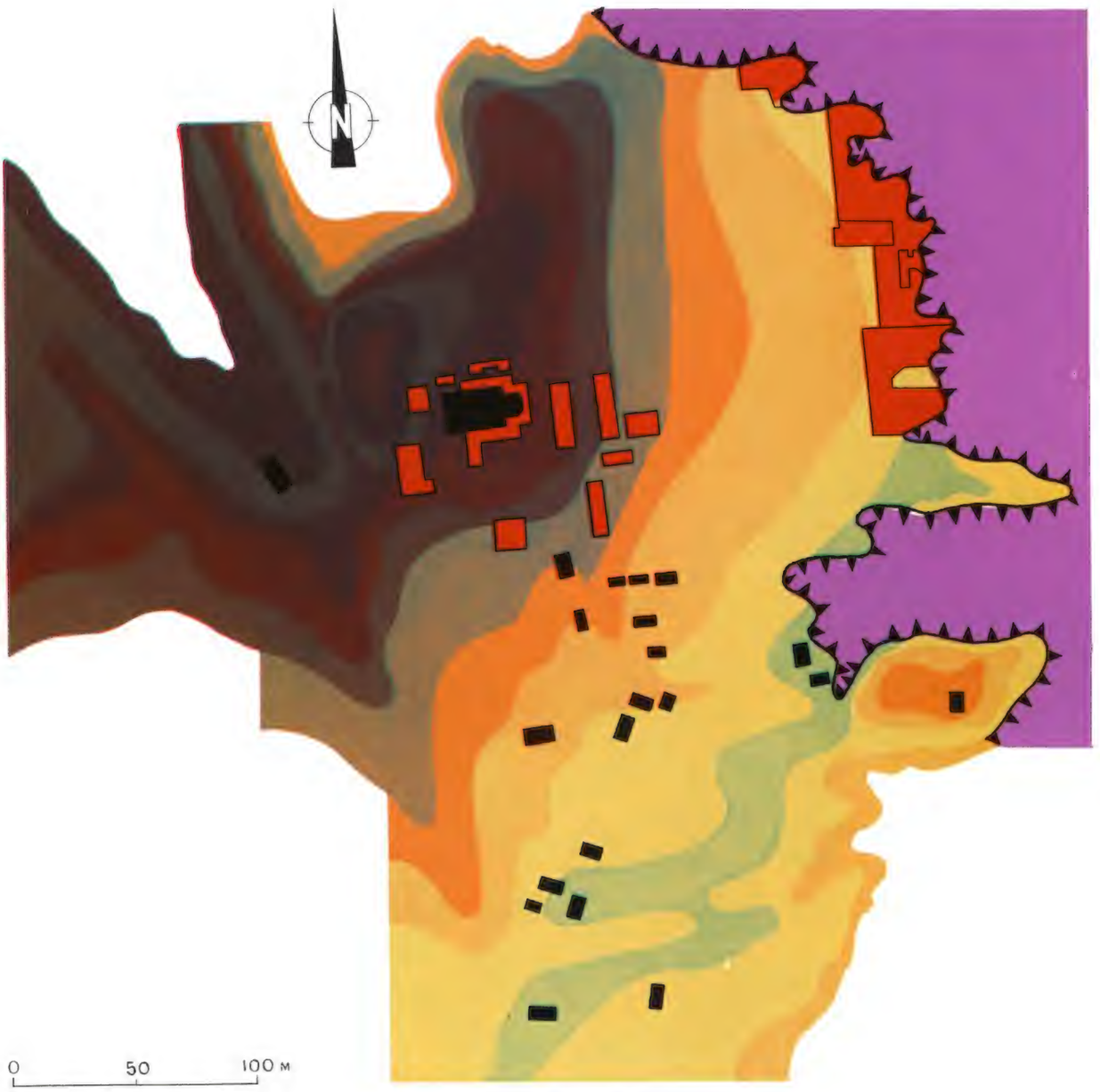
[14] *Зайцев А. К.* Указ. соч., с. 94.
[15] ПСРЛ, т. 2, стб. 311.
[16] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII ст., с. 86.
[17] ПСРЛ, т. 2, стб. 310.
[18] Там же, стб. 404.
[19] Там же, стб. 471.
[20] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 309.
[21] *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 13.
[22] Там же, с. 30.



литературе выделении ее в особую область. Единственным объяснением этого является несколько обособленное положение Турова и Пинска от Киева и Полоцка. В действительности Турово-Пинская земля как отдельная единица со своей княжеской династией никогда не существовала и является фикцией, что подчеркивается отсутствием в названной земле даже единого центра[20].

В недавно вышедшем специальном исследовании, посвященном городам, П. Ф. Лысенко убедительно показал, что в Туровской земле было два экономических центра, политическим же был Туров[21]. Что касается выводов об основных этапах самостоятельного существования Туровского княжества, то они нуждаются в уточнении. Ни о каком выделении его из состава Киевской Руси до 20-х годов XII в. не может быть и речи. К этому времени еще не получили политической самостоятельности и более сильные княжества. Вплоть до 60-х годов XII в. Туровская земля прочно входила в состав владений киевского стола. После утверждения в Турове князя Юрия Ярославича в 1158 г. в политической истории Туровской земли, как справедливо утверждает П. Ф. Лысенко, произошел поворот[22]. Только с этого времени и можно рассматривать ее как относительно самостоятельное княжество.

Тесная связь юго-западных районов расселения дреговичей с Киевом на первом этапе истории Древней Руси, а также постоянное стремление киевских князей к обладанию (или хотя бы преимущественному влиянию) этой территорией на втором этапе убедительно свидетельствует о том, что государственное освоение этих земель



шло не из Полоцка, а из Киева через Туров. Не распространилась сюда на раннем этапе и черниговская дань. Из летописи известно, что такие дреговичские центры, как Случеск и Клеческ, периодически отходили к владениям черниговских князей. Так было в 1142 и 1149 гг. Но в первом случае их получил Святослав Ольгович от великого киевского князя Всеволода Ольговича в качестве компенсации за «Вятичи», которые он оставил за собой, и за отказ от претензий на долю в старой «Русской земле», во втором — «Случѣскъ и Клѣчьскъ и вси Дреговичъ» отошли к Святославу Ольговичу с согласия Юрия Долгорукого, занявшего в 1149 г. Киев и вынужденного рассчитываться со своим союзником наделом, входившим в состав Киевской земли.

Претензии черниговских князей на эти окраинные владения Киевской земли и получение их в условное (временное) держание свидетельствовали не о принадлежности Клеческа и Случеска черниговским князьям издревле, а о постепенном феодальном захвате их у Киева. Второе поколение держателей, что отмечалось исследователями, распространяло на них уже отчинное право[23]. С ослаблением политического положения Киев не мог удерживать все те земли, на которые ранее распространялась его дань и суд, а, следовательно, и сохранялось преимущественное юридическое право владения.

Расширяя свои владения на западе, киевские князья уже в конце X — начале XI в. вышли на линию Западного Буга и включили в состав своего домена Берестейскую волость. Принадлежность ее к Киевской земле неоднократно засвидетельствована в летописи. В 1097 г., готовя ослепление Василька и пытаясь привлечь к участию в этом злодействе великого киевского князя Святополка, Давид Игоревич сообщает ему, что теребовльский князь замышляет «заяти волость твою Туровъ, Пинескъ и Берестие и Погорину»[24]. Под 1142 г., рассказывая о раздаче Всеволодом Ольговичем владений своим братьям, летопись называет Берестие, Дорогочин, Клеческ и др.[25]

Пир по поводу построения церкви Бориса и Глеба в Вышгороде. Миниатюра Сильвестровского сборника.

План Вышгородского городища с обозначением мест раскопок

Обрывы

Раскопы

Современные сооружения

Согласно А. Насонову, район Берестья был крайней западной точкой киевской территории, которая примыкала с запада к Турово-Пинским землям[26]. М. Довнар-Запольский полагал, что Берестейская и Дорогочинская области не составляли единого политического организма с Туровской землей, а переходили во власть то киевских, то волынских князей[27]. Но, как свидетельствуют письменные источники, и сами туровские и волынские земли нередко оказывались в прочной зависимости от Киева.

Волынь в период феодальной раздробленности почти всегда тяготела к Киевщине, но особенно прочными их связи были тогда, когда на великокняжеском столе сидели представители династии Изяслава Мстиславича. Сам он, укрепившись в Киеве, во Владимир вообще не направил князя, рассматривая Волынь как одну из частей великокняжеских владений, служившей ему тем резервом, к которому он прибегал всякий раз, когда терял Киев. Позднее, в 1150 г., Изяслав отправил во Владимир брата Святополка, однако ему отводилась роль обыкновенного посадника. «Пусти Изяславъ брата своего Святополка во Владимиръ, Володимира блюсти»[28]. Сын Изяслава Мстислав, став великим киевским князем, оставил себе и Волынь, куда он также возвращается после изгнания его из Киева войсками Андрея Боголюбского. Прочным, хотя и временным, было объединение Волыни и Киевщины при князе Романе Мстиславиче.

Собственно владения Киевской земли на западе доходили до Горыни. В этой области летопись называет киевскими пункты: Пересопницу и Зареческ на Стубле, Шумск на Вилии, Тихомль на Горыни, Чемерин, Корческ, Гнойницу, Полонный и др. Поскольку эти города находились ближе к Волыни и Галичине, чем к Киеву, они очень часто служили яблоком раздора между князьями названных центров. Преимущество оставалось, однако, за Киевом; в погорыньских городах, как правило, сидели посадники великого князя. В 1152 г. согласно условиям мирного договора между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким последний обязывался не претендовать на «города русские», т. е. киевские, после чего великий князь «посла посадники своя въ городы, на нихъже бяше хрестъ цѣловалъ Володимиръ, въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выго-

---

[23] *Зайцев А. К.* Указ. соч., с. 108.
[24] ПСРЛ, т. 1, Лаврентьевская летопись, изд. 2-е, вып. 1. Л., 1926, стб. 263.
[25] Там же, т. 2, стб. 310—312.
[26] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 129.
[27] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земли до начала XIII ст., с. 58—59.
[28] ПСРЛ, т. 2, стб. 454.

План укреплений древнего Белгорода

Валы

Овраги

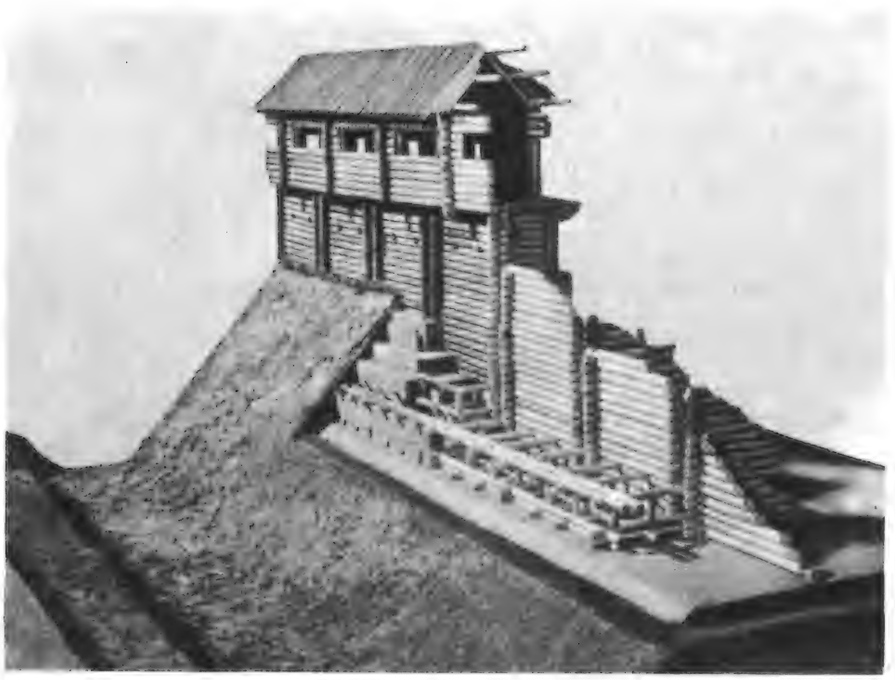
Обрывы

Храмы XII в.

шевъ, у Гноиницю»[29]. Центрами Погорынья, вероятно, были города Пересопница и Дорогобуж, князья которых неоднократно упоминаются в событиях, связанных с борьбой за Киев. В 1161 г. волынский князь Мстислав Изяславич, обидевшись на своего дядю Ростислава Мстиславича, которому он уступил Киев, предпринял неудачную попытку выбить из Пересопницы Владимира Андреевича — вассала великого киевского князя. «Тогда же Мьстиславъ поиде из Володимиря на Володимира Андрѣевича къ Пересопници..., веля ему отступити от Ростислава. Володимръ же не ступи» [30]. В 1169 г., когда в Киеве на короткое время утверждается Глеб Юрьевич, Мстислав Изяславич с братом Ярославом и с галичскими полками снова попытался овладеть Погорыньем. Он осадил Дорогобуж, но взять его не смог. Правда, другие города, в частности Шумск, были им взяты и преданы огню. Произошло это, согласно летописи, потому что киевский князь Глеб не послал Владимиру Андреевичу помощь. В 1171 г. из Дорогобужа перешел на киевский стол Владимир Мстиславич, а на свое место послал сына Мстислава [31]. О тесных связях Погорынья с Киевом свидетельствует и тот факт, что практически в каждом походе русских дружин против половцев, организованном великими князьями, принимали участие и воины из Дорогобужа, Пересопницы, Дубровицы и других городов, князья которых были вассалами киевских.

Споры из-за Погорынья, возникавшие время от времени между древнерусскими князьями, спустя столетия продолжались и среди историков.

Грушевский утверждал, что Погорынье скорее было волынской волостью, нежели киевской. Свой вывод он аргументировал словами волынского князя Мстислава Изяславича, кото-



Оборонительный вал Белгорода. Реконструкция Б. А. Рыбакова.

рый, изгоняя в 1150 г. из Дорогобужа и Корческа Глеба Юрьевича, заявил: «поъди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину»[32]. Но ведь Изяслав в это время, хотя и вынужден был временно уступить Киев Юрию Долгорукому, конечно же, считался не столько волынским, сколько великим киевским князем. Как убедительно показал А. Н. Насонов, города, расположенные на Горыни, являлись крайней линией городов «Русской земли»[33].

Определенные трудности возникают и при выяснении юго-западных рубежей Киевщины. И все же летописные упоминания Межибожья, Божеска и Котельницы на Южном Буге в числе владений Киева дают возможность наметить их. Этими городами как своей древней родовой вотчиной распоряжались, главным образом, великие киевские князья. Так, в 1146—1147 гг. Изяслав Мстиславич, лишив Святослава Всеволодовича Владимира, отдает ему взамен «Бужьский и Межибожие 5 городовъ»[34]. В 1148 г. «Божьскый, Межибожие, Котелницю и ина два городы» Изяслав передает сыну Юрия Долгорукого Ростиславу[35]. В этом же году на снеме (совете) князей в Остерском городке, созванном Изяславом Мстиславичем в связи с подготовкой к войне с Юрием Долгоруким, великий князь приказал Ростиславу вернуться в Божский для охраны Киевщины с запада. «Иди въ Божьскый, и пръбуди же тамо, доколъ я схожю на отца твоего, а либо с нимъ миръ вьзму, пакы ли яко ся с нимъ улажю; а ты постерези землъ Рускои оттолъ»[36]. Оказывается, Побужье, на которое постоянно претендовали галицкие князья, рассматривалось Киевом своеобразным щитом, прикрывавшим земли великокняжеского стола с юго-запада. Во второй половине XII и в XIII в. постоянная борьба киевских и галицких князей приводит к запустению области верховья Южного Буга, и упоминания о его центрах встречаются в летописи все реже. Быстрая смена князей в Киеве, постоянная угроза с юга и претензии Галича с запада явились причиной того, что область верхнего Побужья, которая и без того была слабо связана с Киевом, обособилась в отдельное княжество[37].

---

[29] ПСРЛ, т. 2, стб. 454.
[30] Там же, стб. 519—520.
[31] Там же, стб. 566.
[32] Там же, стб. 396.
[33] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 130.
[34] ПСРЛ, т. 2, стб. 330, 343.
[35] Там же, стб. 367.
[36] Там же, стб. 368.
[37] *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1454 г. К., 1885, с. 88.

Между верхними течениями Южного Буга, Случи и Тетерева, на том же киевско-галичском пограничье, находились так называемые болоховские города Деревич, Губин, Кудин, Кобуд, Дядьков и др. Как считал Н. Дашкевич, они принадлежали Киеву, и только после Калкской битвы, когда киевские князья перестали пользоваться прежним авторитетом и силой, Болоховская земля отделяется от Киевщины [38].

Южные рубежи Киевской земли, которые одновременно были и южной границей Руси, испытывали постоянное давление кочевых народов степи. Если в конце X в. граница отодвинулась на линию Стугны, то после блестящих побед дружин Ярослава Мудрого над печенегами в 1017 и 1036 гг. Русь снова укрепила свои позиции в Поросье. В 1031 г. Ярослав поселил здесь военнопленных поляков, а в 1032 г.— построил систему поросских сторожевых крепостей. В конце XI в. поросская оборонительная линия была разорвана новым сильным врагом Руси — половцами, но уже в начале XII в. общими усилиями многих русских княжеств вновь была восстановлена. Более того, к концу XII в. Русь сама значительно продвинулась к границам степи. Под 1190 г. летопись сообщает: «того же лѣта Святославъ сватомъ своимъ Рюрикомъ утишивъша землю Рускую и Половци примиривша в волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по Днепрю в лодьяхъ, на устья Тесмени» [39]. Насколько прочным было положение Киева в междуречье Роси и Тясмина, сказать трудно. Мы не знаем здесь достоверно древнерусских поселений или городищ, хотя и не уверены, что факт этот отражает объективную реальность, а не степень археологической изученности края. Не исключено, что в Потясминье проживало смешанное население — славянское и неславянское, на которое распространялась власть то половцев, то Руси. В этой борьбе на юге преимущество оказалось на стороне Руси, стремившейся к включению в государственную территорию старых славянских земель. На карте Киевской земли, составленной А. Н. Насоновым, ее граница со степью проведена значительно южнее Роси [40].

Борьба Руси с кочевниками, продолжавшаяся столетиями, вызвала к жизни сложную систему оборонительных рубежей на юге Киевщины. Кроме Поросской и Стугнинской во второй половине XI и в начале XII в. возникает Днепровская оборонительная линия, которая должна была охранять водный путь «из Грек» и юго-восточные подступы к Киеву. Через днепровские города осуществлялась связь Киева с южной и юго-восточной границами государства. Летопись называет здесь такие населенные пункты, как Треполь, Халеп, Витачев, Святополч-град, Иван, Чучин, Заруб, Канев на Днепре, Родень, Корсунь, Торческ, Юрьев на Роси [41].

Кроме системы военно-феодальных замков южнорусское пограничье защищали мощные земляные валы и рвы, проходившие вдоль левого берега Роси, между нею и Ростовицей, а также вдоль левого берега Стугны. Поросские земляные валы, вероятно, составляли единую систему с валами Переяславщины, которые доходили до р. Супой и защищали с юга главный город земли. Стугнинские валы, продолжавшиеся в западном направлении до р. Здвиж, призваны были защищать столицу Руси. К сожалению, земляные валы Киевщины, как и других районов, еще не стали объектом серьезных археологических исследований и поэтому нет надежных данных по истории их сооружения и функционирования. Известно только, что впервые они как оборонительные сооружения упоминаются в летописи под 1093 г., когда древнерусские князья шли походом на половцев. «И минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половцъ идяху противу, и стрѣльци противу пред ними; нашимъ же ставшимъ межи валома, и поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу» [42]. Дважды летопись говорит о переяславских валах. В 1095 г., когда половецкие ханы пришли к Мономаху просить мира, один из них — Итларь — вошел в Переяславль, а другой — Китан — «ста межи валома с вои» [43]. В 1149 г. между этими валами стали лагерем войска Юрия Долгорукого.

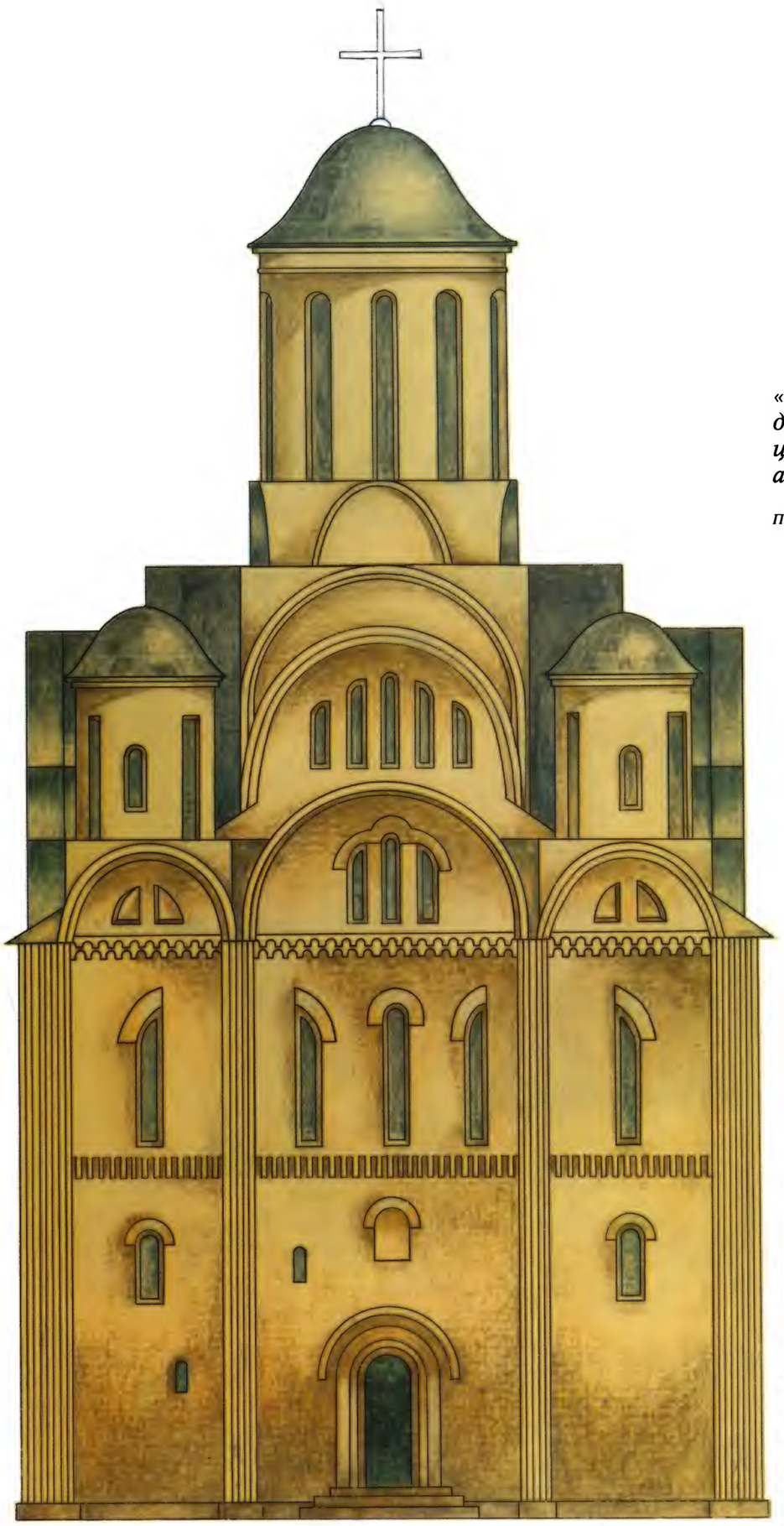
В литературе по вопросу о времени сооружения валов высказывались самые различные мнения. Одни исследователи склонны датировать их скифским временем (VII—V вв. до н. э.), другие — черняховским (II—V вв. н. э.), третьи — связывают их появление с деятельностью славянских союзов племен (VI—VII вв. н. э.) и оборонительными мероприятиями Древнерусского государства. По-видимому, земляные валы не были возведены в какой-либо один из этих периодов; они являются памятником многих поколений земледельческого лесостепного населения, пытавшегося оградить себя от вторжения степных кочевников. Летописные известия о валах не содержат данных о существовании каких-то дополнительных укреплений — деревянных городен, башен или обыкновенного частокола. Видимо, ничего подобного и не могло быть. Во-первых, на сооружение и поддержание таких укреплений, учитывая постоянное давление на южнорусское пограничье степняков, которые нередко прорывались к самому Киеву и, конечно же, всякий раз сжигали бы деревянную стену, на Руси не было ни людских, ни материальных ресурсов *. Во-вторых, для преграждения пути на север кочевникам, которые продвигались часто целыми кочевьями или же осуществляли конные наезды на русские земли, достаточно было глубокого рва и высокой насыпи. Чтобы проделать проходы в подобном рубеже или же

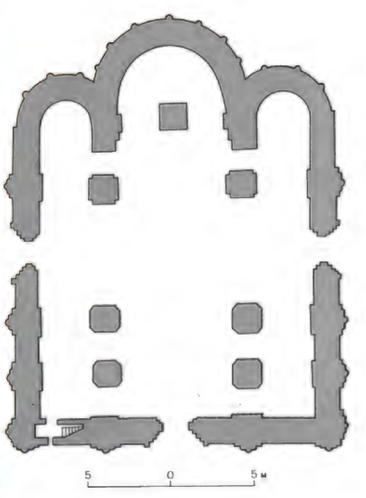
---

[38] *Дашкевич Н. П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории.— Труды III АС, т. 2. К., 1878, с. 102.

[39] ПСРЛ, т. 2, стб. 668.

объехать его, требовалось время, за которое древнерусские князья успевали подготовиться к отражению неприятеля. О том, что земляные валы юга Киевщины играли роль оборонительных рубежей в борьбе с половцами, видно из следующего сообщения летописи Татищева. Потерпев поражение

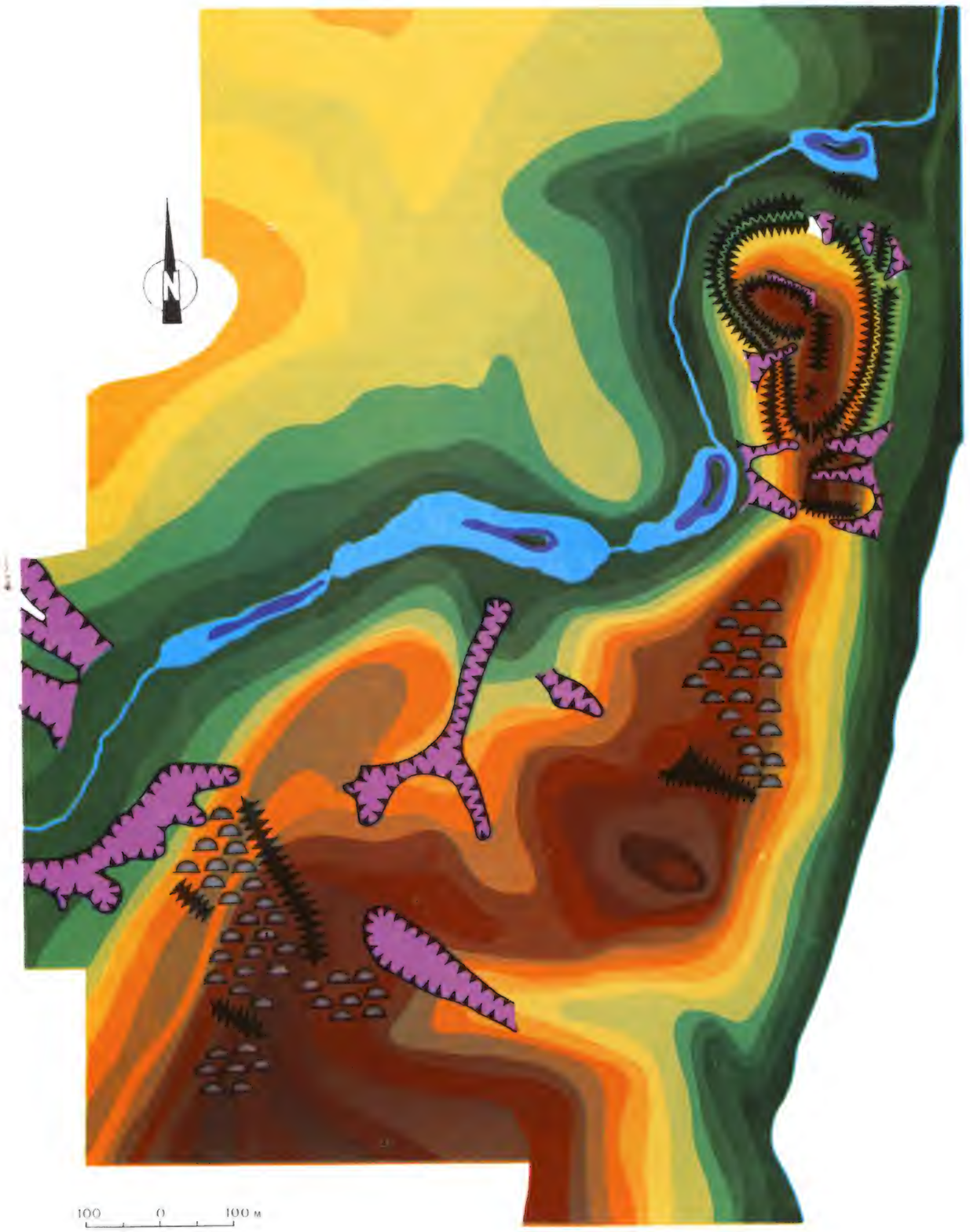




Церковь св. Апостолов в Белгороде. 1197 г. План и реконструкция Ю. С. Асеева.

«Того же лѣта, месяца декабря в 6 день созда церковь каменну святехъ апостолъ в Бѣлъгороде».

ПСРЛ, т. 2, стб. 706.



в первом бою с монголами, половцы отошли к южнорусскому пограничью и обратились за помощью к русским князьям: «Тогда Котян, князь половецкий, с другими князи пришли в Русскую землю к валу половецкому близ Треполя»[44]. Нет сомнения, что русские называли так стугнинские (а возможно, и поросские) валы оттого, что именно здесь им приходилось неоднократно преграждать путь половцам на Русь.

На протяжении всей древнерусской истории киевские князья удерживали в своих руках днепровский водный путь. На его южном конце располагался город Олешье, важный морской порт Руси, который постоянно находился под властью Киева и неприкосновенность которого ревностно оберегалась великими князьями. Вот несколько примеров. В 1084 г. на Олешье нападает и овладевает им Давид Игоревич, находившийся тогда на положении князя-изгоя. Великий киевский князь Всеволод Ярославич предложил ему в обмен на этот портовый город целую Погорынскую волость. В 1150 г. на Олешье осуществили нападение берладники, на

что немедленно прореагировал великий киевский князь Ростислав Мстиславич. Он посылает вниз по Днепру военную флотилию под руководством опытных воевод Георгия Нестеровича и Якуна, которые и возвращают Олешье Киеву. «Том же лѣтѣ посла Ростиславъ ис Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на Берладники, оже бяхуть Олъшье взяли и постигше ѣ у Дзиня избиша ѣ и полонъ взяша»[45]. В Олешье встречали послов из Византии и Кавказа, византийских кандидатов на киевскую митрополичью кафедру. В 1154 г. здесь ожидал свою мачеху, прибывавшую из Обез (Абхазии), Мстислав Изяславич, а в 1163 г. посол Ростислава Гюрята Семкович, следовавший в Константинополь за разрешением вернуть на митрополию русскую Клима Смолятича, неожиданно встретился в Олешье с митрополитом Иваном и императорским послом, спешившими на Русь. Киевские князья держались за Олешье не только потому, что это был важный перевалочный пункт русско-византийской торговли, но также, вероятно, из-за его промыслового значения. Олешские рыбаки поставляли Киеву большие партии рыбы.

Китаевское городище. Летописный Пересечен. Находится в трех километрах южнее р. Лыбедь

Валы

Овраги

Обрывы

Курганы

О местоположении летописного Олешья сказать что-либо определенное трудно. Длительное время его отождествляли с городом Олешки (современный Цюрупинск) Херсонской области, однако подтвердить это надежными археологическими материалами пока не удалось. В последнее время интересные исследования были осуществлены на Большом Потемкинском острове в устье Днепра, в 12 км ниже Херсона. Раскопками наиболее возвышенной части острова, называемой в народе «городищем», в большом количестве обнаружены материалы древнерусского времени: керамика, фрагменты византийских амфор и причерноморской черепицы, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, плинфа. Датируются эти вещи преимущественно XII—XIII вв.[46]

Как считают авторы раскопок, это островное днепровское городище, занимающее площадь около 4 га, и является остатками летописного Олешья. Думается, однако, что это интересное предположение нуждается в более серьезных обоснованиях, для чего необходимо провести широкие стационарные раскопки как на этом городище, так и в других пунктах низовьев Днепра, где встречены древнерусские археологические материалы. Следует также продолжить поиски Олешья и в районе Цюрупинска.

Кроме описанного, древнерусские поселения, среди которых были и укрепленные, находились вдоль всего степного побережья Днепра, от устья Сулы на севере и до Олешья на юге. Особенно много их было в районе днепровских порогов, где проходившие вверх и вниз по Днепру купеческие караваны судов требовали усиленной охраны от внезапных нападений степняков. Здесь, вероятно, купцы останавливались на продолжительный отдых и пополняли запасы продовольствия. Впервые древнерусские поселения в Надпорожье были обнаружены в 1927 г. во время сооружения Днепрогэса. Располагались они перед о. Хортица, на правом и левом берегах Днепра, друг против друга. А. В. Добровольский, исследовавший эти поселения, высказал интересное предположение, что их жители были перевозчиками через Днепр и что в этом месте находилась древняя Крарийская переправа. Во время раскопок, а также разработки грунтов под плотину здесь было найдено пять обоюдоострых мечей[47], свидетельствующих о том, что жителям днепровских поселений не чуждо было и военное дело. Подобные поселения XII—XIII вв. находились также на

---

[40] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 64.
[41] *Довженок В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси.
[42] ПСРЛ, т. 2, стб. 210—211.
[43] Там же, стб. 217.
* На это обстоятельство обращал внимание П. А. Раппопорт.— См.: К вопросу о системе обороны Киевской земли.— КСИА АН УССР, вып. 3. К., 1954.
[44] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3. М.— Л., 1964, с. 215.
[45] ПСРЛ, т. 2, стб. 505.
[46] *Борисов В. Є.* Звіт археологічної експедиції про археологічну розвідку на Великому Потьомкінському острові у дельті Дніпра в 1972 р.— Науч. архив ИА АН УССР, ф. 1972/42.
[47] *Равдоникас В. И.* Надписи и знаки на мечах из Днепростроя.— Известия ГАИМК, вып. 100. М.— Л., 1933, с. 598—616.

План укреплений древнего Василева. По материалам съемки М. П. Кучеры

Валы

Предполагаемые валы

Обрывы

о. Каменуватый, в с. Лоцманская Каменка, в устье р. Сура, на обоих ее берегах, а также в устье балки Яцевой (с. Волоское), возле с. Игрень и в с. Днепровском[48]. Отдельные из этих поселений достигали огромных размеров. По свидетельству А. В. Бодянского, осуществлявшего постоянный надзор за размывами берегов Каховского и других днепровских водохранилищ, древнерусское поселение в устье Суры насчитывало сотни жилищ. Рядом с поселением находится большой могильник. Исследования поселения и могильника обнаруживают типичные древнерусские вещи: керамику с клеймами на днищах, железные замки и ключи, боевые топоры и стрелы, наконечники копий, стеклянные браслеты, кресты-энколпионы[49]. А. Т. Смиленко, взявшая на себя труд подытожить

[48] *Добровольський А. В.* Сліди перебування слов'ян XII—XIII ст. в Надпоріжжі.— АП ІА АН УРСР, т. 1, с. 91—95; *Равич О.* Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського Дніпропетровської області.— Там же, с. 96—98; *Бліфельд Д. І.* Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського Дніпропетровської області.— Там же, с. 99—104.

[49] *Бодянський О. В.* Знахідки епохи Київської Русі в Надпоріжжі.— Середні віки на Україні, вип. 1. К., 1971, с. 196—199.

[50] *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї II—XIII ст. К., 1975, с. 178—192.

[51] ПСРЛ, т. 2, стб. 253.

[52] Там же, стб. 742.

[53] Там же, стб. 526.

результаты исследований древнерусских поселений и могильников в днепровском Надпорожье, пришла к выводу, что после определенного запустения, имевшего место в конце X—XI вв., Надпорожье бурно заселяется в XII—XIII вв.[50] Причину этого, однако, следует видеть не только в том, что с усилением феодальной эксплуатации увеличилось количество бежавших из центральных районов Руси холопов и смердов, которые селились в прибрежной полосе степного течения Днепра, но и в изменении ситуации на южнорусском пограничье. Весь XII в. прошел под знаком наступления Руси на степь. Половецкие кочевья в конце концов были отброшены к Донцу и Дону на Левобережье и к Дунаю — на Правобережье. Наступательная политика древнерусских князей обезопасила днепровский речной путь от постоянных наездов половцев и в значительной степени сделала жизнь приднепровских древнерусских поселений менее тревожной. Сказанное отнюдь не свидетельствует об исчезновении всякой опасности для населения Южного Поднепровья. Она продолжала существовать и в XII—XIII вв. и, видимо, поэтому поселения располагались у самого берега, в устьях балок и притоков, или же на днепровских островах, издревле игравших роль древнерусских опорных пунктов. Летопись, рассказывая об одном из антиполовецких походов русских князей 1103 г., пишет: «И поидоша на конихъ и в лодьяхъ, приидоша ниже порогъ, и сташа въ протолчехъ и в Хортичимъ островъ»[51]. Выступив в поход от порогов в степь, русские дружины только на четвертый день подошли к половецким кочевьям. Характерно, что остров Хортица был сборным пунктом древнерусских дружин и в 1223 г.— в канун печального сражения на Калке. «Бѣ бо лодей тысяща, и воидоша во Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у ръки Хортицѣ на броду у Протолчи»[52]. В район порогов киевские князья нередко посылали дружины для охраны купеческих караванов, плывших из Византии. Когда в 1166 г. половцы, воспользовавшись очередным несогласием древнерусских князей, решили напасть в районе порогов на «гречников», Ростислав немедленно послал туда «Володислава Ляха с вои и възведоша Гречники»[53].

Постоянный контроль киевских князей над днепровским водным путем подтверждается, таким образом, летописными известиями, а также существованием в Южном Приднепровье древнерусских поселений. Их углубленное изучение, а также выявление новых поселений в прибрежной полосе Днепра и на его островах являются одной из неотложных задач археологов.

Основные центры Киевской земли

Киевская земля, как и Среднее Поднепровье в целом, была одним из наиболее густо заселенных районов Руси. Летописи упоминают здесь несколько десятков населенных пунктов — городов, крепостей, феодальных замков, располагавшихся по берегам Днепра, Припяти, Тетерева, Здвижа, Случи, Ирши, Ужа, Южного Буга, Стугны, Роси и др. Согласно исследованию А. В. Кузы, общее количество городов Киевской земли, отмеченных всеми категориями памятников письменности, достигало 79[54]. Это больше, чем в любом другом княжестве Руси. Факт этот, что уже отмечалось рядом советских историков и археологов, свидетельствует о высоком уровне развития Киевской земли. Здесь, как и в других землях Южной и Юго-Западной Руси, концентрация населения и степень его феодализации были значительно выше, чем в остальных районах Древнерусского государства.

Различные типы древнерусских населенных пунктов распределялись на территории Киевской земли неравномерно. Как правило, крупные городские центры располагались в лесостепном поясе вокруг Киева. Вдоль южных рубежей Киевщины, на границе лесостепи со степью, находились города-крепости, сторожевые заставы, охранявшие государственную границу Руси. Припятское полесье отличается отставанием городской жизни от других районов, хотя и здесь находились известные по летописи центры. По подсчетам Ю. С. Асеева, из 43 городов и населенных пунктов, упоминаемых летописью в основном ядре Киевской земли, на ее северо-западную часть приходилось всего 11[55].

Главным городом Киевской земли был Киев, один из древнейших центров Восточной Европы, столица Древнерусского государства. Возник он на правом берегу Днепра в том месте, где, приняв воды Десны — последнего крупного притока,— он выходит из зоны лесов в лесостепь. Днепр и реки его бассейна издревле играли огромную роль в экономической жизни населения Среднего Поднепровья. Верховьями своими (вместе с Березиной) он близко подходил к бассейну Западной Двины на севере; левый его приток Десна (вместе с Сеймом) связывает Среднее Поднепровье с системами Оки и Дона на востоке; Припять через Западный Буг — с бассейнами рек Днестра и Немана. Господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней

---

[54] *Кузa А. В.* Русские раннесредневековые города.— Тезисы докладов совет. делегации на III Междунар. конгрессе славян. археологии. М., 1975, с. 62.

[55] *Асеев Ю. С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII вв., с. 9.

части днепровского бассейна, являлось одной из решающих причин выдвижения ее на первое место в Среднеднепровском районе.

Киевская территория во всем Среднем Поднепровье не имеет себе равных в микрогеографическом и топографическом отношениях. На протяжении сотен километров с севера на юг оба днепровских берега низменны, и только в районе Киева правый берег резко подымается. Эта возвышенная полоса представляет собой северо-восточную окраину всего правобережного плато, к которому от устья Ирпеня на севере и до устья Стугны на юге только в трех местах подходит Днепр. Из трех выступов (вышгородский, киевский и трипольский) киевский занимает наиболее выгодное место.

Со всех сторон киевская возвышенность имеет естественные рубежи. Многочисленные речки, ручьи (Лыбедь, Глубочица, Клов, Крещатик и др.) и овраги образовывали такое количество естественно защищенных гор (Старокиевская, Замковая, Щековица, Лысая и др.), которого нет ни в одном другом районе Среднего Поднепровья. Местность в очерченных границах вытянулась с севера на юг (вдоль Днепра) на 15 км, с запада на восток на 3—4 км. У подножия Владимирской горки Днепр несколько отклоняется на север и образует широкую долину, которая тянется от Киева до Вышгорода. Часть этой долины в районе Киева получила название Подола и была одним из наиболее крупных городских районов. Река Почайна, протекавшая вдоль Подола, была прекрасной речной гаванью.

Особые географические условия среднеднепровского лесостепного района, обеспечивавшие высокий уровень его хозяйственной жизни на протяжении многовековой истории, явились в конечном счете главной причиной того, что именно здесь в третьей четверти первого тысячелетия образовался первый политический союз восточно-славянских племен с центром в Киеве. Став в IX в. столицей Древнерусского государства, Киев вплоть до монголо-татарского нашествия оставался одним из крупнейших городов Руси.

Важное место в жизни Киевской земли занимали города Вышгород, Белгород, Василев, а также крепости, основанные в X в. и входившие в систему оборонительного кольца вокруг столицы Руси. Они неоднократно упоминаются в летописи, однако наиболее часто — в связи с событиями XII—XIII вв. Все они находились на пути удельных князей к киевскому великокняжескому столу и в той или иной степени разделяли судьбу Киева. Вот характерный пример. В 1136 г. черниговские князья в союзе с половцами перешли Днепр и устремились к Киеву. Первый удар приняли на себя города-крепости, охранявшие дальние подступы к столице Руси. «И почаша воевати от Трьполя, около Красна и Василева и до Бѣлогорода, оли же и до Киева и по Желани и до Вышегорода»[56].

Из ближайших к Киеву городов наибольший вес имел Вышгород, впервые упомянутый летописью под 946 г. О нем, как значительном древнерусском городе, говорил также Константин Багрянородный. Согласно подсчетам В. И. Довженка, на страницах летописи Вышгород упоминается 38 раз, что, несомненно, свидетельствует о его исключительной роли в жизни Киевской Руси[57].

Возник древний Вышгород в 15—16 км выше Киева на правом высоком (до 80 м) выступе днепровского берега, у переправы через Днепр (ныне поселок Вышгород). С самого начала он строился как город-крепость; мощные земляные валы и глубокие рвы опоясывали его центральную часть, защищая посад. Детинец занимал возвышенное место днепровского берега и имел размеры 350×250 м[58]. Вокруг Вышгорода существовала система наблюдательных пунктов, дававших возможность контролировать северные подступы к Киеву. Военно-стратегическое значение Вышгорода, входившего в систему обороны центральной территории Руси, по достоинству оценивалось киевскими князьями. Во время военной угрозы они нередко уходили из Киева и закрывались в вышгородской крепости, считая ее, вероятно, более мощной, чем киевская. Удельные князья —

План укреплений и места раскопок летописного Чучина. Городище у с. Щучинка Киевской области

Валы

Овраги

Раскопы

Жилища столбовой конструкции

[56] ПСРЛ, т. 2, стб. 299.
[57] *Довженок В. И.* Древній Вишгород, с. 40—48.
[58] *Раппопорт П. А.* Очерки истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1956, с. 54.

претенденты на обладание великокняжеским киевским столом — также придавали большое значение Вышгороду, справедливо считая его одной из основных преград на пути к древней столице Руси.

Со времен великого княжения Ярослава Мудрого Вышгород приобретает и значение крупного церковного центра Руси. В нем находились останки князей Бориса и Глеба — первых русских святых. В честь этих патронов Руси, ставших символом борьбы за национальную независимость русской церкви, в Вышгороде на детинце возводится целый ряд сменявших друг друга храмов. Около 1020 г. Ярослав Мудрый сооружает деревянный храм-усыпальницу, который простоял более полувека. В 1072 г. сын Ярослава Изяслав отдал распоряжение срубить новый храм, в который были перенесены гробницы с телами Бориса и Глеба. Строительство каменного храма, начавшееся при Святославе и Всеволоде Ярославичах, было окончено лишь при Святополке Изяславиче. Торжественное освящение состоялось в 1115 г. Судя по исследованиям М. К. Каргера, вышгородский храм Бориса и Глеба представлял трехнефную постройку, по своим размерам превосходившую все известные трехнефные храмы домонгольской Руси[59]. В украшении Вышгородского храма принял участие и Владимир Мономах, соорудивший над гробницей Бориса и Глеба «терем серебрян» *.

Оклад книги. XII—XIII вв. с. Щучинка. Из раскопок экспедиции под руководством В. И. Довженка́.

Культу св. Бориса и Глеба посвящено большое количество церковной литературы, которая наряду с летописью является важным источником по истории Вышгорода. Нестор в своем «Чтении о святых Борисе и Глебе» называет Вышгород блаженным, честным и святым городом. В «Житии Бориса и Глеба», где эти князья прославляются как защитники Руси, содержится характеристика Вышгорода как важной крепости русской земли. «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснет она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны»[60]. Благодаря культу князей Бориса и Глеба Вышгород стал важнейшим объединяющим центром не только для национальной православной церкви, но также и для Руси в целом.

Археологические исследования Вышгорода показывают, что это был также крупнейший центр ремесла и торговли. В нем обнаружены следы всех основных видов ремесленного производства: железоделательного и железообрабатывающего, гончарного, ювелирного, костерезного, деревообрабатывающего и др. Обнаружение в посадской части Вышгорода крупного гончарного центра, состоящего из нескольких десятков горнов, свидетельствует о том, что его продукция удовлетворяла потребности не только жителей города, но и близлежащей округи[61]. В Вышгороде было развито также строительное дело. Письменные источники, рассказывающие о перестройке церкви Бориса и Глеба, упоминают «старейшину древоделям»[62].

Развитию в Вышгороде торговли способствовало его географическое положение. Об участии его во внешней торговле упоминал уже Константин Багрянородный; не меньшим было значение Вышгорода и в торговле внутренней. Вблизи него в Днепр впадали Десна и Ирпень, по которым поступали товары на юг из левобережной и правобережной частей Руси. Видимо, по этим, а также по другим водным магистралям расходилась и продукция вышгородских ремесленников.

Раскопки Вышгорода дали также важные материалы для выяснения характера его застройки и планировки. Особый интерес в этом плане представляют исследования 1934—1937 гг., проводившиеся широкими площадями и обнаружившие городской квартал, состоявший из жилых и хозяйственных построек, которые располагались вдоль восточного края городища двумя параллельными рядами. Между ними находилась свободная от застройки полоса шириной около 10 м. В свое время исследователи высказали предположение, что им, вероятно, удалось проследить отрезок одной из улиц древнего Вышгорода. После раскопок Киева, зафиксировавших в ряде районов аналогичную планировочную систему, об этом можно говорить более утвердительно.

Что касается конструктивного типа жилых и хозяйственных построек исследованного квартала, то его можно квалифицировать как каркасно-столбовой. Все они были несколько углублены в материк; в некоторых сохранились входы в виде ступенек, вырезанных в глине. По углам четырехугольных углублений находились ямки от опорных столбов, являвшихся каркасной основой для стен и кровли. Как можно судить по остаткам обгоревших бревен и досок, стены жилищ были сложены из добротного строительного материала и не представляли собой вид плетня, обмазанного глиной. В одном из углов некоторых жилых построек сохранились глинобитные печи подковообразной формы.

---

[59] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 310—336.

* Во время монголо-татарского нашествия Вышгород с его богатейшим княжеским храмом разделил судьбу Киева. До начала XVII в. храм Бориса и Глеба стоял в развалинах. Около 1640 г. он был разобран поляками, использовавшими строительный материал для сооружения доминиканского костела св. Николая в Киеве. Об этом мы узна́ем из грамоты 1691 г. киевского митрополита Варлаама Ясинского царям Ивану и Петру Алексеевичам. Некоторые исследователи это сообщение подвергли сомнению, однако его достоверность неожиданно подтвердили раскопки Киева 1973 г. На старом Житном рынке во время рытья котлована под здание Крытого рынка были обнаружены фундаменты доминиканского костела св. Николая, почти целиком сложенные из древнерусских строительных материалов.

[60] *Абрамович Д. И.* Жития Бориса и Глеба. Пг, 1916, с. 118.

[61] *Довженок В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр.; *Довженок В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода.

План зарубских храмов.

Небольшие раскопки Вышгорода, осуществленные экспедицией, руководимой В. И. Довженком в 1947 и 1972 гг., также выявили жилые и хозяйственные постройки описанного выше типа[63].

Вышгород был также крупным феодальным центром, державшим под своей властью окрестные земли. Письменные источники упоминают десять вышгородских бояр, игравших значительную политическую роль. В действительности их было гораздо больше. Только в событиях 1169 г. летопись говорит о сожжении дворов боярина Радила и семи других феодалов[64]. Как и в Киеве, здесь также были целые боярские династии. Упоминаемый в событиях 1069 г. вышгородский тиун Тудор происходил из известного боярского рода, первый представитель которого, быть может, упоминается в числе посольства Игоря в Византию.

Являясь важным военно-стратегическим, экономическим и церковно-религиозным центром Руси, Вышгород не представлял собой самостоятельной политической единицы, как это нередко утверждается в литературе. На всем протяжении древнерусской истории Вышгород выступает как пригород Киева даже и тогда, когда в нем появляются свои князья. Они, как правило, подбирались великими киевскими князьями из числа младших родственников, не претендовавших на обладание Киевом. В Вышгороде сидели подручные князей Изяслава Ярославича, Ярополка Владимировича, Юрия Долгорукого, Ростислава Мстиславича и др., находившиеся по существу на положении одного из киевских воевод. О роли вышгородских князей может свидетельствовать тот факт, что в 1155 г. сын Юрия Долгорукого Андрей, не известив отца, оставил вышгородский стол и ушел в Суздаль. «Том же лѣтъ иде Андрѣй отъ отца своего из Вышегорода в Суждаль, без

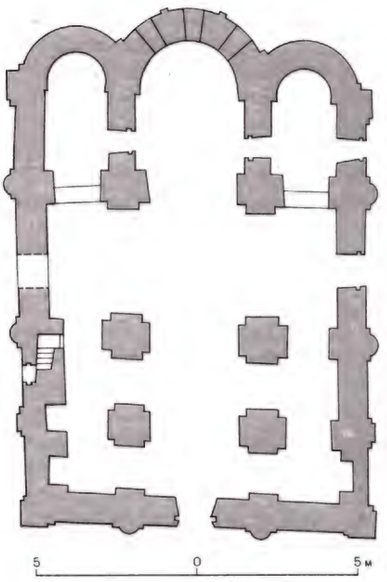
---

[62] *Богуславський С.* Пам'ятка XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. К., 1928, с. 102.
[63] *Довженок В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода, с. 15–18.
[64] ПСРЛ, т. 2, стб. 534.

отнѣ волѣ»[65]. Видимо, и во второй половине XII в. Вышгород продолжал играть роль загородной великокняжеской резиденции*.

Впоследствии подобные княжеские резиденции были основаны владимирскими и смоленскими князьями. Характерно, что даже расстояние между Боголюбовом и Владимиром было таким, как между Вышгородом и Киевом. «Создалъ же бяшеть собѣ (Андрей Боголюбский.— *П. Т.*) городъ каменъ, именемь Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ от Киева, тако же и Боголюбый от Володимѣря»[66].

Церковь Георгия (Успения) в Каневе. 1140 г. План по обмерам И. В. Маргилевского. Реконструкция Ю. С. Асеева.



В 23 км к юго-западу от Киева на правом берегу р. Ирпень находился второй большой пригород Киева — Белгород**. О его сооружении летопись сообщает под 992 г. «Въ лѣто 6500. Володимѣръ заложи градъ Бѣлъ и наруби въ нъ оть инѣхъ градъ, и много людий сведе, в онь; и бѣ бо любя городъ ось»[67]. Основанный как важная крепость на юго-западной границе Русской земли, Белгород уже в 997 г. оправдывает свое назначение, выдержав длительную осаду печенегов[68].

Расположен Белгород в исключительно удобном для обороны месте. Его городище занимает высокую часть плато, возвышающуюся над поймой Ирпеня на 40—45 м. С запада и юга Белгород имел естественные рубежи, с востока и севера окружен мощными земляными валами и глубокими рвами. Наивысшее место плато занимал детинец (площадью около 470 м×235 м), имевший особую систему укреплений, равно как и окольный город, раскинувшийся к востоку и северо-востоку от него. Общая площадь белгородской крепости составляет более чем 100 га. В периоды особой опасности за ее мощными стенами могло скрываться население целой округи.

Киевские князья понимали значение Белгорода как важного военно-стратегического пункта и содействовали его процветанию. Как и в Вышгороде, здесь находился, вероятно, двор киевских князей. В XII в. во время обострившейся борьбы за Киев Белгород выступает как центр княжения, находившийся, однако, под постоянной опекой киевских князей. Они стремились посадить в Белгороде такого князя, который помогал бы отстаивать их интересы. В 1117 г. Владимир Мономах посадил здесь старшего сына Мстислава, в 1149 г. так же поступил Юрий Долгорукий, отдавший Белгород сыну Борису. Потеря киевским князем Белгорода по существу означала потерю и Киева. Так, в 1150 г., узнав об овладении Белгорода войсками Изяслава Мстиславича, Юрий Долгорукий без боя уступает ему и Киев[69]. О полной зависимости Белгорода от Киева говорит также летописная статья 1151 г. В ответ на требование Юрия Долгорукого открыть ему город, белгородцы отвечают: «а Киев ти ся кое отворилъ»[70].

Лишь в последней четверти XII в. в Белгороде утверждается соперник великого киевского князя Рюрик Ростиславич, однако это не привело к отделению его от Киева. Очень скоро Рюрик добивается у Святослава Всеволодовича соправительства, и Белгород становится как бы второй великокняжеской резиденцией. В 1197 г. здесь, на месте деревянной церкви 1144 г., Рюрик сооружает величественный каменный храм св. Апостолов, заслуживший высокую похвалу летописца. «И святи церковь каменую святыхъ Апостолъ, епископья Бѣлгородьская..., созданѣ ей бывши благовѣрнымъ и христолюбивымъ княземь Рюрикомъ Ростиславичемь, высотою же и величествомъ и прочимъ украшениемь всѣмь в дивъ»[71].

Археологические исследования развалин храма, осуществленные В. В. Хвойкой в 1909—1911 гг.[72], Ю. С. Асеевым и Г. Г. Мезенцевой в 1966—1967 гг.[73] и обнаружившие разноцветные поливные полы, фресковую и золотистую роспись стен, действительно подтверждают столь восторженную оценку его, содержащуюся в летописи.

Ко времени строительной деятельности в Белгороде Рюрика Ростиславича относится, вероятно, и еще один каменный храм, так называемый малый. Раскопки Б. А. Рыбакова 1968—1969 гг. показали, что сооружен он в конце XII в. в епископской части детинца. Как и храм св. Апостолов, «епископский» представлял собой довольно значительное (20,2 м×14,5 м) и величественное строение, украшенное пучковыми пилястрами

---

[65] ПСРЛ, т. 2, стб. 482.
* В Вышгороде находились княжеские дворы Ольги, Владимира, Святополка Владимировича, Ярослава Мудрого, Всеволода Ольговича.
[66] ПСРЛ, т. 2, стб. 580.
** Ныне с. Белгородка.
[67] ПСРЛ, т. 2, стб. 106.
[68] Там же, стб. 112.
[69] Там же, стб. 416.
[70] Там же, стб. 433.
[71] Там же, стб. 706.
[72] *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура. К. 1913, с. 76—95.
[73] *Мезенцева Г. Г.* Звіти за археологічні розкопки в с. Білгородка в 1966—1967 рр.— Науч. архив ИА АН УССР.

и расписанное фресками. Пол храма был сложен из разноцветных поливных плиток, которые сотнями встречались во время раскопок[74].

На протяжении нескольких веков Белгород находился на положении крупного церковного центра; белгородский епископ был викарием киевского митрополита. Исследователей давно уже занимает вопрос, почему именно в Белгороде, а не в каком-либо другом центре Киевщины была основана епископия. М. Н. Тихомиров и другие историки склонны были объяснять это той особой симпатией князей к киевскому пригороду Белгороду, которую они испытывали еще со времени Владимира Святославича[75]. Возможно, это и так. Но, очевидно, у киевских князей были и более серьезные основания. Епископский Белгород, находясь на границе земли Древлянской, вероятно, должен был распространять на нее не только княжескую, но и церковную власть Киева. Белгородские епископы XII в. играли весьма заметную роль в политической жизни Киевской земли.

Если резиденция белгородских епископов более-менее изучена, то поиски княжеского двора еще продолжаются. В 1968—1969 гг. попытка отыскать княжеский двор была предпринята экспедицией Б. А. Рыбакова. Раскопки северо-западной части детинца, у самого обрыва к пойме р. Ирпеня, обнаружили восемь печей для выпечки хлеба, а также несколько углубленных в материк котлованов-подклетей больших сооружений хозяйственного назначения. Вокруг этих объектов находились в большом количестве фрагменты керамики, в том числе и поливной, обломки стеклянных сосудов, поливные плитки. Как считают авторы раскопок, ими исследовалась территория княжеского подворья с различными хозяйственными сооружениями[76].

К сожалению, целенаправленные археологические исследования Белгородского детинца не были продолжены и характер княжеского дворцового комплекса остался не до конца выясненным. Основываясь на летописных известиях, можно предположить, что белгородский княжеский дворец был богатой двухъярусной постройкой. На верхнем его этаже находились большие залы для княжеских пиров, где собиралась белгородская знать — бояре и высшее духовенство. Об одном из них, устроенном в 1150 г. Борисом Юрьевичем, упоминает летопись. «В то же время (когда к городу подходили полки Изяслава Мстиславича.— *П. Т.*) Борисъ пьяшетъ в Бѣлъгородѣ, на сѣньници, съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородьскыми»[77].

Значительный процент белгородского населения составляла дружинная и земельная знать, в руках которой находились многочисленные феодальные замки и села. Ее дворы располагались в центральной части города и, наряду с княжескими и епископскими, представляли собой отдельные укрепленные гнезда. Археологические исследования детинца, произведенные В. В. Хвойкой, обнаружили целый квартал богатых жилых сооружений. Значительные их размеры, наличие нескольких камер, находки облицовочных поливных плиток не оставляют сомнения о социальной принадлежности их обитателей.

Основную массу жителей Белгорода составляли «люди», или «горожане», проживавшие на огромной площади городского посада. Раскопки Г. Г. Мезенцевой, осуществленные в различных его частях, обнаружили несколько десятков рядовых построек, принадлежавших представителям городских низов.

М. Н. Тихомиров высказал предположение, что новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством[78]. Ни раскопки Б. А. Рыбакова, ни многолетние исследования Г. Г. Мезенцевой не обнаружили сколько-нибудь значительных следов ремесла, которые подтвердили бы предположение историка. Конечно, столь крупный городской центр, каким был Белгород, не мог обойтись без собственного производства хотя бы основных видов ремесленной продукции*, но думается, не ремесло было его ведущей отраслью хозяйства.

Скорее всего, Белгород, как и некоторые другие пригороды Киева, был центром сельскохозяйственного производства, продукция которого поставлялась столице Руси. Огромные запасы ее должны были сосредоточиваться и в самом Белгороде на случай длительной осады его неприятелем, причем в расчете на питание не только гарнизона и жителей, но и на многотысячное войско, которое нередко оказывалось в пределах белгородских укреплений.

В 1159 г. князья Мстислав Изяславич и Ярослав Осмомысл во время похода на Киев против Изяслава Давидовича овладели Белгородом и ввели в него свои войска. Великий киевский князь немедленно направился к Белгороду и обложил его, блокировав все выходы из города. Осада продолжалась 12 дней: «не изидоша и стояша въ градѣ за 12 дний». В 1161 г. Белгород, куда ушел из Киева со своими полками князь Ростислав Мстиславич, выдержал четырехнедельную осаду войск Изяслава Давидовича[79]. В подобном положении Белгород оказывался довольно часто, поскольку являлся ключом к овладению Киевом.

Сказанное о Вышгороде и Белгороде со всей очевидностью свидетельствует, что эти крупнейшие городские центры Киевщины занимали значительное место в системе обороны столицы Руси. Они блокировали северные и западные подступы

---

[74] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде Киевском.— В кн.: Новые археологические открытия в 1968 г. М., 1968, с. 330—332; Отчеты об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР под

к Киеву, которые, хотя и не находились на главном направлении половецких вторжений, все же требовали к себе должного внимания. Половцы неоднократно обходили Стугнинскую оборонительную линию с запада, но в этом случае на их пути вставал Белгород.

П. А. Раппопорт, исследуя организацию обороны Киевщины, пришел к выводу, что ни Вышгород, ни Белгород не занимали в ее системе сколько-нибудь значительного места. Мощные их укрепления, в частности Белгорода, по мнению исследователя, были вызваны прежде всего не нуждами обороны Киева, а потребностями обороны самого этого города. Северные и западные подступы к Киеву были совершенно не защищены[80]. Из верной в общем посылки, как нам кажется, сделан не совсем правильный вывод. Конечно, валы Белгорода и Вышгорода, равно как и валы всех пограничных крепостей, сооружались прежде всего для обороны каждого конкретного пункта, но в целом, находясь в определенной между собой системе, они призваны были решать не только тактические, но и стратегические задачи. Затяжная оборона Белгорода не только исключала внезапность нападения на Киев, но и давала возможность подготовиться к отражению неприятеля.

С юга и юго-запада оборонительное полукольцо вокруг Киева замыкалось целой системой крепостей, расположенных как в непосредственном соседстве с ним, так и вдоль р. Стугны. По сравнению с северо-западным сектором обороны Киева южные, юго-западные подступы к нему имели значительно больше укрепленных поселений, что объясняется близостью этого района к степи.

Наиболее крупным городищенским центром, расположенным в непосредственной близости от южной окраины Киева (в 6 км от Выдубичей), было Китаево. Городище принадлежит к системе сложномысовых; расположено на крутом и высоком выступе коренного днепровского берега и занимает площадь около 8 га. Все три его площадки окружены высокими валами, которые вместе с естественной крутизной склонов, а также глубокими рвами делали крепость неприступной. Археологическое обследование и разведочные раскопки, эпизодически проводившиеся как на самом городище, так и вокруг него, показали, что у подножья холма, с северо-запада, находилось значительных размеров открытое поселение, вытянувшееся вдоль ручья (ныне система прудов) на 1,5 км, а в глубине плато, к западу от городища, находятся три курганные группы. К сожалению, в связи с плохой изученностью этого археологического комплекса решение вопроса датировки сооружения городища затруднено. П. А. Раппопорт считает, что оно целиком относится к XI—XIII вв.[81]; археологические материалы, обнаруженные, правда, не на городище, а на поселении (возможно, посаде) и могильнике, позволяют датировать появление этого центра более ранним временем, не позднее IX—X вв.[82] Предания связывают сооружение китаевского городища с деятельностью Андрея Боголюбского (прозванного, будто бы, Китаем)[83], однако письменные источники древнерусского периода не подтверждают этого. Видимо, и на-

Гончарный горн XII—XIII вв. Белгородка Киевской области. Раскопки Г. Г. Мезенцевой.

руководством Б. А. Рыбакова.— Науч. архив ИА АН УССР, ф. э. 5259 и 5495.

75 *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 299.

76 *Рыбаков Б. А., Николаева Т. В.* Раскопки в Белгороде Киевском. Новые археологические открытия в 1969 г. М., 1970, с. 285—287; Отчеты об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова.— Научный архив ИА АН УССР, ф. э. 5495.

77 ПСРЛ, т. 2, стб. 415.

78 *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 300.

* В 1973—1975 гг. Г. Г. Мезенцева исследовала в юго-восточной части посада Белгорода гончарный квартал, состоящий из восьми горнов и семи мастерских. Здесь же были обнаружены и остатки кузницы (Отчеты Г. Г. Мезенцевой.— Науч. архив ИА АН УССР, ф. э. 7338, 7671).

79 ПСРЛ, т. 2, стб. 501, 516.

80 *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., с. 172.

81 Там же, с. 49.

82 *Кубишев А. І.* Стародавній Китаїв.— Археологія, т. 17. К., 1964, с. 43—55; *Мовчан І. І., Степаненко Л. Я.* Розкопки поселення та могильника в Китаєво.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 108—118.

83 *Закревский Н. В.* Описание Киева, т. 1, М., 1868, с. 372.

Остатки одежды из погребения XI—XII вв. с. Белогородка Киевской области. Парча, вышивка золотой и серебряной нитями. Раскопки Г. Г. Мезенцевой.

звание городища, и поэтическая легенда о его основании родилась в позднем средневековье, когда здесь был открыт скит Киево-Печерского монастыря.

Как же называлось китаевское городище в древности? Ряд исследователей склонны были видеть в нем остатки древнерусского города-крепости Пересечена, или Пересечна. Анализ летописных известий об этом киевском пригороде как будто подтверждает такое предположение. Согласно им, Пересечен действительно находился вблизи Киева, южнее его. Когда в 1154 г. киевскому князю Ростиславу Мстиславичу стало известно, что к Переяславлю подошли половцы, он «выступиста исъ Киева къ Пересѣчну, и ту начаста скупливати дружину»[84]. В 1161 г. тот же Ростислав в ответ на заключение новгородцами его сына Мстислава приказал «изоимати Новгородци и уметати у Пересѣченьскый погребъ, и въ одину ночь умре ихь 14 мужи»[85].

Важными военно-стратегическими пунктами киевской оборонительной системы были крепости, вытянувшиеся вдоль Стугны: Тумащь, Вернев, Красн, Дерновой, Звенигород, Васильев и др.[86] Выше уже отмечалось, что Стугнинская оборонительная линия на разных исторических этапах существования Древнерусского государства имела различное значение, но всегда несла свою сторожевую службу. В летописном рассказе 1193 г. об очередном нападении половцев на Русь сообщается, что киевские князья-соправители выступили с войсками к Васильеву и долго стояли там в ожидании половецкого вторжения. «Святославъ бо и Рюрикъ много стояша у Василева, стерегше землѣ своея»[87]. Угроза прорыва кочевниками первой (Поросской) линии обороны и появление их в непосредственной близости от Киева заставляли киевских князей не только поддерживать в порядке старые крепости, но также возводить новые. Свидетельством этому является городище у с. Старые Безрадичи, отождествляемое исследователями с летописным городом Тумащь[88]. Раскопки экспедиции Б. А. Рыбакова показали, что возникло оно не ранее начала XII в.; все археологические материалы и объекты укладываются в рамки XII—XIII вв. Это огромное городище использовалось как убежище в период опасности, что подтверждается отсутствием сплошного культурного слоя XII—XIII вв. на всей его площади[89].

Центральным и наиболее крупным городом в системе оборонительного рубежа вдоль Стугны был, безусловно, Васильев (современный город Васильков), возникший еще в X в. Своим названием город, как утверждает летописное предание, обязан Владимиру Святославичу, который будто бы именно здесь принял крещение[90]. Летопись 14 раз упоминает этот древнейший город Киевской земли и 11 из них приходится на XII в. Это обстоятельство, вероятно, свидетельствует о возросшей роли и значении Васильева в жизни Южной Руси.

В 1136 г., не имея возможности пробиться сквозь стугнинский оборонительный рубеж, Всеволод Ольгович в союзе с половцами обошел его коридором между верховьями Ирпеня и Стугны. Под стенами Васильева произошло небольшое сражение, которое, судя по летописному известию, не привело к потере великим князем Ярополком Владимировичем этой киевской крепости. Следующее упоминание Васильева относится к 1151 г., когда у его стен остановился лагерем Юрий Долгорукий, пытавшийся вернуть себе киевский стол. «Гюрги же в то время стояше у Василева»[91]. Потерпев поражение

---

[84] ПСРЛ, т. 2, стб. 471.
[85] Там же, стб. 511.
[86] Там же, стб. 299, 323, 400, 418, 434, 539.
[87] Там же, стб. 679.
[88] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., с. 173.
[89] *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне, с. 123.
[90] ПСРЛ, т. 2, стб. 97.
[91] Там же, стб. 430.
[92] Там же, стб. 434.
[93] Там же, стб. 544—546.
[94] *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне, с. 126—129; *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини.— У кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 184—186.
[95] *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини, с. 186.
[96] ПСРЛ, т. 2, стб. 211.
[97] Там же, стб. 427.

под Киевом, Юрий отступил тем же путем. Вслед за ним шли его преследователи князь Изяслав Мстиславич, брат его Ростислав и дядя Вячеслав. Собрав все основные силы у Васильева, союзники перешли Стугну и настигли Долгорукого на Перепетовом поле. «Итако исполцивше полкы своя поидоша мимо Василевь через Стугну»[92]. В 1159 г. у Васильева находился киевский князь Изяслав Давидович, выступивший на Галич и получивший известие о встречном походе Ярослава Осмомысла.

Видимо, уже с середины XII в. Васильев получает ранг княжеского города. Васильев неоднократно упоминается летописью в рассказе о борьбе Мстислава Изяславича за утраченный киевский престол[93]. Последний раз в летописи идет речь о Васильеве в 1193 г. и также в связи с военными событиями.

Анализ летописных известий убеждает в том, что Васильев находился на наиболее опасном направлении печенежских и половецких вторжений, которые осуществлялись чаще всего не с юга, вдоль Днепровской оборонительной линии, а с юго-запада, в обход Стугны. Причиной этому были не столько мощные крепостные заслоны вблизи Киева, сколько естественные рубежи первой надпойменной террасы Днепра. Это и широкая заболоченная пойма Стугны, и почти 25-километровая полоса леса — «бора великого», и топи небольшой речушки Виты. С юго-запада Киев не имел столь надежного естественного прикрытия. Огромное Перепетово поле, начинавшееся от берегов Роси, переходило здесь в лесостепье, небольшие рощи которого не могли преградить путь вражеской коннице. Реки, которая ограждала бы дальние подступы к Киеву с юго-запада и прикрывала коридор, образуемый верховьями Ирпеня и Стугны, здесь также не было. Взятие Васильева или Белгорода открывало дорогу к Киеву, в то время как взятие Треполя не могло принести такого же эффекта.

Как и Белгород, Васильев был крупным городом, имевшим первоклассную крепость, способную принять за свои стены тысячное войско. В центре города возвышался небольшой детинец (220 м×250 м), окруженный могучим валом, сложенным наполовину из кирпича-сырца; вокруг него раскинулся огромный, почти 130-гектарный посад, который также был обнесен высоким валом. К сожалению, из всех киевских пригородов в археологическом отношении хуже всего изучен Васильев. Работы, осуществленные на его городище Б. А. Рыбаковым и М. П. Кучерой, носили разведочный характер[94]. Собранный здесь археологический материал относится преимущественно к XII—XIII вв.[95], что, вероятно, свидетельствует об экономическом росте Васильева. Именно в этот период приобретает важное значение торговый путь, ведший из Киева через Рось и Понизье в Подунавье и Галичину. Будущие археологические исследования, вероятно, покажут, что Васильев был также крупным ремесленным центром Киевской земли.

В устье р. Красная, на высоком обрывистом останце, вытянувшемся вдоль Днепра на 300 м, находилась крепость Треполь (современное с. Триполье). Летописи более 20 раз упоминают ее как крепость и сборный пункт древнерусских дружин, отправлявшихся на борьбу с половцами. Впервые Треполь упоминается под 1093 г., когда в нем укрывается великий киевский князь Святополк, потерпевший поражение от половцев. «Святополкъ же убѣже въ Треполь и затворися ту, и бѣ до вечора»[96]. В 1151 г. в Треполе останавливались лагерем войска Изяслава Мстиславича, спешившие к Киеву, чтобы упредить подход к нему Юрия Долгорукого[97]. Через десять лет великий киевский князь Ростислав Мстиславич собирает здесь свои силы на борьбу с Изяславом Давидовичем и союзными ему половцами[98].

В 1169 г. Мстислав Изяславич, соединившись с берендеями и торками, выступает через Треполь к Киеву, чтобы вернуть потерянный стол[99]. В 1179 г. великий киевский князь Святослав Всеволодович вместе с Ростиславичами стоял ниже Треполя в ожидании половцев, с которыми должен был заключить мир. У Треполя в 1185 г. со смоленским полком стоял Давид Ростиславич, пришедший на помощь киевским князьям Святославу и Рюрику, готовившимся выступить на поднепровских половцев[100].

Ряд летописных записей свидетельствуют о том, что Треполь находился у днепровской переправы. В 1136 г. в этом районе переправлялись через Днепр Ольговичи и половцы: «переидеша Днѣпръ декабря въ 29, и начаша воевати отъ Треполя». В 1151 г. трепольской переправой воспользовался Юрий Долгорукий, бежавший из Киева под нажимом Изяслава Мстиславича. «Гюрги же беребѣже Днѣпръ у Треполя, и с дѣтми, и ѣха по оной сторонѣ в Переяславль». Летописная статья 1177 г., рассказывающая о переправе войск союзников Святослава Всеволодовича через Днепр, указывает на наличие в системе оборонительных укреплений Треполя «Водных ворот». Именно их и открыл Мстислав Владимирович перед войсками черниговских князей Ярослава и Олега, осуществлявших совместно со Святославом Всеволодовичем поход на Киев[101].

В XII в. Треполь был также крупным центром феодального землевладения. В нем нередко сидят князья, имевшие административную власть над определенной округой. В 1162 г. младший сын Мстислава Великого Владимир получил

---

[98] ПСРЛ, стб. 514.
[99] Там же, стб. 548.
[100] Там же, стб. 613.
[101] Там же, стб. 299, 440, 604.

от киевского князя Ростислава в удел пять городов во главе с Треполем. «Ростиславъ же дасть ему Треполь, ины 4 городы придасть ему къ Трьполю»[102]. Позднее этот город переходит в руки его сына Мстислава, который с трепольским полком находился на службе у киевских князей, хотя и не отличался верностью. В 1177 г. он сдал Треполь Ольговичам, а в 1180 г., когда Святослав Всеволодович отвоевывал Киев у Рюрика Ростиславича, первым бежал с поля боя и тем самым чуть было не решил его в пользу черниговского князя.

Поступки трепольського князя вызвали сильное недовольство Рюрика, однако неизвестно, лишил ли он Мстислава отцовского удела или же, пользуясь покровительством Святослава, тот удержался в своем Треполе. Спустя три года Мстислав Владимирович выступил вместе с киевскими князьями Святославом и Рюриком на половцев. В летописи отмечается, что он шел во главе более чем двухтысячного отряда берендеев[103]. В 1193 г. в Треполе княжил Мстислав Мстиславич, позднее галицкий князь. В дальнейшем удел, в который входит Треполь, переходит то в руки волынского князя Романа Мстиславича, то владимиро-суздальского князя Всеволода[104].

В 20 км южнее Треполя находился летописный город Витачев (современное одноименное село). Возник он в X в. и был наиболее южной днепровской крепостью уже в эпоху Константина Багрянородного. История Витачева, а затем и Святополч-града, срубленного великим киевским князем Святополком Изяславичем в 1095 г. на витачевском холме, хорошо освещена в летописи и прослеживается на археологических материалах. Как и Треполь, Витачев стоял у днепровского брода, охраняя его. В 1149 г., узнав, что Юрий Долгорукий осадил Переяславль, навстречу ему вышел из Киева Изяслав Мстиславич. У Витачева к нему присоединились полки Изяслава Давидовича и Ростислава Смоленского, после чего войска великого князя переправились через Днепр[105].

Спустя два года, пытаясь воспрепятствовать переходу через Днепр того же Юрия Долгорукого, Изяслав Мстиславич выслал к Витачеву свою днепровскую флотилию и привел сюда значительные сухопутные силы. «Пришедше же и сташа на Витечевъ, у Мираславьскаго села, противу собѣ. И ту стоящимъ, бьяхуться съѣздячеся в насадехъ о бродъ»[106]. В 1177 г. к Витачеву, во время похода на Киев, к Святославу Всеволодовичу прибыла делегация киевлян с приглашением на стол: «Приѣхав же Святославъ с полкы своими, ста у Витечева»[107].

Археологические исследования, произведенные экспедицией Б. А. Рыбакова, показали, что на высоком витачевском холме (около 70 м над уровнем Днепра) находится два городища. Северное исследователь связывает со старой витачевской крепостью, южное — со Святополч-градом. В XI в. жизнь на северном городище прекращается, что связано, вероятно, с возведением нового города. Многолетние раскопки южного городища обнаружили в большом количестве лишь материалы XII—XIII вв.[108]

Крепость Иван (городище находится на южной окраине г. Ржищева) упоминается в летописи под 1151 г. как сборный пункт князей, участвовавших под руководством Изяслава Мстиславича в борьбе с Юрием Долгоруким. «В то же веремя Вячьславъ, и Изяславъ, и братъ его Ростиславъ, и Изяславъ Давидовичь, и Володимеръ брат Ростиславль, и Городеньский князь, стояхуть вси у Ивана»[109].

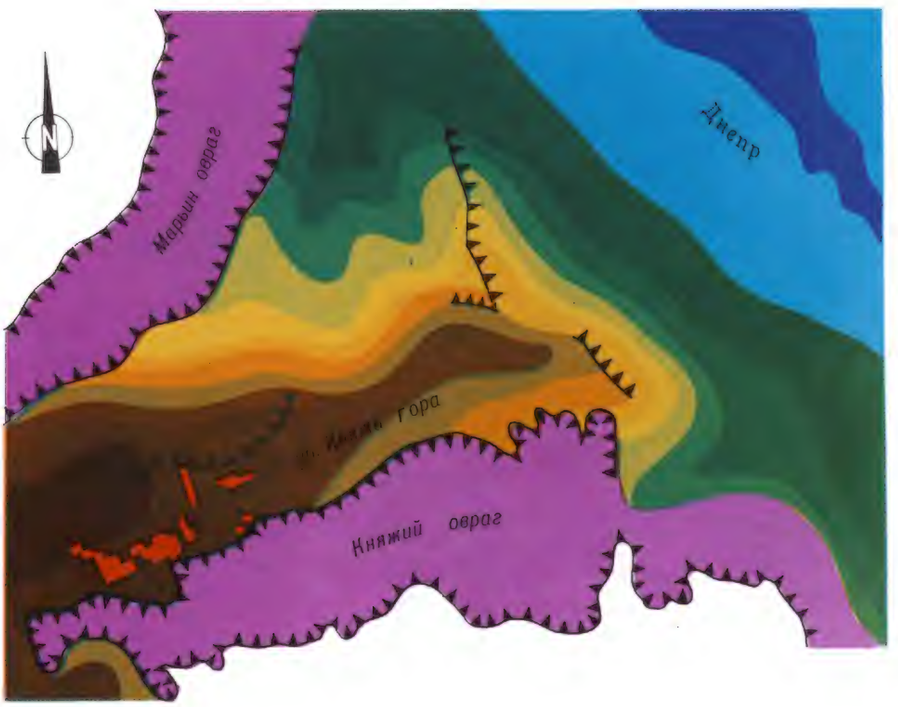
Как показывает сохранившееся городище, Иван — это небольшая, но сильная крепость. Занимала она выступ правого берега Днепра, возвышавшийся над его поймой на 65—70 м. По склону холма с напольной стороны проходили два (искусственных) оборонительных рва, придававших ему дополнительную крутизну, по краю плато шел высокий вал. Многолетние раскопки городища, осуществленные В. К. Гончаровым, показали, что наибольший расцвет его приходится на XII—XIII вв.; большинство жилищ, а также археологических находок датируется именно этим периодом[110]. В случае опасности крепость Иван могла выставить около сотни вооруженных дружинников, хотя гарнизон ее был, вероятно, меньшим.

Одним из сторожевых пунктов Днепровской оборонительной линии был древний Чучин (современное с. Щучинка), возникший во второй половине XI в. Летопись упоминает Чучин под 1110 г. в связи с половецким нападением. Город занимал обособленную возвышенность на правом берегу Днепра (около 70 м над его поймой). Со всех сторон городище защищено крутыми склонами и только на юго-востоке узкой полосой соединено с общим плато. Площадь центральной части города, состоящего из детинца и окольного града, равнялась 6 га. Каждая из этих частей укреплена особым валом и рвом. Внизу в полукилометре южнее городища, на правом берегу небольшой речушки, впадающей в Днепр, находится открытое поселение, которое, вероятно, было посадским районом Чучина.

Многолетние археологические исследования городища экспедицией В. И. Довженка позволили значительно полнее представить социально-экономический облик этого древнерусского центра. В нем обнаружены остатки деревянных конструкций вала и крепостной (сигнальной) башни, следы тайного выхода в сторону Днепра, остатки жилых и хозяйственных построек; орудия сельскохозяйственного производ-

---

[102] ПСРЛ, т. 2, стб. 521.
[103] Там же, стб. 631.
[104] Там же, стб. 683—684.
[105] Там же, стб. 378.



План Княжей горы с обозначением мест раскопок (по Г. Г. Мезенцевой)

Овраги

Обрывы

Раскопы

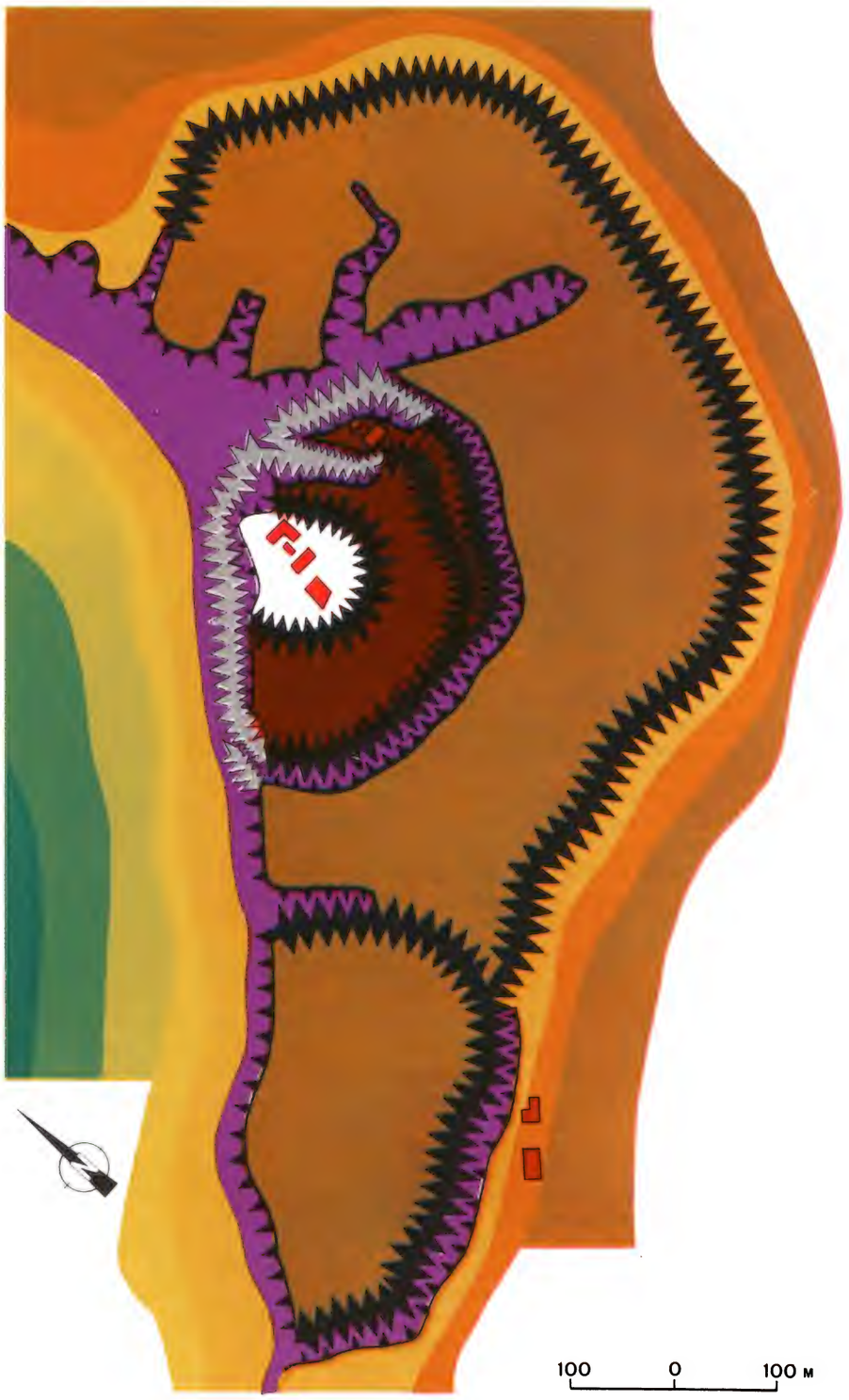
ства — лемех, наральник, серпы, косы, ножницы, жернова, топоры, струги, ножи; оружие — боевой топор, кистени, наконечники стрел. Все эти находки не оставляют сомнения в военно-земледельческом характере Чучина[111]. По наблюдению В. И. Довженка́, городище Чучин было наиболее крупным по сравнению с соседними Ходоровским, расположенным вниз по Днепру[112], Ульяновским, стоящим в стороне от Днепра, и, по-видимому, Иваном. Чучин принадлежал богатому и влиятельному феодалу, тогда как близлежащие городища — феодалам менее значительным. Можно предположить, что в них сидели вассалы феодала, владевшего Чучином, последний же был вассалом киевского князя[113].

Следующим важным древнерусским городом на Днепре был Заруб (вблизи современного с. Зарубинцы), неоднократно упоминаемый в летописи как опорный пункт у днепровской переправы напротив Переяславля. Первое известие о Зарубе относится к 1096 г. Весной этого года половецкая орда под водительством хана Тугоркана, тестя великого киевского князя Святополка Изяславича, предприняла опустошительный набег на Переяславщину и окружила ее столицу. На помощь осажденным немедленно выступили Святополк и Владимир Мономах. Их войска прошли правым берегом Днепра к Зарубу и тут переправились на левый. Половцы, не ожидавшие столь быстрого подхода киевских сил, были разгромлены. В бою погиб и Тугоркан, которого похоронили недалеко от Берестова. Вот как об этом сообщает летопись: «Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь (половцев.— *П. Т.*), по сѣи сторонѣ Днѣпра, и приидоста к Зарубу, и туто перебродистася, и не почютиша ихъ Половьцѣ»[114]. В 1146 г. зарубской переправой воспользовался переяславский князь Изяслав Мстиславич во время своего триумфального похода на Киев. «И съвъкупи воя своя, поиде на нь ис Переяславля, вземъ молитву у святомъ Михаилѣ у епископа Ефимья, и переиде Днѣпр у Заруба»[115].

Роль Заруба как города-крепости у днепровской переправы

---

[106] ПСРЛ, т. 2, стб. 424.
[107] Там же, стб. 604.
[108] *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси», с. 7—15.
[109] ПСРЛ, т. 2, стб. 426.
[110] *Гончаров В. К.* Древньоруське городище Іван-Гора, с. 126—130.
[111] *Довженок В. И.* Літописний Чучин; *Довженок В. И.* Древнерусские городища на Среднем Днепре.— СА, № 4. М., 1967; *Довженок В. И.* Раскопки Чучина.— Археол. исследования на Украине. 1965—1966, вып. 1. К., 1967.
[112] *Кучера М. П.* Ходорівське давньоруське городище.— Археологія, т. 20. К., 1966.
[113] *Довженок В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси, с. 44.
[114] ПСРЛ, т. 2. стб. 221.
[115] Там же, стб. 323.



План укреплений и места раскопок летописного Торческа. По материалам экспедиции Б. А. Рыбакова

Валы

Предполагаемые валы

Овраги

Обрывы

Современные сооружения

Раскопы

еще отчетливее видна в событиях 1151 г. Потерпев неудачу под Киевом и Витачевым, Юрий Долгорукий перебросил свои войска вдоль левого берега к Зарубу и, несмотря на то что зарубский брод охранялся воеводой Изяслава Шварном, овладел

---

116 ПСРЛ, т. 2, стб. 426.
117 Там же, стб. 440.
118 Там же, стб. 485.
119 Там же, т. 1, стб. 505.
120 Там же, стб. 340.
121 *Беляшевский Н. Ф.* Церковщина возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевский губ.— Киевская старина, т. 24, 1889, янв., с. 210—213; *Біляшевський М. Ф.* Розкопки в Зарубському монастирі.— Наше минуле, ч. 2. К., 1918, с. 200—201.
122 *Каргер М. К.* Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб.— СА, 18. М.— Л., 1950, с. 45—60.
123 *Лебединцев П. Г.* К статье Беляшевского «Церковщина возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губ.».— Киевская старина, т. 24, 1889, янв., с. 213—217.

переправой. Сначала на правый берег перешли передовые отряды суздальского князя и его союзники — половцы, а затем и главные силы. «Сыномъ же Дюргевымъ и обѣима Святославома пръбредъшима Днѣпръ, с Половци, послаша къ Дюргеви, рекуче: «поѣди в борзъ, уже есмь перешли Днѣпръ, да нѣ ударить на насъ Изяславъ». Дюргий же с Володимеромъ приде вборзъ к Зарубу, и перебредоша чересъ Днѣпр» [116]. Разбитые у стен Киева, к Зарубу бежали черниговские союзники Долгорукого, где и переправились на левый берег: «а Святославъ Олговичи и Всеволодичь Святославъ перебѣгоста Днѣпръ выше Заруба» [117].

Летописные известия говорят о Зарубе как о месте переговоров с половецкими ханами. В 1156 г. Юрий Долгорукий, тогда великий киевский князь, призвал к себе Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича и вместе с ними отправился к Зарубу на встречу с половцами. «Потомъ поиде Гюрги, поима с собою Изяслава Давидовича и Святослава Олговича къ Зарубу, на снемь с Половци, и с ними миръ створи» [118]. Последнее известие о Зарубе как опорном пункте на Днепре относится к 1223 г., когда русские князья «совокупивше землю русскую всю противу татаром и приидоша к реце Днепру на Заруб к острову Варьяжьскому» [119].

Заруб занимал важное место и в церковно-религиозной жизни Киевщины. В 1147 г. монах Зарубского Пречистенского монастыря Клим Смолятич, человек исключительной образованности — «книжникъ и философъ, такъ якоже в Руской земли не бяшеть» [120], становится киевским митрополитом. О Зарубе как значительном церковном центре свидетельствуют археологические раскопки. Еще в 80-х годах прошлого столетия внимание Н. Ф. Беляшевского привлекло урочище Церковщина, расположенное в двух километрах к северу от с. Зарубинцы, у подножья городища. Произведенные им тогда же, а затем в 1907, 1916—1918 гг. раскопки обнаружили здесь небольшой четырехстолпный трехапсидный храм XII в., сложенный из плинфы и декорированный фресковой росписью и майоликовыми плитками. К востоку от него находились развалины еще одной постройки, между стенами которой стояли шиферные саркофаги [121]. Как показали исследования М. К. Каргера 1948—1949 гг., это были фундаменты каменной церкви, которая, вероятно, являлась соборным храмом Зарубского монастыря. Это также небольшая трехнефная, но шестистолпная церковь, возведенная во второй половине XI в.[122] Следует отметить, что не все даже столичные монастыри XI—XIII вв. имели в своем комплексе два каменных храма.

Были ли в Зарубе другие каменные постройки, неизвестно, как неизвестно и точное его положение. П. Г. Лебединцев, комментируя раскопки Н. Ф. Беляшевского, предположил, что урочище Церковщина с обнаруженными фундаментами соборов и есть летописный Заруб [123]. Последующие исследователи считали, что вряд ли место, удобное для монастыря, возвышавшееся всего на 10—15 м над уровнем Днепра, могло быть избрано для возведения всего города. Его пытались искать на верхней днепровской террасе в тех топографических условиях, в которых находятся все правобережные древнерусские пункты.

Одно из таких городищ, состоящее из трех частей, каждая из которых укреплена земляным валом, находится непосредственно над урочищем Церковщина, другое — на высокой Батуриной горе в нескольких километрах южнее. Произведя шурфовку первого городища и не обнаружив здесь древнерусских материалов, М. К. Каргер решительно возразил против отождествления его с летописным Зарубом. Остатками Заруба он склонен был считать городище на Батуриной горе, расположенное напротив устья Трубежа, хотя археологических материалов древнерусского времени на нем также не обнаружил [124]. Это городище, как и стоящее напротив летописное Устье, с двух сторон прикрывал и Днепровский брод. Однако это обстоятельство вряд ли может быть убедительным аргументом в пользу отождествления его с Зарубом. Брод через Днепр находился не в устье Трубежа, а выше его, вероятно, в районе современной Переяславской пристани, куда подходит из Переяславля древний путь. Устье же охраняло не столько брод (вряд ли на левом берегу был смысл строить специальную крепость на Днепровском броде, учитывая, что Переяславлю половцы никогда не угрожали с правого берега), сколько нижнее течение Трубежа, игравшее роль днепровской гавани Переяславля [125]. Трудно себе также представить, чтобы Зарубский монастырь, безусловно нуждавшийся в постоянной охране, находился на столь значительном расстоянии от города.

В 1973 г., проводя разведочные работы на городищах Днепровской, Стугнинской и Поросской оборонительных линий, Киевская археологическая экспедиция особое внимание уделила поискам летописного Заруба. С этой целью тщательному обследованию подверглось не только урочище Церковщина, но и все окрестные холмы. Один из них — Батурина гора — находится на расстоянии более 2 км от урочища Церковщина и представляет собой наиболее высокий выступ коренного берега Днепра. На поверхности и в овражных срезах удалось собрать керамику исключительно эпохи бронзы. Культурный слой горы очень незначителен. Все это убеждает в том, что в древнерусское время Батурина гора не была заселена и искать здесь летописный Заруб не следует.

---

[124] *Каргер М. К.* Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб, с. 46.

[125] *Кучера М. П.* До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж.— Археологія, т. 21. К., 1968, с. 247—248.

Наибольший интерес представляет городище, расположенное в 0,5 км от Церковщины вниз по Днепру. По мнению Е. В. Максимова, ведущего его раскопки, именно это городище и следует отождествлять с летописным Зарубом. В пользу такого предположения свидетельствуют как будто и обнаруженные здесь древнерусские материалы, однако их немногочисленность не дает полной уверенности в том, что перед нами действительно остатки древнего Заруба — крупного центра Киевской земли XII—XIII вв. Нет ясности и в вопросе о периоде сооружения укреплений этого городища; не исключено, что их появление следует относить к VIII—IX вв. Культурный слой этого времени является основным на городище.

Думается, что в определении места нахождения Заруба наиболее надежными «свидетелями» по-прежнему являются остатки древнерусских храмов в урочище Церковщина. Размеры днепровской террасы здесь вполне достаточны не только для монастырского, но и для более значительного поселения. Несомненны и ее топографические преимущества. С одной стороны терраса круто обрывается к реке, с двух — окаймляется глубокими оврагами, внизу которых протекали ручьи, и только с напольной стороны плавно поднималась вверх. Вал и ров, возведенные в этом месте, делали город защищенным и со стороны поля.

Исчерпывалась ли площадь древнего Заруба площадью первой днепровской террасы? Вероятно, нет. Какие-то поселения (части города) могли находиться и на удобных площадках верхнего плато, подтверждением чему являются жилища XI—XIII вв. на городище, которое, возможно, и было Зарубской сторожевой заставой. Здесь же, согласно данным Е. В. Максимова, располагался и зарубский могильник.

Крайними южными городами Киевской земли на Днепре были Канев и Княжа гора. Их исключительная роль в истории Древней Руси определялась самим местоположением на границе со степью.

Канев был важным военно-стратегическим пунктом, охранявшим последнюю (в пределах границ Руси) переправу через Днепр. Как считал М. Н. Тихомиров, само название города является производным от тюркских слов Кан или Хан. В таком случае мы имели бы Канов, т. е. ханский перевоз, откуда получил свое название и город [126]. Именовался ли этот днепровский перевоз ханским и он ли дал название городу, мы не знаем, но, несомненно, он был одной из основных причин возникновения здесь важного древнерусского опорного пункта. Об этом говорит уже первое летописное упоминание Канева. В 1149 г. побежденный под Переяславлем киевский князь Изяслав Мстиславич с остатками своего войска бежит к каневской переправе. «Изяслав же... побъже и перебреде на Каневъ» [127].

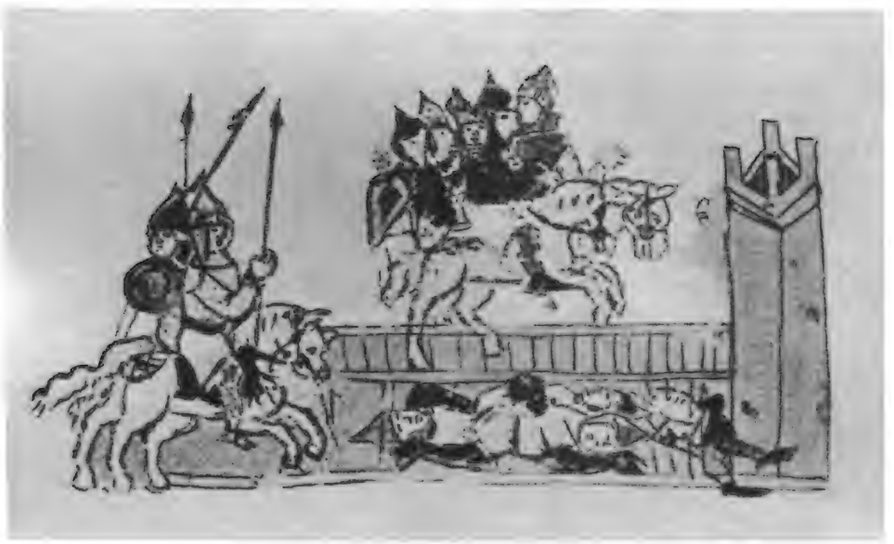
Характер передового днепровского города, откуда древнерусские князья совершали походы на половцев и где вели с ними мирные переговоры, ярко выступает в последующих летописных известиях о Каневе. В 1155 г. Юрий Долгорукий прибывает к Каневу, чтобы уладить спор между переяславскими берендеями, служившими киевскому князю, и половцами: «Тогда же иде Гюрги на снемь противу Половцемъ Каневу» [128]. Неудовлетворенные решением Юрия Долгорукого, половцы в том же году снова подступают к южным рубежам Руси и пытаются вынудить его наказать берендеев. Собрав значительные силы, куда вошли полки киевские, переяславские, волынские и галицкие, Юрий снова отправляется «на снемъ к Каневу» [129]. Объединенные полки киевского князя произвели на половцев столь сильное впечатление, что они уклонились от переговоров и ночью ушли в степь. Спустя два года, узнав о смене власти в Киеве, половцы пытаются воспользоваться этим обстоятельством и получить для себя какие-то привилегии, однако их переговоры, состоявшиеся у Канева, с Изяславом Давидовичем, лишь подтвердили незыблемость южных рубежей Руси [130].

В годы великого княжения Ростислава и Мстислава Изяславича древнерусские князья дважды предпринимают объединенные походы к Каневу, чтобы предотвратить вторжение на Русь половцев и обезопасить торговые пути [131]. В 1192 г. подобный поход был осуществлен к Каневу и Святославом Всеволодовичем с союзниками: «Князь Святославъ со сватомъ своимъ с Рюрикомъ совокупившеся и с братьею и стояша у Канева все лѣто, стерегучи земли Рускиъ». На следующий год князья Святослав и Рюрик снова прибыли в Канев, чтобы вести переговоры со всеми половецкими ханами. «На осень Святославъ и Рюрикъ снястася в Каневъ» [132].

Видимо уже в первой половине XII в. Канев вырос в крупный феодальный город, получавший в отдельные периоды ранг удельного центра. В 1149 г. Юрий Долгорукий посылал на княжение в Канев своего сына Глеба [133]. В 1162 г. Канев вместе с Торческом и Белгородом находился в руках Мстислава Изяславича, однако уже в 1168—1169 гг., когда он стал киевским князем, в Каневе снова сел Глеб Юрьевич. В годы княжения Святослава Всеволодовича в Каневе сидел его сын Глеб. Последнее упоминание о Каневе, относящееся к 1195 г., свидетельствует о том, что его вместе с другими поросскими городами великий киевский князь Рюрик Ростиславич передавал то в руки своего зятя Романа Мстиславича, то Всеволода Юрьевича [134]. Был ли Канев в это время административным центром удела, из летописей не видно.

---

[126] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 302.
[127] ПСРЛ, т. 2, стб. 383.
[128] Там же, стб. 479—480.
[129] Там же, стб. 481.



Овруч. Мост и воротная башня. Миниатюра Радзивилловской летописи.

К сожалению, археологически Канев почти не изучен. За исключением небольших работ В. А. Богусевича на горе Московке, где им были обнаружены жилища и материалы XI—XIII вв., раскопки в Каневе вообще не велись. Неизвестно даже точное местоположение древнего городского центра. Длительное время считалось, что детинец Канева находился в районе дожившей до наших дней Юрьевской церкви (построенной Всеволодом Ольговичем около 1144 г.)[135]. В. А. Богусевич высказал предположение, что его следует располагать на горе Московке[136].

Тщательные археологические обследования каневских холмов, а также изучение условий их топографического местоположения убеждают нас в том, что древнее городское ядро Канева, крупного летописного центра, не могло находиться на горе Московке. Для этой роли она не подходила. Представляя собой небольшой, изолированный почти со всех сторон останец правобережного плато, гора могла быть использована для расположения здесь какой-либо загородной усадьбы или же сторожевого пункта. Значительно больше оснований имеется для утверждения, что каневский детинец находился в районе Юрьевской церкви. Место это не самое высокое в современном Каневе, но очень удобное в топографическом отношении. Со стороны Днепра, который именно здесь подходил наиболее близко к коренному берегу, плато имеет крутые обрывы, с юго-востока и северо-запада подрезается неглубокими оврагами (сейчас по ним сбегают вниз к Днепру две городские улицы), и только с напольной части не имеет естественных рубежей. Но как раз в этом направлении и была возможность развиваться городскому посаду. Во время археологической разведки здесь удалось собрать фрагменты керамики XI—XII вв.

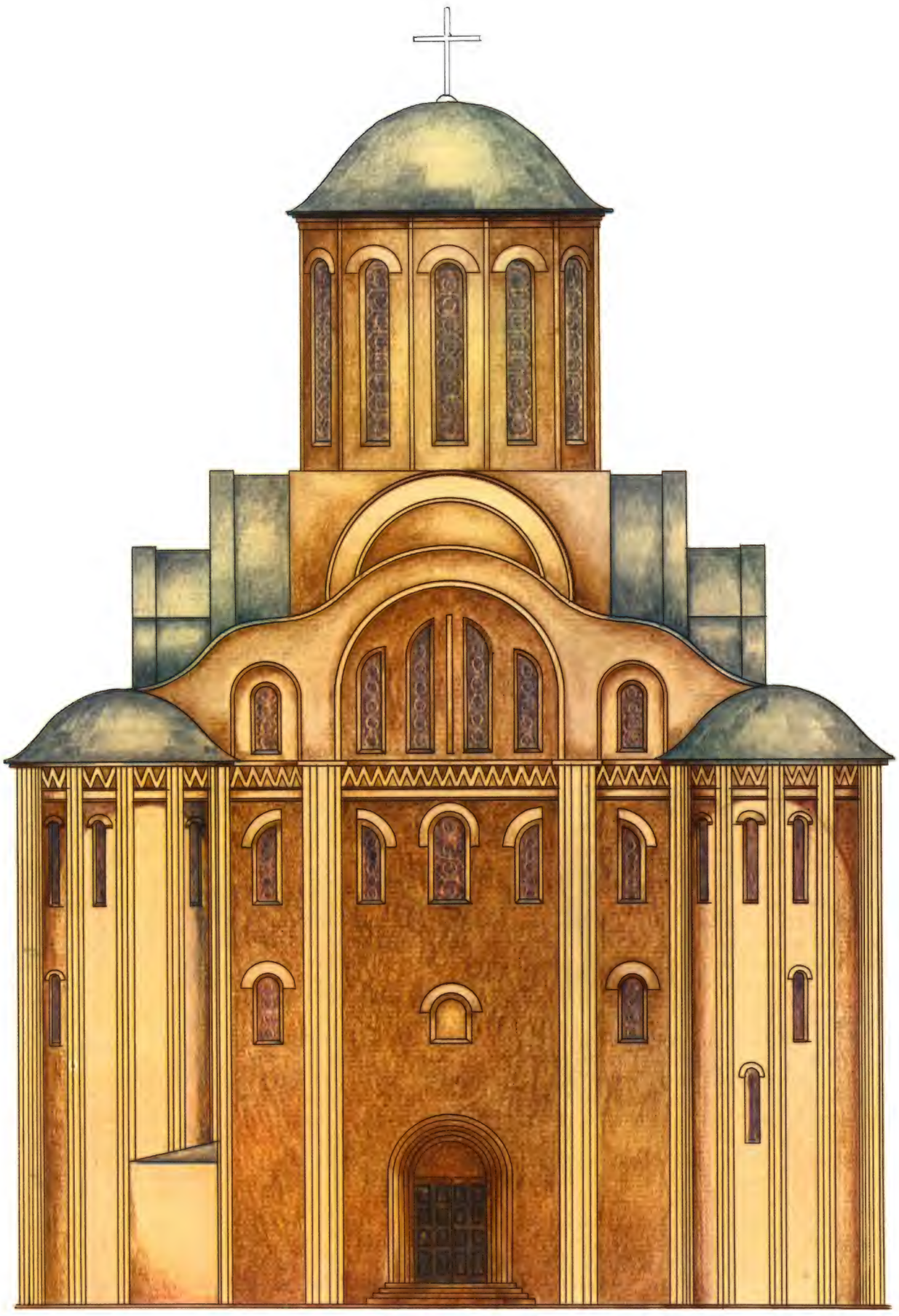
Сказать что-либо о характере укреплений древнего Канева не представляется возможным, поскольку они до наших дней не дожили. Уже в XIX в. валы городища были срыты в связи со строительством города. Однако вряд ли может быть сомнение в том, что Канев представлял собой не только значительный городской центр, на что указывает сооружение здесь каменного храма, но и мощную крепость, занимавшую ключевое положение в Днепровской оборонительной линии.

В семи километрах ниже Канева находится городище Княжа гора. Оно занимает господствующую возвышенность правого коренного берега Днепра (около 63 м над уровнем реки), вытянувшуюся с юго-запада на северо-восток. С двух сторон

---

130 ПСРЛ, т. 2, стб. 490.
131 Там же, стб. 528, 539.
132 Там же, стб. 673, 675.
133 Там же, стб. 384.
134 Там же, стб. 683—684.
135 *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі, с. 127.
136 *Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція.— АП, т. 3. К., 1952, с. 152.

Княжу гору окружают глубокие овраги, с третьей она круто обрывается к Днепру и только с четвертой гора, постепенно расширяясь, переходит в поле. Городище состоит из двух частей: меньшей (около 1,5 га) — мысовой и большей (2,5 га) — напольной, разделенных валом и рвом. Согласно сведениям Н. Ф. Беляшевского, вал городища еще в XIX в. сохранялся на высоту 4—6 м[137]. Со стороны поля Княжа гора была также ограждена высоким земляным валом и глубоким рвом.



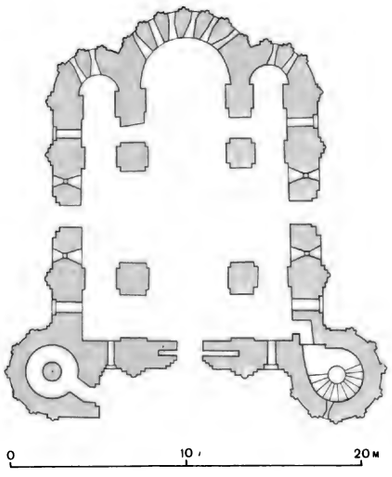
Археологические исследования городища, проводившиеся на протяжении многих лет Н. Ф. Беляшевским, а затем Г. Г. Мезенцевой, посвятившей этому памятнику отдельную монографию[138], показали, что наиболее полнокровной жизнью Княжа гора жила в XII—XIII вв., хотя здесь имеются и более ранние материалы.

Мощные земляные укрепления, десятки жилых и хозяйственных построек, многочисленные находки орудий сельскохозяйственного производства, а также всех видов древнерусского оружия не оставляют сомнения в военно-земледельческом характере городища. Военное дело для его обитателей, учитывая практически пограничное местоположение Княжей горы, должно было быть главным занятием, однако значительное место занимало и сельскохозяйственное производство, обеспечивавшее гарнизон крепости и ее жителей продуктами питания. Их запасы были на Княжей горе постоянными, поскольку крепость в любую минуту могла быть подвергнута нападению половцев и оказаться на осадном положении. Во время раскопок аналогичного городища на Девич-горе (с. Сахновка, Корсунь-Шевченковский район) В. И. Довженок открыл большое количество ям и погребов, в которых могли храниться многочисленные запасы продуктов. Подобные хозяйственные сооружения были, вероятно, и на Княжей горе.

Сказанное как будто не согласуется со всем комплексом археологических находок, происходящих из Княжей горы. Кроме названных, здесь было найдено огромное количество изделий из цветных и драгоценных металлов. Среди них: бронзовые змеевики, энколпионы, небольшие нательные крестики и огромные кресты с распятием, иконки, подсвечники, паникадила; золотые и серебряные серьги, браслеты, очелья, колты, шейные гривны, кольца. Имеются в коллекции из Княжей горы и совсем редкие даже для крупных городов золотые украшения, исполненные в технике перегородчатых эмалей[139]. Все эти вещи датируются преимущественно XII—XIII вв. и на первый взгляд свидетельствуют о высоком уровне развития на городище ювелирного ремесла. Видимо поэтому Г. Г. Мезенцева пришла к утверждению, что основой экономического развития этого древнерусского центра было высокоразвитое ремесло[140].

Вывод этот, однако, не соответствует действительности. Многочисленные находки ювелирных изделий указывают на широкое использование их в быту верхушкой населения городища Княжа гора, но не на местное производство. В большинстве своем они имеют киевское происхождение и отражают уровень развития столичного ремесла. К сожалению, мы не знаем условий нахождения этих вещей, но думается, что все они (или большинство) представляли собой клады, зарытые в канун грозных военных событий. Ни раскопки Н. Ф. Беляшевского, ни широкие планомерные исследования Г. Г. Мезенцевой не обнаружили даже следов ювелирных мастерских. Сказанное не означает, что на городище вообще не было ремесленного производства, оно, безусловно, было (без оружейников и кузнецов, изготовлявших и чинивших оружие и сельскохозяйственный инвентарь, крепость обойтись не могла), но играло вспомогательную роль и, конечно же, не занимало главного места в экономике этого порубежного центра.

В вопросе об исторической атрибуции городища Княжа гора практически нет разногласий. Высказанное Н. Ф. Беляшевским мнение, что оно является остатками летописного города Роденя, постепенно превратилось в истину, не требующую доказательств. Все последующие исследователи, в том числе и Г. Г. Мезенцева, приняли вывод Н. Ф. Беляшевского как бесспорный. Из советских археологов только В. А. Богусевич пытался подвергнуть его сомнению, однако предложенное им отождествление Роденя с горой под названием Малое скифское городище оказалось несостоятельным[141]. На ней нет культурного слоя древнерусского времени.



Васильевская церковь в Овруче (1190 г.). План по обмерам П. П. Покрышкина. Реконструкция Ю. С. Асеева.

В развалинах овручский храм дожил до XX в. В 1907—1908 гг. он был восстановлен в первоначальных формах по проекту архитектора А. В. Щусева на основании исследований П. П. Покрышкина.

---

[137] *Беляшевский Н. Ф.* Раскопки на Княжей горе в 1891 г. К., 1892.
[138] *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень.
[139] Там же, с. 63—96.
[140] Там же, с. 96, 114.
[141] *Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція, с. 152.

Древнерусское зеркало XI—XIII вв. Бронза, резная кость. Найдено в Каневском районе, возможно на Княжей горе.

Главным и, пожалуй, единственным аргументом в пользу отождествления городища Княжа гора с Роденем является летописное известие 980 г., рассказывающее о том, что изгнанный из Киева князь Ярополк «пришедъ затворися въ градѣ Родънѣ на устьи Роси»[142]. Из текста летописи видно, что древнерусский город Родень находился в устье Роси, но вовсе не следует, что его можно отождествить с городищем Княжа гора. Последнее располагается не в устье Роси, а в нескольких километрах выше его, на Днепре. Странно, что это обстоятельство никого не смутило. Думается, что есть больше оснований видеть остатки летописного Роденя в городище, находящемся в с. Пекари. Оно состоит из двух укрепленных частей, занимающих верхнее плато левого коренного берега Роси, и поселения-посада, раскинувшегося на южных склонах возвышенности. В народе это место носит название «городков». Во время осмотра городища удалось собрать значительное число фрагментов древнерусской керамики, которая может датироваться X — началом XI в. Видимо, городище в с. Пекари было сооружено в устье Роси еще в X в. и являлось первым укрепленным пунктом в системе поросских сторожевых крепостей.

Социальное содержание большинства днепровских городищ определялось прежде всего вхождением их в единую оборонительную систему на юге Руси. Главной их задачей было нести сторожевую службу, предупреждать и отражать нападение степняков. Анализ археологических материалов показывает, что периодом наивысшего подъема жизни этих центров были XII—XIII вв., когда борьба с половцами стала общенародной, общерусской задачей и носила наступательный характер.

По мнению ряда исследователей, днепровские городища, расположенные на расстоянии 7—10 км, несли также и сигнализационную службу. Весть о приближении к южнорусской границе половцев при помощи сигнальных костров очень быстро могла быть передана в Киев. Во время раскопок Витачевского городища были обнаружены остатки башни, стоявшей на самом высоком месте над Днепром. Большое скопление золы, перекрывавшее башню, по мнению Б. А. Рыбакова, свидетельствует о том, что образовалось оно от сигнальных костров[143].

Занимаясь проблемой сторожевых городов на юге Руси, В. И. Довженок пришел к правильному выводу, что, несмотря на радиальное направление (по отношению к Половецкой земле) Днепровской оборонительной линии, значение ее в защите страны было очень велико. Она преграждала путь левобережным половецким ордам, которые не только предпринимали опустошительные набеги на Переяславщину и Черниговщину, но и пытались проникнуть на правобережные земли Руси[144]. Характерно, что наиболее крупные днепровские крепости, выросшие со временем в настоящие города, располагались в местах переправ или бродов через Днепр. Такими были Треполь, Витачев, позднее Святополч-град, Заруб и Канев. Упоминание в летописи трепольского полка, участвовавшего в походе на половцев, позволяет предполагать наличие аналогичных гарнизонов и в остальных городских центрах.

Естественным продолжением Днепровской явилась Поросская оборонительная линия. На Роси, от ее истоков до устья, известно 13 древнерусских городищ, расположенных в основном на ее левом берегу[145]. В большинстве своем это были сторожевые крепости, однако некоторые — Корсунь, Торческ и Юрьев — значительными городскими центрами.

К сожалению, археологическое исследование древнерусских пунктов Поросья все еще очень фрагментарно. До сих пор не проведено сплошное обследование бассейна Роси; о том, что представлял собой район между этой рекой и Тясмином в древнерусское время, мы по существу ничего не

---

[142] ПСРЛ, т. 2, стб. 65.
[143] *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси», с. 33.
[144] *Довженок В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси, с. 40.
[145] Там же, с. 39.
[146] ПСРЛ, т. 2, стб. 555.
[147] Там же, стб. 683—684.
[148] Там же, стб. 684.

знаем. Не лучше обстоит дело и с раскопками. Это тем более досадно, что район этот представляет исключительный интерес, и ставит перед исследователями целый комплекс проблем. Главными из них являются: место Поросья в общей системе обороны Руси от кочевников, роль тюркского населения Поросья в отражении половецкой угрозы, взаимоотношения тюркских поселенцев с местным славянским населением, степень влияния древнерусской культуры на них и характер их ассимиляции. Успешное решение названных проблем будет в значительной степени зависеть от активизации и систематичности археологических исследований в южнорусском пограничье. Не имея возможности дать сколько-нибудь полную характеристику всех центров Поросья, остановимся лишь на наиболее значительных, которые упоминаются в летописи или подверглись археологическим раскопкам.

Одним из таких центров является городище в с. Сахновка Корсунь-Шевченковского района, получившее известность и привлекшее к себе внимание археологов еще в XIX в. благодаря находке на нем золотой княжеской диадемы. В последние годы систематические исследования городища вела экспедиция В. И. Довженка. Расположено оно на Девич-горе, возвышающейся над поймой Роси на 104 м, откуда открываются дали на десятки километров, практически до самого устья реки. Крутые склоны возвышенности, а также искусственные укрепления делали городище на Девич-горе неприступным. Раскопки обнаружили здесь огромные хозяйственные сооружения — ямы, в которых хранились запасы продуктов. Керамический материал датирует городище, представляющее собой военно-феодальный замок, XII—XIII вв.

Корсунь (современный Корсунь-Шевченковский) впервые упоминается в летописи под 1172 г., когда во время похода на Киев у его стен остановились правобережные — лукоморские половцы[146]. Возник город, вероятно, еще в конце X — начале XI в., быть может, во время строительной деятельности Владимира Святославича. Наличие среди находок Корсуньского городища керамики X в. как будто дает основания для такого предположения. В XII — начале XIII в., как свидетельствуют последующие летописные известия, Корсунь вырос в один из крупнейших в Поросье центров, на обладание которым постоянно претендовали удельные князья. В 1195 г. Корсунь был отдан сначала Роману Мстиславичу, а затем Всеволоду Юрьевичу[147].

Корсуньское городище занимает господствующую возвышенность левого берега Роси, расположенную в треугольнике, образуемом Росью и ее притоком Корсункой. С напольной стороны оно укреплено двумя линиями валов и рвов. К городищу-детинцу с востока примыкал обширный посад, на котором обнаружили керамику X—XIII вв. К сожалению, этот важный центр Поросья не подвергался археологическим раскопкам, что, естественно, затрудняет его характеристику.

Выше Корсуня находился еще один крупный городской центр на Роси — Богуслав (современный Богуслав). Летопись упоминает его под 1195 г. в числе спорных владений, переходивших из рук в руки[148]. Как и большинство древнерусских городов, Богуслав занимал возвышенный треугольник, образуемый слиянием рек Роси и Богуславки. Детинец города располагался на самой высокой точке плато, где сейчас находится усадьба Троицкой церкви. Именно здесь удалось обнаружить керамику XII—XIII вв.

Торческ (Торцк, Торцкий) выступает в летописных известиях как центр торков, берендеев, печенегов и других тюркских племен, осевших в Поросье еще в конце XI в. и служивших киевским князьям. Конкретным подтверждением этому является первое упоминание Торческа под 1093 г. В этом году половцы предприняли особенно сильное давление на южные границы Руси. Вскоре они появились под стенами Торческа и осадили его. Девять недель город стойко держался, и лишь когда вышли все запасы продовольствия, был сдан врагу. Половцы сожгли город, а его жителей увели в плен[149]. Вскоре, видимо, Торческ был восстановлен и еще в середине XII в. он выступает как княжеский город, административный центр всего Поросья. В 1161 г. его князь Рюрик Ростиславич привел в помощь Мстиславу Изяславичу берендеев, куоев, торков и печенегов, которые, очевидно, находились под непосредственным началом торческого князя. В том же году в качестве торческого князя упоминается и другой сын Ростислава — Давид, а в следующем Торческ отходит к числу владений Мстислава Изяславича[150].

После смерти Ростислава Мстиславича на Торческ заявил свои претензии его брат Владимир, желавший присовокупить «къ своей волости Торцьский съ всимъ Поросьемъ»[151]. Однако Мстислав Изяславич, став киевским князем, вынудил его отказаться от необоснованных притязаний. В 1174 г. Торческ находится в руках Михалка Юрьевича[152]. В годы княжения Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича в Торческе переживает неудачи в борьбе за Владимир Роман Мстиславич. «Романъ же бяшеть пришелъ с Ляхы на брата... и не успѣвь ему ничтоже, иде к Рюрикови ко отцю своему. Рюрикъ же да ему Торцький».

Приведенные летописные известия показывают, что Торческ — столица черных клобуков и всего Поросья — регулярно получал князей из Киева. Такое постоянство

---

[149] ПСРЛ, т. 2, стб. 209, 212, 215.
[150] Там же, стб. 517, 519, 521.
[151] Там же, стб. 533.
[152] Там же, т. 2, стб. 570—571.

политики киевских князей, вероятно, вызывало определенное противодействие со стороны черноклобуцкой знати. Она, конечно, не помышляла об автономии Поросья, тем более, что жило здесь преимущественно древнерусское население, но была бы не прочь видеть на торческом столе своего князя. Только около 1188 г. с уходом из Торческа Романа Мстиславича черные клобуки добиваются желанной цели: в столице Поросья утверждается их соплеменник князь Кундувдый: «мужь дерзъ и надобенъ в Руси». Недолго, однако, пришлось княжить Кундувдыю. В 1190 г. по подозрению в сговоре с половцами Святослав Всеволодович лишает его торческого стола и увозит в Киев. Правда, благодаря заступничеству Рюрика, Кундувдый, приведенный к присяге, был вскоре отпущен, но оскорбленный, не возвратился в Торческ, а ушел к половцам. Вместе с ними он предпринял опустошительный наезд на город Чюрнаев, пошел на Торческ, но, узнав, что туда уже пришел из Киева князь Ростислав Рюрикович, возвратился в степь[153].

Через некоторое время Кундувдый снова привел половцев на Русь, но в бою с русскими и черноклобуцкими полками, ведомыми Ростиславом, потерпел поражение. «Ростиславь же пръеха в Торцькый свой съ славою и честью великою». В 1193 г. торческий князь Ростислав совместно с черными клобуками вторично одерживает блестящую победу над половцами и со славою возвращается в Торческ[154].

Успешные походы торческого князя Ростислава Рюриковича на половцев свидетельствуют, что к концу XII в. великие киевские князья почти полностью переложили заботы по охране южнорусского пограничья на местные силы. Время огромных «крестовых» походов древнерусских дружин в степь прошло, ослабленные внутренними распрями половцы больше не представляли сколько-нибудь значительной опасности для Руси. С ними вполне справлялись черные клобуки и русские гарнизоны, размещенные в городах и крепостях вдоль Роси. Возглавлял оборону южнорусских границ торческий князь.

Дальнейшая история Торческа прослеживается менее отчетливо. В 1195 г. он был передан Рюриком Ростиславичем Роману Мстиславичу, который уже занимал этот стол ранее и претендовал на него как на свою вотчину, затем под давлением Всеволода Юрьевича киевский князь вынужден был изменить свое решение в пользу последнего. Будучи тонким политиком и пытаясь поссорить между собой Рюрика и Романа, Всеволод уступил Торческ сыну великого князя[155]. Более 30 лет летопись ничего не говорит о Торческе, и только в 1226 г. он снова появляется на ее страницах. В это время город находился в руках галицкого князя Мстислава Мстиславича[156]. В 1231 г. Данило Романович уступает Торческ сыновьям Мстислава: «Торцькый и паки да и дътемь Мьстиславлимь, шюрятомъ своимь, рекъ имь: «за отца вашего добродѣанье приимите и держите Торцький городъ»[157]. Последнее упоминание Торческа относится к 1234 г., когда у его стен произошла битва между половцами и Данилом Романовичем[158].

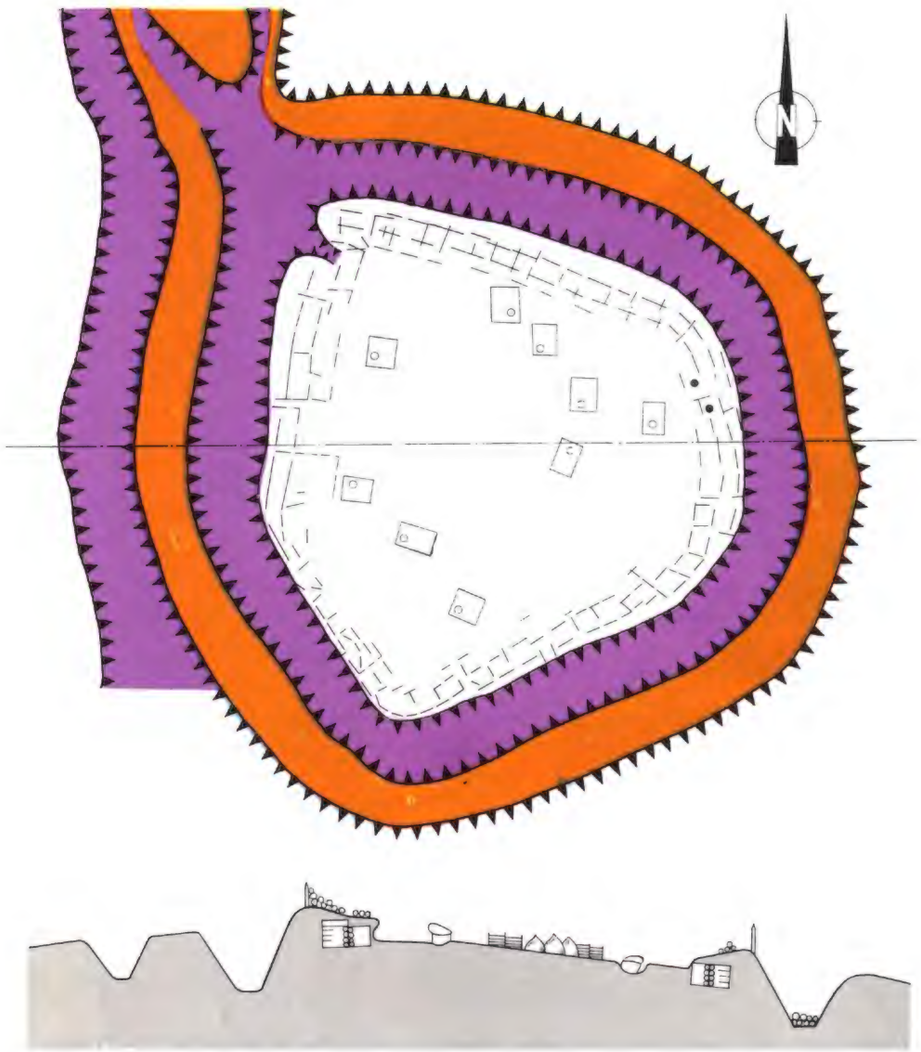
Летописные известия рисуют Торческ важнейшим древнерусским центром Поросья, находившимся на протяжении полутора столетий на переднем крае борьбы с врагами Руси — половцами. Уже давно исследователи связывали с ним огромное городище (около 90 га), находящееся в 38 км к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшаница и Шарки. Состоит оно из большого укрепленного загона протяжением 1400 м и двух сегментообразных внутренних укреплений. Раскопки Б. А. Рыбакова показали, что это был крупный берендейский город, детинец которого представлял собой русский квартал. Вероятно, здесь находилась и резиденция русских князей. На городище обнаружены остатки ремесленных мастерских, богатый и разнообразный инвентарь: древнерусская керамика, майоликовые плитки, часть бронзового хороса, пряслица[159]. Подавляющее большинство археологических материалов датируется XII—XIII вв., что свидетельствует о полнокровной городской жизни Торческа в это время.

Юрьев (отождествляемый с городищем у Белой Церкви) принадлежит к числу тех крепостей, которые сооружал в Поросье еще Ярослав Мудрый. Ему город обязан названием и необычайно быстрым развитием. Видимо, уже при Ярославе Юрьев выдвинулся в ряд крупных церковных центров страны. Известия об юрьевских епископах встречаются на страницах летописей значительно раньше и чаще, чем рассказы о самом городе. Первое из них относится к 1072 г., когда епископ юрьевский Михаил принимал участие в торжествах по случаю перенесения мощей св. Бориса и Глеба[160], последующие датируются 1089, 1091, 1095, 1113, 1115, 1122, 1147, 1183, 1197, 1231 гг. Основание епископской кафедры в Юрьеве и забота об ее процветании были связаны, вероятно, с широкими миссионерскими задачами, необходимостью обращения в христианство «своих поганых» — тюркских племен Поросья. Просуществовала она, что видно из летописи, вплоть до монголо-татарского нашествия.

Первое летописное сообщение об Юрьеве относится к 1095 г. и рассказывает о страшной катастрофе, постигшей город. «В се же лѣто приидоша Половцѣ ко Гурьгову, и стояша около его лѣто все, мало не възяша его, Святополкъ же вьмири я; Половцѣ же приидоша за Рось, Гюргевци же выбѣгоша и приидоша къ Кыеву.

---

[153] ПСРЛ, т. 2, стб. 668—669.
[154] Там же, стб. 672, 676—678.
[155] Там же, стб. 683—685.
[156] Там же, стб. 750.



План и разрез укреплений Райковецкого городища (по В. К. Гончарову)

Овраги

Срубные постройки. Клети в валу

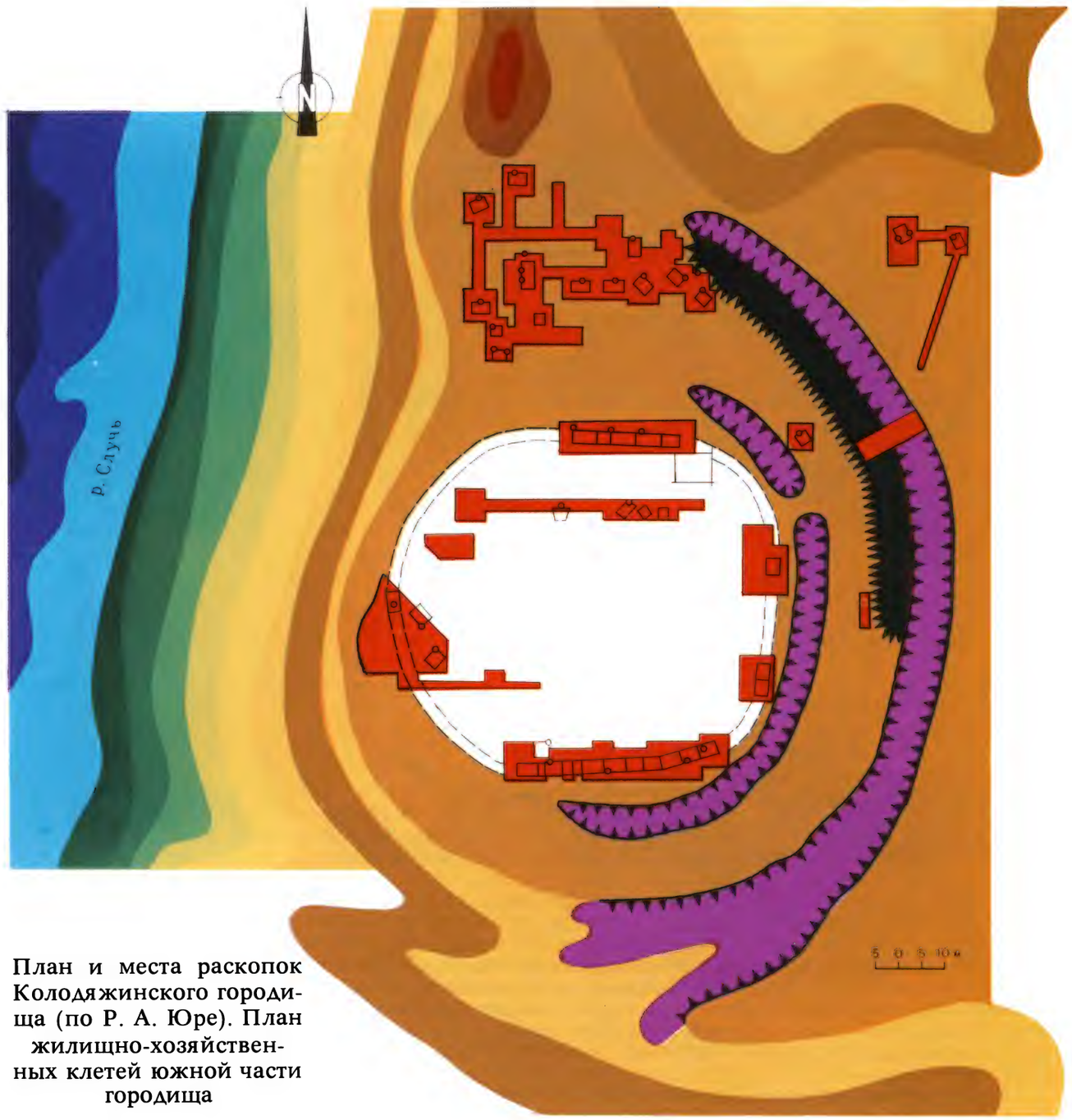
Жилища столбовой конструкции

Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевьском холъмѣ, имя свое нарекъ Святополчь градъ, и повелѣ епископу Мюриму с Гурговцѣ сѣсть ту..., а Гюргевь зажгоша Половцѣ тощь»[161]. Одержав ряд убедительных побед над половцами и отбросив их далеко за Высь, Святополк занялся восстановлением Поросской оборонительной линии. В 1103 г. он наново отстраивает и Юрьев. «Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца в 18 день, иде Святополкъ и сруби Гюрговъ, его же бѣша пожъглѣ Половци»[162].

В середине и второй половине XII в. Юрьев принимает самое непосредственное участие в отражении половецких вторжений. Так, в декабре 1153 г. разбитые под Белгородом половцы терпят окончательное поражение у стен Юрьева, куда они бежали в надежде быстрее переправиться через Рось. «Половцѣ же бѣжаша отъ Бѣлгорода на Гюргевь, и много ихъ изоимаша Берендичи и Гюргевцы, а оно ихъ в Рси истопе»[163]. Летописное уточнение, что в битве принимали участие берендеи и юрьевцы, по-видимому, свидетельствует о древнерусском населении Юрьева. В 1162 г. половцы снова появляются под Юрьевом и вновь терпят сокрушительное поражение от черных клобуков[164]. Более поздних упоминаний Юрьева в летописях нет. Это объясняется, вероятно, тем, что, располагаясь в самой глубине Поросской оборонительной линии, он к концу XII — началу XIII в. перестал играть роль передового форпоста в борьбе с половцами.

---

[157] ПСРЛ, т. 2, стб. 766.
[158] Там же, стб. 773.
[159] *Рыбаков Б. А.* Торческ — город черных клобуков, с. 243—245.
[160] ПСРЛ, т. 1, стб. 181.
[161] Там же, т. 2, стб. 219.
[162] Там же, стб. 256.
[163] Там же, стб. 502.
[164] Там же, стб. 521.



План и места раскопок Колодяжинского городища (по Р. А. Юре). План жилищно-хозяйственных клетей южной части городища

Валы

Овраги

Раскопы

Срубные постройки. Клети в валу

Археологически Юрьев не известен. До сих пор не уточнено даже его местоположение. Одни исследователи склонны были видеть остатки древнего Юрьева в городище на Палиевой горе, на западной окраине Белой Церкви[165], другие размещают его на так называемой Замковой горе, находящейся в центре города[166]. Во время последней разведки, произведенной на обоих городищах, удалось получить интересные данные, которые, на первый взгляд, снимают существующие разногласия. Городище на Замковой горе, занимающее двухгектарный останец левого берега Роси, содержит археологический материал преимущественно XI в., в то время как находки, происходящие из городища и поселения на Палиевой

---

[165] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 303.

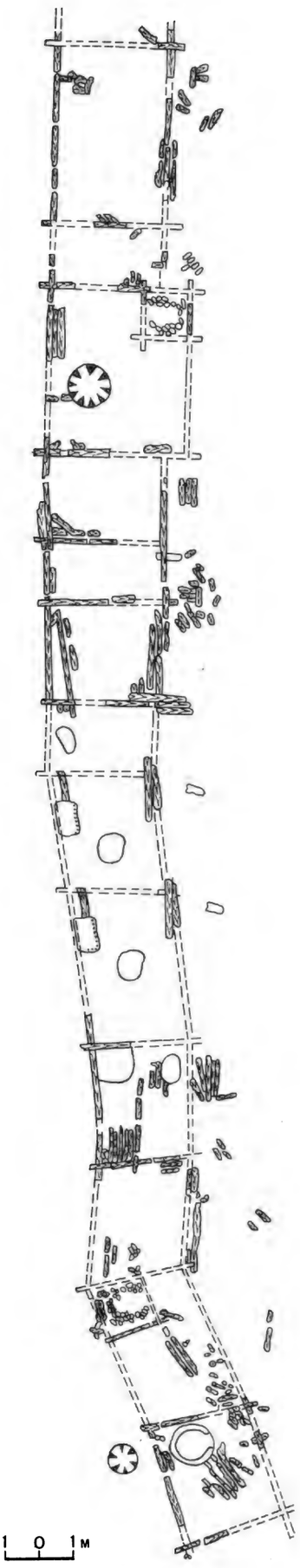
[166] *Кучера М. П.* Звіт про роботу розвідочного загону по обстеженню городищ Київщини.— Науч. архив ИА АН УССР, 1972/24, с. 27—28.

[167] ПСРЛ, т. 2., стб. 43.

* Мнение М. Н. Тихомирова о запустении Искоростеня после 946 г. основано, видимо, на том, что в последующее время он не упоминается на страницах летописи.

[168] *Самойловський І. М.* Стародавній Коростень.— Археологія, т. 23. К., 1970, с. 191—197.

Жилища столбовой конструкции



горе, датируются XII—XIII вв. В XIX в. в частные и государственные коллекции из этого городища поступили шиферные пряслица, керамика, бронзовые и железные изделия, а также бронзовая позолоченная панагия с изображением на одной стороне св. Георгия, на другой — креста.

Городище имело мощные укрепления, состоявшие из нескольких (до наших дней сохранились два) концентров земляных валов. Соблазнительно было бы отождествить городище на Замковой горе с остатками того Юрьева, который был заложен еще Ярославом Мудрым и сожжен половцами в 1095 г., а городище на Палиевой горе — с Юрьевом, построенным в 1103 г. Святополком Изяславичем, однако до проведения серьезных археологических исследований такое отождествление является предположительным.

В отличие от южных, западные и северо-западные районы Киевской земли, не подвергавшиеся столь частым вражеским вторжениям, имели более значительные городские центры. Крупнейшим среди них был Искоростень (современный Коростень) — древний политико-административный центр древлян. Впервые он упоминается в летописной статье 945 г., рассказывающей об убийстве древлянами киевского князя Игоря[167]. В следующем году Ольга сожгла древнюю столицу Древлянской земли, и летописи больше о ней не говорят. Лишь археологические исследования свидетельствуют, что Искоростень и в период феодальной раздробленности продолжал оставаться значительным городским центром Киевщины *.

Располагался Искоростень на высоких скалистых берегах р. Уж. Как считают исследователи, название свое город получил от слова Кар — камень или гора. Состоял из четырех укрепленных частей общей площадью около 20 га. Наибольшее городище (площадью около 9 га) находилось на левом берегу, три меньших — занимали правобережные высоты. Вокруг искоростенских городищ по обеим сторонам р. Уж находились большие курганные могильники, насчитывавшие несколько сот насыпей. Во время археологических исследований древнего Искоростеня удалось обнаружить в большом количестве боевые топоры, наконечники копий и стрел, жернова, обломки серпов, ножи, ножницы, шиферные пряслица, обгорелое просо, железные шлаки. Особым богатством и разнообразием отличались находки, происходящие из четвертого городища, среди которых были трехбусинные височные кольца, медальоны, кресты-энколпионы. Неоднократно встречены здесь и шиферные пряслица[168].

Со второй половины X в. политическим центром Древлянской земли становится Вручий (современный Овруч), возникший на правом берегу р. Норин, на крутой, ограниченной глубокими оврагами горе. Уже первое летописное упоминание Овруча под 977 г. свидетельствует, что город имел крепкий за́мок с городскими воротами и мостом, перекинутым через греблю. «И побѣгъшю же Олгови с вои своими в городъ, рькомый Вручий, и бяше мость черезъ гроблю к воротомь городнымъ»[169]. К мощному княжескому замку примыкал обширный (28 га) посад. С потерей автономии Древлянской земли и прочным введением ее в состав великокняжеских владений Овруч надолго исчезает со страниц летописи и появляется только в последней четверти XII в., когда он становится уделом князя Рюрика Ростиславича[170]. Став соправителем Святослава Всеволодовича, Рюрик по-прежнему уделял значительное внимание Овручу как своей второй резиденции. Вероятно, именно в Овручском уделе находились его феодальные поместья. Об этом свидетельствует, быть может, летописное сообщение 1190 г., рассказывающее, что «Рюрик ѣхал Вручий, своихъ дѣля орудьй»[171].

В этом году, как считает Ю. С. Асеев, Рюрик Ростиславич построил в Овруче Васильевскую церковь, фасады которой были богато декорированы многочисленными аркатурными поясами и инкрустацией камнем, а интерьер украшен яркой фресковой росписью. Наличие на уровне хоров Васильевской

---

[169] ПСРЛ, т. 2, стб. 62.
[170] Там же, стб. 541, 543, 547, 657, 669.
[171] Там же, стб. 669.

Княжеская диадема из клада, найденного в с. Сахновка Черкасской области. XII в. Золото, перегородчатая эмаль.

Центральный киотец диадемы со сценой вознесения Александра Македонского на небо.

церкви внутристенных галерей свидетельствует, очевидно, что храм имел и оборонительное назначение[172].

Экономическое развитие Овруча было теснейшим образом связано с добычей и обработкой красного шифера, места залегания которого, согласно исследованиям геолога Г. О. Оссовского, ограничены небольшим районом междуречья Ужа и Уборти[173]. Обследования окрестностей Овруча показали, что здесь (в селах Нагоряны, Коптевщизна, Хаич, Камень, а также Збранка) находились мастерские по изготовлению знаменитых шиферных пряслиц. Овручские мастерские тянулись примерно на 20 км, располагаясь у оврагов, богатых выходами розового шифера. Кроме пряслиц, из шиферных каменоломен Овруча в различные концы Руси шли большие партии плит, использовавшихся в культовом и гражданском зодчестве, заготовки для саркофагов, а также плитки для изготовления ювелирных формочек[174]. Вряд ли может быть сомнение в том, что центром этого уникального камнедобывающего и камнеобрабатывающего промысла был княжеский Овруч. Будущие раскопки, вероятно, обнаружат мастерские по обработке шифера и в самом городе.

Колокол из летописного Городеска. XII в. Бронза, литье.

Крупным городским центром Киевщины XII—XIII вв. был Городеск, единственное упоминание о котором содержится в летописной статье 1257 г. Находился он в среднем течении р. Тетерев (близ современного с. Городск) и занимал несколько укрепленных береговых возвышений. Городища — Большое, Малое и Красная гора — неоднократно подвергались археологическим раскопкам. Особенно большие работы велись на Малом городище. Здесь исследовано около 30 жилых и хозяйственных комплексов, выявлены мастерские гончара и литейщика, большое количество сыродутных горнов, обнаружено несколько лемехов, серпы, косы, железные оковки лопат, ножницы, топоры, долота, пилы, токарные резцы, наконечники копий и стрел, обломок меча, трехбусинные серьги, стеклянные браслеты, железные трубчатые замки. Целый ряд находок свидетельствует, что Городеск был крупным церковным центром. Это прежде всего бронзовые колокола XII—XIII вв., небольшая бронзовая ложечка для причастия, изготовленная в виде фигуры человека в длинной одежде и с крестом, иконка с изображением Дмитрия Солунского или Федора Стратилата, многочисленные крестики и кресты-энколпионы. Нет сомнения, что на одном из городских городищ находилась в XI—XIII вв. церковь.

По мнению Р. И. Выезжева, много лет исследовавшего древний Городеск, он был крупнейшим древнерусским центром по выплавке железа[175].

Из населенных пунктов западных районов Киевской земли наиболее полно изучены Райковецкое городище на Гнилопяти, Колодяжин на Случи и Изяславль на Горыни. Все эти центры находились на пути продвижения орд Батыя от Киева к Владимиру и погибли в 1241 г. Раскопанные почти полностью, они позволяют отчетливо представить все стороны социально-экономической и культурной жизни, проследить трагическую их судьбу.

Райковецкое городище занимало клиновидный выступ, образуемый слиянием Гнилопяти и Рублянки и возвышающийся над их поймой на 24—26 м. Форма городища круглая, сохранились земляные валы и рвы, достигавшие глубины 4—6 м. Площадь детинца невелика, всего 1,25 га. По мнению В. К. Гончарова, Райковецкое городище следует отнести к типу небольших сторожевых городков-крепостей, входящих в полосу укреплений, защищавших верхнететеревские и побужские города. О его военном характере свидетельствуют многочисленные находки мечей, наконечников копий и стрел, боевых топоров, железных булав, кольчуг, стремян, шлемов и др.

---

[172] *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі, с. 160—164.

[173] *Оссовский Г. О.* Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева.— Труды III АС, т. 2, с. 159—164.

[174] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 190.

[175] *Выезжев Р. И.* Раскопки в Городске в 1955 г.— КСИА АН УССР, вып. 7. К., 1957; *Выезжев Р. И.* Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.— Там же, вып. 10. К., 1960; *Виєзжев Р. І.* Будівлі «Малого городища» X—XIII ст. в Городську.— АП, т. 12. К., 1962.

Основным занятием населения Райковецкого городища являлось земледелие. Во время раскопок детинца почти в каждой жилой и хозяйственной клети находились лемеха с чересламі, рала, косы, серпы, заступы, а также запасы ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли, мака[176]. Значительное место в хозяйственной жизни Райковецкого городка занимало и ремесленное производство. В разных его частях обнаружены кузнечные, ювелирные, стеклоделательные мастерские, запасы кричного железа, кузнечные инструменты, литейные формочки, тысячи ремесленных изделий. Видимо, райковецкие ремесленные мастерские не только удовлетворяли потребности городка, но и поставляли свою продукцию в ближайшую сельскохозяйственную округу[177].

Древний Колодяжин располагался в исключительно выгодном месте, на одном из крутых выступов коренного берега р. Случ, возвышающемся над поймой почти на 40 м. С двух сторон его окружали глубокие и широкие овраги, с напольной — город был укреплен двумя подковообразными линиями валов и рвов. До наших дней валы Колодяжина сохранились на высоту более 3,5 м, в древности они были значительно выше.

Когда в 1241 г. монголо-татары подошли к городу и поставили у его стен 12 пороков, их оказалось недостаточно, чтобы разрушить укрепления. «И приде (Батый.— *П. Т.*) к городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолъвливати люди; они же, послушавше злого свѣта его, передашася и сами избити быша»[178]. Это единственное летописное известие о Колодяжине свидетельствует, что он был значительной крепостью.

Раскопки городища, обнаружившие богатый вещевой материал, и прежде всего многочисленные орудия сельскохозяйственного производства (лемеха, рала, косы, серпы, заступы), показывают, что основой хозяйственной деятельности колодяжинцев было земледелие. Подтверждением этого вывода могут служить и огромные запасы зерновых культур, хранившиеся в больших ямах. Достаточно развитой, хотя и вспомогательной, отраслью хозяйства Колодяжина было ремесло, о чем свидетельствуют находки кричного железа, кузнечного инструментария, инструментов для обработки дерева, ювелирных изделий и формочек, крестов-энколпионов. Удивляет сравнительно незначительное количество предметов вооружения; во время раскопок найдены наконечники стрел, копий, железные булавы, боевые секиры, наконечники рогатин. По мнению Р. А. Юры, давшего монографическое описание результатов раскопок Колодяжина, отсутствие большого количества находок вооружения может быть свидетельством того, что татары, вероломно захватившие город, отобрали оружие у его защитников[179].

По своему социальному содержанию Колодяжин — типичный для Киевской Руси феодальный замок-крепость, жители которого занимались сельским хозяйством, ремеслом и военным делом.

В 1967—1969 гг. были осуществлены значительные археологические исследования на большом, огражденном тремя линиями валов и глубоких рвов городище, расположенном у с. Городища Шепетовского района Хмельницкой области. Как считает исследовавший его М. К. Каргер, городище следует отождествлять с городом Изяславлем, упомянутым летописью под 1241 г.* На огромной площади (свыше 36 000 м²) городища были раскрыты остатки сгоревших наземных жилищ и хозяйственных построек, деревянных клетей, устроенных внутри земляных валов, обнаружено множество орудий сельскохозяйственного производства (лемеха, чересла, серпы, косы, лопаты, жернова), запасы ржи, пшеницы, овса, ячменя, проса, гороха и других сельскохозяйственных культур. В большом количестве найдены и изделия, свидетельствующие о развитии здесь различных видов ремесленного производства. Это прежде всего женские украшения — височные кольца, пластинчатые и проволочные браслеты, перстни, разнообразные бытовые предметы — глиняные сосуды, ножи, замки, ключи, кресала. Среди уникальных находок на городище — несколько привозных вещей; романское бронзовое блюдо с аллегорическими изображениями, серебряный реликвий с латинскими надписями, византийская и херсонесская монеты.

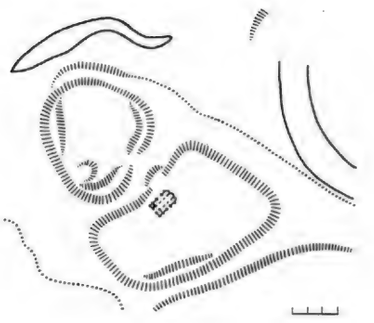
В различных частях городища и прежде всего возле оборонительных сооружений найдено множество железных наконечников стрел, копий, боевые топоры, бронзовые и железные булавы, кистени, обломки мечей, сабель, кольчуг и шлемов. О трагической судьбе города свидетельствуют многочисленные скелеты людей, погибших от огня и меча, погребенных под развалинами жилищ и внутривальных клетей[180].

Аналогичный военно-земледельческий характер имели также другие центры западных районов Киевской земли; некоторые из них, как летописные Пересопница, Дорогобуж, или Дубровица, к концу XII — первой половине XIII в. выросли в крупные торгово-ремесленные центры и в них периодически сидят посадники и князья — вассалы великих киевских князей. К сожалению, эти города почти не исследованы археологически и дополнить их летописную характеристику не представляется возможным.

---

[176] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище, с. 19—24.
[177] Там же, с. 78.
[178] ПСРЛ, т. 2, стб. 786.
[179] *Юра Р. А.* Древній Колодяжин, с. 57—123.

Города, располагавшиеся в бассейнах рек Припяти и Западного Буга и в отдельные периоды своей истории входившие в состав владений киевских князей, рассмотрены в монографии П. Ф. Лысенко. На основании археологических и письменных источников автор высказал предположение об их большой близости к городам Южной Руси, с которой Туровская земля на протяжении своего существования оказывалась в тесной связи[181]. Сказанное относится и к главному городу Туровской земли Турову. Располагался он в среднем течении Припяти на ее правом берегу и занимал невысокий мыс, образуемый поймой Припяти и долиной р. Язды. С напольной стороны мыс отделен от береговой террасы глубоким полукруглым рвом. Такой же ров делит городище на две части — детинец и окольный город. По всему периметру городища возвышались в древности мощные оборонительные валы. Удачное сочетание естественных рубежей и искусственных укреплений делало Туров сильной крепостью. Подтверждение этому мы находим в летописной статье 1158 г. В этом году, воспользовавшись борьбой великого киевского князя Изяслава Давидовича со своими врагами — претендентами на киевский престол,— Юрий Ярославич, внук Святополка Изяславича, захватил Туров. Несмотря на предложение последнего быть в полной вассальной зависимости от киевского князя: «брате! прими мя в любовь к собѣ», Изяслав Давидович не может смириться с тем, что в Турове будет сидеть не его ставленник. Собрав значительные силы, куда вошли полки киевский, волынский, галицкий и смоленский, великий князь решил силой вывести Юрия из Турова, однако десятинедельная осада города закончилась неудачей: «И стояша около города недѣль 10 и бысть моръ в коних, и тако не успѣвше ему ничтоже, възвратишася въ свояси»[182].



План туровского городища.

Археологические раскопки Турова, обнаружившие кварталы срубных жилищ и хозяйственных сооружений X—XIII вв., а также большое количество предметов материальной культуры — кузнечные инструменты, ножи, трубчатые замки, ключи, ножницы, предметы вооружения, ювелирные и костяные изделия, стеклянные браслеты, посуда и др., свидетельствуют об оживленной и разносторонней экономической жизни города[183]. Значительного развития в Турове достигла и торговля, причем не только внутренняя, но и международная. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что он лежал на древней торговой дороге, ведшей из Киева к берегам Балтийского моря. Возможно, в этом значении Турова кроется одна из главных причин нежелания Киева предоставить ему статус отдельного княжения. Уже в XI—XII вв. город выдвигается в число крупных религиозных центров страны, в нем была основана особая туровская епископия. Один из туровских епископов XII в. Кирилл Туровский был не только церковным деятелем, но и крупнейшим древнерусским писателем, по выражению его жития, вторым Златоустом, отразившим в своих сочинениях передовые идеи эпохи.

К сожалению, о многих центрах Киевской земли и особенно тех, которые располагались на ее западной и северо-западной окраинах, в настоящее время сказать более того, что о них известно из летописей, невозможно. Однако данных достаточно, чтобы придти к заключению о поступательном историко-культурном и социально-экономическом развитии Киевской земли периода феодальной раздробленности. Раскопки крупных городских центров, феодальных замков, сторожевых крепостей, неукрепленных поселений указывают на то, что именно в это время они переживали экономический подъем, характеризовавшийся бурным расцветом ремесленного производства и торговли, широкими масштабами строительной деятельности, увеличением размеров.

---

* Не оспаривая вывода М. К. Каргера, отметим, однако, что древнерусское городище и курганный могильник находятся также и в г. Изяславле, современном райцентре Хмельницкой области, расположенном неподалеку от исследуемого городища.

180 *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— Тез. докл. совет. делегации на I Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965, с. 39—41.

181 *Лысенко П. Ф.* Указ. соч., с. 197—198.

182 ПСРЛ, т. 2, стб. 492.

183 *Лысенко П. Ф.* Указ. соч., с. 33—69.

Печать великого киевского князя Всеволода Ольговича. Найдена в 1975 г. на Подоле.

Типология и классификация населенных пунктов Киевщины

Изучение древнерусских городов давно заняло важное место в отечественной историографии, однако лишь в советское время эта важнейшая проблема получила верное, марксистское решение. В трудах крупнейших историков Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова и др. было показано, что город домонгольского периода истории Руси — это сложный социально-экономический организм, вызванный к жизни развитием земледелия и ремесла в области экономики и развитием феодализма — в области общественных отношений[184]. В последнее время в изучении древнерусских городов определились новые задачи. Перед наукой встали, что хорошо показано в работах В. Т. Пашуто и В. И. Довженка, вопросы классификации, а также социальной типологии городов и городищ[185]. Изучение и сопоставление многообразных форм городского строя на Руси, по мнению В. Т. Пашуто, являются ближайшей задачей нашей науки[186]. Этой задаче в значительной степени подчинен и обзор основных центров Киевской земли, которым на основании летописных и археологических источников даны конкретные социально-экономические характеристики.

Новое направление в изучении древнерусских населенных пунктов особенно перспективно, как нам кажется, на базе широкого использования археологических источников, позволяющих полнее и четче (по сравнению с письменными свидетельствами) определять тип того или иного поселения. К сожалению, археологи, за редким исключением, вопросами типологии и классификации древнерусских центров практически не занимаются. В их исследованиях по-прежнему присутствуют традиционные определения — город, феодальный замок, крепость, неукрепленное поселение. Отсутствие четких типологических критериев нередко приводит к тому, что один и тот же пункт квалифицируется исследователями по-разному. Одни видят в нем военное поселение — сторожевую крепость, другие — феодальный замок, третьи — городской центр. Характеристики древнерусских городов обладают рядом устойчивых определений, однако исследователи не всегда учитывают, во-первых, что роль городов на протяжении пятивековой истории Древней Руси не была одинаковой[187], а во-вторых, что ведущие или определяющие функции были также различны. В одном случае в основе развития городского центра лежало ремесленное производство, в другом — торговля, в третьем — ремесло и торговля, в четвертом — земледелие, в пятом — административное и культурное средоточие округи, земли.

В ряде городов, таких, как Киев, Вышгород, Туров и др., основой их роста и развития было соединение нескольких ведущих функций — ремесла, торговли, административной власти, культуры и феодального землевладения. Аналогичные процессы, как полагают исследователи, характеризуют и развитие западноевропейских, а также византийских средневековых городов. Изучая особенности феодализма в Византии, З. В. Удальцова и К. А. Осипова пришли к выводу, что прибрежные города, связанные с морской торговлей, как правило, развивались интенсивнее городов центральных районов Балкан и Малой Азии, где они зачастую выполняли прежде всего роль военных укреплений, административных и религиозных центров и лишь во вторую очередь — центров ремесла и торговли[188].

Следует отметить, что в условиях феодализма многие древнерусские города сохраняли аграрно-ремесленный или аграрно-торговый характер. Это проявлялось не только в том,

---

[184] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города; *Греков Б. Д.* Киевская Русь; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.

[185] *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966; *Довженок В. И.* Типологія давньоруських городищ.— Археологія, 1974, № 2.

[186] *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города, с. 98.

[187] Там же, с. 93.

[188] *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Особенности феодализма в Византии.— ВИ, 1974, № 10.

[189] Летопись по Ипатскому списку. Спб, 1871, с. 296.

что земледельческий потенциал обеспечивал необходимый прибавочный продукт для существования городов, но также в их непосредственной связи с сельскохозяйственным производством. В городах, даже крупнейших, селилось земледельческое население, которое обрабатывало участки земли за их пределами. Рассказывая об обороне Киева 1151 г., летописец отмечает: «а Коуеве и торки и Печенѣзи туда сташе отъ Золотыхъ воротъ... по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ» [189]. В этой летописной статье упоминаются огороды церкви св. Иоанна. Значительные земельные угодья располагались вокруг загородных монастырей, которые также обрабатывались городским населением. Огороды имелись также у ремесленников. Неудивительно поэтому, что при раскопках крупных древнерусских городов исследователи находят земледельческие орудия — наральники, косы, серпы, лопаты и др.

Некоторые города Киевщины — Белгород, Торческ, Треполь, Полонный, Колодяжин, Изяславль и др., являясь центрами светского или церковного землевладения, основой своего развития имели сельское хозяйство. Производственная база этих городов целиком находилась за их пределами. Ремесленное производство здесь играло второстепенную, вспомогательную роль и обслуживало, вероятно, ведущую отрасль хозяйства. Население этих городов было занято главным образом в сельском хозяйстве, продукция которого поступала на внутренний и международный рынки. Такие аграрно-феодальные города были характерны не только для древнерусского средневековья, но также для европейского и даже для Византии. В XI—XIII вв. многие города империи представляли собой центры сельской округи, а их население занималось виноградарством, хлебопашеством, скотоводством на прилегавших к городу полях и лугах [190]. Среди колониальных центров Византии классическим примером города, производственная база которого находилась за пределами его стен, был Херсонес, специализировавшийся на виноградарстве.

В XII—XIII вв. в связи с общим экономическим подъемом страны углублялись процессы естественной специализации отдельных районов, причем не только в сельском хозяйстве, но также и в ремесленном производстве. В это время выросли или получили дальнейшее развитие города, ремесленное производство которых основывалось на местной сырьевой базе. К ним прежде всего относятся Овруч, поставлявший шиферные пряслица и заготовки архитектурных деталей для монументального зодчества многих земель Руси, а также Городеск, являвшийся, как показали археологические исследования, крупнейшим центром черной металлургии. Углубленные археологические раскопки, несомненно, выявят и другие специализированные центры производства.

Некоторые города Киевской земли, располагаясь на важных торговых магистралях и являясь перевалочными пунктами торговли Руси с соседними странами, росли и развивались преимущественно за счет торговли. Видимо, к их числу принадлежали Витачев (позднее Святополч-град), Канев, Олешье, Васильев, Туров, Дорогочин и др.

Древнерусские города были разными как по экономической основе своего развития, так и по форме городского строя. Как показал В. Т. Пашуто, условно их можно разделить на две группы, или категории — вольные и частновладельческие. Последние в свою очередь подразделялись на княжеские, боярские и церковные города. К вольным исследователь относит все те города, которые вступали в «ряд» — договор с князем, желавшим занять городской стол [191]. Видимо, городов, обладавших коллективным правом на иммунитет, на Руси было все же немного. В Киевской земле к разряду вольных городов можно отнести, и то условно, только Киев. Князья часто утверждались на его столе, не сообразуясь с желанием киевского боярства, а иногда и вопреки его воле. В этом плане Киев значительно отличался от Новгорода.

Весьма условным был и статус частновладельческих городов, главным образом княжеских. Их держатели по существу не обладали наследственным правом. Достаточно обратиться к истории Вышгорода, Белгорода, Торческа, Канева, Корсуня и др., чтобы убедиться в этом. Князья менялись в этих городах не только при каждой новой смене великих князей, но нередко и на протяжении правления одного и того же киевского князя. Причем степень зависимости их от Киева не менялась от того, распоряжался ими только великий князь или же он разделял это право, как считает В. Т. Пашуто, с киевским магистратом [192]. Княжеские центры Киевской земли правильнее относить к категории государственных, чем частновладельческих. Значительно бо́льшими правами иммунитета обладали церковные и боярские города, однако их удельный вес был не так велик.

Как ни важны вопросы типологии и классификации древнерусских городов XII—XIII вв., они не должны заслонять собой проблему их места и роли в истории каждой земли в отдельности и всей страны в целом. В последнее время исследователи, занимающиеся периодом феодальной раздробленности, все больше обращают внимание на то обстоятельство, что древнерусские города выступали носителями не столько центробежных, сколько центростремительных тенденций. Кроме княже-

---

[190] Экономическое развитие империи в XI—XII вв.— История Византии, т. 2. М., 1967, с. 249.

[191] *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города, с. 95.

[192] Там же, с. 96.

Бронзовая лампада XII—XIII вв. Киев. Территория бывшего Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки М. К. Каргера.

ской власти в поддержании и углублении постоянных связей между различными городами и землями были заинтересованы ремесленники, производившие изделия на рынок, а также купцы, вывозившие товары в другие земли и страны.

Наличие специализации отдельных районов и городов приводило к тому, что все они начинали нуждаться друг в друге, каждый — в продукции своего соседа. Экономические интересы оказывались выше политических, однако рано или поздно должны были придти в соответствие. Неудивительно поэтому, что уже в XII—XIII вв. определился союз крупнейших торгово-промышленных городов Руси и великокняжеской (княжеской в землях) власти. Этот процесс, как считает В. Т. Пашуто, не был однолинейным: города не раз меняли свои симпатии, но в конечном итоге наряду со служилыми феодалами приносили, пусть временный, успех объединительной политике княжеской власти[193].

Следующей, наиболее многочисленной группой древнерусских населенных пунктов Киевской земли, нуждающейся в типологических определениях, являются городища. В специальной работе, посвященной их типологии, В. И. Довженок разделяет городища на феодальные замки и сторожевые «грады», которые различаются прежде всего по характеру собственности, а также преобладанию в них военной или хозяйственной функции. Силами, вызвавшими их к жизни и породившими типологические различия, как считает В. И. Довженок, были феодализация страны и постоянная внешняя угроза[194]. В зависимости от типа городища замки были резиденцией княжеского наместника или боярина, а также местом средоточия воинского гарнизона во главе с воеводой. Военная функция пограничных городищ была ведущей, но отнюдь не единственной. Раскопки показывают, что их жители занимались также сельским хозяйством и ремеслом. В связи с этим в социальном плане сторожевые «грады» лучше подходят под определение военно-феодальных поселений.

Следует ли видеть в отдельных замках типа Княжей горы у Канева и Девич-горы вблизи Корсуня княжеские центры, как это считал В. И. Довженок. Видимо, нет. Ссылка на обнаружение в этих пунктах дорогих ювелирных изделий из серебра и золота, в том числе и княжеской диадемы (Сахновка), вряд ли достаточна для такого важного исторического вывода. Известно ведь, что древнерусские клады, включавшие инсигнии княжеской власти, нередко находились в местах, где не было даже и городищ. Препятствует такому определению замков на Княжей и Девич-горе также то, что они расположены рядом с действительно княжескими центрами — Каневом и Корсунем. Наличие дорогих ювелирных изделий в этих городищах следует объяснять не особым их социальным рангом, а тем, что в канун монголо-татарского вторжения в южные пределы Руси они, как наиболее неприступные крепости, стали местом убежищ княжеско-боярской знати близлежащих городов Канева и Корсуня.

При изучении типов городищенских центров Киевской земли, как и Руси в целом, следует иметь в виду, что они не оставались неизменными от своего возникновения до монгольского нашествия. Нередко, на определенном этапе их развития, изначальная ведущая функция отступала на второй план, и замок приобретал новые определяющие черты. Процессы функционального усложнения городищ особенно активно протекали в XII—XIII вв. Возле многих сторожевых крепостей, располагавшихся на удобных для обороны останцах и мысоподобных выступах Днепра, Стугны, Роси и других рек, в это время появляются огромные открытые поселения — «посады», площадь которых в несколько раз превышала

---

[193] *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города, с. 97.

[194] *Довженок В. И.* Про типи городищ Київської Русі.— Археологія, т. 16. К., 1975, с. 3—14.

[195] *Толочко П. П.* Отчет о раскопках древнерусских поселений на реке Тетерев в 1962—1963 гг.— Науч. архив ИА АН УССР.

[196] *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах.— Нумизматика и эпиграфика, т. 11. М., 1974, с. 222.

* Одно из таких сел было обнаружено В. К. Гончаровым на коренном берегу Днепра неподалеку от городища Иван-Гора. Разведочные раскопки открыли здесь десятки объектов (жилищ и хозяйственных сооружений), а также сельскохозяйственные орудия — наральники, косы, серпы.

размеры укрепленных частей. Обследование городищ у сел Григоровка, Витачев, Халепье на Днепре и Набутов на Роси показало, что это были крупные пункты, население которых занималось не только военным делом, но также сельским хозяйством и ремеслом. Чтобы правильно понять социальный облик многих южнорусских пограничных центров XII—XIII вв., необходимо проводить комплексное археологическое изучение их укрепленных и неукрепленных частей.

Сказанное относится и к другим районам Киевской земли, где окружение городищ также еще не стало предметом серьезных археологических исследований. Многие древнерусские центры (Райки, Колодяжин, Изяславль и др.), погибшие во время монголо-татарского нашествия, поражают нас находками многих десятков рал и лемехов, сотен кос, серпов, лопат и другого сельскохозяйственного, а также ремесленного инвентаря, однако вряд ли мы должны связывать это только с деятельностью их жителей. Не исключено, что, спасаясь от врага, в укрепленные городки, феодальные замки сбегались крестьяне из прилегающих поселений, приносившие с собой самое ценное свое состояние.

Наименее изученной категорией древнерусских населенных пунктов являются неукрепленные селища. Обыкновенно их называют селами, предполагая самую тесную и непосредственную связь с земледелием. Вероятно, в подавляющем большинстве они такими и были, однако раскопки неизменно обнаруживают и иные типы неукрепленных поселений.

В 1962—1963 гг. нам пришлось исследовать группу древнерусских поселений, расположенных в пойме р. Тетерев, у с. Лапутьки Чернобыльского района Киевской области. Занимали они цепочку песчаных всхолмлений левого берега реки, удаленных друг от друга на 1—1,5 км. Раскопки на двух из этих поселений (в урочищах Мосиева Нива и Брод) обнаружили ряд легких построек, хозяйственных ям, а также немногочисленный археологический материал — керамику, шиферные пряслица, точильные бруски, железные ножи. В культурном слое, а также в заполнениях ям в большом количестве находились куски железных шлаков, ошлакованные стенки горнов, куски руды. Судя по всему, поселения в пойме р. Тетерев были сезонными производственными поселками, занимавшимися добычей железной болотной руды. Организацию производства и жизни на них можно представить следующим образом. На исходе лета определенные группы людей городищенских центров, расположенных на второй надпойменной террасе р. Тетерев, отправлялись на «отхожие» промыслы в пойму реки, богатую болотной рудой (она залегает плотной массой толщиной до 30—35 см). Судя по этнографическим данным, руду копали в августе и затем, в течение одного-двух месяцев, готовили к плавке — сушили и обогащали (обжигали на кострах). После окончания этого процесса руду доставляли к местам плавки. Они могли быть и рядом с рудодобывающими поселками, на что, в частности, указывают находки железных шлаков и ошлакованных горновых стенок на исследованных нами поселениях, и вдали от них, возле городищенских центров [195].

Специализированные производственные поселки, занимавшиеся добычей строительного камня, а также точением шиферных пряслиц, известны в окрестностях Овруча. В отличие от описанных выше, они были долговременными, поскольку спрос на их продукцию был огромен во многих древнерусских землях. Видимо, в пределах Киевской земли имелись и другие производственные поселения (например, гончаров), однако их выявление и раскопки — дело будущего.

Наличие в Киевской земле XII—XIII вв. не только земледельческих, но и промысловых поселений отнюдь не является чем-то необычным и специфическим для южнорусского региона. Изучение берестяных грамот привело исследователей к выводу, что промысловые поселения имели место также в Новгородской земле XIII—XIV вв.[196] Были они, несомненно, и в других районах Руси, ибо являлись обязательным следствием дальнейшего развития феодализма и углубления процесса разделения труда. Не исключено, что многие из промышленных сел России XVI—XVIII вв. имели значительно более древнее, быть может, древнерусское происхождение.

Неукрепленные поселения Киевской земли, обитатели которых были заняты исключительно в сельском хозяйстве, также не были однотипными. Их различия определялись прежде всего хозяйственной специализацией отдельных районов. В зонах плодородных почв находились большие земледельческие села*, в полесских районах, а также в поймах крупных речек располагались небольшие поселки животноводов.

К сожалению, археологическое изучение неукрепленных поселений Киевской земли еще не вышло за рамки разведок, и это, естественно, затрудняет решение вопросов не только типологии, но и классификации древнерусского села. А между тем важность последнего направления трудно переоценить. Углубленные археологические раскопки многих поселений, а также сплошное их картографирование позволят ответить на вопрос, что представляла собой южнорусская территориальная община — вервь XII—XIII вв.**

** Подобная работа проведена на материалах Смоленской земли В. В. Седовым (Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960).

Копырев конец.
Фрагмент диорамы.

Посадский район древнего Киева. Находился к западу от Города Ярослава, в районе современного Кудрявца. Начало формирования относится к X в., интенсивное строительство велось здесь в XI—XIII вв. Судя по письменным и археологическим данным, Копырев конец имел мощные укрепления.

КИЕВ И РУСЬ

Политическое положение Киева и Киевской земли

История Руси эпохи феодальной раздробленности с ее сложными и запутанными междукняжескими отношениями, не прекращавшимися усобицами и объединительными съездами князей, постоянной половецкой опасностью и «крестовыми» походами русских дружин в степь, не может быть в полной мере понята без выяснения действительной роли Киева и подвластного ему домена в системе феодальных земель-княжений. Решение этого важного вопроса, как убеждает опыт отечественной историографии, не может быть альтернативным: или полный упадок, или по-прежнему столичное положение. В изменившейся исторической обстановке Киев не сохранил своего прежнего политического значения, однако и не превратился в рядовой центр обыкновенного княжества.

Исследователям не всегда удается правильно оценить характер трансформации политических функций Киева, а равно и определить точный рубеж, отделявший его столичную и нестоличную историю. Да и был ли этот точный рубеж? Политический упадок Киева — это длительный процесс, начало и конец которого далеко не просто установить. Не случайно в исторической литературе так много дат, после которых, как считали исследователи, Киев терял значение столицы Руси и приходил в запустение.

Если подобные затруднения испытывают историки, отдаленные от происходивших явлений значительным промежутком времени, то тем более трудно было разобраться и правильно оценить изменившуюся политическую обстановку на Руси ее современниками. Над многими из них, к тому же, довлела сила традиций, складывавшихся на протяжении столетий. Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что многие князья и в XII в. испытывали неодолимое стремление в Киев, причем даже тогда, когда он превратился лишь в номинальный центр Руси.

С особой силой борьба за Киев, явившаяся одной из характерных особенностей исторического развития Древней Руси на первом ее этапе, разгорелась после смерти Мстислава Великого. Завещание Мономаха, подтвержденное договором Мстислава и Ярополка, об утверждении исключительных прав на Киев, Переяславль и Новгород, а также связанного с Киевом старшинства за Мстиславичами вызвало бурю в стане младших Мономаховичей. Не замедлили заявить свои права на Киев и Святославичи (Ольговичи и Давидовичи). В условиях политической нестабильности Руси (а это характерно для всех средневековых государств) военные столкновения претендентов были неизбежны.

Тесно связанными с борьбой за Киев и киевское старейшинство были также притязания и на земли. Разросшемуся княжескому роду становилось все теснее в границах уже сложившихся древнерусских княжеств. Противоречие между количеством князей и наличием столов разрешалось путем дробления и перераспределения земель между отдельными князьями и княжескими династиями.

После Мстислава Великого киевский стол, как и было договорено, перешел к брату Ярополку (1132—1139). Время его княжения характеризовалось переходными формами от единодержавия, возобладавшего при Мономахе и Мстиславе, до полицентрализма, окончательная победа которого вполне

определится несколько позже. Заняв киевский стол, Ярополк немедленно приступил к исполнению своих обещаний Мстиславу, тем более что они совпадали с его собственными интересами. Понимая, что своеобразным трамплином на киевский стол служил Переяславль, Ярополк размещает в нем сыновей Мстислава, которые не могли (по условиям ряда) претендовать при его жизни на Киев.

Перевод из Новгорода в Переяславль Всеволода Мстиславича, осуществленный Ярополком сразу же после своего вокняжения, вызвал сильное неудовольствие младших Мономаховичей, усмотревших в этом акте желание великого князя передать Киев сыну Мстислава Великого. Особенно энергично выступил против этого Юрий Владимирович, который сам вынашивал планы на овладение великокняжеским столом. Стремительным наездом он берет Переяславль и выводит оттуда своего племянника. Попытка приблизиться к Киеву закончилась для Юрия так же неудачно, как и для его предшественника. Ярополк, собрав «силу многу», изгнал его из Переяславля и передал стол второму Мстиславичу — Изяславу, княжившему до этого в Полоцке. Однако под давлением братьев великий князь очень скоро вынуждает Изяслава поменяться столами со своим дядей Вячеславом, который, став переяславским князем, мог считать себя реальным претендентом на великокняжеский стол. Зная, однако, об отсутствии у Вячеслава честолюбивых замыслов, Ярополк не очень-то опасался его соседства. Более того, оно было выгодным, поскольку на некоторое время устраняло притязания младшего брата Юрия на Киев.

Вскоре Вячеславу надоело сидеть в пограничном Переяславле, подверженном постоянным опасностям со стороны степи, и он, не послушав уговоров великого князя, «иде опять Турову». Юрий только и ждал этого. Он немедленно посылает к Ярополку послов с просьбой поменять Переяславщину, выступающую по существу частью великокняжеского домена, на Ростово-Суздальскую землю. «В лѣто 6643 Юрьи испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»[1].

Реализация этого предложения по существу значила бы, что именно Юрий Долгорукий признавался наследником киевского стола. Это вовсе не входило в расчеты Мстиславичей, среди которых выделялся Изяслав, а также князей черниговских, давно ожидавших удобного случая для возвращения Посеймья. В союзе с Мстиславичами черниговский князь Всеволод Ольгович начинает войну с Ярополком. Военный демарш союзников вынудил Ярополка отказаться от предложения Юрия, и в Переяславль был посажен младший сын Мономаха Андрей. Князья — претенденты на Киев спокойно пережили это событие, поскольку Андрей не числился среди претендентов на великокняжеский стол.

Вторая половина княжения Ярополка прошла под знаком борьбы с черниговскими князьями, в частности с Всеволодом Ольговичем, который значительно укрепил свое положение и выдвинулся на одно из первых мест среди удельных князей. В 1136 г., раздраженный неуступчивостью великого князя в вопросе о Посеймье, Всеволод осадил Переяславль. Осенью того же года Ольговичи в союзе с половцами вторглись в пределы Киевской земли. Бесконечные претензии черниговских князей вынудили Ярополка обратиться за военной помощью к ряду удельных княжеств. Летопись сообщает, что под знамена великого князя собралось «множьство вои изо всихъ земель»[2], которые, однако, так и не были введены в действие. При посредничестве митрополита Михаила между Ярополком и Всеволодом был заключен мирный договор. Спорные земли были возвращены черниговским князьям «и вда Ярополкъ Ольговичемъ отчину свою чего и хотѣли, и тако утѣши»[3].

Условия мирного договора не удовлетворили ни Ярополка, потерявшего Курскую волость, ни Всеволода, который начал уже претендовать на ведущую роль в стране. С этой целью он затеял тонкую интригу в Новгороде, в результате которой

---

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 295.
[2] Там же, стб. 299.
[3] Там же, т. 2, стб. 299.

Поход войска киевского князя Ярополка Владимировича на Чернигов. Миниатюра Радзивилловской летописи.

новгородцы изгнали Всеволода Мстиславича и пригласили к себе княжить Святослава Ольговича. Новгород временно перешел в руки черниговских князей. В этом же году Всеволод Мстиславич возвращается на север, но не в Новгород, а в Псков. Летопись сообщает, что псковитяне не поддержали новгородцев и не изменили своей прокиевской ориентации. Вскоре и новгородцы отступились от черниговских князей.

Столь неожиданный поворот событий вызвал новую вспышку раздражения Всеволода Ольговича, вылившуюся в военный поход против Переяславля: «В се же лѣто приведе Всеволодъ Ольговичь Половцѣ к Прилуку, и взя ины городы поима Посульское»[4]. Чтобы покончить с бесконечными претензиями Ольговичей, Ярополк собирает большие силы, куда вошли «Суждальци и Ростовци, съ Полочане, и Смолняны, и король Угры посла помощь, Береньдичевъ 30 тысяць и Туровцѣ»[5]. Чернигов был осажден, и Всеволод попросил мира. Приходится только удивляться, почему Ярополк не воспользовался своей силой. Достаточно вспомнить, что его брат Мстислав в аналогичной ситуации, создавшейся десять лет назад, действовал значительно решительнее. Полоцкие князья-смутьяны были не только лишены столов, но и высланы в далекий Константинополь.

Анализ семилетнего княжения Ярополка в Киеве позволяет считать, что он не мог достойно продолжать дело своих знаменитых предшественников — Мономаха и Мстислава. Будучи человеком умным, но нерешительным, Ярополк проводил политику братолюбия и миролюбия. Особенно это относится к Ольговичам, которых Ярополк пытался путем компромиссов устранить от участия в разрешении противоречий среди многочисленных потомков Мономаха. Несмотря на то что летописец не жалеет эпитетов при характеристике действий великого князя, вряд ли его политика находила поддержку широких народных масс. Слова летописи о том, что Ярополк «хулу и укоръ прия на ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ», свидетельствуют о том, что более решительным Ярополка хотели видеть не только сородичи, но и население Киевской и Переяславской земель, страдавшее от частых военных вторжений Всеволода Ольговича.

И все же, несмотря на начавшееся новое обострение междукняжеских противоречий, Древняя Русь времен Ярополка сохранила еще многое от того, что было достигнуто Мономахом и Мстиславом. Ее единство не могли еще окончательно разрушить усобицы младших Мономаховичей и Ольговичей. Каждый из князей — претендентов на Киев рассматривал себя как потенциального главу всех князей после смерти Ярополка и стремился подготовить для этого почву. Право Ярополка на

---

[4] ПСРЛ, т. 2, стб. 301.
[5] Там же.
[6] Там же, стб. 304.
[7] Там же, стб. 305.
[8] Там же, стб. 311.

старейшинство не только не оспаривалось, но еще и не подвергалось сомнению. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным и характерным, поскольку в последующем периоде исторического развития русских княжеств положение великокняжеской киевской власти уже не будет столь незыблемым.

В 1139 г., после смерти Ярополка, Киевом овладели Ольговичи. Воспользовавшись неурядицами в стане Мономаховичей и Мстиславичей, Всеволод, собрав небольшое войско, занял сначала Вышгород, а затем Киев.

Переход Киевской земли в руки Всеволода (1139—1146), князя из другой династии, требовал от него налаживания новых связей и контактов, приведения в подчинение или изгнания из волостей Мономаховичей. Вчерашний сепаратист, на киевском столе Всеволод начал проводить политику укрепления единства русских земель. Летопись, рассказывая о походе Всеволода на Андрея под Переяславль, отмечает, что Всеволод, надеясь на силу свою, «самъ хотяше землю всю держати, искаше подъ Ростиславомъ Смоленьска, а подъ Изяславомъ Володимира»[6]. Предпринятые им походы на Владимир и Переяславль не имели особого успеха. В западном направлении Всеволод дошел только до Горенки и, «пополошившись» (испугавшись), вернулся в Киев. Не удалась и попытка изгнать Андрея из Переяславля. В ответ на требование великого князя уйти на курский стол, Андрей, поддержанный боярами, заявил: «Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьскои княженьи»[7]. Посланный к Переяславлю брат Всеволода Святослав Ольгович терпит поражение.

От тактики силового давления на своих вассалов Всеволод переходит к дипломатии и добивается заметных успехов. Он заключает договоры с Андреем и Вячеславом Владимировичами, Изяславом Мстиславичем, в Чернигове оставляет своего сына Святослава, в Новгород посылает брата Святослава, которого после изгнания новгородцами переводит в Новгород-Сиверский, придав ему еще и Курскую волость. После смерти Андрея в 1141 г. Всеволод переводит в Переяславль Вячеслава, а в Туровскую землю посылает своего сына Святослава.

В проведении своей объективно общерусской политики Всеволод неожиданно встретился с открытым сопротивлением не только князей многочисленного потомства Мономаха, но и своих братьев — Святослава и Игоря. Последние, упрекая Всеволода за его союз с Мономаховичами, стремятся вытеснить великого князя из Черниговской земли, где он сохранял за собой обширную Вятичскую волость. Претензии братьев, по мнению Всеволода, должны были быть удовлетворены за счет небольших городов Киевской земли Берестья, Дорогочина, Клеческа, Черторыйска. Братья, однако, решили отказаться от «подарков» Всеволода, заявив, что «мы просимъ у тебе Черниговьской и Новгороцкой волости, а Киевьскоѣ не хочемъ»[8]. Великий князь продолжал стоять на своем, чем вызвал вооруженный конфликт. Черниговские князья пошли на Переяславль, чтобы изгнать оттуда Вячеслава. На помощь последнему немедленно выступили полки Всеволода и Изяслава Мстиславича. Так, отстаивая свое право старейшины русских князей, Всеволод оказался в союзе с Мономаховичами против своих же родных братьев. Последние в конце концов получили ряд городов в Черниговской земле, но вытеснить Всеволода из Вятичской земли так и не смогли.

Власть Киева расширяется; даже традиционно враждебные Киеву полоцкие князья путем женитьбы сына великого князя на полоцкой княжне Васильковне в 1143 г. были прибраны к рукам. За пределами влияния Южной Руси при Всеволоде Ольговиче оставалась Ростово-Суздальская земля, князь которой Юрий Долгорукий так и не сблизился с Всеволодом, Новгород и Галич.

Согласно А. Е. Преснякову, глава черниговских князей, заняв Киев, стал вынашивать самые широкие планы, мог чувствовать себя призванным к объединению Всеволодовой и Святославовой отчины в одной политической системе, построенной в духе Мономаха, но на более широком основании. В конце концов Всеволод достиг признания своего старейшинства всеми князьями, кроме Юрия Долгорукого и Владимира Галицкого, и, как бы ни было оно поверхностно, особенно по сравнению с властным положением Мономаха или Мстислава, Всеволод все-таки стоял в центре всех событий, и если не силой, то дипломатической игрой влиял на них[9].

П. В. Голубовский считал, что Всеволод умел прикрываться общерусскими интересами и в этом случае возможна параллель между ним и Владимиром Мономахом[10]. По мнению Б. Д. Грекова, Всеволод, будучи прекрасным политиком, достиг очень многого. Он, оставаясь князем черниговским, владел и значительной частью бывшего Древнерусского государства[11].

В 1146 г., после семилетнего перерыва, киевский стол снова оказался в руках Мономаховичей. Его занял Изяслав Мстиславич, один из наиболее энергичных политических деятелей середины XII в. (1146—1154). Характерно, что, как и когда-то его дед Мономах, Изяслав стал киевским князем не по праву старшего, а в результате вспыхнувшего в Киеве восстания против Ольговичей и отступничества от них киевских бояр. Они были очень влиятельной силой в политической жизни Киева;

---

[9] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси, с. 86—88.
[10] *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV в. К., 1881, с. 121.
[11] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 510.

благополучие того или иного киевского князя в значительной степени зависело от того, насколько его политика отвечала интересам крупной земельной знати. Изяслав умел находить общий язык с киевскими боярами, хотя они и отказывали ему несколько раз в своей поддержке.

Середина XII в. характеризуется особым обострением борьбы князей за Киев. Кроме Изяслава, активное участие в ней принимал Юрий Долгорукий, Владимир и Ярослав Галицкие, а также Святослав Ольгович. Преимущество осталось за Изяславом, который на киевском столе развернул энергичную деятельность по восстановлению былого единства страны. Влияние Киева в это время распространяется на Новгородское, Смоленское, Переяславское, Гродненское, Волынское княжества, где сидели братья и сыновья Изяслава. Независимое положение, как и прежде, сохраняли Ростово-Суздальская и Галицкая земли, князья которых, хотя и вынуждены были смириться со старейшинством Изяслава, находились по отношению к нему в оппозиции.

Результаты объединительной деятельности Изяслава были такими же, как и у его предшественника, правда, пути их достижения несколько отличались. Не в пример Всеволоду, Изяслав не пользовался сомнительными услугами половцев и не наводил их на Русь. Это, несомненно, положительно воспринималось населением русских земель и укрепляло авторитет Изяслава.

Видимо, положительной оценки заслуживает и попытка Изяслава Мстиславича освободиться от чрезмерного влияния Византии на Русь, которое она осуществляла через митрополитов-греков. В 1147 г., воспользовавшись тем, что митрополичья кафедра осталась вакантной, Изяслав, в нарушение всех церковных законов, поставил митрополитом Климента Смолятича. Исследователи неоднократно обращались к этому важному событию в церковно-политической жизни Руси, но оценивали его по-разному. Одни видели в нем (как и в поставлении митрополита Илариона) стремление достичь бóльшей самостоятельности русской церкви и национализации ее иерархии. Другие, ссылаясь на единичность подобных поставлений, отрицали это. Для выяснения истины следует привести речь Изяслава при открытии собора русских епископов, содержащуюся в татищевском тексте. «Ныне митрополит русский умре, и церковь осталась без пастыря и начальника правления духовного, которого прежде великие князи, избирая, посылали для посвящения в Константинополь. И ныне избрать в моей воли, но в Царьград и патриарху послать для учинившегося смятения и многих междоусобий в тех не можно. К тому же, от оного митрополитов посвячения чинятся напрасно великие убытки, а паче всего через сию патриархов в Руси власть цари греческие исчут над нами властвовать и повелевать, что противно нашей чести и пользы» [12].

Как видим, Изяслав Мстиславич, ставя на митрополичью кафедру русского, имел совершенно четкие и конкретные цели. К сожалению, они не принесли положительных результатов. Акция Изяслава не была поддержана всеми епископами и удельными князьями; митрополит Климент держался только силой Изяслава, а после его смерти вынужден был оставить кафедру.

Со смертью Изяслава Мстиславича Киев не остался без князя, но им, к сожалению, был престарелый Вячеслав, бесталанный сын Мономаха, не принимавшийся всерьез молодыми князьями. К Киеву немедленно устремляются три претендента: брат Изяслава Ростислав Смоленский, Юрий Долгорукий и Изяслав Давидович Черниговский. Всем им хотелось получить киевский великокняжеский стол с торжественным титулом царя русской земли [13]. На ближайшие годы эти князья окажутся в центре общерусских событий, связанных с борьбой за Киев, но ни один из них не достигнет положения своего предшественника.

Первым к Киеву прискакал Изяслав Давидович, но, встретив решительный отпор со стороны киевского боярства и сына покойного князя Мстислава, вынужден был удалиться в Чернигов, отложив до лучших времен осуществление своего честолюбивого замысла.

Приглашение на киевский стол получил Ростислав Смоленский, которого особенно поддерживали Мстислав Изяславич и Святослав Всеволодович. Последний, вызванный в Киев Вячеславом, должен был охранять киевский стол вплоть до прибытия Ростислава. За верную службу Святослав получил один из старинных и обширных уделов Киевщины — Турово-Пинскую землю [14].

Сев на киевский стол, Ростислав, по примеру своих предшественников, предпринимает попытку отразить претензии на Киев Юрия Долгорукого и Изяслава Давидовича. С этой целью он идет походом сперва на сына Долгорукого Глеба, которого побеждает под Переяславлем, а затем и на Изяслава Давидовича к Чернигову. В двухдневной битве, оставленный Мстиславом Изяславичем, Ростислав терпит поражение и лишается Киева.

На короткое время им овладел Изяслав Давидович, но удержаться на великокняжеском столе не смог. Пришло время Юрия Долгорукого, наиболее опытного и сильного претендента на Киев. Узнав о захвате Киева Изяславом Давидовичем, Юрий двинулся с большими силами на юг. Подойдя к Моровийску, он направляет

---

[12] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 2. М.— Л., 1963, с. 171.
[13] *Рыбаков Б. А.* «Слово о Полку Игореве» и его современники, с. 111.
[14] ПСРЛ, т. 2, стб. 471.

Занятие черниговским князем Всеволодом Ольговичем киевского стола. Миниатюра Радзивилловской летописи.

к Изяславу посла с предложением немедленно покинуть Киев, поскольку это его вотчина. Изяслав не спешил выполнить ультиматум Долгорукого «зане возлюби великое княжение Киевское», однако, «видя, что ему противо силы Юрия не удержаться, паче же ведая, что вся Русь более преклонна к детем и внучатам Владимировым, нежели Святославлим» [15], вынужден был оставить Киев.

Заняв в третий раз Киев, Юрий Долгорукий окружает себя сыновьями: в Переяславле сажает Глеба, в Турове — Бориса, в Поросье — Василька, в Вышгороде — Андрея. Спустя некоторое время он вынуждает отказаться от притязаний на Киев Изяслава Давидовича, за что уступает ему город Корческ, а Святославу Ольговичу — Мозырь. Племяннику Владимиру Андреевичу Юрий отдает погорыньские города. Святослав Всеволодович, одним из первых встретивший Долгорукого у Стародуба и присягнувший ему «на всей воли его», получил небольшой удел в Подесенье.

Положение третьестепенного князя не устраивало Святослава, и он снова переходит на сторону Ростислава Смоленского. Так против Юрия Долгорукого начала составляться коалиция, которая вскоре пополнилась Изяславом Давидовичем, отбившим у Юрия его пленника Ивана Берладника и по существу объявившим войну, а также Мстиславом Изяславичем Волынским, успешно отразившим вторжение на Волынь великого князя.

Войска Ростислава, Изяслава и Мстислава были уже на марше, когда из Киева пришла весть о неожиданной смерти Юрия Долгорукого. Из разъяснения летописца: «Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила: въ тои день на ночь расболѣся и бысть болести его 5 дний»[16], видимо, явствует, что в Киеве против Юрия Долгорукого также существовал заговор.

Этот вывод, сделанный на основании летописного рассказа, находит некоторое подтверждение и во внелетописном материале. Имеется в виду интереснейшее граффити, обнаруженное С. А. Высоцким в алтарной части предела Иоакима и Анны в Софии Киевской. Читается оно так: «Господи, помоги рабам своим Петриле и Варнаве». Как заметил С. А. Высоцкий, запись интересна тем, что в ней употреблено двойственное число, редко встречающееся среди граффити [17]. Думается, что двойственность формы обращения к богу за помощью является свидетельством двойственного участия Петрилы и Варнавы в каком-либо преступлении. Не исключено, что перед нами автограф того самого Петрилы, у которого пил Юрий Долгорукий и который вместе с боярином Варнавой имеет непосредственное отношение к скоропостижной смерти князя. Совершив зло, бояре замаливали свой грех в Софии и оставили там просьбу о заступничестве бога.

---

[15] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3. М.—Л., 1964, с. 52.
[16] ПСРЛ, т. 2, стб. 489.
[17] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской, с. 119, 413.

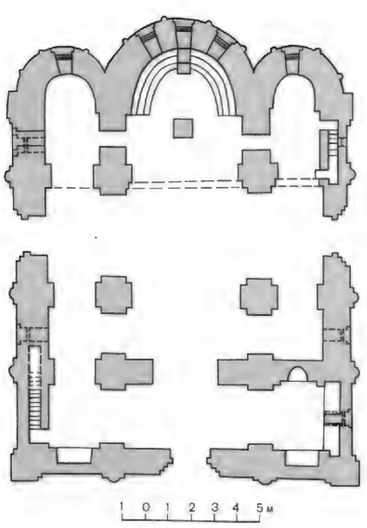
Через четыре дня после смерти Юрия Долгорукого великим князем киевским стал Изяслав Давидович, получив приглашение киевских бояр: «Поѣди, княже, Киеву. Гюрги ти умерлъ, онъ же прослезивъся и руцѣ въздѣвъ к Богу и рече благостенъ еси Господи оже мя еси росудил с нимъ смертию» [18].

Почему киевляне предпочли черниговского князя Ростиславу, сказать трудно. Не исключено, что приглашение поступило не от всех киевлян, а лишь от прочерниговской боярской группировки, оказавшейся в данный момент достаточно влиятельной политической силой. Видимо, этим следует объяснить тот факт, что против занятия Изяславом Давидовичем великокняжеского стола не посмели протестовать ни Ростислав Смоленский, ни Мстислав Изяславич, князь волынский.

Заняв Киев, Изяслав решил оставить за собой и Чернигов, в котором посадил племянника Святослава Владимировича. Такой поворот событий не устраивал прежде всего Ольговичей, оказавшихся в весьма стесненном положении. Объединившись, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович вынуждают Изяслава отказаться от Чернигова. Там садится Святослав Ольгович, а Новгород-Сиверский он передает своему племяннику Святославу Всеволодовичу. За Изяславом, как некогда за Всеволодом, осталась Вятичская волость, а также, вероятно, и бóльшая часть Черниговщины. Основанием для такого утверждения может быть признание Святослава Ольговича, что Изяслав дал ему «Черниговъ съ седмью городъ пустыхъ..., а всю волость Черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ, и то ему не досыти»[19].

Несмотря на усилившиеся позиции сородичей великого киевского князя, ни один из них не мог считать себя независимым от Киева. Весьма показательной в этом отношении может быть реакция Изяслава Давидовича на отказ Святослава Ольговича принять участие в волынско-галицкой военной кампании 1159 г. Он приказывает послу Святослава Георгию Шакушаню передать своему князю следующее: «Оже ты самъ не идеши, ни сына пустиши, аже ми Бог дасть успѣю Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь поползывати изъ Чернигова к Новугороду»[20]. Угроза великого князя не была приведена в исполнение, поскольку в бою под Белгородом он потерпел поражение от Мстислава Изяславича и сам потерял киевский стол. В 1161 г. он еще раз овладел Киевом, но в бою с Ростиславом под тем же Белгородом был убит.

Церковь Кирилловского монастыря. Построена около 1146 г. План по обмерам Н. В. Холостенко. Реконструкция Ю. С. Асеева.



Княжение Изяслава Давидовича в Киеве нельзя признать ни удачным для него самого, ни полезным для Южной Руси. При многих положительных качествах, Изяслав не мог справиться с трудной ролью киевского князя. Связав свою судьбу с галицким изгоем Иваном Берладником еще во время борьбы за киевский стол, он не проявил достаточной гибкости, когда Ярослав Осмомысл, Мстислав и Ярослав Изяславичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, поддержанные венгерским королем и польскими князьями, потребовали выдачи мятежного князя. Передав через послов названных князей отрицательный ответ («попръ всѣхъ»), Изяслав резко обострил внутреннюю ситуацию в стране. Он не понял, что оказываемое им покровительство Берладнику, считавшемуся в настоящий момент одним из главных зачинщиков княжеских усобиц, компрометировало его в глазах современников.

Союзу князей Ярослава Галицкого, Мстислава Волынского и Ростислава Смоленского Изяслав Давидович пытался противопоставить силы объединенного рода Ольговичей, но достигнутое в Лутаве соглашение между ними оказалось недолговечным. В самом Киеве положение Изяслава также не было прочным. Видимо, в этом сказалась его, традиционная для Ольговичей, но не популярная среди киевлян, политика заигрывания с половцами. Оказавшись в изоляции, Изяслав Давидович разделил судьбу своего единственного верного союзника Ивана Берладника.

Победа Мстислава Изяславича и Ярослава Галицкого под стенами Белгорода открывала им дорогу на Киев. По выражению Б. А. Рыбакова, Ярослав Осмомысл, призвавший девять государств, чтобы рассудить его с предводителем дунайской вольницы, теперь шел победителем к столице Руси[21]. Овладев Киевом, Мстислав Изяславич и Ярослав посылают приглашение

---

[18] ПСРЛ, т. 2, стб. 489.
[19] Там же, стб. 500.
[20] Там же, стб. 499.
[21] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 121.

занять великокняжеский стол старшему из Мстиславичей Ростиславу. Последний, однако, не спешил его принимать. Еще свежей была в памяти неудачная попытка 1154 г. Прежде чем согласиться, Ростислав ставит князьям два условия: первое — чтобы с митрополичьей кафедры был смещен Клим Смолятич, из-за которого на Руси произошел раскол епископов, и второе — чтобы все князья признали в нем старейшину. «Оже мя въ правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемь собъ въ правду, и въ моемь вы послушаньи ходити» [22]. Судя по тому, что условие о старейшинстве было передано приглашающим князьям не личным представителем Ростислава, а послами от Смоленска и Новгорода, он добивался его признания всеми древнерусскими князьями. Ростислава пригласили в Киев волынский и галицкий князья, но, вероятно, они были лишь выразителями воли киевского боярства, связывавшего со смоленским князем надежды на прекращение борьбы за Киев.

Следует отметить, что Смоленское княжество, расположенное в центре русских земель, всегда поддерживало тесные контакты с Киевом. Почти все его князья побывали на киевском столе. Б. А. Рыбаков основную причину этого явления видит в том, что Смоленское княжество находилось в стратегической близости к Киеву. Смоленск имел очень удобную связь с Киевом — вниз по Днепру можно было пустить флотилию любых размеров и всего лишь через восемь дней она была уже под стенами столицы [23].

Действительно, располагаясь на важнейшей торговой магистрали Руси и фактически контролируя ее на всем протяжении, Киев и Смоленск не могли вступать в противоборство. Их объединяли общие экономические интересы и не случайно эти центры острее других чувствовали необходимость сохранения единства русских земель. Смоленск, находившийся в полной безопасности от половцев, тем не менее регулярно посылал военные отряды в распоряжение киевских князей.

Значительная роль в укреплении киево-смоленского союза принадлежала Ростиславу Мстиславичу, который к моменту занятия киевского стола был одним из наиболее опытных и авторитетных князей на Руси.

Вторичное утверждение Ростислава в Киеве оказалось удачным (1159—1167). Постепенно он стабилизировал внутреннее положение Руси и по праву считался старейшиной русских князей. В Смоленске, Новгороде и на Волыни сидели сыновья и племянники великого князя; Киевская земля управлялась молодыми Ростиславичами. Один из них, Рюрик, находился при отце и был воеводой «Киевского полка», другой, Мстислав, держал важную стратегическую крепость Белгород. Еще один сын великого князя, Давид, утвердившись на некоторое время в Витебске, оказывал давление на полоцких князей.

В отличие от своего предшественника, Ростислав не делал ставки на князей, сошедших со сцены. В конфликте Изяслава Давидовича, пытавшегося компенсировать потерю Киева возвращением Чернигова, со Святославом Ольговичем киевский князь решительно принял сторону последнего. Этим он не только вывел из борьбы за Киев князей Чернигова и Новгород-Сиверска, но и приобрел в их лице надежных помощников в борьбе с кочевниками.

Влияние Ростислава на черниговские дела еще более усилилось после того, как Олег Святославич женился на его дочери. В возникшей после смерти Святослава Ольговича распри между Святославом Всеволодовичем и Олегом Святославичем великий князь выступил в качестве посредника, «добра имъ хотя» и вынудил Святослава уступить Олегу четыре города [24].

Еще раньше, в 1161 г., Ростиславу удалось погасить конфликт на севере страны, в Новгороде, где взбунтовавшиеся горожане изгнали князя Святослава Ростиславича. Замешанный в этих событиях Андрей Боголюбский рассчитывал на утверждение в Новгороде одного из своих братьев, но Ростислав настоял на возвращении туда сына Святослава. «Том же лѣте пояша Новгородьци Святослава Ростиславича к собъ княжить опять, а Гюргевича внука выгнаша» [25]. Сговорчивость суздальского князя да и самих новгородцев, видимо, объясняется укрепившимися позициями Ростислава. В сфере влияния великого князя находилась также Галицкая земля, князь которой Ярослав Осмомысл признавал старшинство Ростислава и регулярно посылал свои полки по его призыву.

Стабилизация внутреннего положения русских княжеств, достигнутая в годы княжения Ростислава, совпала (а отчасти, и стимулировалась) с новым наступлением на южнорусском пограничье половецких орд. В их отражении принимали участие почти все древнерусские земли, а возглавил борьбу с половцами киевский князь. Верный своей политике миролюбия, Ростислав женит в 1162 г. своего сына Романа на дочери половецкого хана Беглюка [26], но желаемых результатов не достигает. И тогда от дипломатии великий князь прибегает к силе оружия. В 1166 г. против половцев, вторгшихся в пределы Поросья, Ростислав двинул силы многих княжеств и нанес им поражение. Вторично под знаменами киевского князя собираются полки от разных земель в 1167 г., чтобы обезопасить днепровский торговый путь от половецких набегов. «Посла Ростиславъ къ братьи своеи и къ сыномъ своимъ, веля имъ

---

[22] ПСРЛ, т. 2, стб. 503.

[23] *Рыбаков Б. А.* Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». — История СССР, т. 1. М., 1966, с. 603.

[24] ПСРЛ, т. 2, стб. 525—526.

Встреча Изяслава Мстиславича киевлянами после победы над Игорем Ольговичем. Миниатюра Радзивилловской летописи.

всимъ съвъкупится у себе съ всими полкы своими и приде Мьстиславъ из Володимиря, Ярославъ братъ его из Лучьска, Ярополкъ из Бужьска, Володимиръ Андрѣевичь, Володимиръ Мьстиславичь, Глѣбъ Городеньскии, Иванъ Ярославичь сын и Галичьская помочь; и стояша у Канева долго время, дондоже взиде Гречникъ и Залозникъ»[27].

В том же 1167 г. Ростислав предпринимает далекое путешествие на север, в Новгород, чтобы укрепить пошатнувшиеся там позиции своего сына Святослава. На состоявшейся встрече у Великих Лук новгородцы дали киевскому князю клятву никогда не искать другого князя и разлучиться со Святославом одною смертью.

В оценках личности Ростислава и результатов его деятельности обнаруживается удивительное и, кажется, несправедливое единодушие. В нем, как правило, видят человека честного, хранителя старых традиций, с уважением относившегося к отживающему принципу старейшинства, но заурядного политика и полководца[28]. Некоторые исследователи считали, что Ростислав, в отличие от Андрея Боголюбского, представлял собой анахронистический тип государственного деятеля, который безнадежно пытался остановить колесо истории.

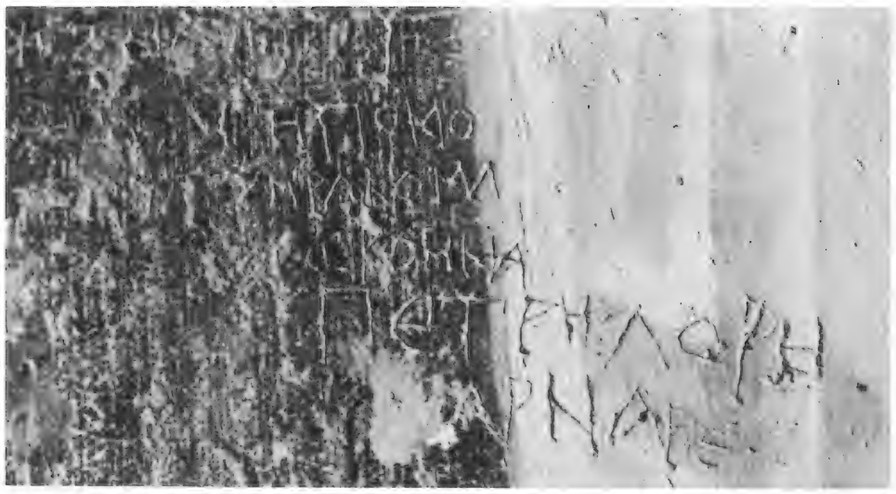
Однако так поступал не один только Ростислав. Политика борьбы за сохранение единства Руси, реализация которой связывалась с восстановлением принципов старейшинства, практически была характерна для всех киевских князей. И позднее, когда наряду с Киевом выдвинулись и другие объединительные центры — Чернигов, Владимир, Галич,— их князья также добивались признания своего старейшинства. Не являлся исключением и Андрей Боголюбский, противопоставление которого в этом плане Ростиславу лишено основания. Князей, претендовавших на руководящую роль в стране, отличали не конечные цели, а методы и пути их достижения, зависевшие от конкретных исторических условий.

Ростиславу Мстиславичу удалось достичь признания своего старейшинства многими русскими князьями, по существу не прибегая к силе оружия. Восемь лет Русь практически не знала феодальных усобиц, не испытывала опустошительных вторжений половецких орд. Да, политика Ростислава по отношению к степи была оборонительной. Он действительно не предпринимал далеких походов и не одерживал блестящих побед. Но ведь и половцы в это время не проходили дальше Поросской оборонительной линии. Именно здесь они потерпели поражение в 1161 и 1166 гг., после чего и вовсе прекратили наступление на южнорусское пограничье, довольствуясь лишь грабежом купеческих караванов.

Княжение Ростислава Мстиславича прошло под знаком победы (пусть временно) объединительных тенденций.

---

[25] ПСРЛ, т. 2, стб. 518.
[26] Там же, стб. 518.
[27] Там же, стб. 527—528.
[28] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. 2. Спб., 1892, с. 202.



Граффити в апсиде Софии Киевской: «Господи помози рабам своим Петрилови и Варнаве».

После смерти Ростислава, несмотря на наличие более достойных (по родовому счету) кандидатов (Владимир Мстиславич, Святослав Всеволодович и Андрей Боголюбский), киевские бояре пригласили на великокняжеский стол Мстислава Изяславича, князя Волынской земли, дважды сажавшего до этого в Киеве дядю Ростислава и бывшего, по существу, его соправителем. Перейдя в Киев, Мстислав оставил за собой и богатую Волынь, имевшую традиционные тесные связи с Киевом. Со времен Ярославичей великие князья смотрели на эту окраинную землю как на свою вотчину и не желали отдавать ее в наследственное владение какой-либо княжеской ветви. В силу этого Волынь вплоть до середины XII в. не имела собственной княжеской династии; она или непосредственно управлялась из Киева, или же на владимирском столе сидели ставленники киевских князей. Только ко времени великого княжения Изяслава Мстиславича Волынь получила статус наследственной вотчины и надолго закрепилась за его родом. Характер взаимоотношений Волыни и Киева несколько изменился, но тесные связи сохранились. Свидетельством этого явилось активное участие волынских князей в борьбе за великокняжеский киевский стол и их попытки достичь старшинства путем объединения Волыни и Киевщины.

Став великим киевским князем, Мстислав развернул энергичную деятельность по защите южнорусских земель и торговых путей от половецких набегов. В 1168 г. он созывает вассальных князей в Киев: «пожалъте си о Рускои земли и о своей отцинъ и дѣдинъ, оже несуть хрестьяны (половцы.— *П. Т.*) на всяко лѣто у вежъ свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьскии путь изъотымать, и Солоныи, и Залозныи»[29].

Князья охотно принимают предложение Мстислава, но особенный восторг вызывает оно у летописца, который не жалеет эпитетов для восхваления великого князя. В походе должны были принять участие дружины многих княжеств. Даже традиционно непокорным Ольговичам Мстислав приказал быть в Киеве: «Посла же Чернигову къ Олговичемъ всимъ и къ Всеволодичема, веля имъ быти всимъ у себе; бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли»[30].

Что такое быть в воле великого князя, видно из летописной статьи 1140 г. Из Византии, после десятилетнего заточения, вернулись полоцкие князья, сосланные Мстиславом Великим за то, что «не бяхоуть его воли и не слышахуть его, коли зовяшеть в Рускую землю в помощь»[31]. Быть в воле великого князя — значит подчиняться решениям своего верховного сюзерена, особенно в вопросах защиты государственных границ.

Летописец, описывая поход, организованный Мстиславом, в котором приняли участие Рюрик и Давид Ростиславичи,

---

[29] ПСРЛ, т. 2, стб. 538.
[30] Там же.
[31] Там же, стб. 303.
[32] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 198.
[33] Там же, с. 139.
[34] *Рыбаков Б. А.* Русь в эпоху «Слова о полку Игореве», с. 630.

Святослав Всеволодович, Ярослав, Олег Святославич, Всеволод, Ярослав Луцкий, Ярополк Изяславич, Мстислав Всеволодович, князь городенский, Святополк Юрьевич, князь туровский, Глеб и его брат Михаил из Переяславля, как бы воскрешает далекие времена Мономаха и Мстислава. Как и тогда, борьба с половцами представляется ему общерусским делом. «Крестовый поход» русских дружин окончился их блестящей победой. Половцы были загнаны за Оскол. Вскоре Мстислав совместно с волынскими князьями идет к Каневу, и, как двумя годами ранее Ростислав, ждет, пока пройдут купеческие караваны на Русь.

Подобные военные походы на половцев, в которых за последние десятилетия принимали участие силы многих древнерусских княжеств, способствовали укреплению авторитета великого киевского князя как полководца объединенных дружин и более тесному единению древнерусских земель. Однако они не привели к прекращению борьбы князей за Киев и не смогли остановить процесс его политического ослабления.

Мстислав Изяславич лишь на очень короткое время достиг признания своего старейшинства и был первой фигурой среди русских князей. Владея Киевом и богатой Волынью, опираясь на помощь и смирив на время Ольговичей, Мстислав, как считает Б. А. Рыбаков, стал сильнейшим из своих современников. Ни один из князей не мог противостоять ему в одиночку[32]. Очень скоро, однако, против него образовался сильный союз князей Ростиславичей и Ольговичей, возглавленный Андреем Боголюбским[33]. К 1169 г. влияние Мстислава сузилось до пределов Киевщины и Волыни, а также далекого Новгорода, где после изгнания Святослава Ростиславича сел сын киевского князя Роман Мстиславич.

История взаимоотношений Киева и Новгорода эпохи феодальной раздробленности Руси (ожидающая своего исследователя) свидетельствует о том, что между двумя крупнейшими центрами существовали постоянные связи — экономические, культурные, административные, политические. Расположенный на важном перекрестке торговых путей, Новгород, согласно образному высказыванию Б. А. Рыбакова, полтысячелетия был для Руси своеобразным «окном в Европу»[34]. Не случайно Киев всегда стремился к тому, чтобы этот международный торговый порт находился в его руках. С этой целью в Новгород из Киева издавна посылались князья и посадники. В период феодальной раздробленности новгородцы сами выбирали себе посадников, как правило, из числа представителей местного крупного боярства, но князья, по-прежнему, чаще всего «вводились» из Киева. И хотя их роль не была столь значительна, как в других русских княжествах, вряд ли компетенция княжеской власти Новгорода была слишком ограниченной. Иначе малопонятной окажется та борьба вокруг новгородского стола, которую вели киевские князья и князья — претенденты на общерусское старейшинство в продолжение всего периода феодальной раздробленности.

Как свидетельствует летопись, смена князей на новгородском столе происходила вслед за сменой князей на киевском. Причем новгородцы, как правило, приглашали себе сына или брата великого князя. Сильные претенденты на обладание Киевом также пытались утвердить своего ставленника в Новгороде. Так было при Юрии Долгоруком, такая ситуация сложилась и теперь, когда на Киев обратил свои взоры Андрей Боголюбский.

Попытки Боголюбского оторвать Новгород от Киева и навязать ему в князья изгнанного Ростиславича оказались неудачными, и тогда он направил все силы своих союзников на юг. В 1169 г. против Мстислава выступили 12 князей, которые шли с семи концов Руси — все Ростиславичи, Олег и Игорь Святославичи, Глеб Юрьевич, Владимир Андреевич и др. По сообщению Никоновской летописи, к силам русских князей присоединились «половецкие князи с половцы и угры и чахи и ляхи и Литва и многое множество воиньства совокупиша идоша к Киеву»[35]. После продолжительной осады союзники Боголюбского овладели Киевом. Летописец повествует: «И грабиша за два дни весь градъ, Подолье и Гору, и манастыри, и Софью и Десятиньную Богородицю и не бысть помилования никому же ... и взяша имѣнья множъство, и церкви обнажиша иконами и книгами, и ризами и колоколы изнесоша всѣ»[36].

По-разному объясняли историки причины и следствия этого события. Общим для дореволюционной историографии было лишь то, что взятие Киева 1169 г. объявлялось этапным явлением древнерусской истории, после которого древняя столица Руси потеряла не только политическое, но и экономическое значение. С. М. Соловьев, В. И. Сергеевич и др. в этом случае находились под сильным впечатлением летописного рассказа о разграблении Киева.

По-другому оценивают это событие советские историки. Б. А. Рыбаков не склонен преувеличивать результаты разгрома. Исследователи, по его мнению, были введены в заблуждение красочным описанием двухдневного разгрома в летописи Печерского монастыря, подожженного победителями[37]. Кроме литературного мастерства Поликарпа, которому, как считает Б. А. Рыбаков, принадлежит описание взятия Киева, никаких объективных данных об упадке Киева нет[38].

---

[35] ПСРЛ, т. 9, стб. 237.
[36] Там же, т. 2, стб. 545.
[37] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 141.
[38] Там же.

Историки буржуазно-националистического толка пытаются на этом примере показать проявление якобы извечного антагонизма между русскими и украинцами. Несостоятельность этого тезиса слишком очевидна, чтобы ее доказывать. Отметим лишь, что в походе на Киев принимали участие не только, и даже не столько, суздальские силы, сколько южнорусские. Подобные акции по отношению к древней столице Руси предпринимали и другие князья, в частности Всеволод Ольгович, Роман Мстиславич и Рюрик Ростиславич, которые занимали черниговский, волынский и киевский столы. Это была борьба за власть, за старшинство среди древнерусских князей, представителей одной страны и единой древнерусской народности. Рассматривать ее иначе — значит сознательно фальсифицировать историю.

В данном случае больше чем степень причиненного ущерба (а вслед за Б. А. Рыбаковым думаем, что он не был столь велик) требует объяснения сам факт взятия Киева войсками Боголюбского, а также оказанное им влияние на последующие события. Большинство историков считают, что Андрей Боголюбский, являясь носителем новых форм политического строя Руси, разгромом Киева окончательно подорвал старую государственную систему. По мнению С. М. Соловьева, поступок Андрея был событием чрезвычайной важности, событием поворотным, от которого история начинала новый путь, с которого завелся на Руси новый порядок[39]. Б. Д. Греков, хотя и отмечал, что Андрей не был явлением исключительным, видел и в его деятельности черты, роднившие его с будущими политическими деятелями Москвы, которым удалось сделать то, что было еще не по силам Андрею[40].

Боголюбский был действительно незаурядной личностью. Он стремился к самовластью в своей земле и политическому преобладанию на Руси. Достижение этих целей сопровождалось изгнанием неугодных ему князей и епископов, расправами с непокорными боярами. Нового, однако, в этом ничего не было. Подобные явления характеризовали политическую ситуацию и других русских княжеств. Может только успехи у Андрея были более ощутимыми, чем у его современников, но, вероятно, и сопротивление ему оказывалось значительно слабее. Ни князья-вассалы, ни земельная знать Северо-Восточной Руси еще не представляли собой такой политической силы, какой они были в Киеве, Новгороде, Галиче и других старых центрах Руси.

При Андрее Боголюбском, как и при его ближайших преемниках, еще продолжался процесс формирования Владимиро-Суздальской Руси. Вот почему ее князья в рассматриваемое время были заняты не перераспределением внутренних владений, как это характерно, в частности, для других земель Руси, а расширением внешних границ, распространением дани и суда на новые земли. «Полтора десятка лет Андрей Боголюбский прибирал к рукам далекий и спокойный Суздальский «залесский край»[41], и в этом отношении его деятельность перекликается с деятельностью первых киевских князей, формировавших территорию Древнерусского государства.

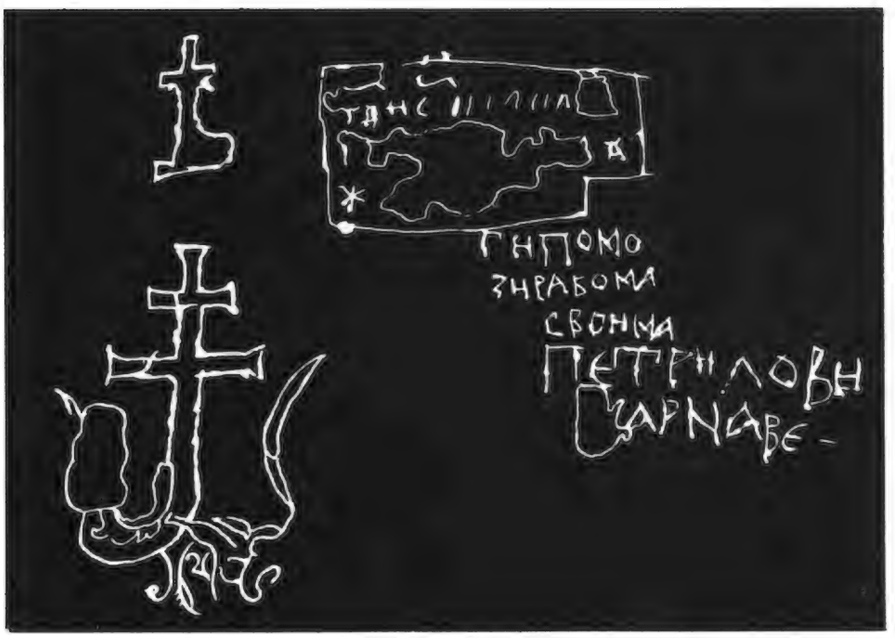
Северо-Восточной Руси еще предстояло испытать и пережить и силу боярской оппозиции, и путаницу междукняжеских отношений, и политическое соперничество быстрорастущих городских центров. Симптомы дробления Суздальщины наметились уже после смерти Боголюбского, т. е. тогда, когда еще не вполне завершился процесс формирования ее государственной территории; после Всеволода Большое Гнездо ее политическая ситуация напоминала ситуацию Юго-Западной Руси XII—XIII вв.

70-е годы XII в., характеризовавшиеся крайней сложностью и напряженностью междукняжеских отношений, прошли под знаком политического соперничества и борьбы за руководящее положение и обладание Киевом между Андреем Боголюбским, Ольговичами и Ростиславичами. Некоторое время активное участие в этой борьбе принимали также волынский князь Мстислав Изяславич и его дядя Владимир Мстиславич. Ни одна из сторон не могла добиться решающего перевеса. Неоднократные попытки Андрея Боголюбского утвердить в Киеве своего ставленника не имели особых успехов: Глеба Юрьевича в 1171 г. убили киевские бояре, Всеволод и Михаил Юрьевичи, получившие стол в 1173 г., были изгнаны из Киева Ростиславичами. Последние отказывались признать за Андреем Боголюбским сеньориальные права и передали Киев Рюрику Ростиславичу.

Для характеристики взаимоотношений двух ведущих политических сил на Руси (Ростиславичей и Юрьевичей) значительный интерес представляет ответ Ростиславичей на требование Боголюбского отказаться от Киева и Русской земли. «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси сь сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы кь подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, тое дѣй»[42]. Из ответа видно, что старшинство Боголюбского было временным и признавалось Ростиславичами только тогда, когда в Киеве сидел ставленник владимиро-суздальского князя. Это понимал Андрей и осенью 1173 г. предпринял новый большой поход на Киев. В числе его союзников были Всеволод и Михалко Юрьевичи, Игорь Святославич, Святослав Всеволодович и другие левобережные князья. На стороне Ростиславичей, затворившихся в Белгороде и Вышгороде, выступил

---

[39] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 1, с. 529.
[40] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 513.
[41] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 138.
[42] ПСРЛ, т. 2, стб. 573.



Прорись надписи в апсиде Софии Киевской. Выполнена С. А. Высоцким.

Ярослав Луцкий, получив предварительно согласие на передачу ему киевского стола. Марш ярославовых полков к Белгороду вызвал сильную панику в 50-тысячном войске, руководимом Святославом Всеволодовичем. Летописец-киевлянин об этом событии рассказывает так: «И тако вьзвратишася вся сила Андрѣя князя Суждальского: совокупилъ бо бяшеть всѣ землѣ и множеству вои не бяше числа, пришли бо бяху высокомысляще, а смирении отидоша в домы своя»[43].

Ростиславичи, как и было условлено, «положиша на Ярославъ старѣшинство и даша ему Кыевъ»[44]. Положение луцкого князя на киевском столе, однако, не было прочным. В Киеве существовала сильная боярская оппозиция, связывавшая, по-видимому, будущее великокняжеского стола не с Ярославом, а со Святославом Всеволодовичем. Сам Святослав не замедлил предъявить претензии на долю в Киевщине, а в случае отказа великого князя грозил войной. Особый интерес представляет грамота черниговского князя, в которой он говорит о существовавшем между ним и Ярославом договоре о наделах в Киевской земле: «А помяни первыи рядъ: реклъ бо еси: — оже я сяду въ Киеву, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши в Кыевѣ, то ты мене надѣли. Нынѣ же ты сѣль, еси, право ли криво ли — надѣли же мене»[45].

Когда князья уложили этот ряд, и был ли он вообще между ними, сказать трудно. Не исключено, что это лишь дипломатическая уловка Святослава, призванная оправдать его притязания на долю в Киевской земле. Ярослав ответил — «чему тобѣ наша отчина тобѣ си сторона не надобѣ» и очень скоро должен был сожалеть об этом. Святослав, собрав войска Ольговичей, совершил стремительный наезд на Киев и изгнал оттуда Ярослава. Через 12 дней он сам оставил Киев и возвратился в Чернигов, чем вызвал недоумение современников и историков. Поведение Святослава, действительно, трудно объяснить. В это время он уже выступал одним из реальных претендентов на киевский стол. Об этом говорит, в частности, и цитированное выше соглашение с Ярославом. И вот, когда цель была достигнута, Святослав неожиданно отступает и позволяет снова вернуться в Киев Ярославу. Последний, жестоко расправившись с теми, кто, по его мнению, был виновен в наезде Святослава, идет походом на Чернигов. Конфликт, однако, не перерос в войну; Святослав признал великокняжеские права Ярослава и отказался от претензий на долю в Киевщине. Вслед за этими событиями Святослав и Ярослав совместно выступают против новгород-сиверских князей.

---

[43] ПСРЛ, т. 2, стб. 577—578.
[44] Там же, стб. 578.
[45] Там же.

Победа войск Мстислава Изяславича над половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Примирение и последовавший за ним союз киевского и черниговского князей не входили в расчет Ростиславичей, боявшихся совсем потерять Киев. Они делают все, чтобы расколоть этот союз, и добиваются успеха. Заняв сторону новгород-сиверских князей, будто бы обижаемых Святославом, Ростиславичи склоняют к этому и великого князя. Ярослав допустил явную ошибку, которую вряд ли осознавал до того момента, когда Ростиславичи предложили ему покинуть Киев. С этого времени судьба киевского великокняжеского стола оказалась в руках двух враждующих княжеских линий — Ростиславичей и Ольговичей, не желавших уступать друг другу первенство. Некоторое время борьба между ними велась с переменным успехом, но в конце концов закончилась тем, что в Киеве сели сразу два князя, представлявшие обе стороны — Рюрик Ростиславич и Святослав Всеволодович. «И урядився с нимъ съступися ему старѣшиньства и Киева, а собѣ взя всю Рускую землю, и утвердившеся крестомъ честнымь»[46]. Вплоть до 1194 г., т. е. до смерти Святослава, продолжалось это очередное соправительство князей. В конечном счете оно благоприятно отразилось на судьбах Киева и Руси, поскольку не только примирило два наиболее могущественных княжеских рода, но и привело к стабилизации внутреннего положения многих древнерусских земель.

Формально соправители были в равном положении, но жизнь требовала, чтобы один из них был старшим, и таким, безусловно, был Святослав Всеволодович. Именно он в это время выступил организатором походов объединенных дружин на половцев, чем заслужил высокую оценку автора «Слова о полку Игореве». В деле защиты южных рубежей Руси принимают участие волынские и галицкие, переяславские и черниговские, городенские и пинские полки. Блестящие победы 1183, 1184, 1185, 1187, 1192 и последующих годов отбросили половцев за Северский Донец. В этой борьбе отстаивались не узкоземельные, а общерусские интересы, интересы древнерусской народности, «всего государственного пространства Киевской Руси от степей до Ледовитого океана»[47].

Внутренняя политика Святослава была направлена на восстановление единства Руси. В 1183 г. происходит сближение Святослава с владимиро-суздальским князем Всеволодом; последний освобождает из плена Глеба Святославича и выдает свою родственницу за второго сына великого киевского князя — Мстислава. Вероятно, Всеволод примирился также со старшинством Святослава. Последний, что очень хорошо засвидетельствовано в летописи, рассматривал себя сюзереном суздальского князя. В ответ на просьбу Всеволода о помощи в борьбе

---

[46] ПСРЛ, т. 2, стб. 624.
[47] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 157.
[48] ПСРЛ, т. 2, стб. 625.
[49] *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве», с. 79.
[50] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 141, 156.
[51] Там же, с. 256.

Взятие Киева войсками союзников Андрея Боголюбского в 1169 г. Миниатюра Радзивилловской летописи.

с волжскими болгарами в 1183 г. Святослав говорит: «Дай Богъ, брате, и сыну, во дни нашѣмъ намъ створити брань на поганыя»[48]. Обращение — брате и сыну — употреблялось на Руси только по отношению к младшим князьям. По мнению А. Г. Кузьмина, оно отражает не родственные, а феодальные отношения[49]. Б. А. Рыбаков также считает, что Святослав обращался к Всеволоду не как к старшему, и даже не как к равному, а как к младшему. Впечатление же старшинства суздальского князя создавало его летописание, непомерно возвеличивавшее своего князя в глазах современников[50].

Подводя итог почти 18-летнего киевского княжения Святослава Всеволодовича, следует признать, что успехи его внешней и внутренней политики были весьма значительными. «Золотое слово» Святослава — это выраженная в поэтической форме программа всей его государственной деятельности. Для Святослава, как и для автора «Слова о полку Игореве», было совершенно естественным, чтобы в отражении половецких набегов принимали участие все русские князья. «Загородите полю ворота своими острыми стрелами» — призывает он Всеволода Суздальского и Ярослава Осмомысла, Рюрика и Давида Ростиславичей, Романа Мстиславича и Мстислава Ярославича, когда в результате неудачного похода Игоря половцам открылась «трехсоткилометровая брешь в хорошо налаженной обороне Руси»[51].

Успешная антиполовецкая борьба русских дружин под предводительством Святослава Всеволодовича восстановила безопасность торговых путей Руси, соединявших ее с южной и юго-западной Европой, и способствовала экономическому и культурному развитию всех древнерусских земель и прежде всего Киева. Как полагает Б. А. Рыбаков, Киев в это время пытался даже играть роль общерусского культурного центра[52].

Для многих стран Европы, торговля которых с Русью оказалась блокированной половцами, победы русских дружин также имели положительные последствия. Вот почему «Слово» говорит о восторженных похвалах европейцев:

«Ту нѣмци и венедици
ту греци и морава
поють славу Святьславлю...»[53]

Характеристика киевского князя Святослава Всеволодовича, содержащаяся в «Слове о полку Игореве», по мнению некоторых исследователей, не может быть признана правильной, поскольку она расходится с летописной. Для А. А. Зимина — это один из аргументов в пользу позднейшего происхождения «Слова»[54], однако объяснение этому факту есть более простое и надежное. А. А. Шахматов писал: «Если мы обратим внимание, что вся правительственная деятельность Святослава

---

[52] *Рыбаков Б. А.* Русь в эпоху «Слова о полку Игореве», с. 588.
[53] Слово о полку Игореве, с. 18.
[54] *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве».— История СССР, 1968, № 6.

Победа русских дружин, водимых Святославом Всеволодовичем, над половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Всеволодовича изображается летописцем как результат совместных совещаний и дум с Рюриком..., причем вставка имени Рюрика представляется тенденциозной и, по-видимому, несовременной самим записям, мы легко заключим, что бо́льшая часть известий Ипатьевской летописи второй половины XII в. заимствована из Выдубицкой летописи, пристрастной к Рюрику и в этом смысле переработавшей летописные известия своих первоисточников»[55]. Как справедливо считает А. Г. Кузьмин, в данном тексте не летопись, а «Слово» ближе к действительности[56].

После смерти Святослава Рюрик, привыкший к соправительству, пригласил в Киев брата Давида, занимавшего смоленский стол, чтобы сообща решать судьбы русской земли и «володимирового племени». «Посла Рюрикъ по брата своего по Давида къ Смоленьску, река ему: «брате, се въ осталася старѣиши всѣхъ в Руськои землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву; что будеть на Рускои землѣ думы о братьи своеи, о Володимерѣ племени»[57]. В словах Рюрика слышится призыв к коллективному управлению, а по существу — признание той формы, которая уже давно и прочно господствовала на Руси.

Благие намерения Ростиславичей обернулись новым обострением междукняжеских отношений. Дуумвират представителей одной княжеской линии на киевском столе не был признан прежде всего Всеволодом Юрьевичем, считавшим себя, а не Давида Смоленского, соправителем Рюрика. Владимиро-суздальские летописцы отмечают даже, что Рюрик был посажен на киевский стол Всеволодом. «Посла (Всеволод.— *П. Т.*) ... мужъ своъ в Кыевъ и посади в Кыевъ Рюрика Ростиславича»[58]. Несомненно, это сообщение нужно отнести за счет летописания Всеволода Большое Гнездо, последовательно проводившего идею старшинства своего князя, однако в нем отражены и определенные реальные вещи.

Находясь во главе столь сильного и большого княжества, возглавившего процессы политической консолидации на северо-востоке Руси, Всеволод оказывал значительное влияние и на общерусские дела. Фактически он был соправителем Рюрика. Следует отметить, что к этому времени соправительство на киевском столе значительно модифицировалось. Князья, добивавшиеся признания своего старшинства на Руси посредством киевского соправительства, не связывали его

---

[55] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, с. 71.
[56] *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве», с. 65.
[57] ПСРЛ, т. 2, стб. 681.
[58] Там же, т. 1, стб. 412.
* См. главу «Киевская земля» данной работы.
[59] ПСРЛ, т. 10, Никоновская летопись. Спб. 1885, с. 34.
[60] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 169—170. В примечаниях В. Н. Татищева имеется следующая справка по поводу цитированного текста: «Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказал, что написано в Новегороде из древняго летописца и писано

с обязательным переходом в Киев. Примеры Всеволода Юрьевича, а позже и Романа Мстиславича показали, что можно было быть соправителем киевского князя, оставаясь в то же время владимиро-суздальским или волынским князем.

На некоторое время на Руси наступило затишье, в продолжение которого Рюрик развернул в Киеве и Киевской земле большие строительные работы*, однако в самом конце XII в. обстановка резко изменилась. В 1199 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и Галич оказался в руках энергичного Романа Мстиславича. Рюрик и Ольговичи еще только собирались в совместный поход на Галич, когда Роман уже появился под стенами Киева и без боя въехал в древнюю столицу Руси. Киевляне, отступившиеся от Рюрика, отворили ему Подольские ворота в Копыревом конце. Сторону Романа Мстиславича, согласно летописи, приняли также черные клобуки и жители остальных городов Киевщины: «такоже и изо всѣх тѣхъ градовъ Киевскихъ вси людие отступиша къ великому князю Галичскому Роману Мстиславичю» [59].

Киевляне перешли на сторону сильного. Казалось бы, ничего в этом нового не было. Они поступали так и прежде; силу боярской оппозиции и сепаратизма испытал на себе не один князь. И все же многие историки усматривали в последних событиях и нечто новое. Переход киевлян на сторону Романа расценивался как результат пробуждавшегося сознания единства Руси, стремления русского народа к единству. Многие видели в Романе наследника отцовской славы и князя, способного защитить Южную Русь от половцев и поднять угасающее значение Киева.

Овладев Галичем, Роман Мстиславич объединил в одном княжестве Волынь и Галичину. Теперь к своим владениям он присовокупил еще и Киевскую землю. Создание относительно монолитной южнорусской державы, включавшей земли от Карпат до Днепра, было выдающимся событием в государственной жизни Руси, хотя и не представлялось Роману Мстиславичу конечной целью его широкой политической программы.

После изгнания из Киева Рюрика и пострижения его в монахи Роман, посоветовавшись «с князи и бояры о розспорядках в Руской земли, чтоб пресечь междуособия», направляет к князьям послов со следующим предложением: «Вы, братья, известны о том, что Киев есть старейший престол во всей Руской земли и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях руских, чтоб мог благоразумно управлять и землю рускую отвсюду оборонять, а в братии, князьях руских, доброй порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похисчают престол молодшие и несмысленные, которые не могут не токмо других распоряжать и братию во враждах разводить, но сами себя оборонить не в состоянии; часто восстает война, в братию приводят поганых половцев и разоряют землю рускую чим наипаче и в других вражду всевают. Того ради и Рюрик явился винен, и я лишил его престола, дабы покой и тишину руской земле приобрести, доколе все князи руские, рассудя о порядке руского правления, согласно положат и утвердят. О чем прошу от каждого совета, кто как наилучше вздумает. Мое же мнение ежели принять хотите, когда в Киеве великий князь умрет, то немедленно местные князи, суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский, согласяся, изберут старейшего и достойнешого себе великим князем и утвердят крестным целованием, как то в других добропорядочных государствах чинится. Младших же князей к тому избранию не потребно, но они должны слушать, что оные определят. Когда тако князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а молодших наделить от оного же или в руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле Киеву принадлежало. Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другого, то великий князь да судит с местными князи и смирит. Ежели на кого прийдут войною половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь оборониться не может, тогда князю великому, согласяся с местными князи, послать помощь от всего государства, сколько потребно... И если вам нравно съехаться на совет к Киеву или где пристойно, чтобы внятнее рассудить и устав твердый учинить, то прошу в том согласиться и всем обвестить» [60].

Как можно заключить из приведенного В. Н. Татищевым сообщения (в основе которого, несомненно, лежит древний источник), Древнерусское государство XIII в. виделось Роману Мстиславичу в форме федерации шести наиболее крупных княжеств Руси. Главой государства, как и прежде, должен быть великий киевский князь, в обязанности которого входило поддержание внутреннего порядка в стране и защита государственных границ, а столицей — Киев.

Замыслам Романа не суждено было сбыться. Удельные князья «хотя не хотели такого устава принять», а Всеволод Юрьевич, под предлогом нежелания «преступать обычая древнего», ответил отказом. Оскорбленный Роман, оставив в Киеве Игоря Ярославича, вернулся в Галич. Имел ли он намерение настаивать на своем предложении, сказать трудно. В 1205 г. во время военного похода в Польшу Роман Мстиславич погиб под Завихостом.

было древним наречием, которое мы с ним преложили, как здесь. А хотя мне оное неколико сомнительно было, однако ж видя: слог онаго древний, которого он сам сочинить не мог». (*Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 257, прим. 569.)

После смерти Романа Мстиславича борьба за Киев разгорелась с новой силой. На этот раз конкурентом Рюрика Ростиславича выступил черниговский князь Всеволод Чермный. В конце концов ему удалось добиться победы над Рюриком; около 1211 г. князья «поменялись» столами. Переводом Рюрика в Чернигов Всеволод Чермный по существу лишил основания утверждение Мономаховичей, что Киев может быть только их отчиной, как Чернигов — отчиной Ольговичей. Как считал Н. И. Костомаров, в этом факте еще раз проявилось торжество сознания единства Русской земли[61]. На короткое время княжеский род Ольговичей, соединив в своих руках Чернигов, Киев, Переяславль, Владимир-Волынский и Галич, достигает небывалого могущества. Со смертью Всеволода Суздальского (1212) и Рюрика Ростиславича (1212) Всеволод Чермный лишился сильных соперников и был наиболее примечательной фигурой среди всех русских князей.

В 1214 г. Всеволод Чермный, задумав очистить Киевщину от Ростиславичей, потерпел неудачу и вынужден был вернуться в Чернигов, где в том же году и умер. Киевским князем стал сначала Ингварь Ярославич, а затем, после смещения его Ростиславичами, Мстислав Романович.

Снова значительная часть древнерусских земель оказалась владением одного княжеского рода, в данном случае — Ростиславичей. Конечно, не везде их положение было прочным и незыблемым. Неуютно чувствовали себя в Новгороде Мстислав и Святослав Мстиславичи, Всеволод Романович, переменными успехами характеризовалась борьба Ростиславичей с венграми и поляками за Галич, и все же достигнутый сюзеренитет над Киевом ставил этот княжеский род в совершенно особое положение среди прочих русских князей. Положение обязывало Ростиславичей быть в ответе за судьбы всех древнерусских земель. В 1219—1220 гг. они вели упорную борьбу на западных рубежах страны с венграми и поляками.

К 1223 г., как свидетельствует летопись, старейшими князьями на Руси были Мстислав Романович (Киев, Смоленск), Мстислав Святославич (Чернигов), Мстислав Мстиславич (Галич). Перед лицом монголо-татарской опасности князья-сюзерены прибыли в Киев для принятия решений. По мнению В. Т. Пашуто, они за «причастие» были обязаны охранять собственно «Русскую землю». На совете должен был быть и владимиро-суздальский князь Юрий, на что указывает замечание летописца: «Юрия же, князя великого суждальского, не бы в том совете». Более мелкие вассалы съехались в Киев в большом количестве[62].

Князья-сюзерены приняли решение выступить против монголо-татар. Им удалось собрать огромное войско, состоявшее из киевских, смоленских, галицких, волынских, чернигово-сиверских, курских и владимиро-суздальских полков. Ипатьевская летопись сообщает, что у Хортицы собрались «невиданьная рати, и сущии с ними коньници».

Битва на Калке, проигранная русскими князьями, стала переломным моментом в жизни Киева и всей Южной Руси. Она не только значительно ослабила силы русских князей, но и посеяла на Руси панику и неуверенность. Монголо-татары, также значительно обескровленные*, повернули от Новгорода-Святополча назад на восток, но память о жестокой и мощной азиатской орде еще долго жила в народе. Недаром летописцы чаще обычного отмечают на страницах повествования загадочные явления природы, считая их предзнаменованиями грядущих бедствий. Вероятно, ожидание нового монголо-татарского вторжения наложило свой отпечаток и на традиционное стремление князей в Киев.

Первое десятилетие после битвы на Калке великокняжеский стол занимал Владимир Рюрикович, поддерживавший тесные отношения с Данилом Романовичем. Последний рассматривал себя фактическим соправителем Владимира и оказывал ему поддержку. В 1234 г. на Киев заявили свои права Михаил Черниговский и сын Мстислава Романовича Изяслав. В следующем году они наносят поражение Владимиру и Данилу Галицкому и занимают их места; Михаил сел в Галиче, а Изяслав — в Киеве.

С 1235 г. на киевском столе, необыкновенно быстро сменяя друг друга, сидели князья, не оставившие сколько-нибудь заметного следа в истории. На короткое время Киев вернул себе Владимир Рюрикович, но уже в 1236 г. вынужден был уступить его новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, которого в том же году сменил Михаил Всеволодович. Услышав о стремительно накатывавшейся на Русь монголо-татарской орде под водительством Батыя, Михаил струсил и бежал из Киева. Воспользовавшись этим, в Киев вступил галицкий князь Данило Романович, но не остался в нем сам, а посадил там своего боярина Дмитрия.

Подводя итоги короткому анализу основных событий политической истории Руси XII—XIII вв., следует признать, что на протяжении всего этого периода шла упорная борьба центробежных и центростремительных сил. Одним из главных узлов междукняжеских отношений являлся Киев, который, хотя и терял понемногу свое былое политическое значение, все же оставался одним из главных символов целостности Руси. Не случайно князья, боровшиеся в это время за реализацию программы единства русских земель, связывали ее успехи с необходимостью овладе-

---

[61] *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования, с. 233.

[62] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 75.

* В летописи В. Н. Татищева говорится, что на Калке татары, хотя и победили, сами потеряли около 100 тыс. убитыми. Сил для продолжения завоева-

Заключение мира между Всеволодом Большое Гнездо и киевским князем Рюриком Ростиславичем. Миниатюра Радзивилловской летописи.

ния Киевом. В круговорот борьбы за древнюю столицу Руси были втянуты князья волынские, переяславские, черниговские, смоленские, ростово-суздальские, галичские, пытавшиеся стать во главе русских князей. Характерно, что вне зависимости от династической принадлежности и личных качеств, удельные князья, едва овладев Киевом, становились из автономистов самыми решительными и последовательными сторонниками единства Руси. Далеко не всем им удавалось реализовать свои претензии на старшинство, однако путь к их достижению лежал через Киев.

Безусловно, в этой большой притягательной силе Киева сказывалась прежде всего традиция его прежнего политического величия, но не последнюю роль здесь играли и те реальные преимущества, которые получал князь, овладевший великокняжеским столом.

Вчерашний рядовой владетель удела становился хозяином одного из крупнейших городов Руси, а также обширной Киевской земли, богатой и развитой. Его власть и влияние распространялись также на земли, находившиеся во владении княжеского рода, отчего, независимо от династической принадлежности великого князя, Киев часто объединял вокруг себя многие древнерусские земли. Пользуясь поддержкой всего рода, великий князь достигал на какое-то время и признания своего старшинства. Однако и в этом случае во главе древнерусских княжеств стоял не столько киевский князь, сколько весь княжеский род. Иногда коллективный сюзеренитет над Киевом и Киевской землей осуществляли представители различных княжеских династий. Такая форма государственного правления на Руси возникла еще в середине XI в. Умирая, Ярослав Мудрый разделил государственную территорию между пятью сыновьями, каждый из которых получил отдельное княжение. Князья вместе, под руководством великого киевского, возглавили Древнерусское государство.

Многие исследователи, говоря о раздроблении Руси после Мономаха, одну из причин распада видели в исчезновении среди князей сознания солидарности, общности интересов. Однако всеобщей солидарности древнерусских князей, по-видимому, никогда не было. Была солидарность (и то не всегда) отдельных династий — Мономаховичей, Мстиславичей, Ольговичей и др. Политическое их соперничество породило к середине XII в. систему дуумвирата, одновременного соправительства в Киеве князей из двух наиболее сильных княжеских линий, не желавших уступать первенство друг другу. Соправителями были Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович, Вячеслав Владимирович и Ростислав Мстиславич, Ростислав Мстиславич и его племянник Мстислав Изяславич, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, Рюрик Ростиславич

тельного похода на Русь у них не осталось, и они вынуждены были пойти за Дон к Волге. «И тако их пришествия Батыя не слышеть было» (*Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 218).

Взятие волынским князем Романом Мстиславичем Киева. Миниатюра Радзивилловской летописи.

и Всеволод Юрьевич, Владимир Рюрикович и Данило Романович. Соправительство двух князей-дуумвиров, изобретенное, что очень хорошо показал Б. А. Рыбаков, киевским боярством, боявшимся чьей бы то ни было автократии[63], сыграло положительную роль в политической истории Руси XII—XIII вв.

При каждом соправительстве в «Русской земле», как считает Б. А. Рыбаков, сидели не безместные князья-изгои, а двое князей, владевших двумя огромными княжествами за пределами Южной Руси. За спиной Ростислава и его сына Рюрика стояло Смоленское княжество, за Изяславом и его сыном Мстиславом — богатая Волынь, за Святославом Всеволодовичем — все гнездо черниговских Ольговичей, за Всеволодом — Владимиро-Суздальское княжество. Все это создавало некоторое равновесие сил и ставило Южную Русь, ее киевскую половину, на особое положение, прочно связывая ее со всей остальной Русью[64].

Неудержимое стремление князей в Киев, стол которого в силу этого был чрезвычайно беспокойным и непрочным местом, породило со временем (вероятно, не ранее конца 60-х годов XII в.) и свою противоположность. Сильные князья ряда земель стали стремиться к достижению руководящего положения в стране и восстановлению общерусского единства не путем перехода в Киев, а при помощи утверждения в роли объединяющего центра столицы своего княжества. Наиболее отчетливо эта тенденция обозначилась в Северо-Восточной Руси, но имела место и в других княжествах — Черниговском, Смоленском, Галичском. При этом сильные удельные князья по-прежнему зорко следили за ситуацией, складывавшейся на юге Руси, и неизменно добивались участия в управлении Киевом. и подвластным ему доменом. Все это было причиной постепенного падения былого политического значения Киева. Не следует только связывать его с абсолютным упадком и запустением. Речь идет об относительном ослаблении Киева, вызванном экономическим и политическим усилением других русских центров — Чернигова, Смоленска, Новгорода, Владимира-на-Клязьме, Галича.

Политическое положение Киева эпохи феодальной раздробленности в значительной степени определялось и тем, что он продолжал оставаться общерусским религиозным центром. Церковь в это время принимала самое активное участие в государственной жизни Руси и являлась одной из важнейших сил, осуществлявших тенденцию к сохранению единства древнерусских земель. До тех пор пока русская митрополия находилась в Киеве, ни одно княжество, сколь бы сильным оно ни было, не могло считаться независимым политическим образованием.

Что касается Киевской земли XII—XIII вв., то она, являясь древним политическим и территориальным ядром Руси, не пре-

---

[63] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 352.
[64] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 162.
[65] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 53—55.

Взятие Киева Рюриком Ростиславичем. Миниатюра Радзивилловской летописи.

вратилась в наследственную вотчину какой-либо княжеской семьи, не сложилась в отдельное независимое княжество, а считалась собственностью великокняжеского стола и даже общединастическим наследием древнерусского княжеского рода.

Феодальные княжеские съезды. Их место и роль в политической системе Руси

Одним из важнейших факторов политического развития Киева и Руси периода феодальной раздробленности являлись феодальные княжеские съезды. Собираясь в наиболее трудные для Руси времена, они обсуждали вопросы внутреннего развития страны, главным образом феодального права, а также вопросы, связанные с отражением внешней опасности. Инициаторами их созыва, как правило, были киевские князья, местом проведения — Киев или какой-либо пункт Киевской земли. Институт общерусских княжеских съездов действовал вплоть до монголо-татарского нашествия, хотя и не был сколько-нибудь регулярным.

Первый общерусский съезд князей, как известно, собрался в Любече в 1097 г. Подробно описанный в летописи, он проливает свет на тот круг вопросов, постоянно стоявших перед страной, которые решались и на всех последующих съездах. Несмотря на то что практически не все постановления Любечского съезда князей были осуществлены, он оказал значительное влияние на будущее политическое развитие Руси. Съезд выработал нормы междукняжеских отношений, направленные на предотвращение усобиц, обеспечение политического единства страны. Впервые за всю ее историю «отчина» объявлялась наследственным владением определенной княжеской линии, что должно было положительно сказаться на стабилизации внутреннего положения в стране. Решение съезда закрепить земли-княжества за конкретными династиями, а также принятие общерусского судебно-правового кодекса способствовали экономическому развитию Руси.

Грушевский считал Любечский съезд исходным пунктом новых усобиц. Однако с мнением этим нельзя согласиться. Оно явилось, видимо, не только результатом неверно оцененных событий, последовавших непосредственно за съездом, но и принципиальной позицией исследователя — противника общерусского единства.

Вопросы внутреннего устройства Руси, поставленные еще Любечским съездом, периодически обсуждались и на последующих княжеских совещаниях. Исключительный интерес в этом плане представляет съезд 1155 г., подробно описанный В. Н. Татищевым[65]. Согласно Б. А. Рыбакову, давшему убедительный источниковедческий анализ статей этого года, на съезде столкнулись две концепции политической формы правления: первая отстаивала единодержавие, вторая — незыбле-

Победа русских дружин, водимых Рюриком Ростиславичем и другими князьями, над половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

мость «отческих наследий»[66]. Различие позиций Юрия Долгорукого как защитника первой точки зрения и его сына Андрея — сторонника второй — не вызывает сомнения, однако есть в них и нечто общее. Для достижения того или другого нужен был мир. Это признает даже Юрий Туровский «Изяславичев злодей»: «Весьма есть дело полезное и богу приятное примириться со сыновцы своими, всем же подданым есть в мире жить польза немалая, ибо в мире не токмо плоды и скоты, но людие множатся и богатятся, а войнами все уменьшается и разоряется»[67]. Сын Андрей говорит Долгорукому: «Отче, почто хочешь на братию твою воевать и их отеческих наследий лишать? ты бо и без того много имеешь»[68]. Юрий Долгорукий согласился с доводами сына и, призвав князей в Киев, «принял их в любовь, обесчая их охранять»[69].

Проблема внутреннего устройства Руси занимала важное место в работе общерусских княжеских съездов, но главным, все же, был вопрос войны и мира с половцами. Взаимоотношения Руси с кочевыми ордами южнорусских степей XII—XIII вв. отличались исключительной сложностью и были не только враждебными. Общение русских и половцев принимало самые различные формы — это были взаимные военные столкновения, совместные союзнические походы, миры, браки и др.[70] И тем не менее половецкий вопрос, как явствует из летописей, постоянно стоял перед русскими князьями. Особенно досаждали русским приднепровские половцы, которые были непосредственными соседями Руси, часто вторгались в ее пределы и пытались поставить под свой контроль южный отрезок днепровского торгового пути[71]. Борьба с половцами требовала объединенных усилий ряда княжеств и являлась постоянным фактором их истории периода феодальной раздробленности.

Как считает Б. А. Рыбаков и другие исследователи, в период феодальной раздробленности Руси вопросы войны и мира перестали быть исключительно компетенцией великокняжеской власти Киева.

---

[66] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 244—246.
[67] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 53—54.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] *Плетнева С. А.* Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества. М., 1975, с. 260—300.
[71] Там же, с. 289.
[72] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 135.
[73] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 289.
[74] ПСРЛ, т. 2, стб. 604.
[75] *Татищев В. Н.* История Российская, т. 3, с. 217.
[76] ПСРЛ, т. 1, стб. 457.
[77] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 501.
[78] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 54—57.
[79] *Котляр М. Ф.* Історичне минуле українського народу і зарубіжні фальсифікатори. К., 1974; *Котляр М. Ф.* Чого вони шукають у сивій давнині.— У кн.: Про справжнє обличчя українського буржуазного націоналізму. К., 1974.

Спору нет, в XII—XIII вв. в связи с обострением междукняжеских отношений на Руси, приводивших к постоянным вооруженным конфликтам, привлечение в помощь иностранных союзников (половцев, венгров, поляков) тем или иным князем стало явлением обычным. Имели место также и военные столкновения князей окраинных древнерусских земель со своими соседями, которые далеко не всегда согласовывались с Киевом. И тем не менее, если бы мы попытались рассматривать проблему войны и мира только в таком плане, неизбежной была бы односторонняя постановка вопроса. Летописные известия о взаимоотношениях Руси с половцами убедительно свидетельствуют, что, несмотря на сепаратистские тенденции удельных князей, проявлявшиеся под действием ряда конкретных обстоятельств (оппозиция к великому киевскому князю, стремление играть в борьбе с половцами первую роль, брачные связи с представителями того или иного половецкого ханства и др.), сохранялось представление о том, что борьба с кочевниками является общим делом всех древнерусских княжеств и что возглавлять ее должен великий киевский князь.

В 1167 г. великий киевский князь Ростислав созвал в Киев более десяти древнерусских князей, чтобы сообща осуществить поход к Каневу и обезопасить прохождение купеческих караванов, следовавших Греческим и Залозным путями. Эту же цель преследовал и великий князь Мстислав Изяславич, неоднократно созывавший в Киев вассальных князей. Предложения Мстислава единодушно поддерживались всеми съезжавшимися на съезд князьями. Его решению должны были подчиниться даже традиционно непокорные Ольговичи, которым Мстислав также велел прислать силы. Перечень князей, принявших участие в походе 1168 г. на половцев, дает наглядное представление о реальной власти великого киевского князя в деле обороны Руси. Из Луцка прибыли Ярополк и Ярослав Изяславичи; из Турова — Святополк Юрьевич; из Гродно — Мстислав Всеволодович. Свои силы направили Рюрик и Давид Ростиславичи, черниговские Ольговичи — Святослав и Ярослав Всеволодовичи, Олег и Всеволод Святославичи. Из Переяславля выступили Глеб Юрьевич и его брат Михалко. Кроме того, в походе участвовало множество мелких князей «инии мнози». Под знаменами великого князя киевского собрались войска «от бассейна Вислы до Северского Донца»[72]. Русские объединенные силы одержали победу над половцами и вернулись в Киев с богатыми трофеями.

По-видимому, не все княжеские съезды, обсуждавшие вопросы войны и мира, нашли освещение на страницах летописи. Успешные походы Ростислава Мстиславича (1167), Мстислава Изяславича (1169), Святослава Всеволодовича (1183, 1184, 1185, 1192 и др.), в которых принимали участие дружины от многих земель, конечно же, были невозможны без предварительного обсуждения их стратегии и тактики. Каждый из этих походов, несомненно, обсуждался кругом князей, которых великий киевский князь считал необходимым и возможным привлечь для участия в походе. Как справедливо полагает С. А. Плетнева, большие походы в центральные районы приднепровских половцев обычно тщательно готовились, возглавлялись великими князьями и преследовали определенные политические цели[73].

По нормам междукняжеского права, выработанным съездами и договорами, князь, отказавшийся послать дружину на борьбу с половцами, лишался волости. Об этом мы узнаем из летописной статьи 1176 г. Посланные великим киевским князем Романом Ростиславичем древнерусские полки потерпели поражение от половцев. Причину его современники видели в том, что к объединенным дружинам не поспел вовремя со своим полком брат великого князя Давид. Святослав Всеволодович решил воспользоваться благоприятным случаем и укорить Романа в несоблюдении ряда. «Брате! Я не ищю подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову; а Давидъ виноватъ»[74].

Соблюдение этих норм, судя по обращению Святослава, было делом великого киевского князя. Роман не стал изгонять Давида, чем, по мнению Святослава, проявил великокняжескую несостоятельность и должен был сам понести наказание. Собрав войска, Святослав овладел Киевом; Роман бежал к брату Рюрику в Белгород.

Большой общерусский съезд князей состоялся в Киеве в 1223 г. Князья Мстислав Романович, Мстислав Мстиславич, Мстислав Святославич и др. собрались для достижения соглашения об оказании помощи половцам, которые первыми приняли на себя удар монголо-татарской орды и просили содействия. Русских князей мало тревожили судьбы их извечных врагов половцев, но сознание надвигавшейся общей беды, а также агитация Мстислава Удалого, зятя половецкого хана Котяна, сделали свое дело. В. И. Татищев сообщает, что, хотя призыву великого киевского князя Мстислава Романовича последовали не все древнерусские князья — «многие не хотя пашен оставить, с малым войском шли», под знаменем его собралось огромное войско. Даже суздальский князь Юрий Всеволодович, не принимавший участия в съезде, решил послать «сыновца своего Василька Констянтиновича ростовского»[75] в поход против монголов.

Какой-то княжеский съезд состоялся в Киеве и в 1230 г. Лаврентьевская летопись, рассказывая об участии многих князей в торжественном освещении епископа Ро-

---

[80] *Державин Н. С.* Происхождение русского народа. М., 1944, с. 97.
[81] *Мавродин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа.— ВИ, 1950, № 4, с. 63.

стовского Кирилла, замечает, что целью их прибытия в Киев было не это церковное событие, а сонм: «бяху же в то время инии князи Русьстии на соньмъ в Киевъ»[76]. К сожалению, летопись не раскрывает, какие вопросы рассматривал и решал этот съезд.

Княжеские съезды оказались неспособными примирить интересы феодальных владетелей[77], однако в деле объединения древнерусских княжеств против внешней угрозы сыграли весьма важную роль. На повестке дня большинства съездов стоял «половецкий вопрос», волновавший едва ли не всех князей. «Поганые всим нам суть обчий ворог» — говорили они и объединялись для борьбы с ними. Ведущую роль в ней играла Южная Русь, имевшая многовековый опыт борьбы с гуннами и аварами, хозарами и печенегами, а полководцем объединенных дружин выступал киевский князь.

Княжеские съезды, «ряды-договоры», борьба с внешними врагами — все это свидетельствует, что на Руси XII—XIII вв. междукняжеские отношения носили не только союзный, но и вассальный характер. В. Т. Пашуто, исследовавший различные институты вассалитета, пришел к выводу, что в их основании лежало местничество, т. е. права на землю, удел или поместье, которое могло быть как наследственным, так и выслужным[78]. За землю, за пожалование вассал не только служил своему сюзерену, но и находился в полной зависимости от него. Вассалы не имели права принимать самостоятельных решений, нарушать верность сюзерену; в их обязанности входило являться по вызову старшего князя для несения военной службы, для борьбы с внешними врагами. Находиться в вассальной зависимости, по терминологии древнерусского времени, значило «быть в воле», «ходить в послушании», быть «во едино сердце».

Под 1140 г. летопись сообщает о возвращении на родину двух полоцких княжичей, сосланных Мстиславом Владимировичем в Царьград за то, что они «не бяхуть его воли». В 1168 г. великий киевский князь Мстислав Изяславич приказал черниговским князьям прибыть в Киев. Летописец в связи с этим заметил: «бяху тогда Ольговичи в Мстиславли воли». Ростислав Мстиславич согласился на предложение князей занять Киев при условии, что они будут считать его своим отцом и в «его послушании ходити». Конечно, нормы вассального права соблюдались далеко не всегда, но случаи их нарушения не могли разрушить сложную, вырабатывавшуюся веками структуру сюзеренитета-вассалитета на Руси.

Княжеские съезды, как и многие другие институты государственной власти, наиболее оживленная деятельность которых приходится на период феодальной раздробленности, свидетельствуют о наличии глубоких противоречий внутри правящего класса Руси, а также о предпринимаемых им попытках остановить междукняжескую борьбу. Решить эту трудную задачу в домонгольский период так и не удалось.

Междукняжеская борьба на Руси XII—XIII вв., какими бы мотивами ни руководствовались ее участники, объективно вызывалась условиями социально-экономического развития страны. Борьба за власть в конечном итоге преследовала цель обладания лучшей землей или волостью, получения больших доходов. Во имя достижения ее феодальные владетели не останавливались ни перед чем. Они осуществляли военные походы на земли друг друга, грабили и даже сжигали населенные пункты. Все это тяжелым бременем ложилось на плечи простого народа Руси, который был против княжеских усобиц.

Выступать против — отнюдь не равнозначно «участвовать», что не всегда четко разграничивается. Борьба древнерусских феодалов была чуждой народу и участия в ней он не принимал. Этим во многом объясняется то, что политическая раздробленность Руси не нарушила тех основ, на которых покоилось единство древнерусской народности.

Этническое развитие Руси XII—XIII вв. и место в нем Киевской земли

Проблема этнического развития Древней Руси, как один из важнейших аспектов ее истории, постоянно привлекала внимание исследователей. Находясь на стыке ряда гуманитарных дисциплин, она затрагивалась в трудах историков и археологов, этнографов и филологов, историков культуры и палеоантропологов. К сожалению, интерес к этническим проблемам на Руси не всегда диктовался задачами чистой науки. Очень часто решение тех или иных вопросов этнической истории восточных славян зависело от политической конъюнктуры. Так, дворянско-буржуазные великодержавные историки (М. П. Погодин и др.) освещали историю Древней Руси как историю только великорусского народа. В свою очередь украинские буржуазно-националистические исследователи (В. Б. Антонович, М. С. Грушевский и др.) всячески пытались доказать, что Древнерусское государство создали украинцы.

---

[82] *Гуслистый К. Г.* Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа. К., 1963, с. 106—107.

[83] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 10.

Советская историческая наука уже давно показала научную несостоятельность этногенетических концепций реакционной буржуазной историографии. Однако и сегодня на Западе предпринимаются попытки фальсифицировать историческое прошлое трех братских восточнославянских народов. Особенно усердствуют в этом, что очень хорошо показал в ряде работ Н. Ф. Котляр, украинские буржуазные националисты[79]. В своих «трудах» они пытаются обосновать извечную обособленность украинского народа, который якобы один имеет право на древнерусское культурное наследие. При этом особое место буржуазно-националистическими историками отводится периоду феодальной раздробленности Руси. Междуусобная борьба князей и крупных земельных собственников за власть или обладание лучшей волостью рассматривается ими как столкновение различных этнических групп, главным образом украинцев и русских; Киев и Южная Русь противопоставляются Суздалю и Северо-Восточной Руси.

Сказанное выше убеждает в необходимости дальнейшей разработки проблемы этнического развития Древней Руси эпохи феодальной раздробленности и определения места и роли в этом развитии Среднего Поднепровья во главе с Киевом. Некоторое время на ее правильное решение отрицательное влияние оказывала неверная трактовка периода феодальной раздробленности.

Так, Н. С. Державин утверждал, что феодальная раздробленность сыграла решающую роль в дальнейших культурно-исторических судьбах русского народа. Она содействовала областному обособлению отдельных земель, их экономической, политической и культурной разобщенности[80]. Переоценка отрицательных влияний феодальной раздробленности на этническое развитие древнерусского народа характерна и для других исследователей, причем не только историков, но и лингвистов, этнографов. Занимаясь проблемой этнического развития русского народа, В. В. Мавродин пришел к заключению, что уже в XI—XII вв. процесс слияния восточного славянства в единый народ замедляется, затем и вовсе прерывается. Старые языковые и этнокультурные особенности, унаследованные от племен и земель Руси и не ликвидированные общностью киевских времен, усложняются новыми, возникшими в период феодальной раздробленности, обусловленными экономической и политической изолированностью русских княжеств. Намечаются этнические образования, соответствующие крупным «самостоятельным государствам периода феодальной раздробленности»[81].

Подобные выводы содержатся и в работах К. Г. Гуслистого, считавшего, что в домонгольский период единая древнерусская народность не стала вполне устойчивой этнической общностью. Феодальная раздробленность Руси XII—XIII вв. определила процесс обособления отдельных частей древнерусской народности и складывания предпосылок и условий для формирования на ее основе трех восточнославянских народностей. Рост феодальной раздробленности не только задержал, но и прервал процесс консолидации древнерусской народности[82].

О начале разложения древнерусской народности еще в недрах Древней Руси писал также Б. Д. Греков, правда, не связывая этот процесс непосредственно с феодальной раздробленностью. Отвечая на утверждения исследователей буржуазно-националистического направления, историк-марксист убедительно показал, что история Киевской Руси — это не история Украины, Белоруссии или России, а период их общей истории, когда складывались и великорусский, и украинский, и белорусский народы[83].

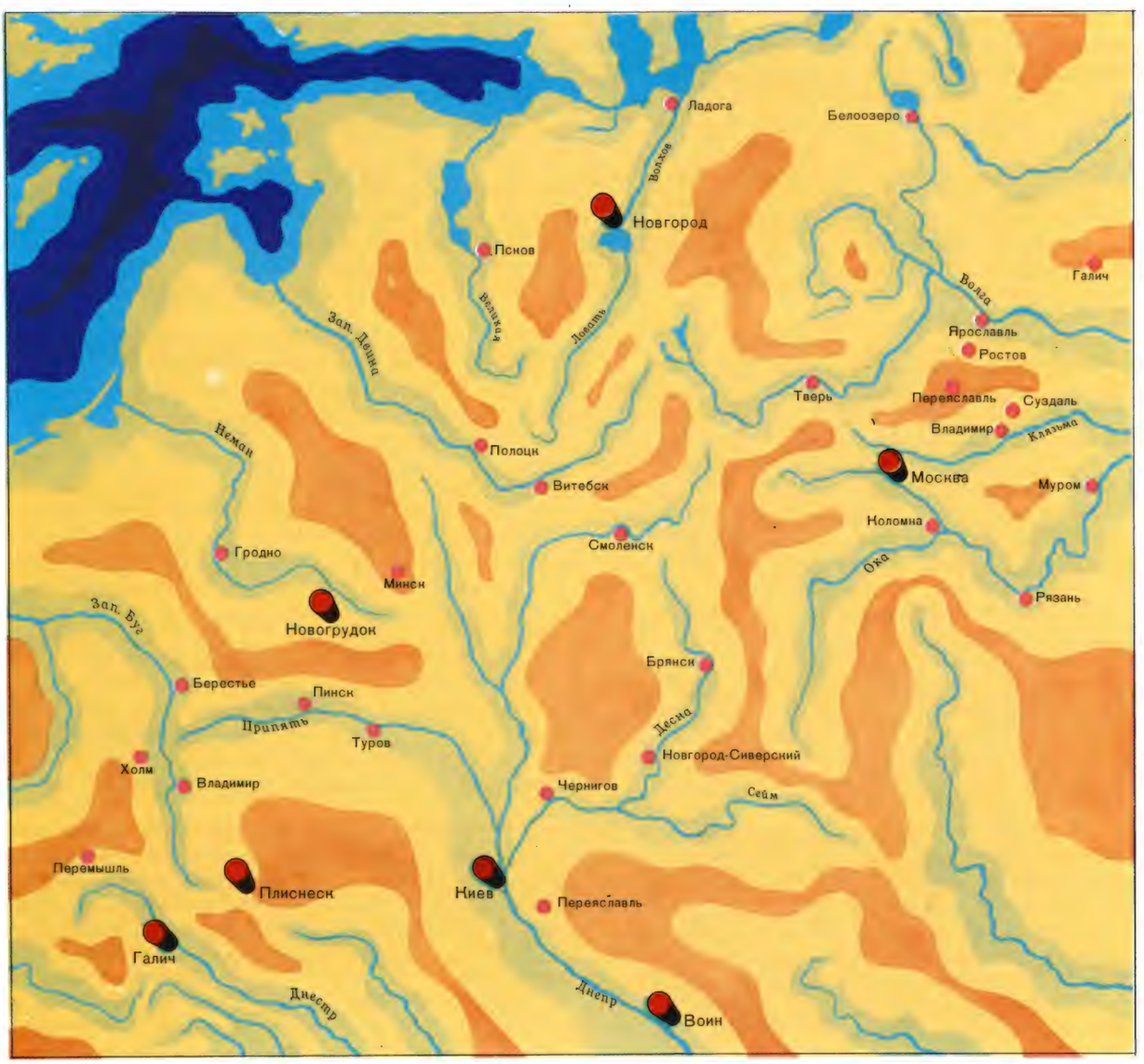
Мысль о глубоких (домонгольских) корнях процессов этнических изменений, проявлявшихся прежде всего в языковых новообразованиях, характерна и для ряда лингвистов. Так, известный украинский языковед Л. А. Булаховский считал, что временем наиболее интенсивного формирования диалектных особенностей древнерусского языка были XII—XIII вв. Эти процессы, однако, не были следствием государственного разложения Руси. Вряд ли, писал исследователь, дифференциальные тенденции древнерусского языка отразили судьбы Киевской государственности. Языковые черты, специфические для определенных, преимущественно больших территорий, были уже в домонгольское время, но они вряд ли совпадали с землями феодального раздробления. Такое совпадение, в условиях постоянных междукняжеских усобиц и колонизационных движений, было скорее исключением, чем правилом[84].

Р. И. Аванесов, подчеркивая необходимость сравнительного изучения языков и истории народа, утверждал, что, поскольку в XII—XIII вв. происходит передвижение исторической жизни на север, северо-восток и северо-запад, говоры этих зон переживают некоторые весьма важные новообразования. К этому времени выделяются говоры новгородский, галицко-волынский, смоленско-полоцкий, киевский и ростово-суздальский. Однако, хотя в XII—XIII вв. возникли и развивались диалекты феодальной поры, древнерусский язык в то время еще не распался, древнерусская народность продолжала существовать. Диалектные различия пока не перекрывают собой единства, складывавшегося в течение столетий, в народе имелось сознание этого единства[85].

---

[84] *Булаховський Л. А.* Питання про походження української мови. К., 1956, с. 188—193.

[85] *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка и его говора.— ВМУ, 1947, № 9, с. 112, 113, 126—132.



Керамика из Киева. Подол. Раскопки 1974—1975 гг.

Керамика Галицкой земли. По мнению М. В. Малевской, аналогичные горшки были распространены в XII—XIII вв. по всей территории Руси.

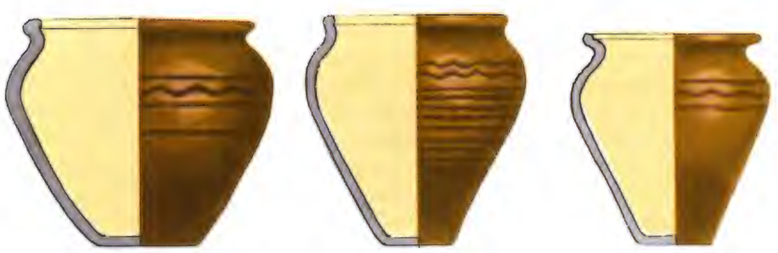
Керамика из древнерусского города Воиня, находившегося в устье Сулы. Раскопки В. И. Довженка, В. К. Гончарова, Р. А. Юры.

Карта распространения общерусского типа кухонных горшков XII–XIII вв.

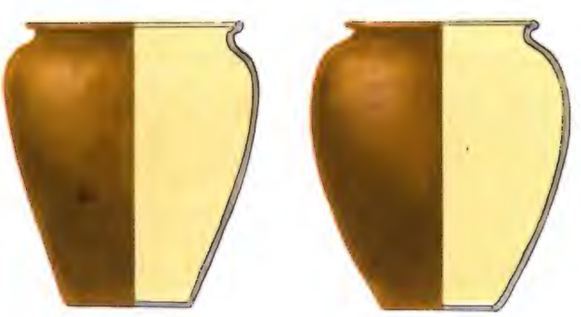
Главным отличительным признаком этой керамики является валикообразный венчик с бороздкой (канавкой) по внутренней поверхности. Подавляющее большинство кухонных горшков XII–XIII вв., происходящих из раскопок различных древнерусских центров от Киева до Новгорода и от Волыни до Суздальско-Залесского края, имеет отогнутый наружу венчик, край которого загнут вовнутрь сосуда. Изменение формы венчика и появление на его внутренней стороне бороздки связано с применением керамических крышек, которыми накрывались кухонные горшки.

Керамика из подмосковных курганов. Наиболее распространенной формой венчика московских горшков, как считает Р. Л. Розенфельд, является отогнутый наружу венчик, край которого слегка приподнят кверху и завернут. Этот тип венчика вообще характерен для древнерусской керамики XII–XIII вв.

Керамика из древнерусского города Новогрудка. Согласно исследованию М. В. Малевской, этот тип горшков датируется второй половиной XII в



Керамика из Новгорода. Согласно данным Г. П. Смирновой, исследующей керамику древнего Новгорода, горшки этого типа составляют в 16 и 17 ярусах 70% всей керамики.



Керамика из древнерусского города Плиснеска. Исследования М. П. Кучеры.

Города, где обнаружена керамика, помещенная в таблице

Летописные города

«Хотя в XII—XIII вв. возникли и развивались диалекты феодальной поры, древнерусский язык в то время еще не распался, древнерусская народность продолжала существовать. Диалектные различия пока не перекрывают собой единства, складывавшегося в течение столетий, имелось сознание этого единства, противопоставление Русской земли враждовавшим местным вотчинам. Лишь позже процесс обособления дал свои результаты».

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 81.

Ф. П. Филин считает, что распад древнерусского языка и образование на его базе трех восточнославянских языков — не кратковременный факт языкового развития, а длительный исторический процесс. Согласно ему, нарастание диалектизмов в фонетической системе древнерусского языка прослеживается уже в памятниках XI—XII вв.; в XII—XIII вв. складывается пять диалектных зон — южная, западная, северная и северо-восточная, приокско-верхнедонская и прикарпатская; в XIV—XV вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков. Можно полагать, делает вывод исследователь, что этноязыковая карта восточного славянства была бы иной, если бы не было грозных событий XIII—XIV вв.[86] Значительный интерес представляет предостережение Ф. П. Филина от попыток проводить непосредственную связь между политическим развитием русских княжеств эпохи феодальной раздробленности и образованием диалектных зон. Отсутствие достаточных фактов, согласно ему, вынуждало исследователей реконструировать древние диалектные ареалы не столько на основании лингвистических материалов, сколько на основании исторических сведений и географических признаков. При таком подходе диалект оказывается не лингвистическим, а только географическим понятием. Ф. П. Филин считает, что диалектные зоны, как правило, не зависели от границ между княжествами. Хотя в эпоху феодальной раздробленности и сложились благоприятные условия для интенсификации возникновения диалектизмов, обстановка для образования устойчивых диалектов была мало подходящей[87].

Как видим, лингвисты, хотя и говорят о нарастании диалектизмов в эпоху феодальной раздробленности, не считают их свидетельством распада древнерусской народности.

Большой вклад в разработку проблемы древнерусской народности эпохи феодальной раздробленности Руси внес Б. А. Рыбаков. На основе анализа письменных и археологических источников он пришел к важному заключению, что и в эпоху феодального дробления Руси XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство древнерусской народности очень хорошо осозналось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам враждовавших князей. Вплоть до XIV в. (до Куликовской битвы) удерживалось единство древнерусской народности, которая продолжала себя осознавать единым целым, несмотря на феодальную раздробленность русских княжеств. Анализируя археологический материал, свидетельствующий о тесных экономических и культурных связях древнерусских земель, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что он полностью подтверждает единство древнерусской народности X—XIII вв. в географических рамках Русской земли в широком смысле слова[88]. «По археологическим материалам русского города и деревни XII—XIII вв.,— отмечал Б. А. Рыбаков,— мы не можем уловить признаки распада древнерусской народности на три группы»[89].

Аналогичных взглядов придерживался и В. И. Довженок, утверждавший, что этническое развитие в эпоху Киевской Руси шло главным образом по пути консолидации древнерусской народности. Объективный ход этого процесса отражают древнерусская литература и искусство, в которых с течением времени усилилась идея этнического единства древнерусского народа. По мнению В. И. Довженка, в эпоху феодальной раздробленности взаимосвязи между отдельными частями государства были более тесными, чем в предшествующий период, а следовательно, считать ее причиной распада древнерусской

---

[86] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 632—637.

[87] Там же, с. 87.

[88] *Рыбаков Б. А.* Древние Русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности.— СА, вып. 17, 1953, с. 28—40.

[89] *Рыбаков Б. А.* К вопросу об образовании древнерусской народности.— Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР. М., 1951, с. 21.

[90] *Довженок В. И.* К вопросу о сложении древнерусской народности.— В сб.: Докл. VI науч. конференции ИА АН УССР. К., 1953, с. 52—57.

[91] *Козаченко А. И.* Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов.— СЭ, 1954, № 2, с. 13.

[92] *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.— Л., 1945.

народности и образования на ее основе трех народов — русского, украинского и белорусского — нет оснований. Эти причины следует искать в исторической обстановке XIII—XIV вв., когда были нарушены связи между русскими землями, разъединены и поставлены в различные условия дальнейшего исторического развития отдельные части древнерусского народа[90].

Исследуя этнические процессы периода феодальной раздробленности, А. И. Козаченко также пришел к выводу, что в это время не только нет распада древнерусской народности, но и, наоборот, наблюдается ее дальнейшее развитие и расцвет, обусловленные как внешней опасностью, равной которой не знал в то время ни один народ Западной Европы, так и все нарастающим требованием национального единства, создания сильной княжеской власти. Древнерусская народность одной из первых в Европе была на пути к консолидации ее в единую нацию. Однако в середине XIII в. этот процесс был нарушен и на некоторое время заторможен. В таких условиях произошел распад дотоле единой древнерусской народности[91].

Специальную работу национальному самосознанию в Древней Руси посвятил Д. С. Лихачев. На основе анализа летописи, а также ряда литературных произведений («Поучения Мономаха», «Хождения игумена Даниила», «Слова о погибели Русской земли», «Слова о полку Игореве» и др.) он убедительно показал большую силу и жизненность идеи народного единства[92]. В своем патриотическом отношении к Русской земле летописцы поднимались до понимания общерусских интересов. Во многом они отражали идеи и настроения, которыми жили передовые люди Киевской Руси, когда «киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце, и все вместе о русской земле. Пробуждение во всем обществе мысли о русской земле, как о чем-то цельном, было коренным, самым глубоким фактором времени»[93].

Характерно, что в последнее время идея этнического единства древнерусского народа XII—XIII вв. приобретает все больше сторонников, причем даже из числа исследователей, которые ранее придерживались несколько иных взглядов. Так, В. В. Мавродин уже не подчеркивает мысль о прямой зависимости развития древнерусской народности от процесса феодальной раздробленности Руси. Наоборот, через всю его книгу проходит идея существования единой древнерусской народности вплоть до XIV в. В ее основе, по мнению историка, лежало единство общедревнерусского языка (хотя и сохранившего диалектные особенности), территориальная общность, общность хозяйственной жизни, единство материальной и духовной культуры, религии и даже психического склада[94].

В. Т. Пашуто считает, что и во времена единства Древней Руси, и в период ее феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно осознавали свою принадлежность к русской, т. е. древнерусской, народности и осуждали любые попытки занять ее земли иностранцами[95].

Здесь приведены лишь наиболее характерные мнения историков и языковедов, свидетельствующие о наличии некоторых расхождений в решении проблемы этнического развития Руси эпохи феодальной раздробленности. Основные выводы исследователей сводятся к следующему: 1) древнерусская народность не представляла собой вполне устойчивой этнической общности, и ее разложение определилось государственным распадом Руси эпохи феодальной раздробленности; 2) древнерусская народность была устойчивой этнической общностью и значительно пережила Киевскую Русь; 3) древнерусская народность в XII—XIII вв. переживала период дальнейшей консолидации и явилась одним из основных элементов единства страны вплоть до монголо-татарского нашествия.

Какой же из этих выводов наиболее соответствует исторической истине? Исследователи, утверждающие устойчивость древнерусской народности вплоть до XIV в., считают, что в ее основе лежали единство языка, территориальная общность, культурное единство, общность хозяйственной жизни, единство религии и даже психического склада. Поскольку без этих элементов немыслима не только этническая общность, но и государственное единство, остановимся на них подробнее.

Начнем с языка, наиболее важного определяющего признака народности. Большинство языковедов (А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, Ф. П. Филин, Р. И. Аванесов и др.) считали, что распад единого древнерусского языка на русский, украинский и белорусский окончательно определился лишь к XIV—XV вв. Безусловно, это ни в коей мере не означает, что ранее языковое единство древнерусской народности было абсолютным. Диалектные особенности разговорного языка сохранялись на протяжении всей истории Древней Руси, но они не были столь разительными, чтобы затруднить или исключить непосредственное общение киевского южанина с новгородцем, жителя суздальско-залесского края с галичанином. Летопись приводит множество примеров, когда на вечевых собраниях Новгорода и его пригородов выступали киевские послы и князья, а к киевлянам обращались с речью представители Новгорода, Суздаля, Смоленска.

Некоторые исследователи считают, что многочисленные летописные списки и литературные произведения написаны на церковнославянском, или болгарском литературном языке, игравшем на Руси такую же роль, как латынь в странах Западной

---

[93] *Ключевский В. О.* Соч. Курс русской истории, ч. 1, с. 204—205.

[94] *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 160—170.

[95] *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы, с. 189—190.

Европы, и не отражают живого разговорного древнерусского языка. По мнению Д. С. Лихачева, роль и значение церковнославянского языка были аналогичны роли и значению языков латинского и арабского. Отличие состояло в том, что церковнославянский язык не был языком материнской культуры, подобно языку арабскому или латинскому, а являлся языком особым. Византийская культура была представлена в славянских странах не греческим языком, а языком, близким для всех славянских стран, хотя все же приподнятым над народным и не слившимся с ним[96].

После обнаружения и прочтения многочисленных надписей на сосудах, пряслицах, литейных формочках, бересте, стенах архитектурных сооружений, нанесенных преимущественно не книжниками, а представителями широких кругов населения, положение о значительном отличии древнерусского литературного и разговорного языков вообще становится несостоятельным. В этом плане чрезвычайный интерес представляют наблюдения С. А. Высоцкого над граффити Софии Киевской, которые близки летописным текстам не только звучанием и информативным содержанием, но также и палеографией. Их авторы, как считает исследователь, стремились подражать во всем приемам книжного письма, поэтому в графике граффити, несомненно, нашли отражение процессы, которые происходили в это время в древнерусской письменности[97].

Надписи на археологических находках являются прекрасным свидетельством не только близости древнерусского литературного и разговорного языков, но и их взаимодействия. Языковеды, несомненно, найдут в них, как обнаруживают и в летописных списках, местные диалектные особенности, но вряд ли могут быть сомнения в том, что общих языковых черт в них гораздо больше. Грамоты новгородских купцов или ремесленников, безусловно, могли быть прочитаны и поняты в любом уголке Руси. По мнению А. И. Козаченко, развитие территориальных (областных) диалектов в Древней Руси XII—XIII вв. шло одновременно с развитием языковой общности для всего населения. Разговорный древнерусский язык был понятен как эксплуататорам, так и эксплуатируемым массам[98].

Ф. П. Филин в одной из своих ранних работ особое внимание уделил спорному и давно дискутируемому вопросу о киевском диалекте. По мнению языковеда, он не был ни украинским, ни русским в современном смысле слова. Киевский диалект выдвигался как язык общерусский, однако нашествие татар прервало этот процесс[99]. Вывод чрезвычайно важен, поскольку свидетельствует не об изолированности Среднего Поднепровья от общих этноязыковых процессов, происходивших на Руси в XII—XIII вв., а о нахождении его в центре процессов. Подтверждением этого может быть и следующее обстоятельство. Известно, что с XII в. происходило освоение и заселение суздальско-залесского края. Особенно мощным колонизационный поток был из Южной Руси (Киевщины, Черниговщины, Переяславщины и других земель). Если согласиться с исследователями, утверждающими, что уже в это время здесь шел активный процесс формирования особого (украинского) говора, то естественно ожидать в суздальско-залесском крае тех же языковых признаков, которые позднее будут характерны для украинского Поднепровья. Другими словами, выходцы из Южной Руси, если они были в XII—XIII вв. уже украинцами, должны были принести с собой на северо-восток не только гидронимическую и топонимическую номенклатуру (Лыбедь, Почайна, Ирпень, Трубеж, Переяславль, Галич, Перемышль и др.), но и украинский язык. Между тем ничего подобного здесь не наблюдается.

Созданный на языковой основе родственных восточно-славянских племен и сформировавшийся в условиях единого государства древнерусский язык не только не распался в XII—XIII вв., но значительно пережил Киевскую Русь. Активность общественно-политической жизни Руси эпохи феодальной раздробленности не только не способствовала областной языковой замкнутости, но и практически исключала ее.

Почти все исследователи едины в утверждении, что на Руси даже в условиях феодальной раздробленности сохранялась территориальная общность. Действительно, к этому времени границы страны стабилизировались, но произошло это не само по себе, а благодаря объединенным усилиям многих древнерусских княжеств. Со времен Мономаха предпринимались меры для объединения русских князей на борьбу с половецкой угрозой. Ведущую роль в ней играла Южная Русь, имевшая многовековой опыт борьбы с гуннами и аварами, хозарами и печенегами. Борьба за территориальную независимость велась также на западных и северо-западных рубежах Руси. На северо-востоке Руси, где не было сильного соседства, продолжалось освоение новых районов залесского края, в котором принимали участие представители многих древнерусских земель. Отсюда, вслед за князьями и дружинниками, шли в плодородные районы ополий земледельцы, градостроители, ремесленники, художники-иконописцы, зодчие, книгописцы. Вряд ли столь значительный людской поток из южных и западных районов Руси на северо-восток был бы возможным в условиях отсутствия тесных связей между древнерусскими княжествами.

Письменные источники свидетельствуют, что на Русь как единое территориальное целое смотрели князья, церковь, а также широкие народные массы, особенно

---

[96] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 40.
[97] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской, с. 205, 209—212.
[98] *Козаченко А. И.* Указ. соч., с. 13.

страдавшие от усобиц и иностранных вторжений. Об этом говорят литературные произведения — от «Поучения Мономаха» до «Слова о погибели земли Русской», в которых идея необходимости сохранения единства русской земли звучит с нарастающей силой. Адресуя свои страстные призывы князьям, древнерусские публицисты в блестящей литературной форме выражали чаяния и стремления всего древнерусского народа. Не случайно «Русская земля» стала центральным образом гениальной поэмы «Слово о полку Игореве».

Характерно, что представление о территориальном единстве русских земель дожило до конца XIV в. Сопоставление «Списка русских городов дальних и ближних» (около 1396 г.) с городами XI—XIII вв. привело Б. А. Рыбакова к выводу о совпадении контуров Русской земли обоих периодов[100]. Вместе с идеей единства Русской земли в широком значении этого слова в XII—XIII вв. росло и крепло национальное самосознание древнерусского народа. В тяжкие годы монголо-татарского ига люди вспоминали о былой независимости, могуществе и территориальной целостности Руси и в этом черпали силы для борьбы с грозным врагом[101].

Сохраняли русские земли в эпоху феодальной раздробленности и культурное единство. Археологические материалы, добытые во время раскопок древнерусских городов и городищ, поселений и могильников от Ладожского севера до Киевского юга и от Прикарпатья до Суздальского залесья, показывают, что на Руси XII—XIII вв. материальная культура становится более единой. Причем единство это наблюдается не только в широком ассортименте изделий городского и сельского ремесел, но также в домостроительстве и даже в каменном зодчестве[102]. Архитектурное развитие Руси XII—XIII вв. шло не только по пути формирования местных школ, но также по пути сложения единого стилевого направления. К архитектуре Южной Руси (киевской, черниговской и переяславской) тянулась архитектура Смоленска, Волыни, Рязани и ряда других земель[103]. Творческий опыт старых русских центров впитывала также архитектура Владимиро-Суздальской Руси[104].

П. А. Раппопорт, указав на наличие в зодчестве Владимиро-Суздальской Руси романских элементов, приходит к выводу, что общая плановая схема и композиция, весь облик Владимиро-Суздальских памятников все же очень далеки от романской архитектуры и имеют гораздо больше общего с памятниками зодчества остальных русских земель[105].

Д. С. Лихачев отмечал, что, несмотря на экономическую и политическую раздробленность Руси и рост областных различий, в XII—XIII вв. росла и самобытная единая основа русской культуры. Различия были в основном поверхностны, а единство опиралось на глубокие основы творчества трудовых масс населения. Образование национальных культур каждого из братских народов (русского, украинского и белорусского), как считает исследователь, в гораздо большей степени обязано процессам объединительным, чем разъединительным, и эти объединительные процессы захватили собой уже XII и XIII вв.[106]

Длительное время в исторической литературе феодальная раздробленность Руси отождествлялась с экономической раздробленностью и даже экономическим упадком всей страны. В последнее время, особенно после выхода в свет работ Б. А. Рыбакова, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и др., периоду

«Почнемъ же, братие,
повѣсть сию
отъ старого Владимера
до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умь
крѣпостию своею
и поостри сердца
своего мужествомъ;
наплънився ратнаго
духа,
наведе своя храбрыя
плъкы
на землю Половѣцкую
за землю Рускую».

Слово о полку Игореве. Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания Д. С. Лихачева. М., 1975, с. 46.

---

99 *Филин Ф. П.* Очерк истории русского языка до XIV ст.— Учен. зап. ЛГПИ, т. 27, 1940, с. 89.

100 *Рыбаков Б. А.* Древние Русы, с. 32.

101 *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945, с. 46.

102 *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси; *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIV веков, т. 1. М., 1965; *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі; *Раппопорт П. А.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в.— Труды Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Л., 1970; *Плугин В. А.* Культура Владимиро-Суздальской Руси.— Вопр. истории, 1973, № 4.

103 *Асєєв Ю. С.* Архітектура Київської Русі, с. 114—118.

104 *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 45; *Плугин В. А.* Культура Владимиро-Суздальской Руси, с. 107.

105 *Раппопорт П. А.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в., с. 14.

106 *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве», с. 235—239.

«...Таким образом, налицо попытка дать географию городов в русских землях в широком понимании этого слова, что отражает представление автора «Списка русских городов» о единстве русских, украинцев, белорусов...»

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 88.

феодальной раздробленности больше не приписывается столь губительных последствий для экономической жизни Руси.

Действительно, формирование более-менее стабильных областных рубежей хотя и сопровождалось частыми междукняжескими конфликтами, все же положительно сказалось на хозяйственном развитии всех древнерусских княжеств. В это время растут старые города и возникают новые, все древнерусские земли покрываются густой сетью военных крепостей, феодальных зáмков, сел и промысловых поселков. Археологические исследования показывают, что вместе с экономическим развитием древнерусских княжеств и ростом производительных сил всей страны в XII—XIII вв. связи между отдельными землями Руси не только не ослабевают, но значительно расширяются и укрепляются. Этому в немалой степени способствовала и торговля, которая в период феодальной раздробленности стала еще более регулярной и постоянной. Вещи, изготовленные в киевских или новгородских мастерских, благодаря купцам-посредникам проникали в самые отдаленные уголки Руси. Несмотря на постоянный нажим половцев на южнорусское пограничье, продолжали функционировать и все основные торговые пути, по которым осуществлялась торговля Руси XII—XIII вв. Во второй половине XII в. летописи особенно часто упоминают Греческий, Соляной и Залозный пути, для охраны которых древнерусские князья предпринимают самые решительные меры.

Выше уже отмечалось, что, говоря о политическом и этническом развитии Древней Руси, историки чаще всего устанавливают одностороннюю зависимость этих процессов. В IX—XI вв. было сильное государство, была и единая древнерусская народность; в XII в. начался распад государства, начался и распад единой народности. Иногда утверждается независимость этнического и государственного развития Руси; распад государства в XII—XIII вв. не повлек за собой распада народности. И совсем редко исследователи пытаются выяснить обратную зависимость, определить степень влияния устойчивости древнерусской народности на сохранение единства Руси XII—XIII вв. Кроме В. И. Довженка, показавшего, что единство Киевской Руси определялось прежде всего культурной и этнической общностью населения, а также А. И. Козаченко, подчеркнувшего зависимость государственного развития Руси XII—XIII вв. от уровня национального самосознания, такой постановки проблемы, кажется, нет ни у кого. Подобные вопросы применительно к средневековым государствам Европы в исторической науке не только ставятся, но и успешно решаются.

Н. Ф. Колесницкий, исследуя пути этнического и государственного развития средневековой Германии VI—XIV вв., пришел к выводу, что даже в XIII—XIV вв., когда государственная организация стала более аморфной и политическая связь между отдельными землями ослабела, государственное единство Германии окончательно не разрушилось, так как в его основе лежала исторически сложившаяся общность немецкого народа[107]. Созревание условий единства Польского государства также в значительной степени зависело от того, что в народных массах на протяжении всего периода феодальной раздробленности никогда не исчезало сознание единства польской земли, польской народности[108].

Исследование процессов этнического развития Руси XII—XIII вв. показывает, что древнерусская народность, территорией расселения которой было все государственное пространство русских княжеств, также была одним из основных элементов, питавших тенденцию к восстановлению их политического единства. Сознание общности происхождения и развития, чувство территориальной целостности, единство языка, культуры, веры, наличие относительно упорядоченных и постоянных экономических связей — все это, с одной стороны, было бы невозможным в условиях отсутствия постоянных и прочных

---

[107] *Колесницкий Н. Ф.* Этническое и государственное развитие Германии в VI—XIV вв.— Средние века, вып. 23. М., 1963, с. 197.

[108] История Польши, т. 1. М., 1954, с. 55.

[109] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 314, 495.

[110] *Шапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 340–350

[111] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 306.

контактов между древнерусскими княжествами, с другой — обусловливало нарастающее требование преодоления их политического сепаратизма. Важное место в этническом развитии Руси периода феодальной раздробленности занимали Киев и Киевская земля, которые находились в центре общерусских событий и принимали самое непосредственное участие в консолидации древнерусской народности.

Место церкви в политической системе древнерусских княжеств в XII—XIII вв.

Одной из важнейших общественно-политических сил средневековья, оказывавших глубокое влияние на все сферы государственной жизни и явившихся, по существу, частью самого государства, была церковь. Указывая на большое значение западноевропейской церковной организации в укреплении феодальных государств, Ф. Энгельс отмечал, что «в средние века, в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией». «Церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах» [109].

Это качество христианства сыграло решающую роль в принятии его феодальной верхушкой Киевской Руси в качестве государственной религии. Большая политическая и правовая традиция православной церкви, принесенная на Русь из Византии, позволила ей быстро стать в ряд местных феодалов и взять на себя некоторые государственные функции. Церковь содействовала установлению на Руси феодального способа производства, освятила господство и подчинение [110].

Вместе с тем русская православная церковь оказала большую помощь княжеской власти в объединении восточнославянских земель в единое государство, в консолидации древнерусской народности. В период феодальной раздробленности церковь являлась реальной связью между различными древнерусскими землями и содействовала сохранению их государственного единства. И позднее, когда Древняя Русь оказалась разорванной на части, лозунги православия играли существенную роль в борьбе за воссоединение древнерусских земель.

Следует отметить, что стремление к объединению или удержанию в единой политической системе многих земель не было особенностью только русской православной церкви. Так поступала и католическая церковь Запада. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое» [111].

Исследование вопроса о роли церкви в политической жизни Древней Руси XII—XIII вв., без чего невозможно до конца понять характер ее государственного строя периода феодальной раздробленности, а также реальное политическое значение древней столицы — Киева начнем с религиозной организации. В принципе она соответствовала светской. Система церковного управления напоминала систему княжеской власти. Во главе древнерусской православной церкви стоял киевский митрополит, назначавшийся патриаршим синодом или (что случалось крайне редко) великим киевским князем. Посвящение митрополита производилось патриархом, а акт интронизации происходил в Киеве с согласия великого князя. Епархиями, которые в XII—XIII вв. территориально приближались к княжествам, управляли епископы, назначавшиеся митрополитом и великим князем, как правило, из числа киевского духовенства. Согласно свидетельству владимирского епископа Симона (умер в 1226 г.), только из Печерского монастыря вышло около 50 епископов [112].

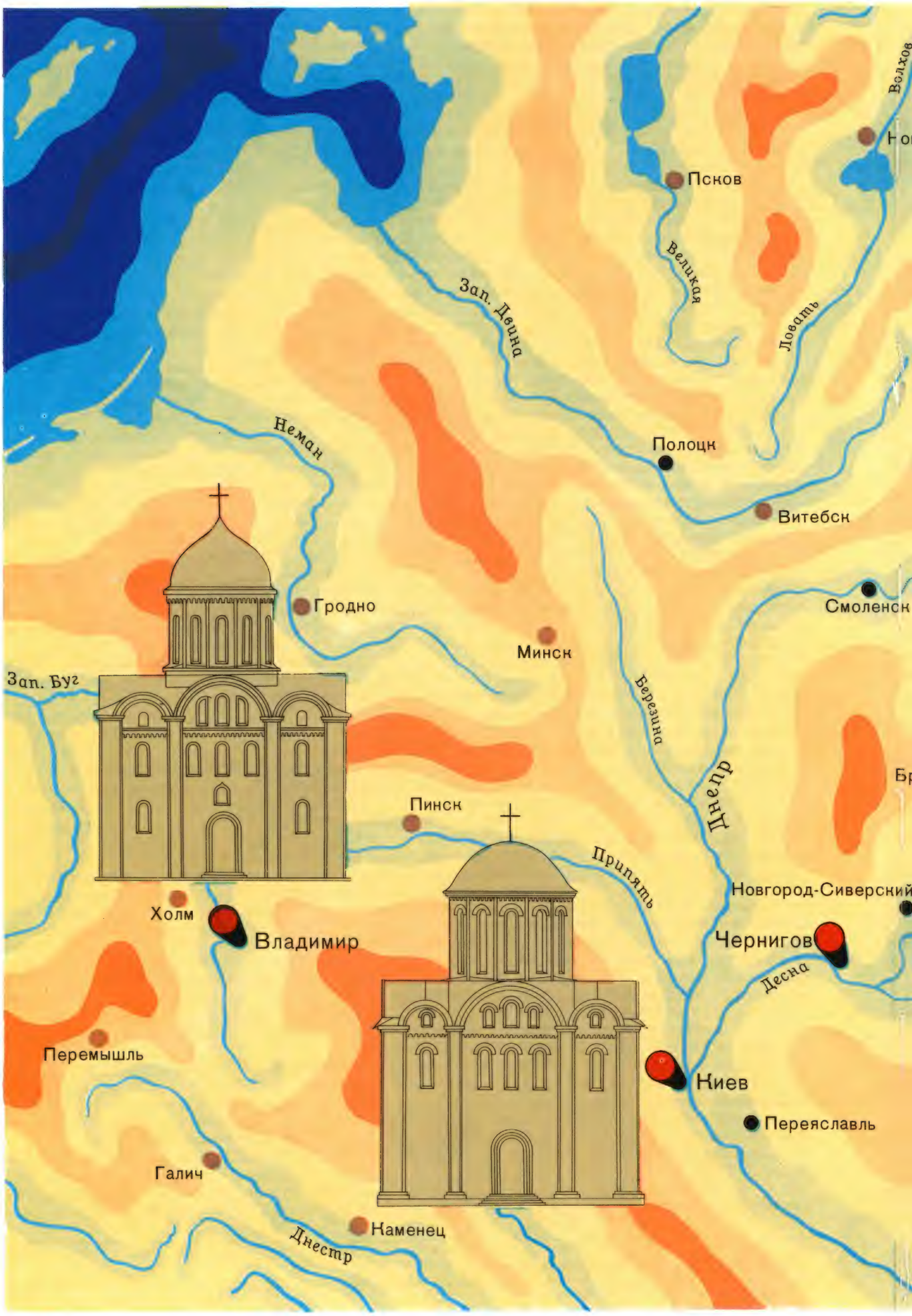
Чем шире и глубже входила церковь в жизнь народа, тем разветвленнее и многообразнее становилось ее управление. С момента принятия христианства и до монголо-татарского нашествия на Руси было учреждено 16 епархий. Страна покрылась густой сетью приходов и монастырей. Исследователи полагают, что с X до середины XIII в. на Руси было построено около 10 000 церквей [113]. С течением времени вырос огромный аппарат чиновников церкви, верховное управление которым осуществлялось из Киева — церковной столицы Древней Руси. В отличие от великих киевских князей, старшинство которых в период феодальной раздробленности нередко было номинальным, положение митрополитов оставалось незыблемым. Их верховная власть над всеми епархиями Руси не подвергалась сомнению.

В XII—XIII вв. высшие иерархи русской церкви принимают активное участие в политической жизни страны, выступают в качестве посредников или мировых в улаживании междукняжеских конфликтов. По мнению Е. Е. Голубинского и других представителей буржуазной историографии, предотвращать столкновения и восстанавливать мир между князьями было обязанностью церковной власти [114].

Весьма характерной в этом отношении может быть позиция киевского митрополита Никифора в событиях 1195 г. В этом году князь Владимиро-Суздальской земли Всеволод, пытаясь ослабить позиции великого киевского князя Рюрика Ростиславича, просит у него пять киевских городов — Треполь, Богуславль, Канев и др.,

---

[112] Патерик Киевского Печерского монастыря. Спб., 1911, с. 76.
[113] *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 82.
[114] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Соч., с. 548; *Сергеевич В. И.* Вече и князь, т. 2, СПб., 1908, с. 544.


Псков
Великая
Зап. Двина
Ловать
Неман
Полоцк
Витебск
Гродно
Минск
Смоленск
Зап. Буг
Березина
Днепр
Пинск
Припять
Новгород-Сиверский
Холм
Владимир
Чернигов
Десна
Перемышль
Киев
Переяславль
Галич
Каменец
Днестр

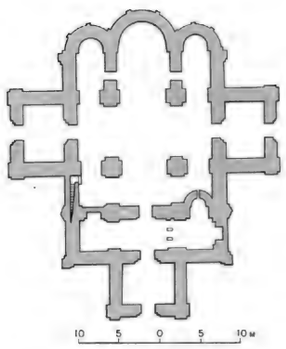
Стилевое единство культовой архитектуры Древней Руси середины XII в. Кирилловская церковь в Киеве, Успенские соборы Владимира-Волынского, Чернигова и Владимира-на-Клязьме.

Города — столицы княжеств

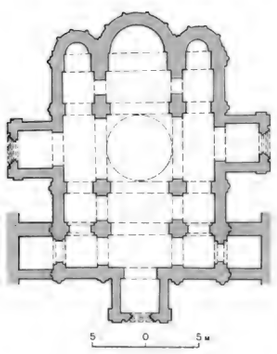
Летописные города

План Кирилловской церкви в Киеве.

План Успенского собора во Владимире-Волынском.



План Успенского собора в Чернигове.



План Успенского собора во Владимире-на-Клязьме.

которые тот только что подарил своему зятю Роману Мстиславичу. Отказ Всеволоду грозил военным вторжением последнего в Южную Русь, удовлетворение его претензий было сопряжено с не менее серьезными неприятностями: нарушением крестного целования Роману и превращением его из союзника во врага. Пребывая в столь большом затруднении, Рюрик обратился за советом к митрополиту Никифору и получил следующий ответ: «Княже! мы есмы приставлены вь Руской землѣ от Бога востягивати васъ отъ кровопролитья ажь ся прльяти крови крестьяньской вь Руской землѣ; ажъ еси далъ волость моложьшему в облазнѣ предъ старѣишимъ, и кресть еси к нему целовалъ, а нынѣ азъ снимаю с тебе крестное цѣлование и взимаю на ся; а Романови даси иную в тое мѣсто» [115].

Цитированный текст свидетельствует, что для киевских митрополитов «Русская земля», мир и спокойствие которой они призваны были охранять — это не небольшое ядро вокруг Киева (то, что исследователи обычно называют Русью в узком смысле слова), а все государственное пространство Древней Руси, в границах которого проживало православное население.

Как считал Е. Е. Голубинский, для представителей духовной власти неважно было знать, прав или неправ был князь, поднимавший оружие; их забота состояла в том, чтобы предотвращать кровопролития, и поэтому они одинаково унимали от междуусобия и правых и неправых [116]. В этих словах буржуазного исследователя, как и во всей его концепции миротворческой роли церкви в истории Руси, довольно четко просматривается стремление к идеализации этой силы. Конечно церковь пыталась по возможности добросовестно исполнять лежавшую на ней обязанность предотвращать кровопролития и поддерживать между князьями мир. Но всегда ли она руководствовалась в своих поступках сознанием высокого долга перед страной и ее народом? Очень часто посредническая роль представителей духовной власти обуславливалось также соображениями экономического благополучия церкви. Для его достижения они готовы были пожертвовать (и жертвовали) высокими принципами христианской морали. Наглядным подтверждением сказанного как раз и является поступок митрополита Никифора, признавшего правым сильного и освободившего неправого от крестного целования. И, тем не менее, объективно позиция Никифора вряд ли может вызвать осуждение.

Вот еще несколько примеров участия митрополитов в политических событиях. В 1097 г. Владимир Мономах и все черниговские князья решили лишить стола великого князя Святополка за соучастие его в ослеплении Василька. Узнав о подходе войск Мономаха к Киеву, Святополк решил бежать, но «не даша ему кияне побѣгнути». К Владимиру срочно направилось посольство киевлян во главе с митрополитом Николой. «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьской землѣ; аще бо возметь рать межю собою, погании имуть радоватися, и возьмуть землю нашю, юже бѣша стяжали ваши дѣды и отци ваши..., а вы хощете погубити Руськои землю» [117].

Митрополит как тонкий политик и дипломат знал, чем можно было успокоить Владимира Мономаха. Он почти дословно повторил его речь на Любечском съезде, напоминая

---

[115] ПСРЛ, т. 2, стб. 684.
[116] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., с. 549.
[117] ПСРЛ, т. 2, стб. 237—238.
[118] Там же, стб. 238.
[119] *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.—Л., 1946, с. 51—52.
[120] ПСРЛ, т. 2, стб. 291.
[121] Там же, стб. 299.
[122] Там же, т. 1, стб. 307.
[123] Там же, т. 2, стб. 488.
[124] Там же, т. 1, стб. 435.
[125] Там же, стб. 435.
[126] Там же, стб. 456, 463.
[127] Там же, т. 2, стб. 663.
[128] Там же, стб. 347—348.
[129] Там же, стб. 349.
[130] Там же, стб. 354.
[131] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Вече и князь. СПб., 1908, с. 635.
[132] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., с. 331.
[133] Там же, с. 442.

о поганых и призвав «створити миръ и блюсти земли Рускои, и брань имѣти с погаными» [118]. Владимир уступил настояниям митрополита.

Особый интерес представляет известное «Послание» митрополита Никифора к Владимиру Мономаху. В нем звучит призыв не только к соблюдению поста как средства к «укрощению» страстей, но также и к проявлению великокняжеского благородства и сдержанности. Согласно Никифору, Мономах не должен жестоко расправляться со своими противниками. «Подумай об этом со вниманием, княже мой, и помысли об изгнанных тобою и осужденных в наказание, о презренных, вспомни обо всех». Жестокость владык («велика власти») приносит не только пользу, но и великий вред: «Яко и вельмы пользують, и велику пакость имеють» [119]. По существу, Никифор выступает как советник главы государства.

В 1128—1129 гг. тмутараканский князь Всеволод Ольгович осуществил стремительное нападение на Чернигов и изгнал оттуда своего дядю Ярослава Святославича. Последний обратился за помощью к великому князю. Мстислав как глава государства должен был восстановить справедливость. Назревавшему военному столкновению с сильным Всеволодом помешал игумен Андреевского монастыря Григорий, исполнявший, вероятно, в отсутствие митрополита его функции. Он заявил Мстиславу, что нарушить крестное целование грех менее страшный, чем пролить кровь христианскую. «Бяшеть бо в ты дни игуменъ святаго Андрѣя, Григорий, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же ото Мьстислава и ото всихъ людей, тотъ бо не владяше Мьстиславу въстати ратью по Ярославъ, река то ти менше есть оже преступивъ хрестьное целование, на рать не въстанешь нежь кровь пролити хрестьяньскую» [120].

Особенно активное участие в государственных делах принимал митрополит Михаил. В 1136 г. черниговские князья, нанеся поражение великому киевскому князю Ярополку, потребовали от него свои левобережные владения. Переговоры о мире долгое время не приносили успеха в связи с неуступчивостью Ярополка. Тогда в качестве посредника выступил митрополит Михаил, ходивший между противоборствующими сторонами с крестом, и в конце концов склонивший их к взаимным уступкам и миру. «И створи с ними миръ во двенадцатии генваря, и целовавше хрестъ межю собою, ходячю межи ими честьному Михаилу, митрополиту со крестомъ и вда Ярополкъ Ольговичамъ отчину свою» [121].

В 1139 г. на киевском столе скончался князь Ярополк Владимирович и на его место сел брат Вячеслав. Митрополит Михаил приветствовал на киевском столе нового князя, но, как оказалось, несколько поспешил. Вскоре свои права на Киев заявил Всеволод Ольгович и потребовал немедленного удаления оттуда Вячеслава. Несмотря на то, что у Мономаховича было больше прав на великое княжение, митрополит принял сторону сильного Ольговича. Он уговорил Вячеслава отказаться от Киева в пользу Всеволода, что и «утверди крестомъ честнымъ» [122].

Нередко, чтобы удержать великих киевских князей от опрометчивых решений, митрополиты напоминают им о верности крестному целованию. Так, в частности, было в 1157 г., когда по требованию Ярослава Осмомысла Юрий Долгорукий решил выдать ему мятежного галицкого князя Ивана Ростиславича. Митрополит Константин и все высшее духовенство Киева заявили Юрию решительный протест. «Грѣхъ ти есть (укорял митрополит князя.— *П. Т.*) цѣловавши к нему хрестъ, держиши в толицѣ нужи, а и еще хощеши выдати на убийство» [123]. Вмешательство Константина спасло жизнь Ивану Берладнику. Юрий не решился ослушаться митрополита.

И позже митрополиты неоднократно выступали в качестве миротворцев между князьями, исполняя, по существу, посольские обязанности. В 1211 г. черниговский князь Всеволод Чермный захватил Киев, а Рюрика Ростиславича перевел в свой Чернигов. Такой поворот событий, вероятно, не входил в расчеты сильного суздальского князя Всеволода, и он высказал по этому поводу свое неудовольствие. Чтобы предотвратить возможный его военный поход в Южную Русь, Всеволод Чермный срочно послал во Владимир митрополита Матвея с широкими полномочиями. «Того же лѣта прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфѣя Всеволодъ Чермный и вси Олговичи, прося мира» [124]. Всеволод принял условия Ольговичей: «цѣлова к ним крест, а митрополита учредивъ отпусти с честью» [125].

В 1230 г. митрополит Кирилл вместе с епископом черниговским Порфирием, игуменом монастыря святого Спаса-на-Берестове Петром Акеровичем и воеводой великого киевского князя Владимира Рюриковича Георгием направились к князьям Северо-Восточной Руси с целью удержать тех от войны с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, который нарушил мирный договор: «бѣ бо Михаилъ не правъ въ крестном целовании». Как свидетельствует летопись, «не остави Богъ труда митрополита бес памяти» [126]. Мир был заключен к взаимной радости сторон.

Политика митрополитов, заинтересованных в экономическом процветании церкви, которое находилось в прямой зависимости от экономического развития всей страны, напоминала политику тех великих киевских князей, которые стремились к восстановлению единства древнерусских земель. Они не признавали самостоятельного и независимого существования отдельных русских княжеств, а рассматривали Русь

---

[134] ПСРЛ, т. 2, стб. 552.
[135] Там же, т. 1, стб. 238.
[136] Там же, т. 2, стб. 366.
[137] Там же, стб. 380.

как единое целое и посредством церковных проповедей и призывов к князьям содействовали утверждению в народе идеи национального единства.

Когда в 1189 г. венгерские феодалы оккупировали Галичину и посадили на галицком столе королевича Андрея, митрополит Никифор обратился к киевским князьям с призывом защитить эту окраинную русскую землю. «Молвяшеть бо и митрополитъ Святославу и Рюрикови: се иноплеменници отяли отчину вашю; а лъпо вы бы потрудитися» [127]. Цитированный летописный отрывок свидетельствует о том, что для церкви то или иное княжество являлось составной частью всей Руси. Она, по мнению киевских митрополитов, в государственном отношении должна была представлять в такой же степени сплоченный организм, как и в церковном. И как они были в ответе за все епархии, так великие киевские князья должны были нести ответственность за неприкосновенность государственных рубежей.

Будучи вторым после великого князя лицом в стране, митрополит нередко фактически исполнял и его обязанности. Подтверждением этому могут быть события 1147 г. В этот год великий киевский князь Изяслав Мстиславич отправился в военный поход против Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича. От своих людей Изяслав узнал, что союзные ему черниговские князья собирались, пригласив его в Чернигов, убить. Эту весть он немедленно передал в Киев и приказал объявить ее на вече. Несмотря на то, что первым в ряду руководителей киевского веча назван брат Изяслава Владимир, едва ли пятнадцатилетний юноша играл там ведущую роль. Она принадлежала митрополиту Климу. Вот что говорит об этом летопись. «В то же веремя Изяславъ посла Киеву къ брату своему Володимиру, того бо бяшеть оставилъ Изяславъ в Киевѣ, и к митрополиту Климови, и къ Лазореви тысячскому, и рече имъ: Созовите кияны на дворъ къ святѣи Софьи, ать мои посолъ молвить рѣчь мою к нимъ, и скажеть лесть Черниговьских князей» [128].

Узнав о коварстве Давидовичей, киевляне решают убить их родственника бывшего великого князя, а тогда монаха Федоровского монастыря Игоря Ольговича. Митрополит Клим пытался удержать толпу от убийства князя — «митрополитъ же възбраняше имъ... како быша не убили Игоря» [129]. Когда же убийство совершилось, он запрещает разглашать это событие. «Митрополитъ же запрѣти да никому же не повѣдать, но повелѣ потаити таку благодать Богу» [130].

Приведенные примеры не исчерпывают фактов участия митрополитов в государственной жизни, но и их вполне достаточно, чтобы придти к выводу о значительной роли русской православной церкви в деле сохранения и восстановления единства Руси. В. И. Сергеевич, рассматривая роль церкви в утверждении московского самодержавия, подчеркивал, что митрополиты, имея общую с великим князем московским резиденцию, одним этим фактом возвышали его власть над властью других князей [131]. Сказанное в полной мере приемлемо и к Древней Руси. До тех пор, пока русская митрополия находилась в Киеве, ни одно княжество, сколь бы сильным оно ни было, не могло рассчитывать на полную самостоятельность.

Первым князем, который понял это, был Андрей Боголюбский, предпринявший попытку учредить на Руси еще одну митрополию. В 1162 г. после приготовления для будущего митрополита кафедры в Успенском храме Владимира и имея готового кандидата в лице епископа Федора, Боголюбский направил в Константинополь к патриарху Луке Хризоверху посольство с просьбой учредить митрополию во Владимире. Патриарх созвал собор, обсудил на нем просьбу суздальского князя и в грамоте-ответе прислал решительный отказ [132]. Ни к чему не привела и попытка Андрея получить от патриарха хотя бы автокефального епископа, которым после путешествия в Константинополь был объявлен все тот же Федор. Митрополит киевский, принимавший, вероятно, самое активное участие в отражении притязаний Боголюбского, зная о самозванстве Федора, начал с ним решительную борьбу.

По мнению исследователей, Боголюбский не мог находить борьбу с митрополитом, поддерживаемым всеми епископами и их князьями, благоразумной и вынужден был отказаться от своих замыслов [133]. Епископ Федор был отослан в Киев и казнен митрополитом Константином. «Посла же его (Федора.— *П. Т.*) князь Андръи к митрополиту Киеву. Митрополить же Константинъ обини его всими винами, и повелѣ его вести в Песии островъ и тамо его осъкоша» [134].

Кроме митрополитов, активное участие в общественной и государственной жизни русских княжеств принимали епископы, игумены крупных монастырей, попы. Они выполняли различные поручения своих князей, выступая в качестве посредников и послов. О том, насколько был распространен на Руси обычай использовать епископов в качестве послов, свидетельствует известное обращение Владимира Мономаха к Олегу Святославичу. «Да еже начнеши каятися богу, и мнѣ добро седце створиши, послав соль свои, или пископа, и грамоту напиши с правдою» [135]. Подробнее о посольстве во главе с епископом рассказывает летопись под 1148 г., когда киевский князь Изяслав Мстиславич решил заключить мир с Ольговичами. В Чернигов он посылает «бѣлгородского епископа Федора и Печерьского игумена Федоса, и мужи свои с ними». Черниговские князья приняли предложение Изяслава «ворожду про Игоря отложити, а Рускои земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ» [136].

---

[138] ПСРЛ, т. 2, стб. 606.
[139] Там же, т. 1, стб. 296.
[140] Там же, т. 2, стб. 629—630.
[141] Там же, стб. 666.

В 1149 г., чтобы уберечь Переяславль от разрушений, епископ Ефимий просит Изяслава Мстиславича помириться с Юрием Долгоруким. «Княже! умирися съ стрыемь своимъ, много спасение примеши отъ бога и землю свою избавиши от великия бъды» [137]. Изяслав не послушался епископа и вскоре должен был пожалеть об этом. Ефимий, почувствовавший силу Долгорукого, вероятно, сумел убедить в этом и переяславцев, которые в разгар боя перешли на сторону суздальского князя.

В 1177 г. епископ черниговский Порфирий возглавил посольство Святослава Всеволодовича к Всеволоду Юрьевичу, цель которого — ходатайство об освобождении заключенных во Владимире князей Глеба и Ярополка [138].

Роль епископов в общественно-политической жизни не ограничивалась посольскими обязанностями или участием в княжеских съездах и совещаниях, иногда в отсутствие в городе князя епископы выполняли его функции. Подтверждением этому может служить летописный рассказ о взятии Переяславля монголо-татарами и об убийстве епископа Симеона, который был организатором обороны города. Чрезвычайно обширной и многогранной представляется, по летописи, компетенция новгородских владык. Они всегда находились в центре событий, являлись усмирителями народных восстаний, примирителями враждовавших концов и феодальных группировок, посредниками между людьми и князем.

Интересы государства и церкви в XII—XIII вв. на Руси настолько тесно переплелись, что порой просто невозможно различить, где кончается компетенция юрисдикции государственной и начинается церковной, и наоборот. Уступив церковной администрации целый ряд, казалось бы, чисто государственных функций, князья сохранили за собой значительные права участия в делах церкви. Таким, в частности, было право великого киевского князя на поставление епископов, которое он разделял с митрополитом. Инициатива замещения епископских кафедр могла принадлежать тому или другому. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что летописцы чаще всего отмечают лишь факт поставления епископов, но не уточняют, кто же их ставил, митрополит или князь. В тех же немногих случаях, когда летопись подробнее говорит об этом, на первое место ставится великий князь. «В лъто 6634. Постави князь Ярополкъ игумена Марка святаго Иоана, его же постави Никита митрополитъ епископомь Переяславлю [139].

Право киевских князей на поставление епископов в разные земли сохранялось за ними вплоть до монгольского нашествия. Летописная статья 1183 г. сообщает, что суздальский князь Всеволод Юрьевич, не приняв на Ростовскую епископию Николая Гречина, попросил епископа у Святослава Всеволодовича и митрополита Никифора из Киева. «Посла Киеву ко Святославу ко Всеволодовичю и к митрополиту Никифору рекъ не избраша, сего людье землѣ нашѣѣ..., а мнѣ постави Луку смиренаго духомъ и кроткого игумена святого Спаса на Берестовомь». Митрополит под давлением Святослава «постави Луку епископомъ в Суждальскую землю» [140]. В 1189 г. Рюрик Ростиславич заместил белгородскую кафедру даже без участия митрополита. «Того же лѣта преставися епископъ Бѣлгородьскии Максимъ; Рюрикъ же в него мѣсто постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрѣяна Выдобычиского» [141].

Показательным в этом отношении является сообщение летописи 1190 г. «Посла благовѣрный ... великыи князь Всеволодъ, сынъ Гюргевъ... Кыеву Святославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору отця своего духовнаго Иоана на епископство» [142]. Всеволод Юрьевич, не без основания претендовавший на руководящее положение среди всех русских князей, оказывается, должен был посылать своего кандидата в ростовские епископы на утверждение его и митрополитом, и киевским князем. В 1192 г. в Киев для утверждения в сане новгородского архиепископа прибыл Мартирий Рушанин. Летопись сообщает: «И прия их с любовию князь Святослав и митрополит и поставиша и декабря 10 на память святаго Мины и Ермогена» [143]. Торжественное поставление, как считает Б. А. Рыбаков, происходило в Софийском соборе. Подтверждением этому является граффити на одной из стен храма, содержащее имя Мартирия и его портрет [144].

В 1230 г. в стенах Софии Киевской состоялось торжественное освящение ростовского епископа Кирилла, которого послал в Киев «к Володимеру Рюриковичу и преосвященному митрополиту» Василько Константиныч.

Сказанное выше свидетельствует о самом широком участии церкви в государственной жизни Руси XII—XIII вв. Разумеется, митрополиты, епископы и их чиновники, выступая против княжеских междуусобиц, руководствовались отнюдь не интересами народа. Их позиция определялась, в первую очередь и главным образом, тем местом, которое занимала церковь в системе феодального государства. Опасаясь, что в условиях политической раздробленности страны и постоянной междукняжеской борьбы не будут обеспечены земельные, финансовые и правовые интересы церкви, неукоснительно соблюдавшиеся на раннефеодальном этапе развития Древнерусского государства, высшее духовенство объективно не было заинтересовано в распаде единства Руси.

---

[142] ПСРЛ, т. 1, стб. 408.
[143] Там же, т. 3, стб. 21.
[144] *Рибаков Б. О.* Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі.— Археологія, т. 1. К., 1947, с. 53—65.

Подол.
Фрагмент диорамы

Торгово-ремесленный посад древнего Киева. В XII—XIII вв. занимал площадь около 200 га. Со стороны Оболони и Днепра был укреплен оборонительной стеной — «столпием». Здесь же, на Почайне, находилась киевская гавань.

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ И МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

жная Русь, веками боровшаяся с кочевниками степей, в начале 20-х годов XIII в. подверглась нападению нового врага — монголо-татар. Битва на Калке, окончившаяся поражением русских войск, показала, что над Русью нависла смертельная опасность. Опустошительные походы Батыя в 1237—1238 гг. (Владимиро-Суздальская Русь) и в 1239—1241 гг. (Южная Русь) превратили некогда цветущие области страны в руины. Монголы сжигали города и села, истребляли или угоняли в рабство русских людей. Ущерб, причиненный Руси монгольскими завоевателями, был огромен. В пламени пожаров гибли дворцы и храмы, уничтожались архивы и библиотеки, расхищались культурные ценности. К. Маркс, говоря о завоевании монголо-татарами государств Средней Азии, отмечал: «Между тем орды совершают варварства в Хорсане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»[1]. Сказанное в полной мере относится и к Древней Руси, которая разделила печальную участь покоренных монголо-татарами стран.

В отечественной (дореволюционной и советской) историографии вопрос о монголо-татарском нашествии на Русь и его губительных последствиях для дальнейших судеб древнерусского народа поднимался неоднократно. Историки в подавляющем большинстве были единодушны в оценке этого исторического явления. Реакционная сущность монголо-татарских завоевательных походов очень хорошо показана в работах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и других исследователей[2]. Однако историография, к сожалению, знает и работы, в которых предпринимались попытки затушевать тот факт, что монгольское нашествие отрицательно сказалось на развитии древнерусских земель.

Особенно неприглядной в этом вопросе была позиция историков буржуазно-националистического толка. Начав с опровержения ошибочной теории М. П. Погодина, согласно которой монголо-татарское нашествие было причиной полной смены населения в Среднем Поднепровье, они выдвинули антинаучное утверждение, что монгольские завоеватели не причинили южнорусским землям сколько-нибудь серьезных разрушений, что даже Киев не был разорен.

Ложное убеждение о разорении Киева полчищами Батыя, писал В. Б. Антонович, утвердилось с конца XVI в., когда иностранные путешественники пытались связать виденные ими развалины киевских зданий с картиной монголо-татарского разгрома города. В древних источниках о разрушении Киева нет никаких упоминаний, кроме известия о падении сводов Десятинной церкви[3].

Еще бóльшим стремлением умалить отрицательное значение монгольского нашествия на Русь характеризуются работы Грушевского. «Я не могу признать за монгольским нашествием,— писал он,— решительного, фатального для состояния страны... Мы не имеем твердых положительных основа-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 221.

[2] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.—Л., 1940; *Пашуто В. Т.* Геро-

ний для того, чтобы предполагать поголовное избиение и совершенное разорение, запустение Киева»[4]. Киев в 1240 г., согласно его утверждению, пострадал не больше, чем при домашних погромах 1169 или 1202 гг. Зная, что это не согласуется с известиями Плано Карпини о полном упадке Киева, Грушевский объявил их очень преувеличенными, основанными на каком-то недоразумении. Батый, собираясь сделать Южную Русь провинцией Орды, якобы не был заинтересован в превращении ее в пустыню. Правда, в это время она не была столь богатой и цветущей, как в прежние времена, но повинны в этом не столько монголо-татары, сколько сами русские князья[5]. Так, отстаивая идею прогрессирующего упадка Древней Руси периода феодальной раздробленности, Грушевский оказался в роли защитника завоевательской политики Батыя.

Концепция Антоновича — Грушевского о роли монголо-татарского нашествия в истории Древней Руси, и тогда не разделявшаяся большинством историков, при современном уровне исторической науки не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. И тем не менее нечто похожее предложил недавно в одной из своих работ Л. Н. Гумилев[6]. Как полагает историк, поход на Русь и Европу монголам был вовсе ни к чему и «Монголия была втянута (в него.— *П. Т.*) не собственной волей, а логикой событий мировой истории и политики»[7]. Да и разрушительные последствия похода Батыя, как считает Л. Н. Гумилев, сильно преувеличены. «Две кампании, выигранные монголами в 1237—1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал»[8]. Не приводя никаких доказательств, он утверждает, что в Северо-Восточной Руси пострадало лишь несколько городов, остальные были пощажены. Деревенское население только переждало в лесах, пока пройдут враги, и вернулось в свои села. О разгроме Южной Руси Л. Н. Гумилев просто умалчивает. Правда, был разорен Киев (отрицать этот факт исследователь не решился), но случилось это, «потому что киевляне убили монгольских парламентеров»[9].

Метод исследования и выводы, к которым пришел М. Н. Гумилев, были подвергнуты обстоятельному разбору в статье Б. А. Рыбакова «О преодолении самообмана». «Л. Н. Гумилев,— пишет Б. А. Рыбаков,— причастный к археологии, должен был бы знать, что красочные словесные описания современников документально подтверждаются огромным археологическим материалом: десятки русских городских центров навсегда запустели после батыева погрома; походы 1237—1241 гг. оказались катастрофой, уничтожившей военные резервы именно тех княжеств, которые издавна накапливали силы для борьбы со степью»[10]. Старание Л. Н. Гумилева преуменьшить результаты монголо-татарского нашествия в XIII в. резко расходится с данными науки и, как считает Б. А. Рыбаков, может быть объяснено не привлечением новых источников, а предвзятостью автора[11].

В XV главе своей книги Л. Н. Гумилев замечает, что ему удалось ответить не только на первый вопрос, поставленный в начале книги: а что было на самом деле?, но и на второй: как выжать из лжи истину? Что касается монголо-татарского нашествия на Русь, то здесь Л. Н. Гумилеву не удалось ни то, ни другое.

А что же все-таки «было на самом деле»? Приняв в конце 1237 г. на курилтае решение о походе войною на русских, Батый двинул в пределы Руси 120—140-тысячную армию[12].

ическая борьба русского народа за независимость. М., 1956; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

[3] *Антонович В. Б.* Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетия.— КС, т. 1. К., 1882, янв., с. 223—264.

[4] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли, с. 432.

[5] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси, т. 3. Львів, 1905, с. 143—148; *Грушевський М. С.* Історія України. К., 1917, с. 110, 117—122.

[6] *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

[7] Там же, с. 192.

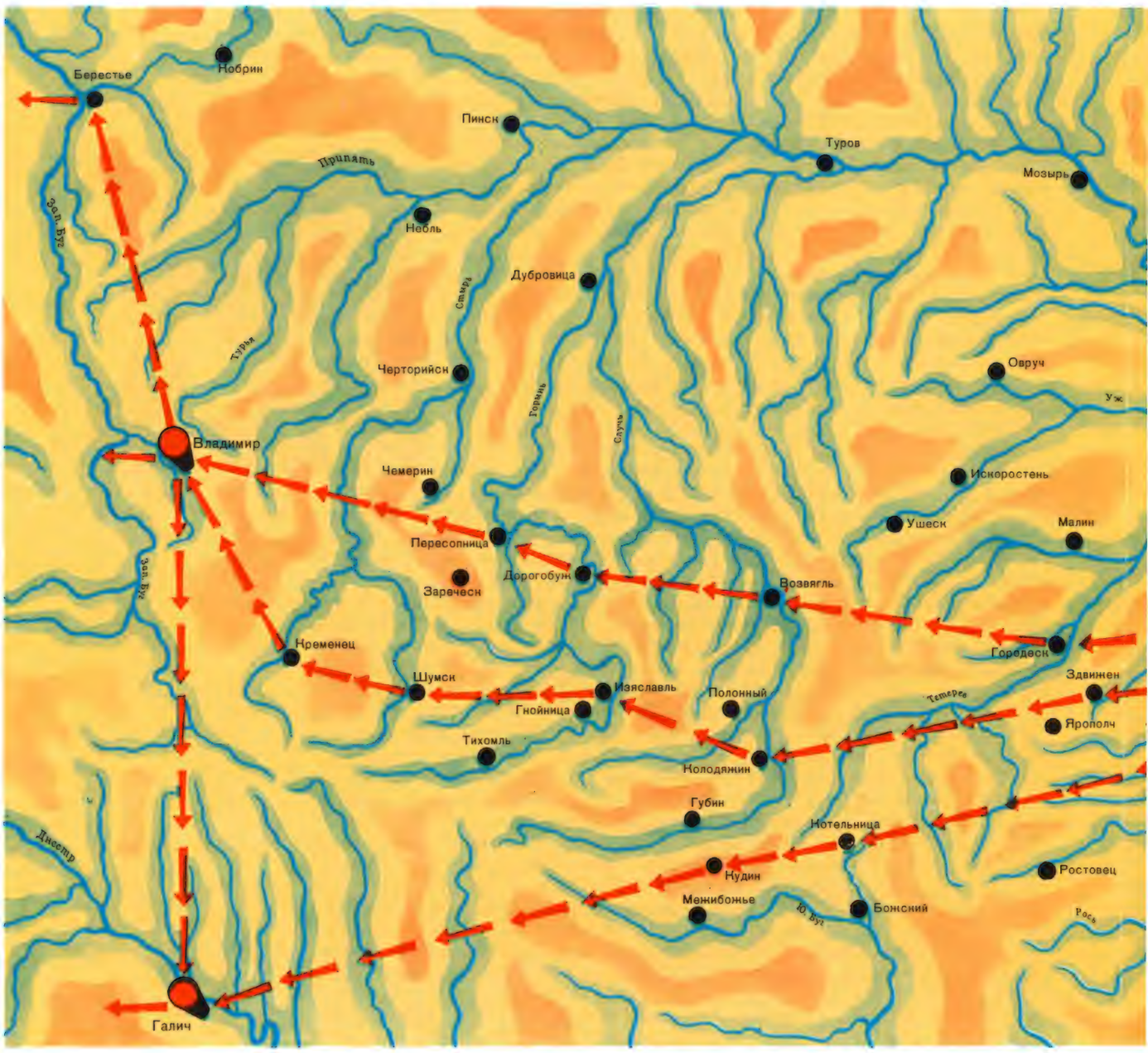
[8] Там же, с. 328—329.

[9] Там же, с. 194.

[10] *Рыбаков Б. А.* О преодолении самообмана.— Вопр. истории, 1974, № 3, с. 153—159.

[11] Там же, с. 154.

[12] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси.— В кн.: Феодальная Русь и кочевники. М., 1968, с. 175.



Пройдя с огнем и мечом по северо-восточным землям Руси, разорив Рязань, Пронск, Белгород, Ижеславец, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев Польский, Переяславль, Тверь, Торжок, Кострому, Козельск и другие города, монголо-татары весной 1239 г. начали наступление на Южную Русь. Первым на пути продвижения батыевой орды был Переяславль, имевший многовековой опыт борьбы с кочевниками. На этот раз южнорусской твердыне не удалось отстоять свою неприкосновенность. Город был взят монголами, сожжен и разрушен. «И взять градъ Переяславль копьемь,— писал летописец,— изби всѣ и церковь архангела Михаила скруша, и сосуды церковьныя бещисленныя златыа и драгаго каменья взять, и епископа преподобнаго Семеона убиша» [13]. Ущерб, причиненный Переяславлю, был настолько велик, что достичь своего древнерусского уровня ему не удавалось долгие столетия. Не только Михайловский храм, но и все другие соборы Переяславля были разрушены, укрепления сожжены, а защитники города уничтожены или взяты в плен. В пламени пожаров погибли многие населенные пункты в окрестностях Переяславля, а также на юге Киевской земли.

Раскопки городищ в Поросье, вдоль Днепра и Стугны неизменно обнаруживают следы монголо-татарского разгрома. Многие из них — у с. Ольшаница, Старые Безрадичи, Зарубинцы, Ходоров, Щучинка, Ржищев, Халепье, Витачев и др.— были настолько сильно истреблены, что жизнь на них больше не продолжалась. Это не значит, что все население этих пунктов было уничтожено монголами, но оставшиеся

---

[13] ПСРЛ, т. 2, стб. 781—782.
[14] Там же, стб. 782.
[15] Там же.

Вторжение монголо-татар в южнорусские земли в 1223—1241 гг.

Города — столицы княжеств

Летописные города

Поход монголо-татар в 1223 г.

Поход монголо-татар в 1239 г.

Поход монголо-татар в 1240—1241 гг.

в живых не имели сил поднимать их из руин. В лучшем случае, они располагались где-то рядом, и новому поселку давали старое название. Большое количество кладов золотых и серебряных изделий на Княжей горе, а также на городище у с. Сахновка свидетельствует о том, что все укрывавшиеся здесь люди погибли в борьбе с монголо-татарами; извлекать из земли спрятанные ценности было некому. Раскопки этих поросских центров обнаружили следы пожарищ, костяки павших в сражении с монголами воинов, многочисленные находки оружия.

Как свидетельствует летопись, первый удар южнорусскому пограничью был нанесен монголо-татарами еще в 1223 г. Поражение русских на р. Калке открыло монголам путь на Киев, и они дошли до Новгорода-Святополча. На своем пути монголы сеяли смерть. Обманом захватив многие южнорусские центры, они уничтожали всех их жителей. «Они же убиша ихъ всихъ». Орды Батыя завершили разгром этого края.

В 1239 г. монголо-татары во главе с Менгу-ханом, двоюродным братом Батыя, подошли к Киеву. От города их отделял лишь Днепр. Красота и величие древней столицы Руси произвели огромное впечатление на монголов. «Меньгукановы же пришедшу сглядать града Кыева, ... видивъ градъ удивися красотъ его и величеству его; присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя прельстити»[14]. К этому времени киевляне уже хорошо знали, чего стоят обещания монголов, и, убив их послов, на предложение о сдаче города ответили отказом. Менгу-хан не решился на штурм Киева и повернул обратно. Михаил Всеволодович вместо того, чтобы возглавить борьбу киевлян с монголами, бежал в Венгрию. Некоторые исследователи считали, что он отправился туда за помощью, но летописная фраза: «Михаилъ бѣжа по сыну своемь передъ татары во Угры»[15], не дает для этого никаких оснований. Больше того, когда Данило Романович, в ответ на обещание никогда не враждовать с галицким князем, решил вернуть ему Киев, тот не захотел этим воспользоваться. «Михаилъ же, за страхъ Татарьскыи, не смѣ ити Кыеву»[16]. После ухода Михаила Всеволодовича Киев занял князь смоленский Ростислав Мстиславич, однако вскоре его изгнал оттуда Данило Романович и посадил в нем опытного воеводу Дмитрия.

Осенью 1240 г. к Киеву подошел Батый «въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомъ силы своей». Город был окружен и осажден; «и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ». Киевский летописец, современник, а может быть, и свидетель этих событий, чрезвычайно образно описал появление огромного войска у стен Киева. «И бѣ Батый у города и отроци его обѣседяху градъ, и не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ, его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания отъ гласа стадъ конь его»[17]. Во время одной из вылазок киевлянам удалось захватить пленника, некоего Товрула, который сообщил, что под Киевом собрались все силы Батыя, участвовавшие в походе на Русь. Случай беспрецедентный в завоевательской практике монголов.

Главный удар Батый приказал нанести с юга, в районе Лядских ворот. «Постави же Баты порокы городу, подълѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри; порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны»[18]. Монголо-татарам удалось захватить участок вала, но сопротивление киевлян было настолько решительным («и взнидоша горожани на избытые стены и ту бѣаше видити ломъ копѣины и щетъ скѣпание, стрѣлы омрачиша свѣтъ побъженымъ»)[19], что Батый вынужден был дать войску передышку. «И сѣдоша того дне и нощи»,— замечает летописец. На следующий день бой разгорелся с новой силой. Киевляне успели укрепиться на линии валов Города Владимира. Они отстаивали каждую улицу, каждый дом, но силы были слишком неравные. Прорвав укрепления в районе Софийских ворот (от чего они получили еще и название Батыевых), монголы окружили последних защитников Киева в Десятинной церкви. Число людей, сбежавшихся в Десятинную церковь, летописец определяет тем, что от их тяжести обвали-

[16] ПСРЛ, т. 2, стб. 783.
[17] Там же, стб. 784.
[18] Там же, стб. 785.
[19] Там же.

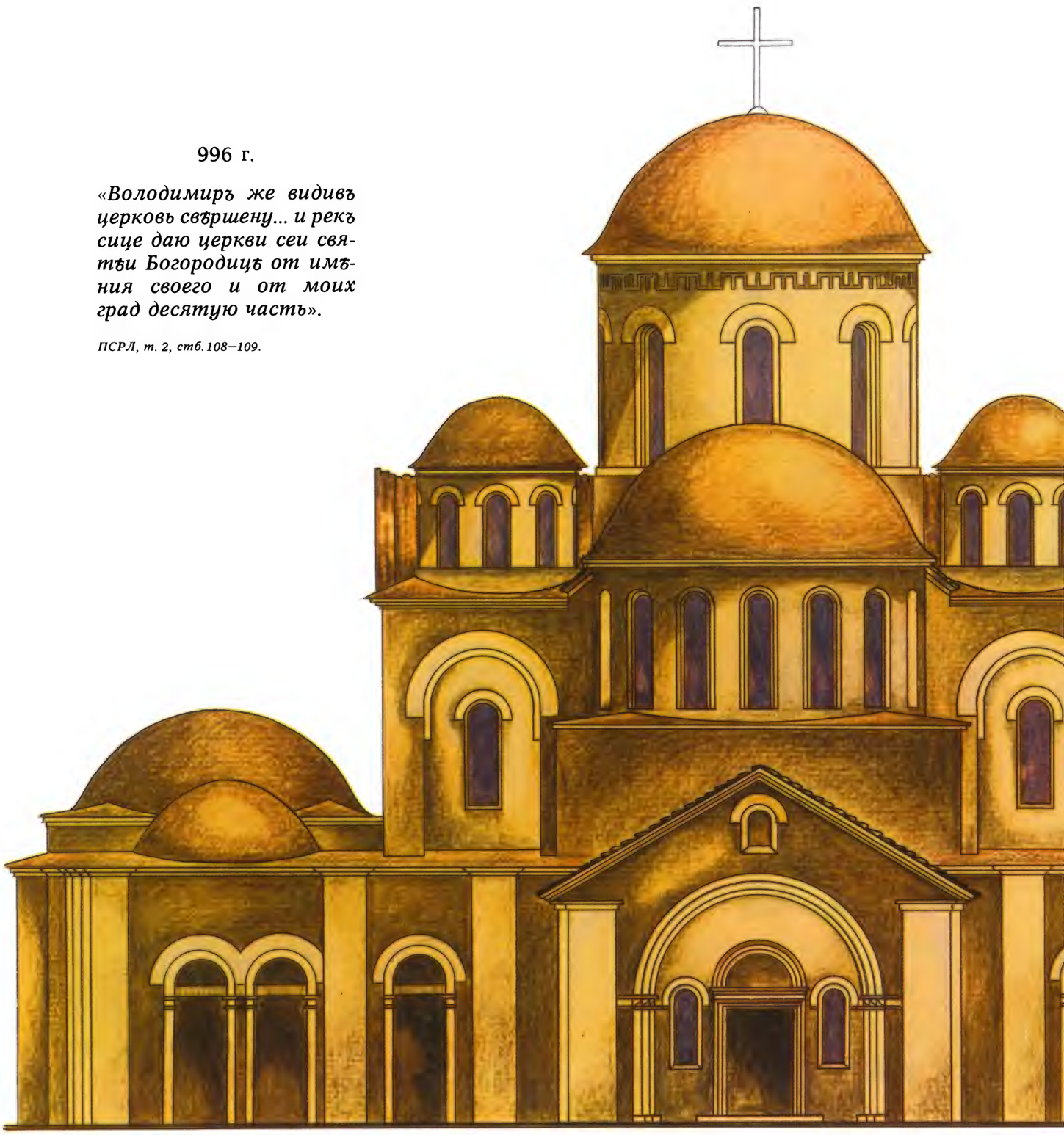
лись хоры и стены. «Людем же узбѣгшимъ на церковъ и на комаръ церковныя, и с товары своими отъ тягости повалишася с ними стѣны церковныя»[20]. Видимо, все же церковь обрушилась не от большого количества сбежавшихся в нее людей, а от ударов монгольских «пороков».

О продолжительности осады Киева, а также о точной дате его падения в письменных источниках сохранились различные сведения. Ипатьевская летопись, наиболее полно и содержательно рассказывающая об этом событии, вообще не приводит точных дат. Лаврентьевская сообщает, что Киев был взят монголами на Николин день, или 6 декабря 1240 г. В Псковской 3-й летописи дается другая дата постигшей Киев катастрофы — 19 ноября, но зато указывается продолжительность осады — 10 недель и 4 дня. «Того же лета приидоша татарове к Киеву сентября 5, и стояша под Киевом 10 недель и 4 дни, и едва взяша и ноября в 19, в понедельник». Рашид ад-Дин сообщает, что татары овладели великим русским городом Макерфааном, под которым исследователи подразумевают Киев, в десять дней, а Плано Карпини говорит о том, что татары взяли столицу Руссии после долгой осады.

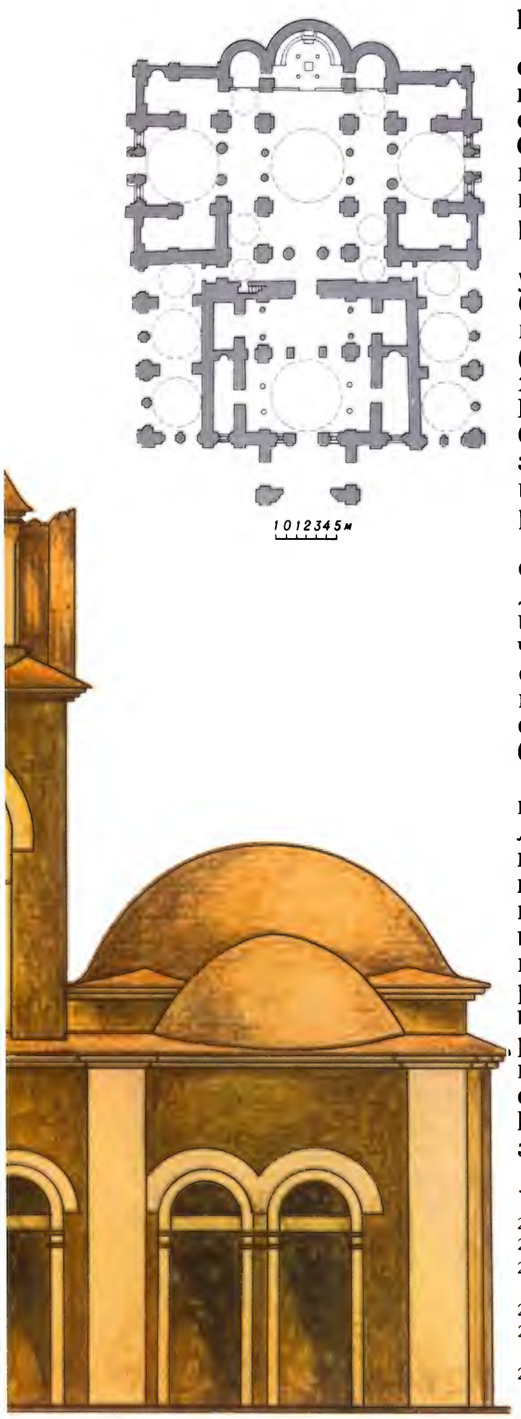
996 г.

«Володимиръ же видивъ церковь свѣршену... и рекъ сице даю церкви сеи святѣи Богородицѣ от имѣния своего и от моих град десятую часть».

ПСРЛ, т. 2, стб. 108–109.



Десятинная церковь. План и реконструкция Н. В. Холостенко.



1240.

«Людем же узбѣгшим и на церковь (Десятинную — П. Т.), и на комарѣ церковныя и с товары своими, отъ тягости повалишася с ними стѣны церковныя».

ПСРЛ, т. 2, стб 785.

Трудно сказать, в каком из этих источников содержатся наиболее достоверные данные. Однако если вспомнить, что небольшой городок Черниговской земли Козельск смог задержать у своих стен монгольскую орду на семь недель, то сообщения о большой продолжительности осады Киева, имевшего, по тем временам, первоклассную крепость, не должны казаться сомнительными.

Овладев городом, монголо-татары подвергли его страшному разорению. «Того же лета взяша Кыев татарове и святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы и кресты, и вся узорочье церковные взяша, а люди от мала до велика вся убиша мечем»[21]. Плано Карпини, проезжавший через Киев в ставку Батыя в 1246 г., писал, что монголы «произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный; а теперь он сведен почти ни на что, едва существует там 200 домов, а людей там держат они в самом тяжелом рабстве»[22].

Не менее ужасные картины разгрома Киева монголами открываются и во время археологических раскопок. Уже в конце XIX — начале XX в. в различных частях города были обнаружены братские могилы героических его защитников. Одна из них, вмещавшая около 2 тыс. костяков, находилась на Подоле, в районе Дорогожичей. Как считает М. К. Каргер, в этой огромной братской могиле можно видеть результат расправы татар с горожанами после взятия города[23].

В 1892 г., во время земляных работ в усадьбе № 1 по ул. Большая Владимирская, строители наткнулись на еще одну братскую могилу. Наблюдавший за этими работами И. А. Хойновский отмечал, что человеческие костяки лежали сплошным (полуметровым) пластом на протяжении 14 метров. Продолжение этой могилы было обнаружено Д. В. Милеевым на углу Владимирской и Трехсвятительской (теперь Десятинной) улиц. Согласно И. А. Хойновскому, огромное количество костяков, заполнивших ров, оказалось здесь потому, «что монголы, избив киевлян в последний час борьбы, снесли их тела в этот ров и присыпали землей»[24].

Третью братскую могилу раскопал В. В. Хвойка к востоку от развалин Десятинной церкви, рядом с остатками княжеского дворца над Андреевским узвозом. В ней, по словам самого исследователя, было обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны. Над этой грудой костяков на небольшом расстоянии от поверхности земли лежал скелет татарина, череп которого был рассечен боевым топором[25].

Могила, близкая к описанным, была обнаружена и во время раскопок Зверинецких пещер. На полу галереи, в различных ее участках, лежали в беспорядке человеческие костяки. Больше всего их было в келиях и нишах, расположенных вблизи выхода из пещер. И. Каманин полагал, что в Зверинецких пещерах погибли монахи Выдубецкого монастыря и жители южной окраины Киева во время половецкого погрома 1096 г. Однако страшная трагедия Зверинецких пещер разыгралась не тогда. Кратковременный наезд половцев не мог истребить всю выдубецкую окраину. Беда таких огромных размеров случилась позже, в декабре 1240 г. Перед взятием центральной части Киева монголо-татары уничтожили его окольные районы. Именно тогда, очевидно, и погибли жители Выдубичей. Спасаясь от смерти, они заполнили галереи подземного монастыря. Монгольские варвары засыпали входы

---

[20] ПСРЛ, т. 2, стб. 785.
[21] Там же, т. 1, стб. 470.
[22] *Де Плано Карпини Иоанн.* История монголов. Пер. А. И. Маленина. Спб, 1911, с. 25.
[23] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 506.
[24] *Хойновский И. А.* Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. К., 1893, с. 16, табл. 1, рис. 2.
[25] *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913, с. 75.

Киевская семья, погибшая в декабре 1240 г. Раскопки 1973 г.

в подземелья и все, кто там был, погибли от нехватки воздуха, воды и продуктов питания. Когда же страшный смерч пронесся над Киевом, некому было расчищать входы в Зверинецкие пещеры и хоронить тела.

Братские могилы — наиболее яркие, но далеко не единственные документы страшной катастрофы, постигшей Киев в 1240 г. К их числу также относятся сожженные дома и мастерские, разрушенные дворцы и храмы, богатейшие клады золотых и серебряных украшений, обнаруживаемые археологами в различных районах Киева. Нередко под толстым слоем

---

[26] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, гл. VII, IX.

[27] Килиевич С. Р. Раскопки на территории великого княжьего двора XI—XIII вв. в Киеве.— В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 280.

* О том, в каком состоянии находился, например, Успенский собор Печерского монастыря, свидетельствует надгробие Киевского князя Симеона Олельковича (умер в 1471 г.): «Посетитель! Каким образом ты видишь это великое здание? Каким образом ты осматриваешь это художественно воздвигнутое сооружение? Двести тридцать три года тому назад здесь были только обломки камней, когда церкви Батыем лишены были своей красоты. Оно воздвигнуто было иждивением князя Симеона в честь Бога Пречистой Его Матери» (Сб. материалов для исторической топографии Киева. К., 1874, отд. 2, с. 28—29).

[28] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище, с. 18, 34—47, 137.

[29] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 513.

[30] *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства, с. 329.

[31] *Юра Р. О.* Древній Колодяжин.— АП ІА АН УРСР, т. 12. К., 1962, с. 59—120.

[32] *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— Тез. докл. совет. делегации на I Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965.

[33] *Греков Б. Д., Якубовский А.* Золотая Орда. Л., 1937, с. 178

[34] *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории, т. 1. Спб., 1861, с. 16.

[35] *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. Спб., 1888.

пожарища, в домах и возле них покоятся человеческие костяки. Ряд таких памятников был раскопан М. К. Каргером в Городе Владимира и на территории Михайловского монастыря[26], а также Киевской экспедицией последних лет на Старокиевской горе и возле фуникулера. Особенно наглядно трагическую судьбу Киева и его жителей показывает дом, исследованный С. Р. Килиевич неподалеку от древней Трехсвятительской церкви. На его полу, среди завала обожженной глины и угля, обнаружено десять костяков — мужских, женских и детских. Следы травм на черепах, а также на других частях скелетов свидетельствуют о насильственной смерти, постигшей эту киевскую семью. Археологический материал, находящийся тут же, не оставляет сомнения в том, что случилось это в декабрьские дни 1240 г.[27]

Своеобразным памятником трагической борьбы киевлян с врагом может служить и глубокий, до 5 м, тайник, открытый под развалинами Десятинной церкви. В нем были обнаружены кости четырех человеческих скелетов. На дне стояли два заступа, которыми люди, находившиеся в церкви, видимо, пытались прорыть себе ход под землей в сторону Днепра. Трагическая картина гибели в нем людей представляет одну из наиболее ярких иллюстраций к летописному рассказу о последних часах обороны древнего Киева.

Приведенные материалы, а их круг можно было бы и расширить, с документальной точностью подтверждают красочный рассказ Суздальской летописи о монгольском разгроме Киева. Только люди, незнакомые с этими археологическими документами или намеренно игнорирующие их, могут усматривать в письменных известиях о зверствах батыевой орды преувеличения очевидцев. Не спасают положение и ссылки на то, что после монгольского разгрома в Киеве продолжали действовать Софийский, Михайловский Златоверхий, Выдубецкий и Печерский храмы, а Плано Карпини видел в нем в 1246 г. уже около 200 дворов. Речь идет ведь не о заштатном древнерусском городке, а об огромном средневековом центре. Конечно, монголы не смели его с лица земли и не прервали всех его исторических традиций, но действительно свели «ни на что». Из более чем 40 монументальных сооружений Киева уцелело (да и то в сильно поврежденном виде) только 5—6 *, из 8 тыс. дворов — 200 (и те, видимо, были отстроены между 1240—1246 гг.), а из 50-тысячного населения осталось не более 2 тыс. В ряде районов древнего Киева, в частности центральном, жизнь возродилась только спустя несколько веков. Прекратило существование блестящее киевское ремесло, на высокой ноте оборвалась «песнь» древнекиевских зодчих и художников, литераторов и летописцев. В своем развитии Киев оказался отброшенным на несколько веков назад.

Из Киева главные силы Батыя двинулись на Владимир и Галич, в то время как другие отряды монголов вторглись в юго-западные районы Руси. С огнем и мечом шли они по Киевской земле. Раскопки Вышгорода и Белгорода, городищ по Тетереву, Случи, Горыни, Южному Бугу и другим речкам воспроизводят картины героической обороны и гибели этих центров. На всех них археологи видят мощные слои пожарищ; под крепостными стенами, сожженными домами, а то и просто на улицах и площадях обнаружено сотни человеческих костяков, обилие орудий труда, инструментов ремесленников, предметов вооружения, украшения.

Особенно ярким примером трагической гибели небольших южнорусских городов может быть городище Райки на Житомирщине. Раскопанное полностью, оно дало возможность с исключительной точностью представить всю полноту несчастья, постигшего его жителей. По-видимому, никто из них не остался в живых. Мужчины пали в жестокой битве с монголо-татарами, женщины и дети сгорели в своих домах или были вырезаны врагом. На городище по существу не было места, где бы не лежали человеческие костяки; ими усеяна вся свободная от построек площадь, они находились также в сгоревших домах и около них. Картину полного уничтожения Райковецкого городища дополняют скелеты домашних животных (коров, коней, свиней, овец), погибших в огне, остатки сбруи, ремесленных изделий и сельскохозяйственного инвентаря, навсегда оставшихся лежать рядом со своими владельцами. Жизнь на этом городище больше не возрождалась[28].

В свое время М. К. Каргер, полемизируя с буржуазно-националистическими историками о роли монголо-татар в истории Древней Руси, высказал мнение, что в летописных рассказах о хозяйничании татар в захваченных ими городах нельзя не обратить внимания на различное отношение победителей к городам в зависимости от степени оказанного сопротивления. Быстро сдавшиеся города отделывались, по-видимому, разграблением населения и особенно богатых монастырей и храмов. Однако такие города, как полагает М. К. Каргер, на Руси татары встречали редко[29]. В недавно вышедшей работе Л. Н. Гумилева повторена эта же мысль, но по-другому расставлены акценты. Заявив, что монголы не намного уменьшили русский военный потенциал, и приводя в пример из пострадавших городов только Рязань, Владимир, Суздаль, Торжок и Козельск, он утверждает: «прочие (большинство.— *П. Т.*) города сдались на капитуляцию и были пощажены»[30].

По всей вероятности, на пути продвижения монгольских орд уцелели только те города, которыми врагу не удалось овладеть. Судьба же взятых монголами горо-

---

[36] *Маркс К.* Тайная дипломатия XVIII века.— Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 219—232.

[37] *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси, с. 191—200.

Боевое снаряжение древнерусского воина. Реконструкция П. П. Толочко.

Для реконструкции снаряжения использованы: шлем, найденный на Райковецком городище; кольчуга, обнаруженная на Волыни; изображение щита, высеченное на каменном рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском; меч, найденный на дне реки при строительстве Днепрогеса; ножны из погребения в Десятинной церкви; копье из раскопок Киева 1972 г.; сапоги из раскопок 1948 г. в Новгороде на Ярославовом дворище.

дов (хитростью, обманом или силой) была одинакова. Доказательством этому является Колодяжин, капитулировавший после непродолжительной осады и уничтоженный до основания монголами. Об этом говорит летопись: «они же (колодяженцы.— *П. Т.*) послушавшие злого совета его, передашася и сами избити быша», это же подтверждают и археологические раскопки. Все постройки Колодяжина погибли в огне; население было вырезано. Монголы не пощадили даже детей, костяки которых неоднократно обнаруживали во время раскопок. В Колодяжине погибло не только население городка, но и жители близлежащей округи, укрывавшиеся за его мощными валами[31].

Такая же участь постигла и расположенный на киевско-волынском пограничье Изяславль. Раскопки М. К. Каргера показали, что город прекратил свое существование в результате монголо-татарского нашествия[32].

Мы не говорим обо всех центрах Киевской земли, погибших в годы монголо-татарского нашествия. Да вряд ли в этом есть необходимость. И без того видно, как монгольские завоеватели разорили одну из наиболее развитых и передовых земель Древней Руси. Нет, они не смогли уничтожить здесь все население или смести его, как это утверждали представители школы Погодина, но значительно задержали экономическое и культурное развитие Среднего Поднепровья. Никакого «общинного строя», как пытались показать буржуазно-националистические историки, монголы не принесли и не могли принести. Б. Д. Греков по этому поводу замечал, что Грушевский не только допустил здесь серьезное насилие над источниками, но и в своих предположениях разошелся с хорошо известными нам фактами: татары нигде не меняют общественного строя завоеванных земель да и едва ли в силах были это сделать[33]. Строй остался прежним, но развитие его было заторможено.

На это обстоятельство указывал в свое время Н. И. Костомаров: «Русь, парализованная нашествием и порабощением, со своим удельным укладом, продолжала около века движение на прежний лад, не имея ни сил переменить этот лад, ни освободиться от этого кошмара»[34].

Яркую картину состояния завоеванных монголами земель, находящую документальное подтверждение в археологических источниках, нарисовал современник нашествия Батыя, архимандрит Киево-Печерского монастыря Серапион, ставший затем владимиро-суздальским епископом. Он писал: «Кровь и отець и братия нашея, акы вода многа, землю напои... мьножайша же братия и чада наша в плен ведени быша: села наша лядиною поростоша... богатство наше онем в корысть бысть; труд наш погании наследоваша; землю нашу иноплеменникомь в достояние бысть»[35].

Монгольское нашествие и порабощение Киевской земли, как и других районов Руси, представляют один из наиболее тяжелых периодов ее истории. Монгольское иго, по определению К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой». На Руси был установлен «режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства»[36]. Поход Батыя, что очень хорошо показал Л. В. Черепнин, был лишь одним из звеньев длинной цепи татарских нападений, продолжавшихся всю вторую половину XIII и в последующие века[37]. Только в последней четверти XIII в., согласно подсчетам В. В. Каргалова, монголы предприняли 15 походов на Русь, сопровождавшихся разорением и убийствами[38]. Особенно сильно страдали земли Южной Руси, находившиеся в непосредственной близости от мест монголо-татарских кочевий. Постоянная опасность, убийства и угон в рабство людей вынуждало население Киевщины и Переяславщины бросать свои места и бежать в более безопасные районы. Такими было Полесье, земли Северо-Восточной Руси, а также Галиция. В летописной статье 1259 г., рассказывающей о том, что в Галицкое княжество «ис татаръ» «бѣжаху... сѣдѣлници и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру», среди мастеров других народов названы и русские («и Русь»)[39]. Вряд ли может быть сомнение в том, что под выражением «ис татар» следует понимать разоренные и порабощенные монголами южнорусские земли. Отток из Поднепровья населения, и без того немногочисленного, отрицательно сказывался на экономическом, культурном и политическом развитии Киевской земли.

Исследователи неоднократно отмечали, что монгольское порабощение было фактором, который мешал политическому объединению отдельных земель и содействовал консервации феодальной раздробленности[40]. Монголы не только значительно ослабили материальный и духовный потенциал русских земель, но и разорвали те нити, которыми они были связаны раньше. Из общерусского исторического процесса были исключены целые области и прежде всего Среднее Поднепровье, где на долгое время установилось иноземное господство, сначала монгольское, а затем литовское и польское. Потребовались века, чтобы восторжествовала историческая справедливость и насильно разорванные восточнославянские земли снова объединились в едином государстве.

---

[38] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси, с. 171.
[39] ПСРЛ, т. 2, стб. 843.
[40] *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси, с. 200

Заключение

Мы проследили развитие Киева и Киевской земли в эпоху феодальной раздробленности Руси. В целом оно было прогрессивным, свидетельствующим об углублении процессов феодализации края, укреплении вотчинного хозяйства и роста городов.

Анализ письменных и археологических источников, которых особенно много появилось за последнее десятилетие, позволяет придти к обоснованному выводу о высоком уровне экономического и культурного развития главного города земли — Киева. Являясь одним из крупнейших центров феодального землевладения, значительным ремесленным и торговым средоточием Руси, он не только не переживал в период феодальной раздробленности упадка, но, продолжая свое поступательное развитие, находился в ряду передовых городов средневековой Европы. Согласно расчетам, основанным на археологических данных, Киев XII—XIII вв. занимал площадь около 360—380 га, а его население равнялось 50 тыс. человек.

Наблюдения над различными формами материальной культуры древнего Киева показывает, что в них преобладали общерусские черты. Сказанное в такой же степени относится и к массовому городскому строительству, в котором, как полагали многие исследователи, особенно ярко проявились своеобразие и непохожесть Киева на другие древнерусские города. Обнаружение срубной застройки киевского Подола явилось надежным свидетельством общности историко-архитектурного развития древней столицы Руси, городов Новгорода, Пскова, Смоленска, Минска, Бреста и др.

Общественно-политические отношения в древнем Киеве XII—XIII вв., как и в других крупнейших городских центрах Руси, отличались сложностью и противоречивостью. Активизация вечевой деятельности свидетельствовала об усилении киевского боярства и его стремлении поставить под свой контроль княжескую власть. Объективно большой общественной силой в Киеве, вынуждавшей иногда считаться с собой феодальные верхи, были народные массы. На усиление эксплуатации, стяжательство ростовщиков, бесконтрольность княжеских тиунов и мечников простое население Киева и Киевской земли отвечало классовой борьбой, достигавшей в отдельные периоды большого накала. Народные движения, несмотря на стихийность, имели огромное историческое значение. Они содействовали прогрессивным изменениям в жизни древнего Киева и земли.

Археологические исследования, осуществленные в различных центрах Киевской земли, показали, что наивысшее их развитие приходится на XII—XIII вв. В это время появляется много новых населенных пунктов, главным образом феодальных замков и сел, отражающих рост и укрепление вотчинного хозяйства.

Историческое развитие Киева и Киевской земли XII—XIII вв. свидетельствует о глубоких закономерностях процессов феодального дробления Руси, обусловивших расчленение ее на отдельные княжества. Вместе с тем в нем отразились не только центробежные тенденции. Политическая раздробленность, будучи явлением исторически закономерным в жизни Древней Руси, породила и свою противоположность — центростремительные тенденции. Они отчетливо прослеживаются в различных областях древнерусской жизни XII—XIII вв.— в экономике, политике, культуре.

В течение всего периода феодальной раздробленности шла упорная борьба между процессами разъединительными и объединительными, находившая выражение в постоянных столкновениях интересов различных княжеских группировок, стремившихся к достижению общерусского старшинства. Вплоть до 60-х годов XII в. необходимыми условиями признания руководящего положения того или иного князя (княжеской группировки) было обладание Киевом, в связи с чем древняя столица Руси в это время выступала представительницей объединяющего начала в историческом развитии древнерусских земель. И позднее, когда на роль объединяющих центров Руси начали реально претендовать Суздаль, Владимир-на-Клязьме, Чернигов и Галич, древний Киев по-прежнему являлся одним из символов общерусского единства.

В отличие от большинства земель Руси, Киевская не выделилась в независимую наследственную вотчину какой-либо княжеской династии, а на протяжении всего периода феодальной раздробленности рассматривалась как общеродовое наследие всех князей. В связи с этим и после потери Киевом былого политического значения он и подвластный ему домен находились в фокусе интересов многих древнерусских князей. Сильные удельные владетели зорко следили за ситуацией, складывавшейся на юге Руси, и неизменно добивались доли собственности в Киевской земле. Развитие различных форм соправительства на киевском столе привело в конечном итоге к тому, что Киев и Киевская земля, как уже отмечалось в литературе, стали объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей.

В большой притягательной силе Киева XII—XIII вв., несомненно, сказывалась прежде всего традиция его прежнего политического значения. Не последнюю роль здесь играли и те реальные (прежде всего экономические) преимущества, которые получали князья, овладевшие киевским столом. В их руках оказывался один из крупнейших городов Руси, а также обширная и богатая Киевская земля.

При определении места и роли Киева в политическом развитии феодально-раздробленной Руси необходимо учитывать и то, что он продолжал оставаться общерусской церковной столицей.

Поступательное экономическое и историко-культурное развитие Киева и Киевской земли было насильственно прервано монголо-татарским нашествием.

Список сокращений

АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП ІА АН УРСР — Археологічні пам'ятки Інституту археології Академії наук УРСР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВИА — Вестник истории и археологии
ВИ — Вопросы истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ГИИИ — Государственный институт истории искусств
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
Известия ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КС — Киевская старина
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПИ — Проблемы источниковедения
ПСРЛ — Полное собрание Русских летописей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института Русской литературы Академии наук СССР
Труды АС — Труды I—XV археологических съездов
УІЖ — Український історичний журнал
ЧВИОНЛ — Чтение в Историческом обществе Нестора летописца

Summary

The monograph consisting of a preface, six chapters and a conclusion deals with the problems of socio-economic and political development of Kiev, its role in the history of Old Rus in the 12th-13th centuries, socio-economic characteristic and classification of main centres of the Kiev land, determination of its boundaries and political status in the system of the Russian lands-principalities. Considerable attention is paid to the problems of political history, problem of the Old Rus nationality, role of the Mongol-Tartar invasion in the life of Kiev and Kiev land.

Historiography and Sources

An attempt was made to study the problems of historical development of Kiev and Kiev land within the framework of the period of feudal division of Old Rus. This period was understood and estimated in the home historiography from different points of view. Some historians considered it to be the time of final disintegration of Kiev Rus into independent principalities and republics when Kiev lost its importance as a capital centre, the time of regress in economic and cultural life of the country. Others supposed that the unity of the Old Russian lands was maintained during these centuries (12th-13th) as well. In spite of unlikeness and discrepancy of conclusions made by such historians as N. Karamzin, S. Solov'ev, N. Kostomarov, V. Kljuchevskij and others on the forms of the Rus state system in the 12th – 13th centuries, practically none of them had any doubt that due to a number of reasons (displacement of commercial routes, cessation of rendering tribute to Kiev, constant danger of invasion of Polovtsy) Kiev and all the Middle Dnieper area gradually fell into decay.

Studies of historical processes in Rus during the period of feudal division in their whole dialectical complexity performed by Soviet historians made it possible not only to determine socio-economic conditions for existence of centrifugal phenomena (this subject is most completely and thoroughly developed by B. A. Rybakov), but to pay attention to the tendencies of the Old Rus lands unity (A. N. Nasonov, V. T. Pashuto, V. I. Dovzhenok, I. B. Grekov).

In the present research based on the written and archaeological sources the author also tried to take into account the dialectics of historical development of Rus in the 12th-13th centuries, supposing that it was characterized not only by centrifugal but also by centripetal tendencies.

Economic Position of Kiev

The problems of economic development of Kiev (Kiev land) are in the centre of the studies of the epoch of the Old Rus feudal division. The Soviet scientists engaged in historiography have been fully aware of the interrelation of these problems but the solution of these problems has not been always based on the established facts. Thus, in spite of the essential successes of archaeological study of Kiev, the material sources have not been enlisted properly yet in the historical literature. This explains those contradictory estimates of the Kiev economic position in the 12th-13th centuries, which are encountered in the works and researches on the Old Rus architecture, art, literature.

The scientists (A. Bunin, A. Gushchin, G. Korzukhina and others), who assumed the direct and binding relation between the political and economical position of Kiev and considered the period of the Rus feudal division, particularly of Southern Rus, to be the time of its decay, came to the conclusion that simultaneously with the weakening of the Kiev political power its economics was also on the decline. Construction was curtailed, handicraft and trade fell into decay due to the displacement of commercial routes.

In fact, the displacement of international commercial routes had no decisive influence on the Kiev development. Trade was essential but not determinant in the city economics. Moreover, as evidenced by sources, Kiev in the 12th-13th centuries continued maintaining lively trade relations with the home and international markets.

Studies of different branches of the Kiev handicraft production shows that in the

12th – 13th centuries it was not only decaying or stagnating but, vice versa, continued developing in the line of ascent.

Agricultural production of old Kiev was also one of the most important sides of its economic basis, but it is not always taken into account. Princes, big land aristocracy, body-guards clergymen, who exploited peasants' labour, provided for an infinite flux of treasures to Kiev and this made it one of the main economic centres of the country.

Monumental construction, the scales of which did not yield to those in such rapidly growing cities as Novgorod and Smolensk, evidences for a progressive development of Kiev in the 12th-13th centuries.

The mass civil architecture, as the new archaeological discoveries in Podol have shown, was represented by the framework overground buildings rather than light semimud-huts.

The materials obtained show the extreme closeness and similarity of the mass civil architecture of ancient Kiev with the architecture of Novgorod, Staraja Ladoga, Pskov, Minsk, Brest and other cities of Rus.

In the 12th – 13th centuries Kiev became the largest city of Rus whose area was 380 ha and population numbered 30 thousand people.

Socio-Political Relations

The chapter deals with the problems of social nature and place of the vetche in the Kiev administrative structure as well as with the reasons, motive forces and class character of popular uprisings.

An analysis of annalistic information on the Kiev vetche activities convinces that this state institution which had taken still root in the pre-state period was not the organ of people sovereignity and wide participation of democratic lower strata in the state government. The leading role and representation preference in the vetche belonged to the feudal upper strata of the ancient Kiev Society.

Medieval Kiev, as the materials of written sources show, was involved into continuous revolts. In response to the strengthening of feudal exploitation the masses came out against this strengthening, against the concrete culprits of their severe position. The revolts of Kievites accompanied by the complete rout of feudal country estates, court-yards of princes administration and violence with the most hated representatives of the ruling estate were of class nature.

Kiev Land

In the period of feudal division of Rus when the territorial boundaries of most principalities were fixed, the Kiev land which did not turn into any prince's patrimony and was considered ancestral lands common to all the princes, continuously changed its frontiers. The Kiev estate lands were studied both around Kiev and in certain periods in some remote principalities. Sometimes, due to distribution of the Kiev volosts among junior princes and often among strong independent sovereigns who constantly pretended to the share in the "Russian land", the estate of Kiev proper was reduced.

The chapter deals with an attempt to outline the boundaries of the Kiev land and with the characteristic of its main centres. The sources available make it possible to come to a conclusion on a progressive historical, cultural and economic development of the Kiev land in the 12th-13th centuries.

Attention is also paid to a new direction in studying the Old Rus settlements, to problems of their social typology and classification. The research proceeds from the facts that, firstly the role of the towns during the whole history of Old Rus was not identical, and, secondly, that their leading and determining functions were also different.

In some cases the development of a town centre was determined by handicraft production, in other cases either by trade or by handicraft in combination with trade, or by agriculture or administrative and cultural focus of the neighbourhood.

Kiev and Rus

Political history of Rus in the epoch of feudal division with its complex and intricate system of relations among princes, unceasing intestine wars and unifying conventions of princes, constant danger from the side of Polovtsy and "crusades" to the steppe cannot be completely understood without finding out the real role of Kiev and its domain in the system of feudal lands-principalities. The experience of home historiography convinces that solution of such an important problem cannot be alternative: either a complete decay or capital position. Under the changed historical conditions Kiev did not retain its former political significance but it did not turn into an ordinary centre of a usual principality.

The analysis of political development of Rus in the 12th – 13th centuries shows that at that time Kiev really lost its former political importance. But this should not be connected with the absolute decay. The question is in the relative weakening of Kiev due to economic and political strengthening of Chernigov, Smolensk, Novgorod, Vladimir (Smolenskij), Galich.

Feudal conventions of princes were one of the most important factors of political development of Kiev and Rus in the period of feudal division. According to Grekov's fair opinion, they really proved to be incapable of reconciling the interests of feudal rulers, but played a positive role in the cause of the Old Rus principalities unification against the foreign menace of war and in development of the common Russian feudal law norms.

The ethnic development of Rus in the 12th – 13th centuries proceeded as consolidation of a single Old Rus nationality with Kiev as a historical centre. Consciousness of common origin and development, sense of territorial integrity, common language, culture, faith – everything this stipulated the growing demand for overcoming political separatism of the Rus principalities and restoration of the Rus state unity.

Kiev and Mongol-Tartar Invasion

The reactionary essence of the Mongol-Tartar aggressive campaigns is shown in the works by B. Grekov, B. Rybakov, A. Nasonov, V. Pashuto, L. Cherepnin and other Soviet historians. The attempts to belittle the negative influence of the Mongol invasion for Rus made earlier (V. Antonovich, M. Grushevskij) and available now (L. Gumilev) are not confirmed by any reliable facts.

Archaeological studies of Kiev and other towns of the Kiev land reproduce the pictures of heroical defence and downfall of these centres. In Kiev, in different parts of the city, the communal graves of its defenders were opened which numbered several thousands of skeletons. Not less terrible pictures of the Old Rus centres destruction by Mongols are demonstrated by the excavations of the Rajkovatsian site, Kolodjazhin, Izjaslavl', and other sites of ancient towns.

As the result of the Mongol-Tartar invasion, accompanied by murders, driving population to slavery, ravage of towns and villages, the material and spiritual potential of Southern Rus and, first of all, Kiev land was strongly undermined and progressive economic as well as historical and cultural development was stopped by force.

Conclusion

The historical development of Kiev and the Kiev land in the 12th-13th centuries evidences for the deep regularities of the processes of feudal division of Rus which stipulated its dismemberment into separate principalities. Simultaneously it reflected not only centrifugal tendencies. Political division as a historical phenomenon resulted in its opposition – centripetal tendencies which are clearly pronounced in all the spheres of the Old Rus life. During the whole period of feudal division Kiev was one of the symbols of All-Rus unity.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ
6

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ
10–11

Историография
12

Источники
21

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИЕВА
37

Источники экономического развития Киева
39

Городское строительство
67

Демографический очерк. Размеры городской территории и количество жителей Киева XII–XIII вв.
87

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВЕ
91

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ
113

Территория и границы
114

Основные центры Киевской земли
131

Типология и классификация населенных пунктов Киевщины
160

КИЕВ И РУСЬ
165

Политическое положение Киева и Киевской земли
166

Феодальные княжеские съезды. Их место и роль в политической системе Руси
187

Этническое развитие Руси XII–XIII вв. и место в нем Киевской земли
190

Место церкви в политической системе древнерусских княжеств в XII–XIII вв.
199

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ И МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ
207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
218

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
219

SUMMARY
220

П. П. ТОЛОЧКО

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ XII–XIII ВЕКОВ

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ТОЛОЧКО

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ XII–XIII ВЕКОВ

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редактор *В. А. Годлевская*
Художественный редактор *Л. И. Андриевский*
Технический редактор *М. А. Притыкина*
Корректоры *Е. Н. Межерицкая, А. С. Улезко, В. Н. Божок*

Информ. бланк № 607.
Сдано в набор 11.03.79. Подп. в печ. 22.07.80. БФ 00113. Формат 70×90/8. Бумага люксоарт. Гарн. конкорд. Офсет. Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 30,02. Тираж 15 000 экз. Зак. 9–703. Цена 7 руб. 20 коп.

Издательство «Наукова думка», 252601,
Киев, ГСП, Репина, 3.

Головное предприятие
республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, 252057,
Киев-57, Довженко, 3.

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ XII-XIII ВЕКОВ

П. П. ТОЛОЧКО

КИЕВ И КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ XII–XIII ВЕКОВ